

3 (42)

2018

ISSN 2071-0437 (Online)

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (42)
2018**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), академ. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., академ. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им. М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин, проф. (Германия);
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки, проф. (Финляндия); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга, проф. (США);
Логвин В.Н., д.и.н., Сургутский госуниверситет, проф.; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет, проф.;
Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Валь Й., Dr. rer. nat., Общ-во охраны памятников Штутгарта, проф. (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония), проф.; Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Миненко Н.А., д.и.н., Уральский госуниверситет, проф.; Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка, проф. (США);
Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина, проф. (Ирландия); Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет, проф.;
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство Эл № ФС 77-71754 от 8 декабря 2017 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (42)
2018**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Logvin V.N., Doctor of History, Professor, University of Surgut
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera

Editorial staff:

Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS
Wahl J., Dr. rer. nat., Professor, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS;
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Minenko N.A., Doctor of History, Professor, Ural federal university
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

Содержание

Археология

Еньшин Д.Н., Скочина С.Н. Промыслово-хозяйственная деятельность раннеолитического населения оз. Мергень как стратегия адаптации к окружающей среде (по материалам поселения Мергень 6).....	5
Папин Д.В., Степанова Н.Ф., Федорук А.С. Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья как источник для реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия	19
Костомаров В.М. К вопросу о стратегиях освоения пространства носителей пахомовской традиции Зауралья	32
Илюшина В.В. Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1 (по результатам работ 2013–2014 гг.)	41
Аношко О.М. Базарный раскоп в Тобольске	53
Адамов А.А. Атлас Тобольской губернии 1806 г. — источник для поиска могилы Ермака или фальсификация его автора?.....	65

Антропология

Пугачева Е.В. Краниологические материалы Центрального Кавказа XII–XIX вв.	72
Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К. Этнографическая область Мианкаль в составе Большого Согда	79
Худавердян А.Ю., Енгибарян А.А., Оганесян А.А., Обосян С.Г. Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения).....	93

Этнология

Виноградов И.А. Ритуалы жертвенных подношений у индейцев майя покомчи	118
Бауло А.В. Атрибут селькупского шамана с изображением мамонта	128
Хасанова З.Ф. Кухонная утварь башкир Инзерского бассейна в конце XIX — начале XXI в.	133
Тадина Н.А. От родовых «камней» алтайцев до памятных знаков Республики Алтай.....	142
Ершов М.Ф. Социокультурные изменения у обских угров на рубеже XIX–XX вв.	151
Адаев В.Н. Трансформация культуры: современные материалы и технологии в жизни тундровых ненцев-оленьеводов Ямало-Ненецкого автономного округа	158
Волжанина Е.А. Уровень образования и структура занятости ненцев Ямала в XX — начале XXI в.....	169
Агапов М.Г. «Яптик-сити»: в поисках идентичности северного села	181
Информация для авторов	192
Список сокращений	194

На передней стороне обложки: бронзовая шейная подвесная печать, Базарный раскоп в г. Тобольске; группа шаманов после проведения ритуала в пещере Читуль (Гватемала), фото Лингвистического сообщества покомчи; сосуд журавлевского типа, городище Борки 1 (Нижнее Приишимье).

Contents

Archaeology

Enshin D.N., Skochina S.N. Economic activity of the Early Neolithic population having resided around Lake Mergen as a strategy of adaptation to the environment (based on the materials of the Mergen 6 settlement)	5
Papin D.V., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. Late Bronze Age ceramics from a steppe region between the Ob and Irtysh rivers as a source for reconstructing ethnocultural interaction processes	19
Kostomarov V.M. To the question of spatial development strategies used by Pakhomovo people in the Trans-Ural region.....	32
Ilyushina V.V. Zhuravlevo ceramics assemblage of the Early Iron Age from the Borki 1 settlement (according to the 2013–2014 study)	41
Anoshko O.M. The excavation of a Market place in Tobolsk	53
Adamov A.A. Tobolsk governorate map of 1806: a source for searching Ermak's grave or falsification of its author?	65

Anthropology

Pugacheva E.V. 12th–19th centuries craniological remnants from the Central Caucasus region	72
Khodzhayov T.K., Khodzhayova G.K. The ethnographic region of Miankal as part of the Big Sogd.....	79
Khudaverdyan A.Yu., Engibaryan A.A., Hovhannisyan A.A., Hobosyan S.G. A comprehensive study of the 14th–16th centuries anthropological materials from the Zarni Er Cave (Armenia)	93

Ethnology

Vinogradov I.A. Offering rituals among Poqomchi'-Maya	118
Baulo A.V. A Selkup shaman's attribute with a mammoth image.....	128
Khasanova Z.F. Kitchen utensils used by the Bashkirs in the Inzer basin in the late 19th — early 21st century.....	133
Tadina N.A. From the tribal «stones» of Altai people to the memorable signs of the Altai Republic.....	142
Ershov M.F. Manifestations of socio-cultural change in the Ob Ugrians culture at the turn of the 19th–20th centuries.....	151
Adaev V.N. Cultural transformation: modern materials and technologies in the life of the Tundra Nenets reindeer herders (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Russia)	158
Volzhanina E.A. Education and employment structure of the Yamal Nenets in the 20th — early 21st century	169
Agapov M.G. «Yaptik-City»: a northern community in search of identity	181
Memo to the authors	192
Abbreviations	194

АРХЕОЛОГИЯ

Д.Н. Еньшин, С.Н. Скочина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru;
sveta_skochina@mail.ru

ПРОМЫСЛОВО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКОГО НАСЕЛЕНИЯ оз. МЕРГЕНЬ КАК СТРАТЕГИЯ АДАПТАЦИИ К ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ 6)

Представлен анализ промыслово-хозяйственной деятельности жителей ранненеолитического поселения северо-восточного побережья оз. Мергень (Нижнее Приишимье, юг Западной Сибири) в контексте определения признаков адаптационной стратегии к окружающим природным условиям (материалы памятника Мергень 6). В качестве исходных привлечены данные исследований по климатической ситуации в начале голоцена, палеоландшафтной характеристике территории, геоморфологической позиции поселения, составу и условиям формирования археозоологической коллекции и промысловых орудийных наборов (охота, рыболовство). Совокупный анализ источников позволил составить промыслово-хозяйственную модель функционирования поселения. Ее чертами являются: основание поселения на пересечении так называемых кормящих ландшафтов (лес-степь — макроуровень, озеро-река — микроуровень), вероятный круглогодичный, стационарный характер поселения, равнозначность соотношения отраслей хозяйства (охота — рыболовство), опора в промысловой деятельности на связку «копытные — рыба», предположительный сезонный характер добычи тех или иных видов фауны. Данная модель, на наш взгляд, отражает адаптационную стратегию древнего населения, нацеленную на обеспечение устойчивости и продуктивности хозяйства. Анализ историографии также позволил констатировать, что выделенные элементы модели в целом являются общими для древних обществ с присваивающей экономикой, проживавших на территории лесной и лесостепной зон Евразии (мезолит — неолит).

Ключевые слова: ранний неолит, промыслово-хозяйственная деятельность, адаптационная стратегия, охота, рыболовство, поселение Мергень 6.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-005-018

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект № 0371-2018-0036.

Введение

Адаптационные процессы в традиционных обществах (древних и современных) по-прежнему остаются объектом пристального внимания исследователей. Во многом это объясняется тем фактом, что «лицо» археологической культуры (типа, этапа и т.д.), этноса, этнической группы, их духовная и материальная культура, хозяйственно-культурные типы являются отражением приспособления человеческих коллективов к конкретным условиям окружающей среды [Кольцов, 1998, с. 23; Сидоров, Энгватова, 1996, с. 15; Головнев, 1998]. В свою очередь, многогранность процессов, связанных с адаптацией, обуславливает сложную структуру последней. Выделяют формы, блоки, уровни, части, способы, средства адаптации и т.д. Вместе с тем большинство исследователей говорят главным образом об экономической/материальной, о социальной, культурной и биологической/природной ее сторонах [Кольцов, 1998, с. 21–23; Алексеев, 2007; Ямсков, 2009; Сатаев, 2017, с. 126]. При этом основополагающей считается деятельность хоть и охватывающая большинство из представленных сторон, но направленная на обеспечение в первую очередь потребностей биологического характера — в пище, воде, защите от неблагоприятных внешних климатических условий (одежда, жилища) и т.п. Такую деятельность в целом принято называть промыслово-хозяйственной.

Основные понятия, объекты исследования, методика

Целью настоящей работы является исследование промыслово-хозяйственной деятельности неолитического населения северо-восточного побережья оз. Мергенъ по материалам поселения Мергенъ 6. Вопросы типологии жилищ, геоморфологии поселения и ресурсного потенциала как территории, так и населения в контексте домостроительства нами подробно рассматривались в ряде работ [Еньшин, Белоногов, 2010; Еньшин, 2014; Еньшин, Скочина, 2014], поэтому основное внимание будет уделено характеристике ландшафтного окружения поселения (рельеф, климат, растительность, водные объекты), объектам промысла эксплуатируемой территории, орудийным наборам, характеризующим охоту и рыболовство. Совокупный анализ данных показателей позволит создать гипотетическую модель промыслово-хозяйственной деятельности древнего населения, годового хозяйственного цикла функционирования поселения и выявить признаки адаптационной стратегии, позволившей существовать коллективу в природно-климатических условиях атлантического периода голоцена.

Изучение элементов хозяйственной деятельности древних и современных традиционных коллективов невозможно без оценки окружающих природных комплексов (ландшафтов). Под последними понимают «закономерное сочетание компонентов природы (рельефа, климата, растительности, животного мира), которое отражает режим хозяйственного использования территории и представляет собой дифференцированную среду обитания» [Адаев, 2007а, с. 223]. Эксплуатируемые территории в этнографической и археологической литературе получили наименование экологических ниш, хозяйственно-экологических ниш, археологических микрорайонов. Смысловая нагрузка и соотношение этих понятий остаются в дискуссионном поле [Адаев, 2007b, с. 82–83; Волков, 2007, с. 119–123]. В данном исследовании, исходя из того что территория хозяйственным коллективом воспринимается через призму производственной деятельности, будем по-прежнему опираться на понятие хозяйственно-экологической ниши (ХЭН), данное Е.Н. Волковым применительно к археологическим комплексам. Под ним подразумевается комплекс природно-климатических условий, необходимых для поддержания традиционной системы жизнеобеспечения [Волков, 2007, с. 120]. ХЭН могут быть двух уровней. В данном случае территория нашего исследования соответствует первому — «комплекс ландшафтно-экологических условий, пригодный для ведения традиционного хозяйства, сложившийся в рамках ограниченной территории, полностью удовлетворяющий потребности системы жизнеобеспечения населения конкретного поселения, селища, городища и т.д.» (исследователь определяет условный радиус данной территории как не превышающий 30–50 км) [Там же, с. 121].

До настоящего времени период существования поселения Мергенъ 6 определялся в пределах первой половины V тыс. до н.э. (развитой неолит), однако значительное расширение корпуса радиоуглеродных и AMS-дат позволило скорректировать датировку и отнести его функционирование к концу VII тыс. до н.э. (Combine probabilities — 2σ (95,4 %) 6095–6060 BC, ранний неолит).

Присваивающее хозяйство зависит от продуктивности природной среды, от количества и доступности присутствующей в ней биомассы, составляющей промысловый ресурс. Определение достоверного видового и количественного показателя объектов промысла древнего населения сопряжено с большими сложностями, а чаще всего невозможно. Главная проблема заключается в отсутствии или крайне неудовлетворительной сохранности костных остатков в слоях археологических объектов. В этом отношении материалы поселения Мергенъ 6 можно считать уникальными. Остеологическая коллекция насчитывает около 8000 ед. Однако, приступая к ее анализу, нельзя не учитывать мнение исследователей, что количественный состав костей в культурном слое археологического объекта, показатель видового разнообразия и соотношение особей не документируют ни реальное количество съеденных на поселении животных, ни их соотношение [Сидоров, Энгватова, 1996, с. 21]. На формирование качественного и количественного состава остеологических коллекций древних памятников оказывает влияние множество факторов: условия переработки добычи в древности (полнота доставки на поселение, локализация утилизации остатков и т.д.) и процесса археологизации (химический состав почв, эрозионные процессы и т.д.), полнота исследованности археологического объекта и пр. Все это, на наш взгляд, позволяет воспринимать остеологические данные как отражение общей тенденции и с осторожностью подходить к интерпретациям количественных показателей. Кроме того, отпечаток накладывает многослойный характер памятников. Учитывая данный фактор, будем опираться на материалы, полученные главным образом из придонных частей котлованов неолитических жилищ, а также словес, хозяйственных и ритуальных ям, содержащих исключительно неолитическую керамику.

Рис. Орудия охоты и рыболовства поселения Мergenь 6:

1 — местоположение поселения Мergenь 6; 2, 6 — гарпуны; 3 — игольчатый наконечник стрелы, 4, 5, 7, 8 — листовидные наконечники стрел; 9 — крючок; 10 — жерлица; 11 — игла для вязания сетей; 12 — зубчатое острие; 13 — наконечник копья/дротика; 14 — заготовка для «томара» на фрагменте рога: 2–6, 11–13 — кость; 7, 8 — камень; 9, 10, 14 — рог.

Fig. Hunting and fishing tools of the Mergen 6 settlement:

1 — the location of the settlement Mergen 6; 2, 6 — harpoons; 3 — needle-shaped arrowhead, 4, 5, 7, 8 — leaf-shaped arrowheads; 9 — hook; 10 — the jail; 11 — needle for knitting networks; 12 — toothed point; 13 — the tip of the spear/dart; 14 — blank for the «Tomar» on the fragment of the horn: 2–6, 11–13 — the thickness; 7, 8 — stone; 9, 10, 14 — horn.

Анализ археозоологической коллекции выполнен П.Н. Косинцевым, А.Е. Некрасовым, А.В. Кисагуловым (Институт экологии растений и животных УрО РАН) и Н.В. Мартыновичем (Красноярский краевой краеведческий музей). Определение размеров рыб (длина тела до конца чешуйного покрова) проведено исследователями по методу Е.А. Цепкина [Косинцев, Некрасов, 1999, с. 103].

Орудия охоты и рыболовства из камня, кости, и рога из культурных слоев памятника представляют собой многочисленную коллекцию, однако для наибольшей достоверности выборки был применен тот же принцип, что и для остеологической коллекции (выборка со дна неолитических котлованов и т.д.). Функциональное назначение орудий определялось в том числе посредством трасологического анализа.

Анализ источников

Ландшафт, климат, геоморфология

Поселение Мергень 6 расположено в северной части лесостепной зоны Западной Сибири, в бассейне р. Ишим,— в переходной полосе между заболоченной тайгой и сухой степью. Для начала атлантического периода (7700–6300 л.н.) в ландшафтном отношении исследователи отмечают здесь тенденции к остепнению, небольшое сокращение лесов по сравнению с предыдущим периодом, появление колков, расширение площадей, занятых лугово-степными сообществами. Состав древостоя — береза с примесью ольхи и сосны, в поймах — заросли ивы и тростника. В целом на основании споровопыльцевых данных отмечается потепление климата и как следствие снижение уровня воды в озерах [Ландшафты..., 2008, с. 52].

Долина р. Ишим имеет ширину 15–20 км и врез до 45 м. На дне прослеживаются цепочки относительно крупных озер (остатки древнего водотока), в том числе соединенные через систему проток со старицами и современным руслом Ишима. В рельефном отношении вычленяются участки озерной поймы, I и II надпойменных озерных террас (с высотами 1–6 м от уреза воды). Цоколь и тело террас и поймы сложены суглинками, частично перекрытыми супесями.

Поселение непосредственно расположено на мысовидном выступе высокой озерной поймы (высотой 1–1,5 м), образованном оз. Мергень и вытекающей из него протокой Мергенькой (рис., 1). Мергень вместе с расположенными к югу озерами Кислое, Травное и некоторыми другими более мелкими образуют группу криволинейных озерных урочищ — реликт плейстоценовой эпохи [Там же, с. 4]. Ширина перешейков между озерами в настоящее время не превышает 150 м; это не исключает того, что в древности они периодически составляли единую акваторию вследствие разливов и половодий. О таковых свидетельствуют результаты палинологических исследований на самом поселении [Рябогина и др., 2011]. Цепочка озер протянулась по линии север — юг, при этом в северной части через ряд протоков и старичных озер (Мергенька, Карасулька и др.) соединяется с р. Ишим (восточнее г. Ишима). Аналогичным образом данная озерная система связана с рекой и с южной стороны (протоки из оз. Травное, южнее с. Лариха).

Таким образом, вероятная эксплуатировавшаяся неолитическим населением хозяйственно-экологическая ниша площадью не менее 800 км² могла включать в себя участок речной долины (шириной около 15–20 км и длиной около 35 км), в которой располагалась система озер (совокупная площадь вероятной акватории около 50 км²), связанная протоками с крупной рекой, а также, вероятно, участки залесенных водоразделов за ее пределами (от поселения до края долины — 7–10 км).

Археозоологическая коллекция

Достоверно соотносимая с неолитическим временем коллекция насчитывает около 4300 фрагментов (4273 ед.). Из них большая часть (2643 ед., определимых — 1343) принадлежит млекопитающим, 1505 — ихтиофауне и моллюскам, 143 фрагмента — представителям орнитофауны.

Видовой состав млекопитающих представлен в табл. 1.

По степени промыслового значения данную часть фауны можно условно разделить на две категории: объекты двойного значения (пища и материалы для изготовления одежды и орудий — шкуры, кость/рог) и объекты пушного промысла. К первым относятся все копытные (лось, лошадь, тур, олень, косуля), а также бобр, ко вторым — куницы и другие пушные (куница, горноста, росомаха, лисица, выдра). Определенный вес в пищевом списке, вероятно, могли иметь барсук, волк и медведь. Например, в настоящее время у коренных народов Западной Сибири (хантов и др.) высоко ценятся медвежий жир и желчь, используемые в лечебных целях [Адаев, 2007b, с. 44]. Высокую ценность представляли медвежья и волчья шкуры. Что касается собак,

Промышленно-хозяйственная деятельность раннеолитического населения оз. Мергень...

то вопрос включения их в пищевой рацион обсуждается среди исследователей [Сидоров, Энговатова, 1996, с. 23]. Наличие погрызов на костях, на наш взгляд, скорее свидетельствует об обитании собак на поселении и использовании их для охраны и охоты и в сопутствующих этому ритуальных практиках (например, помещение черепа собаки у очага жилища при оставлении поселка [Еньшин и др., 2012]).

Таблица 1

Состав млекопитающих из неолитического комплекса поселения Мергень 6 по данным археозоологии

Table 1

The composition of mammals from the Neolithic complex of the Mergen 6 settlement according to the data of archaeozoology

Вид	Кол-во костных остатков (ед./%)
Лось (<i>Alces alces</i> L.)	97/7,2
Дикая лошадь (<i>Equus caballus</i> L.)	47/3,5
Тур (<i>Bos primigenius</i> Boj)	7/0,5
Косуля (<i>Capreolus pygargus</i> L.)	2/0,1
Олень благородный (<i>Cervus elaphus</i> L.)	1/0,07
Олень большерогий (<i>Megaloceros giganteus</i> (Blumenbach))	2/0,1
Бурый медведь (<i>Ursus arctos</i> L.)	102/7,6
Волк (<i>Canis lupus</i> L.)	558/41,5
Собака (<i>Canis familiaris</i> L.)	105/7,8
<i>Canis</i> sp. (неразделенные псовые)	107/8
Барсук (<i>Meles meles</i> L.)	9/0,7
Бобр (<i>Castor fiber</i> L.)	23/1,7
Выдра (<i>Lutra lutra</i> L.)	2/0,1
Горностай (<i>Muastela erminea</i> L.)	3/0,2
Куны (<i>Martes</i> sp.)	131/9,7
Росомаха (<i>Gulo gulo</i> L.)	24/1,8
Лисица (<i>Vulpes vulpes</i> L.)	123/9,1

Фрагменты костей в целом представлены тремя отделами — конечности (45 %), туловище (28,7 %) и голова (17,8 %, включая рога).

Представленные в материалах поселения животные по местам обитания делятся на три условные группы: типично лесные (лось, бурый медведь, куница, росомаха, бобр, выдра), типично лесостепные/степные (тур, дикая лошадь, большерогий олень) и животные, обитающие как в остепненных условиях, так и в лесу (благородный олень, косуля, волк, барсук, горностай, лисица). Лось — обитатель относительно чистых лесов, речных долин, горельников. Бурый медведь предпочитает лесные массивы с лесосеками, гарями, болотами и полянами. Куница и росомаха преимущественно обитают в смешанных лесах. Выдра и бобр обживают берега небольших речек и озер, поросших лиственным лесом. В лесостепи/степи в период функционирования неолитического поселка встречался тур, предпочитавший, по всей видимости, крупные чистые березовые колки, окруженные безлесными остепненными пространствами. Вероятно, подобные природные зоны занимал и большерогий олень — реликтовое животное для начала атлантического периода в Западной Сибири [Van der Plicht et al., 2015]. Дикая лошадь же — обитатель преимущественно открытых степных ландшафтов являлась, по всей видимости, наиболее южным в территориальном отношении объектом промысла. Остальные виды животных (благородный олень, косуля, волк, барсук, горностай и лисица) могли существовать в самых различных природных условиях [Жилин, 2004, с. 34–39; Адаев, 2007b, с. 28–37, 44–45].

Коллекция костей орнитофауны представлена в табл. 2.

Из сохранившихся костей доминируют фрагменты плечевого пояса и крыльев. При этом преобладают останки промысловых видов — утиных (Anatidae, 57,3 %) и тетеревиных (Tetraonidae, 11,9 %). Большинство остальных можно отнести к условной категории случайно добытых. Так поганковые (Podicipedidae, 4,2 %) вряд ли были объектом целенаправленной добычи (специфический вкус, малые размеры, трудность промысла — нырковые), а скорее, могли попадаться в средства ловли рыбы и водоплавающей перелетной птицы (сетки, элементы заповор и т.д.) [Косинцев, Некрасов, 1999, с. 103]. Лысуха, погоныш и чибис (4,9 %) тоже вряд ли занимали какое-то значимое положение в списке пищевых объектов добычи; видимо, они попутные маркеры промысла в тростниковых озерных условиях, обитателями коих и являются. Чернозо-

бая гагара на сегодняшний день формально относится к охотничье-промысловым видам птиц, но специальной охоты на нее не ведется, добыча ее скорее случайна. Добыча хищника ястреба-тетеревятника теоретически может относиться к разряду целенаправленных, например ради перьев для оперения древков стрел.

Таблица 2

Состав орнитофауны из неолитического комплекса поселения Мергень 6 по данным археозоологии

Table 2

The composition of avifauna from the Neolithic complex of the Mergen 6 settlement according to the data of archaeozoology

Вид	Кол-во костных останков (ед./%)
Лебедь-кликун (<i>Cygnus cygnus</i>)	37/25,9
<i>Cygnus</i> sp.? (лебедь?)	23/16
Серый гусь (<i>Anser</i> cf. <i>anser</i>)	13/9
<i>Anser</i> sp. (гусь?)	2/1,4
<i>Anatidae</i> gen. indet. (утиные)	3/2,1
Кряква (<i>Anas platyrhynchos</i>)	2/1,4
Широконоска (<i>Anas clypeata</i>)	2/1,4
Чернозобая гагара (<i>Gavia arctica</i>)	3/2,1
Чомга/серошекая поганка (<i>Podiceps cristatus/griseigena</i>)	2/1,4
Чомга (<i>Podiceps cristatus</i>)	2/1,4
Серошекая поганка (<i>Podiceps griseigena</i>)	2/1,4
Тетерев (<i>Tetrao tetrix</i>)	17/11,9
Лысуха (<i>Fulica atra</i>)	4/2,8
Погоныш (<i>Porzana porzana</i>)	1/0,7
Чибис (<i>Vanellus vanellus</i>)	2/1,4
Ястреб-тетеревятник (<i>Accipiter gentilis</i>)	2/1,4
Серебристая чайка (<i>Larus</i> cf. <i>argentatus</i>)	1/0,7
Сорока (<i>Pica pica</i>)	3/2,1
<i>Aves</i> fam gen. indet. (неопределимые)	22/15,4

Таким образом, основной видовой состав птиц (как промысловых, так и «попутных»; 68,5 % от комплекса), соотносимых с неолитическим слоем поселения Мергень 6, в ландшафтном отношении составлен из перелетных обитателей озер бордюрно-тростникового типа южной части Ишимской лесостепи. Тетерев же, как представитель промысловой боровой дичи, занимает иную ландшафтную нишу, предпочитая в целом лесные опушки, поляны, березовые колки, редкостойные заболоченные леса, окраины моховых болот и лугов [Адаев, 2007b, с. 43].

Значительную часть остеологической коллекции составляют остатки ихтиофауны (чешуя, жаберные крышки, позвонки и т.д.). До вида определено около 2/3 костей (четыре вида из трех семейств — карась, язь, щука, окунь). При этом доминируют представители семейства карповых — карась и язь (97,5 % от комплекса, включая не определимые до вида) при главенствующей позиции первого (53,4 % от карповых). Щука и окунь в данной выборке представлены единично — 1,5 и 1 % от всего комплекса соответственно. Реконструируемые размеры рыб выглядят таким образом: карась — 10–15, 15–20, 20–25 и 25–30 см; язь и окунь — 15–20 и 20–25 см; щука — 30–35, 35–40 и 40–45 см [Косинцев, Некрасов, 1999, с. 103]. Исходя из соотношения размер тела — возраст из всех представленных видов лишь карась демонстрирует максимальное разнообразие — от особей возрастом 1–2 года + (длина тела 10–15 см) до 6 лет + (длина тела 25–30 см). С определенной долей вероятности данную картину (доминирование карповых, и карася в частности, его размерное и возрастное разнообразие) можно попытаться объяснить тем, что карась мог являться доминирующим обитателем окрестных озер и соответственно наиболее доступным, в то время как остальные виды (окунь и щука) предпочитали старицы и основную реку. Во всяком случае, именно такая ситуация наблюдается в настоящее время.

По мнению исследователей, собирательство как отдельная отрасль промысла ко времени мезолита — неолита прочно заняло свое место в традиционном хозяйстве. Признаками собирательства считают скопления косточек ягод, орехов, скорлупы моллюсков и птичьих яиц и т.д. [Жилин, 2004, с. 59–61]. К сожалению, на данном этапе исследования поселения нам не удалось четко зафиксировать наличие этих признаков, однако свидетельством в пользу вероятного бытования собирательства у древнего населения могут выступать находки нескольких фраг-

ментов раковин пресноводной беззубки (*Unionoida*) в придонных слоях котлована жилища № 21. Этот вид моллюсков до сих пор обитает в пресных водоемах Приишимья и является съедобным.

Орудия охоты и рыболовства

Очерченный на основании остеологических данных круг животных, птиц и рыб, в той или иной степени попадавших в число объектов промысла, достаточно разнообразен. Для реконструкции способов их добычи, помимо знаний образа жизни и экологии, основополагающее значение, бесспорно, имеет анализ вооружения жителей неолитического поселка. Промысловый орудийный набор насчитывает 400 предметов. В это число включены орудия как непосредственной добычи, так и последующей обработки (разделки, очистки, выделки и т.д.).

Предметы, составляющие охотничье вооружение, представлены элементами метательного оружия (всего 46 ед.) — каменные наконечники стрел листовидной и подтреугольной форм (2 экз.), костяные наконечники стрел игловидной формы с кососрезанным насадом (8 экз.), костяные наконечники стрел листовидной формы с коническим насадом (22 экз.), наконечники копий/дротиков (3 экз.), гарпуны (3 экз.) и зубчатые острия с выделенными черешками и коническим насадом (7 экз.). Все изделия по поведению при попадании относятся к типу *колющих*. Исключение составляет заготовка наконечника типа «томар», представляющая собой фрагмент рога (15,5×4,3 см), на одном из концов которого вырезан тупой наконечник конусовидной формы, высотой около 2,7 см (рис., 14).

Каменные наконечники выполнены на пластинах высотой от 2,6–3 см из красной и серой яшмы. Продольные края с двух сторон обработаны краевой приостряющей ретушью, этой же ретушью намечены слабые выемки в основании (рис., 7, 8).

Костяные игловидные наконечники имеют округлое сечение, коническое острие и кососрезанный насад, оформленный длинным срезом с одной стороны (рис., 3). Длина целых наконечников варьируется от 10 до 25 см, диаметр в пределах 1 см, длина насада составляет около 1,5–6 см.

Листовидные наконечники имеют перо в сечении линзовидной или приближенной к ромбовидной форм (рис., 4, 5). Длина варьируется от 6 до 15 см, с доминированием размеров в 8–9 см, ширина в пределах 1,3–1,5 см, толщина 0,6–0,8 см. Высота насада колеблется в пределах 1,5–2 см, граница между насадом и пером нечеткая. Вес наконечников составляет 4–7,8 г.

Наиболее массивные изделия отнесены к *наконечникам копий/дротиков* (рис., 13). Их длина 17–18 см, ширина 2 см, толщина около 1,5 см. Форма удлинено-листовидная, сечение изогнутое. Один наконечник с насадом, второй без него, оба выполнены из крупных расщепленных трубчатых костей копытного животного.

Костяные наконечники с зубчатыми элементами по морфологическим особенностям разделены на *гарпуны* и *зубчатые острия* (рис., 2, 6, 12). Применение данного типа орудий соотносят как с рыболовством, так и с охотой [Жилин, 2004, с. 42, 55]. Однако, исходя из морфологических особенностей (наличие стопор-линия и отверстия для крепления веревки/лески), мы все же провели деление на охотничьи (зубчатые острия) и рыболовецкие (гарпуны) изделия. Данное разграничение весьма условно, так как отсутствуют общепринятые признаки того или иного назначения. Собственно к группе охотничьего вооружения отнесено зубчатое острие длиной 16,2 см с одной бородкой клювовидной формы с перехватом (желобком) у треугольного насада (рис., 12). В эту же категорию включены обломки зубчатых острий — фрагменты черешков с коническим насадом без стопор-линия (3 экз.) и острие с одним выступом-бородкой.

Таким образом, охотничьи наконечники в целом представлены двумя формами — листовидной и игловидной. Их размерность более разнообразна: длина варьируется от 2,6 до 25 см, ширина и толщина — от 1 до 2 см. В целом основная группа наконечников (все костяные) представлена достаточно крупными изделиями.

Орудий, связанных напрямую или косвенно с рыболовным промыслом, — 9 ед. (костяные наконечники гарпунов, рыболовный крючок, иглы для вязания сетей, элементы устройства типа «жерлицы»).

Оба *костяных наконечника гарпунов* односторонние, не поворотные, с вариациями насада (рис., 2, 6). Первый наконечник длиной 18,3 см, с округлым сечением, имеет три бородки, стопор-линь с отверстием диаметром 0,3 см и черешок с коническим насадом на конце. На острие и бородках гарпуна присутствуют микросколы от метания. Второй — бесчерешковый с треугольным насадом длиной 7,9 см, с тремя бородками, выступающим стопор-линем и треугольным насадом.

Рыболовный крюк высотой около 9 см с жалом без бородки, головка отделяется от цевья круговым желобком (рис., 9). Изделие находит аналоги и в материалах уральских торфяников, и на более широкой территории [Загорска, 1991; Савченко, 2013].

Остальные предметы в категорию рыболовных выделены на основании совокупности данных типологии, трасологического анализа и этнографических параллелей. Так, к иглам для вязания сетей отнесены изделия из полых, освобожденных от губчатой массы костей (3 экз., длина предметов 7–12 см) (рис., 11). Характерной чертой является косой срез на одном конце и приуроченное к нему округлое отверстие (диаметр 0,6 см). Подобные изделия достаточно редки; вместе с тем ближайшие аналоги приишимским находкам видим в коллекциях Шигирского и Горбуновского торфяников, где они также интерпретированы как иглы для вязания сетей [Эверстов, 1988, с. 28–29]. Предметы данного типа известны в мезолитических комплексах Восточной Европы [Жилин, 2001], а отдаленные аналоги — по этнографическим данным [Попов, 1937, с. 184; 1955, с. 99]. Кроме того, на их использование в плетении/вязании указывают следы протягивания волокнистых материалов [Скочина, 2010].

Изделиями, связанными с рыболовством, являются также «жерлицы» (3 экз.). Представляют собой живцовую снасть для ловли хищных рыб, в виде тонких биконических пластин листовидной формы длиной 8–10 см, шириной около 2 см, толщиной 0,5–0,8 см (рис., 10). У двух из них в средней части по краям прорезаны выемки, скорее всего для привязывания веревки. Изготавливались такие пластинки путем расщепления костей или рога. Изделия, интерпретируемые исследователями как «жерлицы», встречаются на мезолитических памятниках Восточной Европы, европейского центра и севера России [Загорска, 1991; Жилин, 2001].

Представленные в неолитических материалах поселения предметы, связываемые с рыболовством, могут быть разделены на две группы: для индивидуального лова (гарпуны, крюк, «жерлицы») и массового/сетевого (?) (иглы для вязания сетей). Вместе с тем, касательно сетевого рыболовства, обращает на себя внимание отсутствие в коллекции грузил, в связи с чем не исключаем возможность использования сетей для загонной охоты на перелетную водоплавающую птицу.

Обсуждение. Итоги

Успешность промысловой деятельности, скорее всего, обеспечивалась не только, а может, и не столько наличием потенциальной добычи и подходящих орудий, но еще и наличием знаний, умений и навыков промысловиков — тем, что является интеллектуальным базисом коллектива, который накапливался поколениями и выражался в знаниях ландшафтов, биологии/экологии животных, сезонных погодных изменений и т.д. Воссоздание в полной мере представлений о глубине и широте этого базиса по понятным причинам невозможно. Мы можем лишь предполагать, каким мог быть механизм промысловой деятельности в целом, основываясь на разрозненных данных о климате и ландшафтной обстановке, геоморфологии поселка, характере жилищ, археологических находках и современных знаниях экологии животных.

Вероятностная модель сезонного ведения промысла

Разнообразие объектов промысла, их тяготение к различным природным нишам и определенная зависимость от годового цикла, скорее всего, накладывали отпечаток на построение системы их добычи древними промысловиками. Так, например, охота на копытных теоретически могла в целом осуществляться круглогодично, однако промысел степных видов (в первую очередь дикой лошади), скорее всего, был подчинен периодам возможных сезонных миграций: весна — лето в северном направлении (лесостепные территории), осень — зима — в южном (степь). Тем более что общие климатические колебания в сторону остепнения территории и потепления климата могли этому способствовать. Лесные копытные (в первую очередь лось) отличаются большей степенью оседлости. Охота на лося наиболее продуктивна в холодное время года — с осени по весну (период гона — теряет осторожность, высокий снег — мало передвигается, легко тропить, набирает большую массу). Такая особенность лосиного мяса, как быстрая порча, также могла ориентировать на зимнее время его добычи [Адаев, 2007b, с. 28–30]. Таким образом, из копытных охота на косулю и благородного оленя могла вестись круглогодично, в то время как биологические и экологические особенности остальных видов, вполне вероятно, накладывали сезонные ограничения на промысел.

Добыча пушного зверя целесообразна в зимний период, когда шкура достигает наивысшего качества. Исключение составляет бобр, промысел которого осуществляется круглый год. Охота на остальных животных (медведь, волк, барсук) вряд ли была подчинена графику. В опреде-

ленной степени это могло касаться медведя, добыча которого продуктивна в зимний или весенний период (в берлоге, глубокий снег мешает передвигаться) [Адаев, 2007b, с. 31, 46].

Важнейшим фактором, определяющим промысел водоплавающей птицы, является весенний и осенний перелет. Озера очерченной системы и в настоящее время являются стабильными пунктами на пути перелетной птицы. Что касается боровой дичи, то такая особенность поведения тетерева, как тяготение к открытым участкам леса, лугам, в осенний период также могла быть определяющей в периоде его добычи.

Рыбная ловля могла осуществляться круглогодично, однако анализ годичных колец на чешуе позволил исследователям установить, что большая часть выловлена в период с мая по сентябрь [Косинцев, Некрасов, 1999, с. 103].

Способы ведения охоты и рыболовства

Что касается способов ведения промысла, то можно лишь предположить охоту на крупных копытных, носившую загонный характер, битье на переходах рек/проток, выслеживание с собакой. Представленные в коллекции наконечники стрел и копий/дротиков по размерам разнообразны, но большая часть — крупные. Такие могли легко протыкать шкуру и глубоко входить в тело зверя. Зубцы на части наконечников предотвращали выпадение их из цели. Застрявшая в ране стрела при передвижении зверя, задевая за кусты и деревья, постоянно бредила рану. Это приводило к быстрой потере крови и позволяло собаке и охотникам легче идти по следу [Жилин, 2004, с. 40]. Что касается дифференциации применяемости наконечников по объектам промысла, то, по мнению исследователей, использование различных типов определялось не столько объектом охоты, сколько культурными традициями [Там же, с. 41]. В целом же можно констатировать, что костяные наконечники могли применяться в охоте на всех животных, представленных в остеологической коллекции. Различие могло заключаться лишь в способе придания ускорения стреле или копьё — при помощи лука, возможно, копьёметалки или руки охотника. Об использовании первых двух могут свидетельствовать такие признаки, как метательный излом и характерные сколы на наконечниках [Скочина, 2015]. В свою очередь, выбор метода метания орудия как раз мог зависеть от объекта охоты и/или способов ее осуществления. Небольшие легкие каменные наконечники могли предназначаться для охоты на птицу. При этом о бытовании легких стрел с тростниковым древком у неолитического населения лесостепного Приишимья свидетельствует наличие в коллекции поселения Мергень 6 обломка керамического «утюжка» — выпрямителя тростниковых древков стрел [Усачева, 2013].

Добыча пушного зверя сопряжена с необходимостью не повредить ценную шкуру, поэтому его битье могло осуществляться при помощи лука и стрел с наконечниками типа «томар». Признаков использования самоловных орудий давящего типа пока нет, однако их применение с эпохи бронзы в соседнем южно-уральском регионе достоверно зафиксировано [Гимранов и др., 2011, с. 103].

Рыболовный промысел велся как индивидуальным (битье гарпунами, ловля на крючок и на живцовую снасть — «жерлицы»), так и, вероятно, коллективным способом. Весь набор орудий индивидуального лова (исходя из размеров и способов использования), скорее всего, рассчитан на добычу крупной хищной рыбы, обитавшей главным образом в основной реке и ее ближайших старицах. Признаки коллективного рыболовства косвенные: наличие предметов, интерпретируемых как иглы для вязания сетей, и геоморфология самого поселка — у истока протоки из озера. По мнению исследователей, приуроченность поселков к подобным системам «наводит на мысль о возможности заповного рыболовства» [Косинская, 1997, с. 15]. Можно предположить, что добыча хищной рыбы осуществлялась индивидуально и на удалении от поселения, в то время как массовый вылов карповых (главным образом карася) — коллективно, посредством сетей (?), элементов заповров (изгородей из хвороста, котцов, морд, рукавов и т.д.) в непосредственной близости от поселения, чем, вероятно, и мог быть обусловлен выбор места для поселка (озерная пойма) и что не противоречит соотношению видового состава ихтиофауны.

Значение рыболовного промысла и его соотношение с охотой

Поселение неолитических охотников, рыболовов и собирателей было центром освоенной территории, соответственно характер его функционирования во многом определял промыслово-хозяйственную деятельность его обитателей. Переход к относительно оседлому образу жизни в неолитическое время выступает одним из признаков эпохальных изменений, маркером чего становятся стационарные поселения круглогодичного проживания. Переход от кочевого к полuosедлому образу жизни, увеличение численности населения естественно сопровождалось перестройкой и структуры хозяйства. Стремление к повышению стабильности/устойчивости

поступления пищевых ресурсов являлось основой адаптационного процесса в целом. Исследователи увязывают это с повышением роли рыболовства (коллективного способа лова) как источника стабильного поступления пищи [Косинская, 1997]. Материалы исследуемого поселения, на наш взгляд, позволяют попытаться проверить эту «связку».

По нашему мнению, неолитический поселок на оз. Мергенъ по типу функционирования относится к долговременным круглогодичным. На это указывает ряд признаков: большое количество относительно одновременных построек различного характера и назначения (13 сооружений, легкие хозяйственные конструкции (9–15 м²) и жилища полуземляночного типа (50–100 м²), в жилищах выявлены очаги, а в двух самых больших — системы ям и канав, функционально предназначенные для поддержания благоприятного микроклимата (в том числе, вероятно, для отопления помещения) [Еньшин, Скочина, 2014]. Культурный слой неолитического времени насыщен находками: готовыми орудиями, заготовками, керамическими сосудами, «кухонными» отходами и т.д. В орудийном комплексе присутствуют изделия всех ступеней обработки добычи. Разделка охотничьей и рыболовной добычи (резка мяса и чистка рыбы) велась с помощью вкладышевых ножей с лезвиями из камня (145 экз.), а также костяных ножей из ребер и лопаток животных. С обработкой шкур и выделкой кож связан довольно разнообразный набор орудий. Очистка шкур животных от остатков мяса и жира, мездрение и пушение бахтармы велось при помощи каменных (99 экз.) и костяных скребков (1 экз.), костяных стругов из трубчатых костей и плоских ребер различных размеров (3 экз.). Каменные (25 экз.) и костяные (48 экз.) проколки, иглы длиной 5 см, толщиной 0,2 см, округлые или овальные в сечении, служили для прокалывания и соединения шкур/кожи. Кроме того, остеологический анализ показал, что в комплексе присутствуют животные, промысел которых, скорее всего, велся в разные периоды года.

Таким образом, круглогодичный долговременный характер поселения, на наш взгляд, является доказанным и ключевым вопросом становится степень значимости рыболовства в промыслово-хозяйственной деятельности и ее соотношение с охотой. Безусловно, выбор места для поселения, вероятная дифференциация способов лова (коллективный, индивидуальный), разнообразие способов индивидуального лова, ориентация на вылов одного из самых стабильных во всех отношениях видов туводной рыбы (карась) — все это свидетельствует о высокой степени развития рыболовства и его значимости в хозяйстве жителей поселка. Однако сравнительный анализ остеологических данных и орудийных наборов говорит о том, что и охота занимала не менее важное место в системе хозяйствования. В пользу тезиса о равнозначности связки охота — рыболовство свидетельствуют и маркеры вероятных ритуальных действий на поселении. Так, в полу котлована жилища № 14 была обнаружена ямка с целым костяком рыбы (карась?), рядом с жилищем № 21 в яме — захоронение двух лосиных голов с рогами (предположительно самки). В том же жилище № 21 в полу котлована была обнаружена яма с набором орудий охоты (наконечник стрелы, копья), рыболовства (гарпун, рыболовный крюк) и переработки добычи (скребки и т.д.), обмазанные белой глиной и засыпанные охрой. В жилище № 16 у очага в скоплении предметов явно вотивного характера присутствовало массивное копьевидное изделие из рога, украшенное орнаментом, с пазом для вкладышей, в этом же скоплении обнаружена костяная орнитоморфная фигурка (боровая дичь — тетерка?) [Еньшин и др., 2012].

Промыслово-хозяйственное функционирование поселения как адаптационная стратегия. Аналогии. Заключение

Представленный круг источников, по нашему мнению, позволяет говорить, что основание крупного неолитического поселка круглогодичного функционирования на оз. Мергенъ является результатом продуманной адаптационной стратегии оставившего его древнего населения. Главные элементы ее — выбор места для поселка (наиболее выгодного с точки зрения эффективности ведения хозяйства — на стыке двух крупных природных зон: леса и степи, в долине крупной реки, в системе озеро — протока — река) и выстраивание комплексной промыслово-хозяйственной деятельности с учетом знаний о биологии и экологии фауны различных экологических ниш (условия обитания, миграции, лучшее время добычи, продуктивные орудия и способы добычи), с опорой, скорее всего, на копытных и рыбу. Нельзя не отметить в качестве элемента хозяйственной адаптации и ориентацию на массовое изготовление орудий из кости промысловых животных в условиях дефицита каменного сырья.

Правомерность и жизнеспособность представленной модели промыслово-хозяйственной деятельности неолитического населения может быть проверена на археологических и этнографических примерах. Так, по мнению М.Г. Жилина, некоторые стоянки мезолитических охотников

и рыболовов лесной зоны Восточной Европы могли функционировать круглогодично, а их обитатели — осуществлять рыбную ловлю летом, а охоту на копытных в зимнее время [2007, с. 76]. На неолитических стоянках севера степной зоны Волго-Уралья исследователи отмечают присутствие костей животных как степной, так и лесной зоны [Косинцев, Бачура, 1999, с. 92]. Л.Я. Крижевская среди причин своеобразия материальной культуры южно-уральского неолита в целом и форм ведения промыслово-хозяйственной деятельности древнего населения данной территории в частности выделяла расположение поселков в озерных и речных системах на стыке леса и степи (охота на дикую лошадь, кулана, сайгака, лося, бурого медведя, куницу и т.д.) [1968, с. 118]. Для таежной зоны Западной Сибири (Среднеобская низменность) исследователи отмечают наибольшую концентрацию памятников от неолита до раннего железного века на стыке разных ландшафтных зон, с особой плотностью на участках, сопряженных с крупной рекой или озером [Адаев, 2007b, с. 90].

Что касается этнографических данных, то они главным образом представлены материалами таежной зоны. Так, например, охотничье-рыболовный промысел тазовских селькупов подчинен годовому циклу, состоящему из двух частей: летний год (май — октябрь) и зимний год (октябрь — май). В летний период основу хозяйства составляет рыболовство, в зимний — охота на крупных копытных (лось, олень) [Кениг, 2010, с. 50]. Анализ традиционной экологической культуры таежного угорского населения Западной Сибири (хантыйского) позволил В.Н. Адаеву прийти к выводу, что расположение их поселений тяготеет к районам плотного пересечения так называемых кормящих ландшафтов. Выбор данной стратегии обусловлен наибольшей продуктивностью таких зон: это обеспечивало стабильность природных ресурсов, с одной стороны, и сокращало площадь промысловых угодий, с другой, что важно в условиях ограниченных транспортных возможностей. Исследователь отмечает, что неотъемлемыми составляющими этого эффективного механизма адаптации являются пространственная вариативность и пластичность с быстрой заменой в случае необходимости одних объектов промысла другими [Адаев, 2007b, с. 90]. Вслед за А.В. Головановым, В.Н. Адаев в качестве основных хозяйственно-культурных типов таежного населения выделяет глубинно-таежный и приречно-таежный. Для первого характерна ориентация на промысел крупных копытных вкупе с другими занятиями, среди которых выделялись бобровая охота, заборное и острогово-сетевое рыболовство. Промысловая территория приурочена в основном к озерно-речным долинам с прилегающими лесными массивами и болотными угодьями. Для второго типа главная отрасль — рыболовство, дополняемое промыслом дичи, копытных, мелкого зверя, собирательством и т.д., а в качестве угодий выбирались поймы крупных рек с прилегающими участками леса и заливными лугами. Отмечается также, что обоим типам, несмотря на разницу в выборе промысловых территорий, присуще многоотраслевое хозяйство с опорой прежде всего на самые надежные и продуктивные виды ресурсов (пара: копытные — рыба), за счет чего и достигалась общая устойчивость ХКТ [Там же].

Представленный краткий обзор материалов, привлеченных в качестве примера, позволяет говорить, что признаки механизма промыслово-хозяйственной адаптации, выявленные для неолитического населения на оз. Мergenь, в целом схожи и закономерны для обитателей лесной и лесостепной зон Евразии в мезо-неолитическое время. Характеристики же основных хозяйственно-культурных типов современного коренного лесного населения Западной Сибири, на наш взгляд, позволяют достаточно четко усматривать общее в ведении комплексного присваивающего хозяйства у древнего и современного аборигенного населения рассматриваемой территории. Особенно, на наш взгляд, это касается глубинно-таежного хозяйственно-культурного типа. Формирование его могло происходить в процессе адаптации человеческих коллективов лесной и лесостепной зон еще в неолитическое время. В числе таких коллективов можно рассматривать и общину, осваивавшую исследуемую озерно-речную систему. Подтаежная зона начинается всего в 50–70 км к северу от поселения Мergenь 6, а на границе подтайги и южной тайги известен памятник со схожими, но более поздними в культурно-хронологическом отношении материалами (пос. Боровлянка 2) [Зах, 2009], что не исключает вероятности проникновения носителей данных традиций в северном направлении вплоть до тайги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адаев В.Н. Опыт типологии природных комплексов коренного населения Северо-Западной Сибири // Экология древних и традиционных обществ: Докл. конф. Тюмень: Вектор Бук, 2007а. Вып. 3. С. 221–226.
Адаев В.Н. Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007b. 240 с.

- Алексеев В.П.* Избранное: Антропогенез. М.: Наука, 2007. Т. 1. 711 с.
- Волков Е.Н.* Комплекс археологических памятников Ингальская долина. Новосибирск: Наука, 2007. 224 с.
- Гимранов Д.О., Косинцев П.А., Сатаев Р.М.* История охоты на куниц в голоцене на Южном Урале // Экология древних и традиционных обществ: Сб. докл. конф. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. Вып. 4. С. 102–104.
- Головнев А.В.* Этноэкология: Выбор подхода // Система жизнеобеспечения традиционных обществ в древности и современности: Теория, методология, практика. Томск: ИТУ, 1998. С. 44–48.
- Еньшин Д.Н.* Неолитические жилища поселений озера Мергенъ // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.
- Еньшин Д.Н., Белоногов Д.А.* К проблеме методики изучения жилищ эпохи неолита на территории Западной Сибири (на примере реконструкции жилища 5 поселения Мергенъ 6) // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 39–49.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н.* Адаптационные ресурсы неолитического населения озера Мергенъ: (Домостроительный аспект) // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2014. № 2 (25). С. 4–14.
- Еньшин Д.Н., Скочина С.Н., Зах В.А.* К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишимья (по материалам поселения Мергенъ 6) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 4 (19). С. 43–52.
- Жилин М.Г.* Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001. 328 с.
- Жилин М.Г.* Природная среда и хозяйство мезолитического населения центра и северо-запада лесной зоны Восточной Европы. М.: Academia, 2004. 144 с.
- Загорска И.А.* Рыболовство и морской промысел в каменном веке на территории Латвии // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л.: Наука, 1991. С. 39–64.
- Зах В.А.* Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Кениг А.В.* Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во АМБ, 2010. 128 с.
- Кольцов Л.В.* Формы, способы и средства адаптации в мезолите Северной Европы // Твер. археол. сборник. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 21–24.
- Косинская Л.Л.* Новокаменный век: Хозяйство и образ жизни населения по обе стороны Урала // УИВ. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. Вып. 4. С. 12–25.
- Косинцев П.А., Бачура О.П.* Крупные млекопитающие Волго-Уральских степей в голоцене // Экология древних и современных обществ. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1999. С. 91–93.
- Косинцев П.А., Некрасов А.Е.* Промысловая деятельность людей из поселений, расположенных на берегу оз. Мергенъ (Мергенъ 5 и 6) в неолите и энеолите // Экология древних и современных обществ. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1999. С. 100–106.
- Крижевская Л.Я.* Неолит Южного Урала // МИА. 1968. № 141. 183 с.
- Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье / В.А. Зах, О.Ю. Зимина, Н.Е. Рябогина, С.Н. Скочина, И.В. Усачева.* Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Попов А.А.* Охота и рыболовство у долган // Памяти В.Г. Богораза. М.; Л., 1937. С. 147–205.
- Попов А.А.* Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX и I четв. XX столетия // СМАЭ. 1955. Т. 16. С. 41–146.
- Рябогина Н.Е., Иванов С.Н., Якимов А.С.* Реконструкция палеоэкологических условий и среды обитания на многослойном поселении Мергенъ 6 в Тюменском Приишимье // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, Т. II. 2011. 424 с.
- Савченко С.Н.* Костяные цельные рыболовные крючки в каменном веке среднего Зауралья // Твер. археол. сборник. Тверь: Триада, 2013. Вып. 9. С. 218–221.
- Сатаев Р.М.* Общие принципы устройства и функционирования систем жизнеобеспечения традиционных обществ // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 126–134.
- Сидоров В.В., Энговатова А.В.* Основания палеоэкономических реконструкций присваивающего хозяйства // Твер. археол. сборник. Тверь, 1996. Вып. 2. С. 15–26.
- Скочина С.Н.* Костяной и роговой инвентарь кошкнской культуры с поселения Мергенъ 6 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 25–36.
- Скочина С.Н.* Наконечники метательных орудий в неолите лесостепной зоны Западной Сибири // Следы в истории: К 75-летию В.Е. Щелинского. СПб., 2015. С. 181–186.
- Усачева И.В.* «Утожки» Евразии. Новосибирск: Наука, 2013. 352 с.
- Эверстов С.И.* Рыболовство в Сибири: Каменный век. Новосибирск: Наука, 1988. 144 с.
- Ямсков А.Н.* Этноэкология: Содержание понятия и история его развития в отечественной этноэкологии // Расы и народы: Современные этнические и расовые проблемы. М.: Наука, 2009. Вып. 34. С. 130–142.
- Van der Plicht J., Molodin V.I., Kuzmin Y.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V. & Slavinsky V.S.* New Holocene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: Updated extinction patterns // Quaternary Science Reviews. 114. P. 182–188.

D.N. Enshin, S.N. Skochina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru; sveta_skochina@mail.ru

**ECONOMIC ACTIVITY OF THE EARLY NEOLITHIC POPULATION HAVING RESIDED
AROUND LAKE MERGEN AS A STRATEGY OF ADAPTATION TO THE ENVIRONMENT
(BASED ON THE MATERIALS OF THE MERGEN 6 SETTLEMENT)**

This paper sets out to analyse the economic activity of the inhabitants of an Early Neolithic settlement on the north-eastern coast of Lake Mergen (Lower Ishim River, south of Western Siberia) with the purpose of determining specific strategies of their adaptation to natural conditions (based on the materials of the Mergen 6 settlement). The initial data for the analysis were taken from studies characterizing the climate at the beginning of the Holocene, the paleolandscape characteristics of the territory, the geomorphological position of the settlement, the composition and conditions for the formation of the archaeozoological collection and hunting/fishing gear sets. A comprehensive analysis of these sources made it possible to develop an economic model describing the functioning of the settlement. The main features of the settlement functioning model involve the location of the settlement at the intersection of the so-called «feeding landscapes» (forest/steppe at the macro-level, lake/river at the micro-level); a probable year-round, stationary character of the settlement; the equivalence between two main economic sectors (hunting and fishing); reliance in the economic activity on ungulate hunting and fishing; a supposedly seasonal character of hunting and fishing certain fauna species. In our opinion, this model suitably reflects adaptation strategies used by the ancient population, whose main goal was to ensure the sustainability and productivity of their economy. In addition, the conducted historiography analysis has shown that the aforementioned elements of the model were common for all ancient societies with the appropriating type of economy that resided in Eurasian forest and forest-steppe territories in the Mesolithic-Neolithic periods.

Key words: Early Neolithic, economic activity, adaptation strategy, hunting, fishing, settlement Mergen 6.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-005-018

REFERENCES

- Adaev V.N. (2007a). Experience of typology of natural complexes of indigenous population of North-Western Siberia. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, 221–226.
- Adaev V.N. (2007b). *Traditional ecological culture of Khanty and Nenets*, Tyumen': Vektor Buk, 240 p.
- Alekseev V.P. (2007). *Favorites. Anthropogenesis*, 1, Moscow: Nauka, 711 p.
- En'shin D.N. (2014). Neolithic dwellings of the settlements of Lake Mergen. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, (1 (24)), 14–23.
- En'shin D.N., Belonogov D.A. (2010). To the problem of methods for studying Neolithic dwellings on the territory of Western Siberia (for example, the reconstruction of the dwelling of the 5th settlement of Mergen 6). *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, (1 (12)), 39–49.
- En'shin D.N., Skochina S.N. (2014). Adaptation resources of the Neolithic population of Lake Mergen: (House-building aspect). *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, (2 (25)), 4–14.
- En'shin D.N., Skochina S.N., Zakh V.A. (2012). On the issue of settlement rituals in the Neolithic of the Lower Prehmic region (based on the materials of the settlement of Mergen 6). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4 (19)), 43–52.
- Everstov S.I. (1988). *Fisheries in Siberia: Stone Age*, Novosibirsk: Nauka, 144 p.
- Gimranov D.O., Kosintsev P.A., Sataev R.M. (2011). The history of hunting for martens in the Holocene in the Southern Urals. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv: Sbornik докладов konferentsii*, (4), 102–104.
- Golovnev A.V. (1998). Ethnoecology: The choice of approach. *Sistema zhizneobespecheniya traditsionnykh obshchestv v drevnosti i sovremennosti: Teoriya, metodologiya, praktika*, Tomsk: ITU, 44–48.
- Iamskov A.N. (2009). Ethnoecosystem: The content of the concept and the history of its development in domestic ethnoecology. *Rasy i narody: Sovremennyye etnicheskie i rasovyye problemy*, (34), Moscow: Nauka, 130–142.
- Kenig A.V. (2010). *Ethnoarcheology as a method of archaeological reconstruction (on the example of the Taz Selkup)*, Ekaterinburg: Khanty-Mansiisk: AMB, 128 p.
- Kol'tsov L.V. (1998). Forms, ways and means of adaptation in the Mesolithic of Northern Europe. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, (3), Tver, 21–24.
- Kosinskaia L.L. (1997). The New Stone Age: the economy and the way of life of the population on both sides of the Urals. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), Ekaterinburg: UrO RAN, 12–25.
- Kosintsev P.A., Bachura O.P. (1999). Large mammals of the Volga-Ural steppes in the Holocene. *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv*, Tyumen': IPOS SO RAN, 91–93.
- Kosintsev P.A., Nekrasov A.E. (1999). The economic activities of people from the settlements located on the shore of the lake Mergen (Mergen 5 and 6) in the Neolithic and Eneolithic. *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv*, Tyumen': IPOS SO RAN, 100–106.

- Krizhevskaja L.Ia. (1968). Neolithic of the Southern Urals. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (141), Leningrad: Nauka, 183 p.
- Popov A.A. (1937). Hunting and fishing near Dolgan. *Pamiati V.G. Bogoraza*, Moscow; Leningrad, 147–205.
- Popov A.A. (1955). Weaving and weaving in the peoples of Siberia in the XIX and 1st quarter of the XX century. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 16, 41–146.
- Riabogina N.E., Ivanov S.N., Iakimov A.S. (2011). Reconstruction of paleoecological conditions and habitats in the multi-layered settlement of Mergen 6 in the Ishim river basin in the Tyumen region. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda, II*, St. Petersburg; Velikii Novgorod, p. 424.
- Sataev R.M. (2017). General principles of the organization and functioning of life support systems of traditional societies. *Vestnik arkheologii antropologii i etnografii*, (4 (39)), 126–134.
- Savchenko S.N. (2013). Bone whole fish hooks in the Stone Age of the Middle Trans-Urals. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, (9), Tver': Triada', 218–221.
- Sidorov V.V., Engovatova A.V. (1996). Foundations of paleoeconomic reconstructions of appropriating economy. *Tverskoi arkheologicheskii sbornik*, (2), Tver': Triada', 15–26.
- Skochina S.N. (2010). Bone and horn inventory of the Koshkino culture from the settlement of Mergen 6. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, (2 (42)), 25–36.
- Skochina S.N. (2015). Projectile points in the Neolithic forest-steppe zone of Western Siberia. *Sledy v istorii*, St. Petersburg, 181–186.
- Usacheva I.V. (2013). «Grooved Stones» of Eurasia, Novosibirsk: Nauka, 352 p.
- Van der Plicht J., Molodin V.I., Kuzmin Y.V., Vasiliev S.K., Postnov A.V., & Slavinsky V.S. (2015). New Holocene refugia of giant deer (*Megaloceros giganteus* Blum.) in Siberia: Updated extinction patterns. *Quaternary Science Reviews*, (114), 182–188.
- Volkov E.N. (2007). *Complex of archaeological monuments Inhal valley*, Novosibirsk: Nauka, 224 p.
- Zagorska I.A. (1991). Fishery and marine fishing in the Stone Age in the territory of Latvia. *Rybolovstvo i morskoi promysel v epokhu mezolita — rannego metalla v lesnoi i lesostepnoi zone Vostochnoi Evropy*, Leningrad: Nauka, 39–64.
- Zakh V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and the Early Metal of the Tobol-Ishim forest region*, Novosibirsk: Nauka, 320 p.
- Zakh V.A., Zimina O.Yu., Riabogina N.E., Skochina S.N., Usacheva I.V. (2008). *Holocene landscapes and interaction of cultures in the Tobol-Ishim interflaves*, Novosibirsk: Nauka, 212 p.
- Zhilin M.G. (2001). *The bone industry of the Mesolithic forest zone of Eastern Europe*, Moscow, 328 p.
- Zhilin M.G. (2004). *The natural environment and economy of the Mesolithic population of the center and north-west of the forest zone of Eastern Europe*, Moscow: Academia, 144 p.

Д.В. Папин*, **, Н.Ф. Степанова*, **, А.С. Федорук*

*Алтайский государственный университет
просп. Ленина, 61, Барнаул, 656049

**Институт археологии и этнографии СО РАН
просп. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090

E-mail: papindv@mail.ru

КЕРАМИКА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ СТЕПНОГО ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОЦЕССОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Рассматриваются результаты технико-технологического исследования керамики эпохи поздней бронзы поселений Рублево-VI и Жарково-3, расположенных на территории степной части Обь-Иртышского междуречья. Выделено несколько историко-культурных типов и переходных вариантов, которые соотносятся с саргаринско-алексеевской, ирменской, донгальской культурами. Установлено, что основной массив керамики — саргаринско-алексеевский, различные варианты демонстрируют сложность процессов этнокультурного взаимодействия, протекавших в регионе. Технико-технологический анализ выполнялся в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского. В результате исследования формовочных масс керамических сосудов установлено, что гончарная традиция представлена несколькими группами, связанными с разным по происхождению населением. Основной является автохтонная технология использования в качестве добавок шамота, вместе с тем выделяются инокультурные приемы, связанные с применением дресвы.

Ключевые слова: степное Обь-Иртышское междуречье, Алтай, керамика, технико-технологический анализ, эпоха поздней бронзы

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-019-031

Исследование проведено в рамках гос. задания Министерства образования и науки РФ (проект № 33.867.2017/4.6 «Реконструкции технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии»), а также проекта РФФИ № 17-11-22011-ОГН.

Введение

В конце бронзового века в степном Обь-Иртышском междуречье формируется свита археологических культур, отличающихся значительной вариативностью. Во многом это обусловлено тем, что данная территория находится на стыке двух крупных историко-культурных провинций: с одной стороны — степных пространств Центральной Азии, с другой — лесостепной полосы Западной Сибири. В основном памятники представлены поселениями саргаринско-алексеевской культуры: Рублево-VI, Новоильинка-1, Жарково-3, Суслово-1, Миронов Лог-2, Калиновка-II, Калиновка-IV, Чекановский Лог-1, Гусиная Ляга и др., но выделяются и инокультурные компоненты [Папин, Федорук, 2005; Ситников, 2015]. В ситуации, когда стратиграфические наблюдения не позволяют надежно дифференцировать материалы, большое значение приобретает анализ керамики как важнейшего культурно-диагностирующего индикатора.

Одними из наиболее изученных поселений эпохи поздней бронзы лесостепного и степного Алтая являются Рублево-VI и Жарково-3 (рис. 1). Здесь авторами были исследованы зольники, жилые и хозяйственные сооружения, получены значительные фаунистические и керамические коллекции, а также представительный предметный комплекс [Кирюшин и др., 2008]. Именно в материалах этих поселений нашли отражение все археологические культуры региона, что позволяет рассматривать их в качестве моделей процессов этнокультурного взаимодействия, протекавших в регионе в эпоху поздней бронзы.

Анализ керамических комплексов этих памятников показал значительные возможности полученных данных для проведения широких реконструкций. Были выделены различные традиции, установлены векторы связей, определена внутренняя хронология памятников [Папин и др., 2015, 2016].

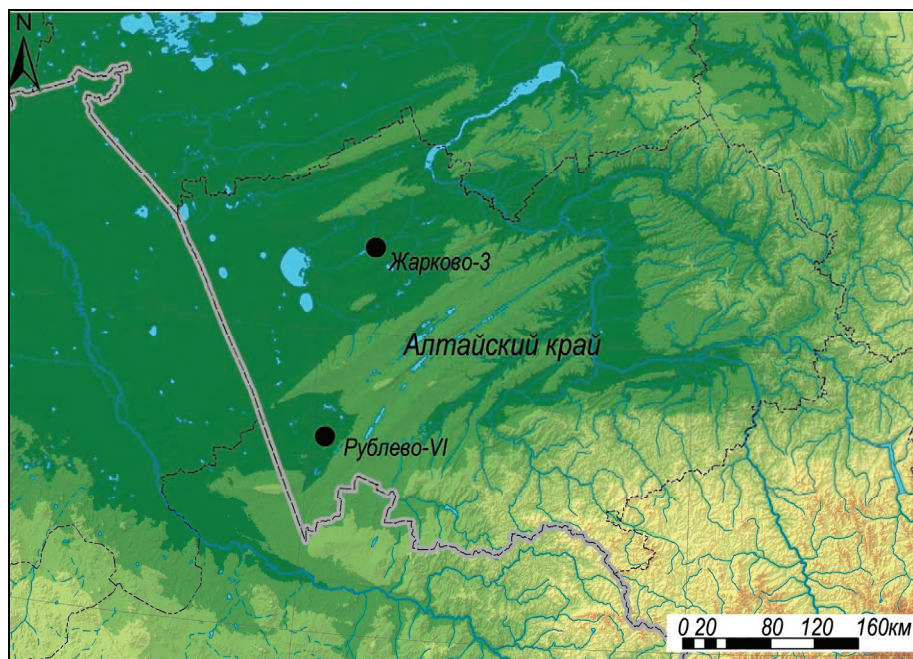

Рис. 1. Расположение памятников Рублево-VI и Жарково-3.

Fig. 1. Location of the monuments Rublevo-VI and Zharkovo-3.

Методика

Керамические коллекции поселений Рублево-VI и Жарково-3 многочисленны, что позволяет провести их комплексный анализ. Коллекция Рублево-VI состоит из 4662 фрагментов. С целью получения достоверной выборки для анализа отбирались все достаточно крупные орнаментированные и неорнаментированные фрагменты различных зон сосудов. Таким образом, коллекция поселения Рублево-VI, подвергнутая традиционному анализу (изучались морфология сосудов и их орнаментация), составила 834 отдельных орнаментированных фрагмента и 28 развалов сосудов (в том числе 19 фрагментов андроновских). Коллекция керамики поселения Жарково-3 состоит из 5911 фрагментов сосудов, в том числе 1324 орнаментированных. Для проведения традиционного анализа нами были отобраны наиболее информативные фрагменты — 281 шт., 216 из которых датируется эпохой поздней бронзы (остальные относятся к андроновской культуре и привлекаются нами для сравнения в технико-технологической части исследования).

Изучение данных коллекций было проведено по единой программе, включающей в себя анализ форм сосудов, техники орнаментации, орнаментальных схем и технико-технологический анализ.

На первом этапе, при анализе морфологии и орнаментации сосудов, использовалась методика В.Ф. Генинга: подсчеты проводились по отдельным элементам, а поверхность сосуда рассматривалась как совокупность зон [1973, с. 115–116]. Подобное разделение на зоны позволило более детально отразить специфику комплексов и выделить несколько групп.

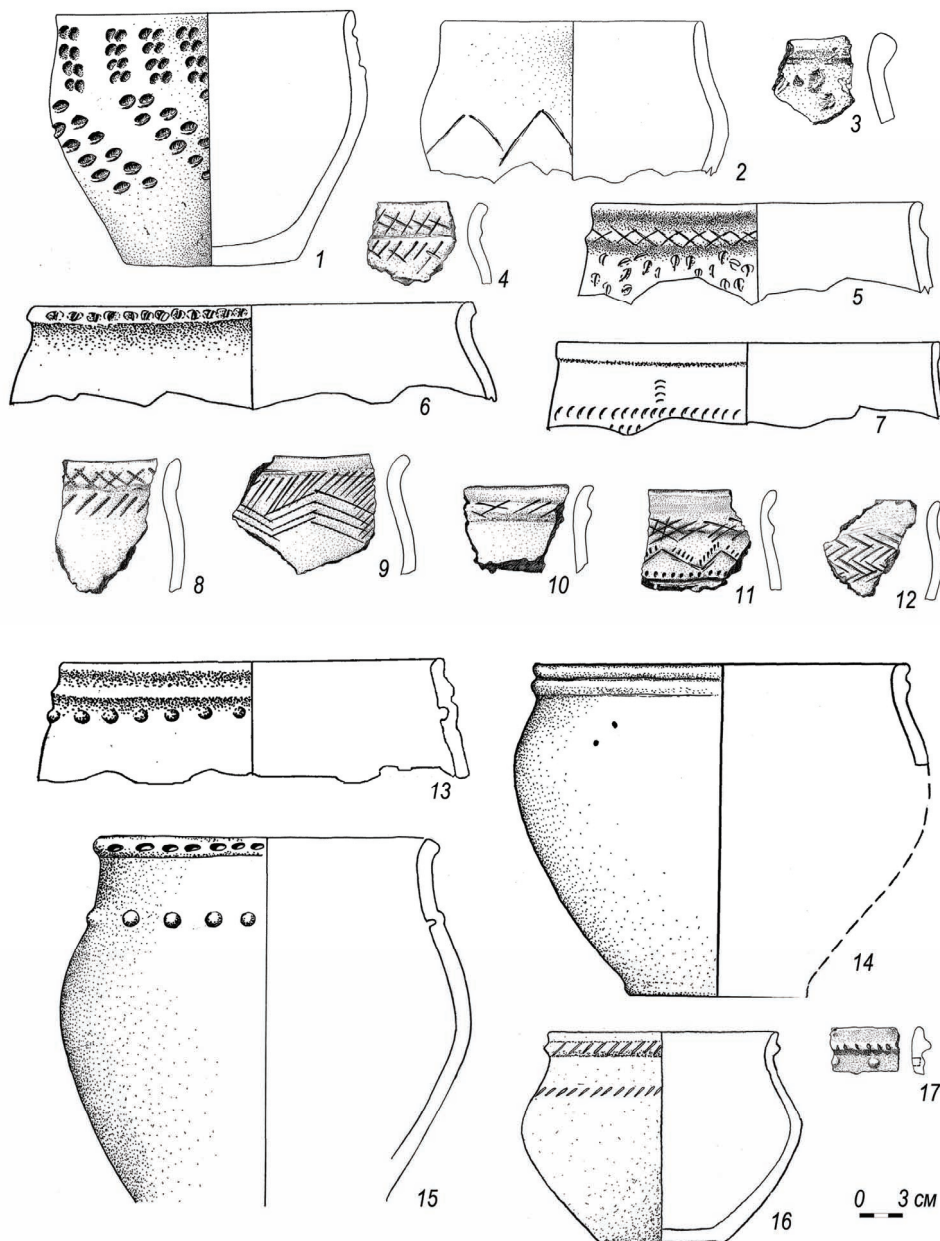
На втором этапе было выполнено технико-технологическое исследование выделенных групп керамики в рамках историко-культурного подхода, разработанного А.А. Бобринским [1978, 1999]. Целью исследований было выявление специфики культурных традиций на таких ступенях производственного процесса, как отбор исходного сырья и подготовка формовочных масс для керамики двух поселений. Рассматривались вопросы: 1) выделение культурных традиций в навыках отбора исходного сырья, подготовки формовочных масс и выявления местных и неместных традиций в навыках отбора глины и подготовки формовочных масс; 2) определение признаков смешения традиций. Исследования изломов и поверхностей образцов проводились с помощью бинокулярного микроскопа «МБС-10». При изучении исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них грубых примесей, использование одной или двух глин. Все образцы были дополнительно нагреты в муфельной печи при температуре 850 °С.

Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья...

Материалы

В рамках первого этапа было обработано 815 отдельных орнаментированных фрагментов и 28 развалов сосудов с поселения Рублево-VI и 216 фрагментов с Жарково 3, датируемых эпохой поздней бронзы. В результате было выделено восемь культурных групп.

Саргаринско-алексеевская керамика (рис 2, 1–12). Посуда данной группы наиболее многочисленна в исследованных комплексах: на поселении Рублево-VI она представлена 313 фрагментами, на Жарково-3 — 52 фрагментами.

Рис. 2. Саргаринско-алексеевская (1–12) и донгальская (13–17) керамика поселений Рублево-VI (1, 2, 5–7, 13, 16) и Жарково-3 (3, 4, 8–12, 14, 15, 17).

Fig. 2. Sargary-Alekseevka (1–12) and Dongal (13–17) ceramics of settlements Rublevo-VI (1, 2, 5–7, 13, 16) and Zharkovo-3 (3, 4, 8–12, 14, 15, 17).

Большинство сосудов группы — горшки преимущественно слабо- (46,6 % на Рублево-VI и 38,9 % на Жарково-3) и среднепрофилированных (27,5 и 31,5 %) форм. Орнамент располагает-

ся в области горловины и плечиков сосудов. При этом в коллекции поселения Рублево-VI заметно выше процент сосудов, орнаментированных по тулову, что связано с серией посуды из зольника, орнаментированной ногтевыми отпечатками и пальцевыми защипами (рис. 2, 1, 5). В орнаментации керамики группы использована техника штампования (Жарково-3 — 28,9 %, Рублево-VI — 21,0 %), реже — насечек (Жарково-3 — 23,2 %, Рублево-VI — 7,5 %) и налепов (соответственно 21,5 и 12,7 %). Кроме того, на поселении Рублево-VI велик процент узоров, нанесенных пальцами (45,3 %), что напрямую связано с упомянутой выше группой сосудов из зольника с пальцевыми защипами и отпечатками ногтя [Папин, 2002]. Наиболее популярными мотивами орнаментации являются горизонтальные пояски, ряды элементов (Жарково-3 — 26,4 %, Рублево-VI — 25,5 %) и валики (11,8 и 2,8 %). Вместе с тем за счет группы сосудов из зольника на керамике поселения Рублево-VI существенно выше доля вертикальных цепочек из ногтевых защипов (12,8 %) и пальцевых защипов, расположенных в хаотичном порядке (11,1 %). Композиционные схемы саргаринско-алексеевской керамики включают преимущественно один (41,4 % на Жарково-3 и 38,2 % на Рублево-VI) либо два мотива (34,4 и 11,8 %). Группа сосудов из зольника с пальцевыми узорами на поселении Рублево-VI дает высокий процент композиций из одного мотива, использованного не менее трех раз (32,4 %). На поселении Жарково-3, в свою очередь, чаще (11,7 % против 3,4 %) отмечаются композиции из трех мотивов.

Саргаринско-алексеевская керамика составляет основу всех керамических коллекций на поселениях эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья, также встречается на синхронных памятниках Алтайского Приобья [Папин, Федорук, 2005; Ситников, 2015].

Донгальская керамика (рис. 2, 13–17). Представлена обломками не менее 54 сосудов с поселения Жарково-3 и 19 с Рублево-VI.

Преобладают горшки сильнопрофилированных (71,7 % — Жарково-3 и 66,7 % — Рублево-VI) форм (рис. 2, 16). Реже встречаются средне- (15,1 и 8,3 %) (рис. 2, 14, 15) и слабопрофилированные (11,3 и 25 %) (рис. 2, 13). Орнамент располагается преимущественно на шейке (Жарково-3 — 58,2 % и Рублево-VI — 59,1 %) и плечиках (40,3 и 40,9 %) сосудов. Преобладающей техникой декорирования являются налепы (47,5 % — Жарково-3 и 35,7 % — Рублево-VI) и насечка (22,9 и 25,0 %). Кроме того, на поселении Жарково-3 велика доля штампования (15,3 %), а на Рублево-VI — выдавливания (техника нанесения «жемчужника») (21,4 %) и вдавления (17,9 %). Среди наиболее популярных мотивов орнаментации жарковской посуды выделяются валики с дополнительным украшением или без (49,4 % против 13,0 % на Рублево-VI), а на рублевской — горизонтальные ряды «жемчужника» (26,2 %), косых насечек (17,4 %) или округлых вдавлений (13,0 %). Композиционные схемы сосудов на поселении Жарково-3 преимущественно состоят из одного мотива (57,1 %), а на Рублево-VI — из одного или двух мотивов (по 35,3 %), из четырех и более (17,6 %), из повторенного дважды мотива (11,8 %).

На Алтае отдельные донгальские находки практически повсеместно отмечаются на саргаринско-алексеевских поселениях, при этом представительные донгальские серии обнаружены также на памятниках Черная Курья 3, Калиновка 2, Горелый Кордон-1 [Фролов и др., 2002; Папин, Федорук, 2007а].

Ирменская керамика (рис. 3, 1–5). Присутствует только в комплексе поселения Жарково-3 (не менее 29 сосудов). Представлена преимущественно сильно- (55,6 %) и среднепрофилированными (27,8 %) горшками. Орнаментированы в основном области шейки (44,0 %) и плечиков (36,0 %) сосудов. Господствующими техническими приемами нанесения орнамента являются: резная техника (48,5 %), насечка (14,7 %), выдавливание (13,2 %), наколы (11,8 %). Преобладают горизонтальные резные линии как отдельный элемент и мотив орнамента (20,0 %) и «жемчужник» (16,3 %). Преобладающие узоры — из четырех и более различных мотивов (85,8 %).

Отдельные находки ирменской керамики на территории степного Алтая встречаются вплоть до р. Иртыша, но только на Жарково-3 и Гусиной Ляге они образуют значительную серию [Киришин и др., 2008].

Ирмено-донгальская керамика (рис. 3, 6–12). В комплексе поселения Жарково-3 насчитывается 21 фрагмент, в коллекции поселения Рублево-VI — 31.

Основные типы форм сосудов: средне- (72,7 % — Жарково-3 и 29,6 % — Рублево-VI) и сильнопрофилированные (18,2 и 25,9 %) горшки. При этом на поселении Рублево-VI в керамике группы присутствуют также слабопрофилированные горшки (37,1 %) и даже сосуды баночных форм (7,4 %). Орнамент наносился на плечики (52,2 % на Жарково-3 и 49,2 % на Рублево-VI) и шейку (43,5 и 44,1%). Использовались выдавливание (27,0 % — Жарково-3 и 15,9 % — Рубле-

Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья...

во-VI), насечки (24,3 и 12,5 %), налепы (18,9 и 23,9 %) и штампование (16,2 и 25 %). На Рублево-VI также велика доля вдавлений (11,4 %). Общий для памятников наиболее часто употребляемый мотив — горизонтальные цепочки «жемчужника» (33,4 % на Жарково-3 и 20,6 % на Рублево-VI). Кроме того, на Жарково-3 часты пояски, елочка, валики с елочкой (по 10,0 %), а на Рублево-VI велик процент воротничков с косой сеточкой (23,6 %) и горизонтальных рядов ямок (13,2 %). Узоры на сосудах поселения Жарково-3 в большинстве случаев состоят из четырех и более мотивов (65,0 %), в то время как на Рублево-VI их доля 19,3 %, а основная масса орнаментальных схем подразумевает использование двух мотивов (58,1 %).

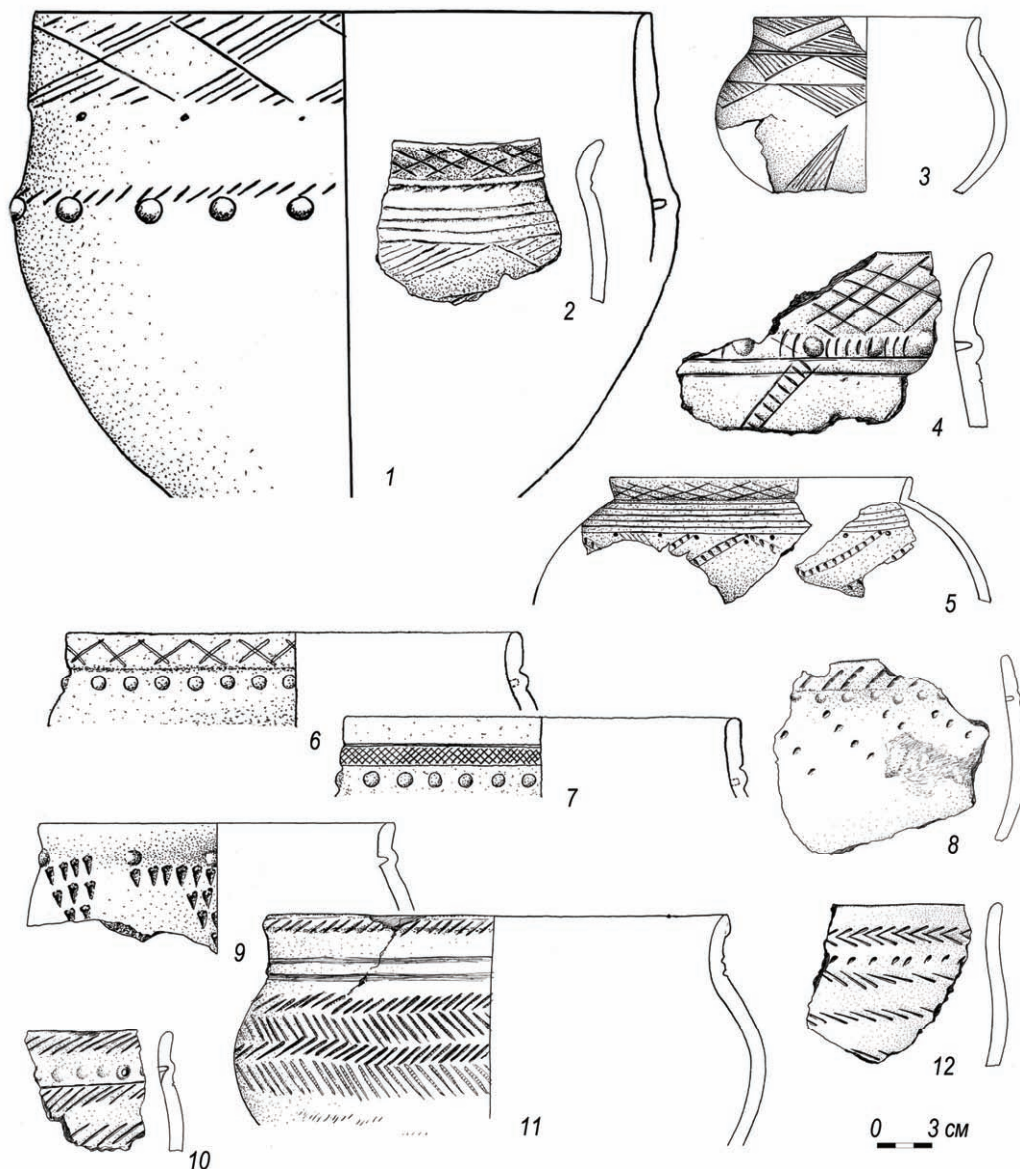

Рис. 3. Ирменская (1–5) и ирмено-донгальская (6–12) керамика поселений Рублево-VI (6, 7, 9) и Жарково-3 (1–5, 8, 10–12).

Fig. 3. Irmen (1–5) and Irmen-Dongal (6–12) ceramics of Rublevo-VI (6, 7, 9) and Zharkovo-3 (1–5, 8, 10–12) settlements.

Ирмено-донгальская группа выделяется типологически в комплексах саргаринско-алексеевской керамики степного Алтая и отражает процесс смешения двух традиций в финальный период бронзового века.

Гибридная керамика (саргаринско-дандыбаевская) (рис 4. 1–8). Представлена фрагментами 12 сосудов с поселения Жарково-3 и 48 обломками с Рублево-VI.

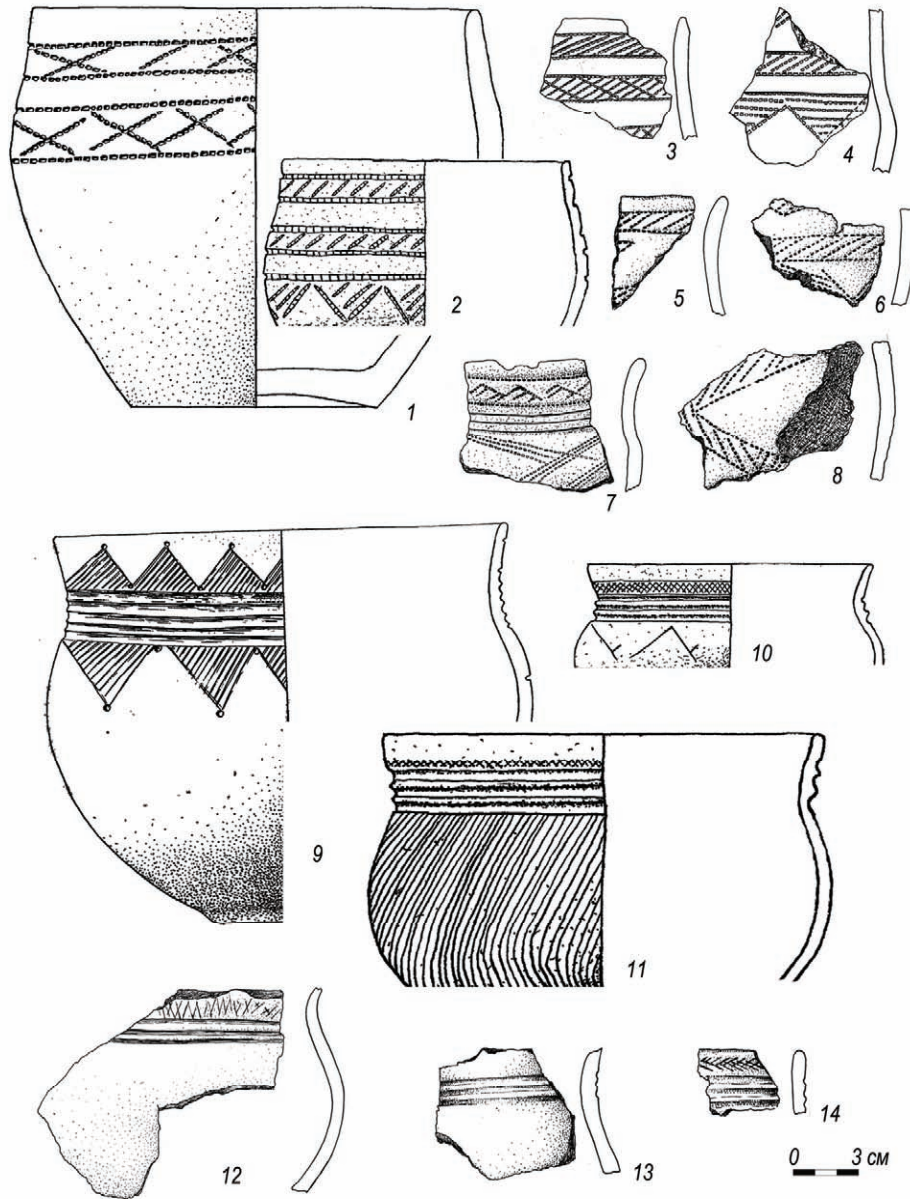

Рис. 4. Саргаринско-дандыбаевская керамика (1–8) и горшки с каннелюрами по шейке (9–14) Рублево-VI (1–4, 9–11) и Жарково-3 (5–8, 12–14).

Fig. 4. Sargary-Dandybay ceramics (1–8) and pots with flutes along the neck (9–14) Rublevo-VI (1–4, 9–11) and Zharkovo-3 (5–8, 12–14).

На поселении Жарково-3 присутствуют только сильно- (33,3 %) и среднепрофилированные (66,7 %) горшки (рис. 4, 7). На поселении Рублево-VI доля сильнопрофилированных форм 22,2 %, среднепрофилированных — 27,8 %, слабопрофилированных — 33,3 % (рис 4. 3, 4). Кроме того, здесь обнаружены сосуды баночных форм (16,7 %) (рис. 4, 1, 2) и один кувшиновидный. Зональность орнамента на сосудах группы: на шейке (20 % на Жарково-3 и 19,6 % на Рублево-VI), на плечиках (20 и 44,6 %) и на тулове (53,3 и 35,8 %). Абсолютно преобладает техника штампования (95 % на Жарково-3 и 88,3 % на Рублево-VI). Наиболее часто употребляемые мотивы — разнооб-

разные горизонтальные пояски, ленты и линии (59,7 и 70,7 %). При этом на Жарково-3 высока доля треугольников (19,1 %), что, видимо, связано с ирменским влиянием. Узоры сосудов этого поселения преимущественно состоят из четырех различных мотивов (60,0 %), в то время как на поселении Рублево-VI 39,3 % схем — из одного мотива, 32,1 % из трех, 10,8 % из четырех и более мотивов.

Данная группа также выделяется нами типологически на основе особенностей декора сосудов. Присутствует в основном керамическом комплексе саргаринско-алексеевской культуры степного Алтая. Предлагаемый нами в данной работе термин «саргаринско-дандыбаевская керамика» носит условный характер и требует дальнейшего уточнения. Его выделение было обусловлено тем, что, с одной стороны, использование крупного гребенчатого штампа не является признаком бегазы-дандыбаевской культуры, с другой — принципы построения орнаментальной схемы сближают именно с ней. В последние годы активно разрабатывается проблематика «восточного варианта пахомовской культуры», в котором наша керамика находит определенные аналогии [Молодин и др., 2017].

Лощеные горшки с каннелюрами по шейке (рис 4, 9–14). Группа состоит из обломков не менее чем 22 сосудов с поселения Жарково-3 и 19 с Рублево-VI.

Все сосуды группы — горшки преимущественно сильнопрофилированных форм (70,6 % — Жарково-3 и 69,2 % — Рублево-VI). При этом на Жарково-3 не зафиксированы среднепрофилированные формы, а на Рублево-VI — слабопрофилированные. Орнаментом покрывались главным образом основание шейки (54,8 % — Жарково-3 и 41,0 % — Рублево-VI) и плечики (45,2 и 53,8 %). Декор выполнен техникой прочерчивания каннелюр (71,4 % — Жарково-3 и 50,0 % — Рублево-VI) и резной (28,6 и 41,2 %). Характерной особенностью орнамента посуды данной группы является частое использование групп узких каннелюр (от трех до пяти штук в зоне перехода от шейки к плечикам горшков) (71,4 % — Жарково-3 и 53,2 % — Рублево-VI) и горизонтальной резной косой сеточки (21,4 и 28,2 %). В композициях преобладают узоры из трех и более мотивов (55,6 % — Жарково-3 и 84,6 % — Рублево-VI).

Выделение этой группы обусловлено региональной спецификой, подобные сосуды обособляются только типологически из комплексов саргаринско-алексеевских поселений и встречаются на могильниках эпохи поздней бронзы Алтая [Кирюшин и др., 2007b]. В целом посуда с подобной орнаментацией характерна для широкого круга культур эпохи поздней бронзы, в первую очередь ирменской [Матвеев, 1993].

Дандыбаевская керамика. Зафиксирована единично, на поселении Жарково-3 обнаружен один фрагмент, на поселении Рублево-VI шесть обломков [Папин и др., 2015, рис. 14; 2016, рис. 9, 7].

Форма сосуда определима только у крупного фрагмента рублевского венчика — сосуд относится к типу сильнопрофилированных горшков. Орнаментированные рублевские фрагменты — шейка (1), плечико (1), тулово (4 шт.). Фрагмент с поселения Жарково-3 орнаментирован хаотично расположенными оттисками полой трубочки, на рублевской посуде присутствуют горизонтальные линии из оттисков подобной трубочки, волнистого (змеевидного) гладкого штампа. Единично здесь зафиксированы валик и узкая каннелюра.

Эта керамика единично встречена практически на всех позднебронзовых поселениях рассматриваемого региона, но нигде не образует значимых серий, что позволяет рассматривать данную посуду как импорт.

Круговая керамика. Представлена восемью фрагментами с поселения Жарково-3 и девятью с Рублево-VI.

Сильная фрагментированность данной группы сосудов не позволяет достоверно судить об их форме. Большая толщина стенок, вероятно, указывает на их крупные размеры. Все фрагменты группы не орнаментированы, однако в ряде случаев сохранились участки с ангобом.

Так же как и предыдущая группа, круговая керамика в регионе встречается единично. Исключение составляют материалы поселения Бурла 3, расположенного на севере степного Алтая, которые рассматриваются в рамках особого, «бурлинского» типа памятников. В настоящее время здесь изучен центр по производству данной посуды [Папин и др., 2017; Ломан и др., 2017].

Кроме восьми групп позднебронзовой керамики, дополнительно выделяется *андроновская керамика* эпохи средней бронзы. На поселении Рублево-VI были найдены единичные фрагменты, а на Жарково-3 — полностью исследовано одно жилище [Кирюшин и др., 2008]. Как правило, на территории степного Алтая андроновские находки встречаются совместно с позднебронзовыми, хотя известны и «чистые» андроновские поселения, но их изучение является одной из актуальных задач.

Результаты технико-технологического анализа

Всего для технико-технологического анализа с двух памятников были взяты образцы от 372 сосудов, из них к рассматриваемым в данной работе группам относятся образцы от 319 сосудов (с Рублево-VI — 186 экз. и с Жарково-3 — 133 экз.). Результаты работ опубликованы [Папин и др., 2015, 2016]. Задачей настоящего исследования было сравнить данные восьми аналогичных комплексов керамики с двух памятников по использованию исходного сырья и подготовке формовочных масс.

Исходное сырье. Для обоих памятников характерна керамика из ожелезненного сырья, но на Рублево-VI выделяется андроновский комплекс — тем, что преобладают изделия из слабо-ожелезненных глин. Использование неожелезненного сырья в незначительных количествах зафиксировано на Рублево-VI в ирмено-донгальской группе (3 %), саргаринско-алексеевской (1 %) и андроновской (Жарково-3 — 2 %). В целом по ожелезненности глин между памятниками наиболее заметны различия по андроновской группе.

Более существенные различия связаны с пластичностью сырья, т.е. с наличием и количеством естественных примесей. На Рублево-VI по этому признаку выделяются группы керамики с каннелюрами, саргаринско-дандыбаевской и андроновской, где изделия из пластичного сырья составляют меньшинство — соответственно 33; 38,5; 40 %. На Жарково-3 также есть группы керамики, в которых из пластичного сырья изготовлена незначительная часть или половина сосудов (ирмено-донгальская группа (11 %), группа с каннелюрами (11 %), саргаринско-алексеевская (50 %) и андроновская (36 %)). Отмечены значительные различия по пластичности сырья в одних и тех же группах на разных памятниках. Например, в ирмено-донгальской группе пластичные глины составляют 70 % на Рублево-VI и 11 % на Жарково-3, в саргары-дандыбаевской группе на Рублево-VI — 38,5 % и на Жарково-3 — 87,5 %. Соответственно средне- и низкопластичное сырье в ирмено-донгальской группе суммарно на Рублево-VI всего 30 %, а на Жарково-3 — 89 % (табл. 1). Отметим, что по исходному сырью на обоих памятниках выделяются группа с каннелюрами и андроновская керамика.

Таблица 1

Исходное сырье с Рублево-VI (PVI) и Жарково-VI (ЖЗ)

Table 1

The raw materials with Rublevo-VI (RVI) and Zharkovo-VI (Zh3)

	Дандыбаевская		Донгальская		Ирмено-донгальская		Каннелюры по шейке		Саргаринско-дандыбаевская		Саргаринско-алексеевская		Андроновская	
	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ
Всего образцов	4	1	9	28	30	9	18	9	13	8	80	24	5	48
Среднеожелез.	100	100	78	89	87	78	78	89	77	87,5	89	71	20	88
Слабоожелез.			22	11	3	11	11	11	15		4	25	80	8
Сильноожелез.					7	11	11		8	12,5	6	4		2
Неожелез.					3						1			2
Пластичное	75	100	78	61	70	11	33	11	38,5	87,5	79	50	40	36
Среднепласт.	25		22	39	20	78	50	44,5	46	12,5	20	50	20	45
Низкопласт.					10	11	17	44,5	15,5		1		40	19

Формовочные массы. Анализ рецептов выявил, что на Рублево-VI их 8, а на Жарково-3 — 5. Некоторые рецепты встречаются чаще других, среди них — как с одной минеральной примесью, так и с двумя.

Рецепт глина + дресва + шамот + органика (г+д+ш+о) преобладает на Рублево-VI в донгальской (67 %), саргаринско-дандыбаевской (61,5 %), саргаринско-алексеевской (61,25 %) группах, на Жарково-3 — в саргаринско-дандыбаевской (62,5 %) (табл. 2). Глина + шамот + органика (г+ш+о) составляет большинство на Рублево-VI в группе с каннелюрами (82 %), а на Жарково 3 — в ирмено-донгальской (100 %), саргаринско-алексеевской (58 %), группе с каннелюрами (55,5 %).

Некоторые рецепты встречаются практически одинаково на обоих поселениях в одних и тех же группах. В частности, в саргаринско-дандыбаевской группе г+д+ш+о — 61,5 % (Рублево-VI) и 62,5 % (Жарково-3), г+ш+о — 38,5 % (Рублево-VI) и 25 % (Жарково-3). Г+д+о — в донгальской группе по 11 % и на Рублево-VI, и на Жарково-3; в саргаринско-алексеевской — соответственно 5 и 8 % на Рублево-VI и Жарково-3. В донгальской группе выявлено по три аналогичных рецепта на обоих поселениях, но на Рублево-VI преобладает рецепт г+д+ш+о, а на Жарково-3 — г+ш+о.

Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья...

Выявлены и различия для аналогичных групп на разных памятниках. В ирмено-донгальской группе на Рублево-VI приблизительно одинаково встречаются г+ш+о и г+д+ш+о, а на Жарково-3 зафиксирован только один рецепт г+ш+о; рецепта, отражающего смешение традиций в использовании минеральных примесей, нет. В донгальской группе на Рублево-VI чаще встречаются рецепты с двумя минеральными примесями, а на Жарково-3 — с одной (табл. 2, 3).

Керамика, изготовленная на круге, полностью отличается по культурным традициям от основных коллекций обоих памятников эпохи поздней бронзы. Почти на всех образцах прослежены следы красного ангоба на внешней поверхности. Для изготовления посуды на гончарном круге отмечено использование низкопластичного (с пылевидным песком) исходного сырья, качественно разного — ожеженного и нежеженного. Кроме того, ожеженные глины различались по степени ожеженности (средне-, слабо- и сильноожеженные). Для изготовления большинства сосудов использовалась смесь двух глин в разных пропорциях: в одних случаях преобладало ожеженное сырье, в других — нежеженное. В отдельных случаях зафиксировано добавление органического раствора.

Таблица 2

Рецепты формовочных масс (Рублево-VI (PVI) и Жарково-3 (ЖЗ))

Table 2

Recipes of molding masses (Rublevo-VI (RVI) and Zharkovo-3 (Zh3))

	С одной минеральной примесью						Без минеральных примесей		С двумя минеральными примесями			
	г+ш+о		г+д+о		г+ш+кость+о		г+о		г+д+ш+к+о; г+д+ш+о+раковина		г+д+ш+о	
	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ
Саргаринско-алексеевская	25	58	5	8	2,5				6,25	4	61,25	29
Саргаринско-дандыбаевская	38,5	25	—	12,5							61,5	62,5
Ирменская	—	94									—	6
Каннелюры по шейке	82	55,5			6		6		6		6	44,5
Ирмено-донгальская	52	100									48	
Донгальская	22	57	11	11							67	32
Дандыбаевская	50	100	50									

Таблица 3

Рецепты формовочных масс с одной и двумя минеральными примесями (Рублево-VI (PVI) и Жарково 3 (ЖЗ))

Table 3

Recipes of molding masses with one and two mineral impurities (Rublevo-VI (RVI) and Zharkovo 3 (Zh3))

	С двумя минеральными примесями		С одной минеральной примесью	
	PVI	ЖЗ	PVI	ЖЗ
Саргаринско-алексеевская	67,5	33	32,5	66
Саргаринско-дандыбаевская	61,5	62,5	38,5	37,5
Ирменская	—	6		94
Каннелюры по шейке	6	44,5	88	55,5
Ирмено-донгальская	48	—	52	100
Донгальская	67	32	33	68
Дандыбаевская	—	—	100	100

Определения конструирования полого тела выполнены В.Г. Ломаном по 106 сосудам различной степени сохранности [Папин и др., 2015, 2016]. Выявлены как общие черты, так и различия для керамики двух поселений. На поселении Жарково-3 зафиксировано пять видов конструирования полого тела, на Рублево-VI — три. Все три вида конструирования полого тела, выявленные на Рублево-VI (лоскутно-комковатый (88 %), лоскутно-спиральный (6 %), спирально-жгутовой (4 %)), известны и на Жарково-3, однако, несмотря на то что также преобладает лоскутно-комковатый (58,5 %), его доля на Жарково-3 в целом заметно меньше, а лоскутно-спирального (14,6 %) и спирально-жгутового (12,2 %) — выше.

Суммируя результаты технико-технологического анализа, отметим, что местными для обоих памятников являются традиции использования ожелезненного сырья, добавления в формовочные массы шамота и конструирования полого тела лоскутно-комковатым налепом. Конструирование полого тела другими способами, лоскутно-спиральным и спирально-жгутовым налепами, связано с группами населения, составляющими меньшинство на памятниках. Единичные случаи применения неожелезненного сырья обусловлены неместными традициями и, возможно, вызваны появлением нового населения.

Таблица 4

Сводная таблица по рецептам формовочных масс Рублево-VI и Жарково 3

Table 4

Summary table of recipes for molding masses Rublevo-VI and Zharkovo 3

	С одной минеральной примесью			Смешанные		
	г+ш+о	г+д+о	г+о	г+д+ш+о	г+ш+к+о	г+д+ш+к+о г+д+ш+о+р
Саргаринско-алексеевская	32	6	—	54	2	6
Саргаринско-дандыбаевская	33	5	—	62		
Ирменская	94			6		
Каннелюры по шейке	70		4	18	4	4
Ирмено-донгальская	64			36		
Донгальская	48,5	11		40,5		
Дандыбаевская	60	40				

Использование дресвы — традиция неместная: дресва редка для обоих памятников и «чистый» рецепт глина + дресва + органика зафиксирован в незначительном количестве на Жарково-3 только в саргары-алексеевской, саргары-дандыбаевской, донгальской группах, на Рублево-VI — в саргары-алексеевской, донгальской, дандыбаевской группах (табл. 2–4). Нет рецепта глина + дресва + органика и в андроновской коллекции. Это позволяет предположить, что данная культурная традиция была связана с пришлыми группами населения, со своими навыками изготовления посуды. Обращает на себя внимание приблизительно одинаковое соотношение рецептов с одной и двумя минеральными примесями в ирмено-донгальской группе на Рублево-VI, а на Жарково-3 в группе с каннелюрами по шейке. Возможно, это обусловлено проникновением нового населения в эти районы. В совокупности «чистые» рецепты преобладают на Жарково-3, с двумя минеральными примесями — на Рублево-VI (табл. 1, 3). Возможно, это связано с расположением памятников, так как поселение Рублево-VI находилось ближе к Казахстану, где керамику изготавливали с использованием дресвы, и контакты населения были более интенсивными. Некоторые группы керамики имеют свои особенности. В частности, в саргаринско-дандыбаевской группе, судя по количественным характеристикам рецептов, процесс смешения был одинаковым на обоих поселениях (табл. 3), близки показатели смешения культурных традиций и для группы с каннелюрами по шейке (табл. 3). В целом проведенные исследования подтверждают наблюдения, что традиции добавления тех или иных минеральных примесей в формовочные массы соотносятся с ландшафтными характеристиками [Степанова, 2015]. На равнинных территориях преобладающей или единственной традицией, как правило, является использование шамота, а в горной и предгорной зонах — дробленого камня или средне- и низкопластичного сырья без искусственно введенных минеральных добавок. Появление сосудов с дресвой в равнинной части, а с шамотом — в горной и предгорной зонах, как правило, связано с появлением нового населения.

Заключение

Результаты стратиграфических и планиграфических наблюдений на поселениях Рублево-VI и Жарково-3 не позволяют разделить керамический комплекс, вся керамика залегает совместно, исключение составляет андроновский строительный горизонт, зафиксированный на Жарково-3.

На основе анализа техники орнаментации, декора и морфологии сосудов поселений было выделено восемь групп керамики, которые соответствуют культурным традициям, существовавшим на территории степной части Обь-Иртышского междуречья (степной Алтай) в эпоху поздней бронзы, а также андроновская группа, относимая к предшествующему периоду — средней бронзы. Они встречаются практически на всех поселенческих памятниках региона.

Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья...

Основной комплекс соотносится с саргаринско-алексеевской культурой, хотя донгальская и ирменская группы в степном Алтае фиксируются в меньшем количестве, они представляют самостоятельные линии развития. Саргаринско-алексеевская, саргаринско-дандыбаевская и донгальская традиции являются пришлыми для региона Алтая, а ирменская — местной. Ирмено-донгальская посуда и группа с каннелюрами по шейке отражают процесс взаимодействия пришлых групп с ирменской культурой, а единичная дандыбаевская и изготовленная на гончарном круге керамика является привозной и связана с импортом в среде саргаринско-алексеевской культуры.

Данные технико-технологического анализа позволили разграничить влияние местных и пришлых традиций на уровне отдельных групп, а также определить направление связей. Хорошая корреляция результатов анализа материалов поселения Рублево-VI и Жарково-3 позволила зафиксировать навыки, связанные с использованием дресвы. Как было указано выше, дресва добавлялась при изготовлении саргаринско-алексеевской, саргаринско-дандыбаевской, донгальской керамики. Но нужно отметить тот факт, что именно донгальская группа в паре с ирмено-донгальской демонстрируют два различных подхода в использовании минеральных добавок с аналогичной технологической функцией. Обе группы сформированы на основе донгальской традиции Центрального Казахстана, для которой характерна дресва, но под влиянием ирменской традиции происходит замещение дресвы шамотом в ирмено-донгальской группе. Поэтому отсутствие смешанных рецептов в ирмено-донгальской, ирменской группах является важным показателем.

В результате исследования установлено, что территория степного Алтая в эпоху поздней бронзы находилась под влиянием саргаринско-алексеевской и ирменской культур. Группы саргаринско-алексеевского населения с запада принесли традицию использования дресвы, это же фиксируется на финальном этапе бронзового века, когда появляются племена носителей донгальской культуры. Вместе с тем происходил постоянный процесс аккультурации под влиянием ирменской культуры, гончары которой традиционно применяли в качестве минеральной добавки шамот, что является наследием андроновской культуры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Генинг В.Ф.* Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. 1973. № 1. С. 114–135.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Федорук А.С.* Предварительные итоги исследования поселения эпохи поздней бронзы Жарково 3 // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье. Барнаул: Концепт, 2008. С. 5–18.
- Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Шамшин А.Б.* Погребальный обряд населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Современные проблемы археологии России: (Материалы Всерос. археол. съезда, 23–28 окт. 2006 г., Новосибирск). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. I. С. 389–392.
- Ломан В.Г., Папин Д.В., Федорук А.С.* Связи населения юга Западной Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы (по материалам керамических комплексов) // Вестник ТГУ. История. 2017. № 49. С. 32–36.
- Матвеев А.В.* Ирменская культура в лесостепном Приобье. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 180 с.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескоров А.В.* Восточный вариант пахомовской культуры в Барабе. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 180 с.
- Папин Д.В.* Особенности функционирования зольника эпохи поздней бронзы поселения Рублево VI // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура (Материалы междунар. науч. конференции). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 181–183.
- Папин Д.В., Федорук А.С.* Памятники эпохи поздней бронзы степной Кулунды // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. Вып. XIV. С. 147–152.
- Папин Д.В., Федорук А.С.* О своеобразии памятников финальной бронзы Степного Алтая // Экология древних и традиционных обществ: Материалы всерос. науч. конф. Тюмень: Вектор Бук, 2007а. С. 121–124.
- Папин Д.В., Федорук А.С.* Погребальный обряд древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы // Кадырбаевские чтения: Материалы междунар. науч. конф. Актобе: ПринтА, 2007b. С. 81–86.
- Папин Д.В., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф., Федорук А.С.* Результаты технико-технологического анализа керамического комплекса поселения эпохи поздней бронзы Рублево-VI // Теория и практика археологических исследований. 2015. Вып. 2 (12). С. 115–143.
- Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г., Степанова Н.Ф.* Керамический комплекс эпохи поздней бронзы поселения Жарково 3 // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 3 (15). С. 102–125.

Папин Д.В., Федорук А.С., Ломан В.Г. К вопросу о взаимодействии населения степного Алтая и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Труды V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле — Белокурихе: В 3 т. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. Т. I. С. 328–333.

Ситников С.М. Культура саргаринско-алексеевского населения лесостепного и степного Алтая. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2015. 254 с.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самар. науч. вестник. 2015. № 4 (13). С. 90–95.

Фролов Я.В., Папин Д.В., Шамшин А.Б. Горелый Кордон I — первое поселение переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку на юге Кулунды // Северная Евразия в эпоху бронзы: Пространство, время, культура: (Материалы междунар. науч. конф.). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2002. С. 135–139.

D.V. Papin*, **, N.F. Stepanova*, **, A.S. Fedoruk*

*Altai State University

prosp. Lenina, 61, Barnaul, 656049, Russian Federation

**Institute of Archeology and Ethnography of Siberian Branch RAS

prosp. Akad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation

E-mail: papindv@mail.ru

LATE BRONZE AGE CERAMICS FROM A STEPPE REGION BETWEEN THE OB AND IRTYSH RIVERS AS A SOURCE FOR RECONSTRUCTING ETHNOCULTURAL INTERACTION PROCESSES

Archaeological cultures formed at the end of the Bronze Age in the steppe area between the Ob and Irtysh rivers are characterized by a considerable level of variability. Under conditions, when stratigraphic observations fail to reliably differentiate archaeological materials, pottery can serve as an important cultural diagnostic indicator. The Rublevo 6 and Zharkovo 3 settlements having situated in a steppe region between the Ob and Irtysh rivers have long attracted the attention of researchers, because they feature all the archaeological cultures present in the region. Thus, during many years of studying various archaeological structures, the authors of the present work have gathered a significant collection of ceramics and other artefacts in this area. In this research, ceramic fragments collected in the Rublevo 6 and Zharkovo 3 settlements were analysed in terms of the forms of vessels, ornamental patterns and the methods used for ornamentation. The morphology and ornamentation of vessels was analysed using V.F. Gening's method. In addition, the historical-cultural approach developed by A.A. Bobrinsky was applied. The technical and technological analysis allowed the skills of ceramics production to be taken into account. As a result, all the ceramics fragments under investigation have been broadly distinguished into eight historical and cultural groups and their transitional forms: Sargary-Alekseevka ceramics, Dongal ceramics, Irmen ceramics, Irmen-Dongal ceramics, hybrid ceramics (Sargary-Dandybay), glazed pots with flutes on the neck, Dandybay ceramics, pottery made on a potter's wheel. A technical and technological analysis was performed on samples from 240 Late Bronze Age vessels, with 154 and 86 vessels being taken from Rublevo 6 and Zharkovo 3 settlements, respectively. For each settlement, a comparative analysis of raw materials and moulding compositions was carried out between the groups. It is found that ceramics from all the groups and both sites feature general and individual characteristics. It is established that both settlements shared a common tradition of adding chamotte (grog) to the moulding composition. The tradition of using grus was not local, but rather had been brought from outside. As a result of the research, it is found that societies having resided in the Altai steppe in the Late Bronze Age were influenced by the Sargary-Alekseevka and Irmen cultures. Thus, the Sargary-Alekseevka population brought the tradition of using grus in pottery making. At the final stage of the Bronze Age, representatives of the Dongal culture arrived to this land, thus stimulating the process of ethnocultural interaction between the Irmenskaya, Sargary-Alekseevka and Dongal cultures.

Key words: steppe Ob-Irtysh interfluve, Altai, ceramics, technical and technological analysis, the Late Bronze Age.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-019-031

REFERENCES

- Bobrinskii A.A. (1978). *Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of studying*, Moscow: Nauka, 272 p.
- Bobrinskii A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural study. *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*, Samara: SamGPU, 5–109.
- Gening V.F. (1973). The program of statistical processing of ceramics from archaeological excavations. *Sovetskaiia arkhologiaia*, (1), 114–135.
- Kiriushin Iu.F., Papin D.V., Fedoruk A.S. (2008). Preliminary results of the study of the settlement of the Late Bronze Age Zharkovo 3. *Etnokul'turnye protsessy v Verkhnem Priob'e*, Barnaul: Kontsept, 5–18.

Керамика эпохи поздней бронзы степного Обь-Иртышского междуречья...

Kiriushin Iu.F., Papin D.V., Shamshin A.B. (2006). Funeral rite of the population of the Kulunda steppe in the Bronze Age. *Sovremennyye problemy arkheologii Rossii (Materialy Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda, 23–28 oktiabria 2006 g., Novosibirsk), I*, Novosibirsk: IAET SO RAN, 389–392.

Loman V.G., Papin D.V., Fedoruk A.S. (2017). Connections of the population of the south of Western Siberia and Central Asia in the Late Bronze Age (based on materials of ceramic complexes). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii*, (49), 32–36.

Matveev A.V. (1993). Irmen culture in the forest-steppe Ob region, Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. 180 p.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V., Neskorov A.V. (2017). *Eastern version of Pakhomovo culture in Baraba*, Novosibirsk: IAET SO RAN, 180 p.

Papin D.V. (2002). Features of functioning of an ash-pan of the Late Bronze Age of the settlement of Rublyovo VI. *Severnaia Evraziia v epokhu bronzy: Prostranstvo, vremia, kul'tura*, Barnaul: Altaiskii gosuniversitet, 181–183.

Papin D.V., Fedoruk A.S. (2005). Sites of the Late Bronze Age of the Kulunda. *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediiia Altaia*, (XIV), Barnaul: Altaiskii gosuniversitet 147–152.

Papin D.V., Fedoruk A.S. (2007a). On the originality of the sites of the Final Bronze of Steppe Altai. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv*, Tiumen': Vektor Buk, 121–124.

Papin D.V., Fedoruk A.S. (2007b). The funeral rite of the ancient population of the steppe Ob-Irtyshia in the Late Bronze Age. *Kadyrbaevskie chteniia*, Aktobe: PrintA', 81–86.

Papin D.V., Loman V.G., Stepanova N.F., Fedoruk A.S. (2015). Results of technical and technological analysis of the ceramic complex of the Late Bronze Age settlement Rublevo-VI. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia*, (2 (12)), 115–143.

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G., Stepanova N.F. (2016). Ceramic Complex of the Late Bronze Age of the settlement Zharkovo 3. *Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniia*, (3 (15)), 102–125.

Papin D.V., Fedoruk A.S., Loman V.G. (2017). To the question of of the population of the steppe Altai and Central Asia in the Late Bronze Age. *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule — Belokurikhe, I*, Barnaul: Altaiskii gosuniversitet, 328–333

Sitnikov S.M. (2015). *Culture of the Sargarin-Alekseev population of the forest-steppe and steppe Altai*, Barnaul: AltGPU, 254.

Stepanova N.F. (2015). Cultural traditions in the choice of raw materials and mineral impurities in the manufacture of ceramics based on materials of mountain, foothill, steppe and forest-steppe regions of Altai. *Samarskii nauchnyi vestnik*, (4 (13)), 90–95.

Frolov Ia.V., Papin D.V., Shamshin A.B. (2002). Gorelyi Kordon I — the first settlement of the transition period from the Late Bronze Age to the Early Iron Age in the south of Kulunda. *Severnaia Evraziia v epokhu bronzy: prostranstvo, vremia, kul'tura*, Barnaul: Altaiskii gosuniversitet, 135–139.

В.М. Костомаров

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: vkostomarov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СТРАТЕГИЯХ ОСВОЕНИЯ ПРОСТРАНСТВА НОСИТЕЛЕЙ ПАХОМОВСКОЙ ТРАДИЦИИ ЗАУРАЛЬЯ

Исследования различных областей и сфер деятельности древнего человека сопряжено с многочисленными трудностями, как-то: отрывочность данных, неполноценность выборок артефактов и пр. Наиболее успешным в последнее время признано использование методов моделирования, основанных на различных математических алгоритмах. Целью работы является сопоставление различных данных для определения хозяйственно-экономических ареалов, территории природопользования, стратегий и приемов адаптации как для некоторых поселений, так и в целом для пахомовской культуры. При оценке освоения окружающего пространства были применены подходы, встречающиеся в исследованиях по пространственной археологии, анализ территории при помощи модулей ГИС, возможной логистики и ресурсов округа, данные по палеозоологии и сопутствующим производствам. В результате подтвердилась гипотеза о влиянии окружающих ландшафтов и форм хозяйства на выбор стратегии освоения пространства. Пахомовское население имело свою культурную и хозяйственную специфику, которая в последующем транслировалась в культуры финальной бронзы. На основе полученных данных не выделяется ярких дифференцированных комплексов, которые способствовали бы разделению культуры на хронологические или территориальные типы.

Ключевые слова: пахомовская культура, Тоболо-Иртышь, хозяйство, пространственный анализ, типология памятников, стратегии, традиции.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-032-040

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.4; проект № 0372-2016-001.

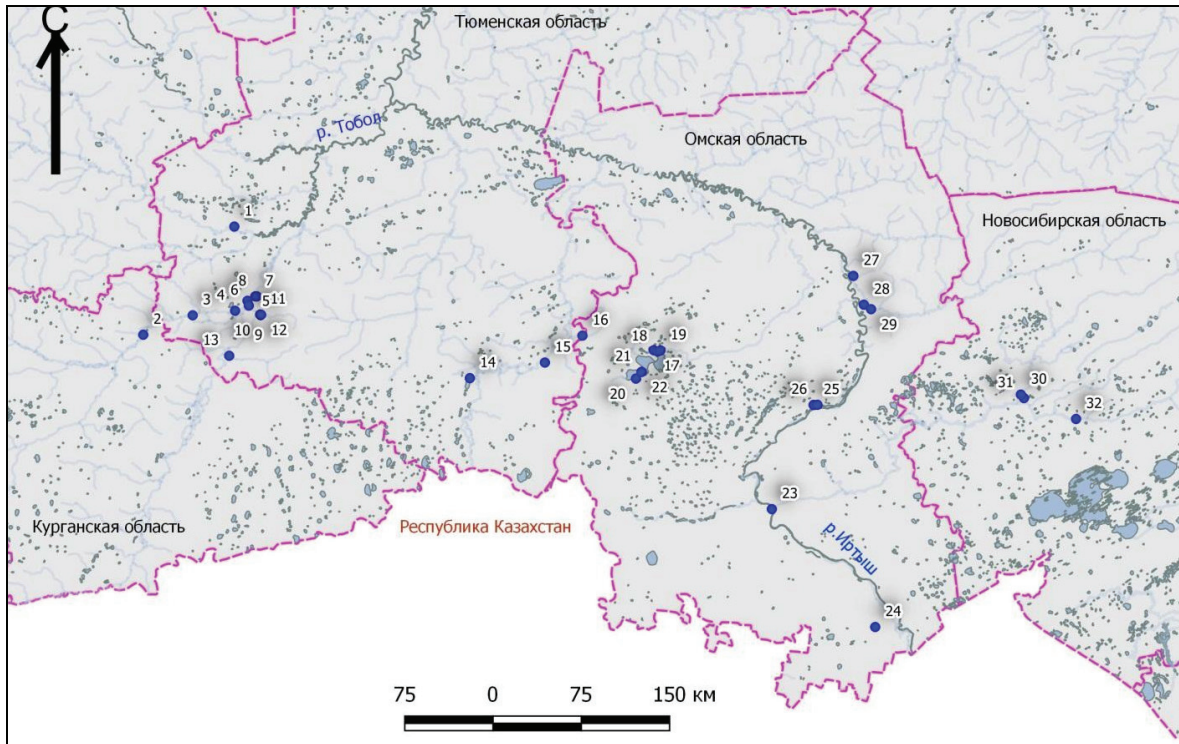
Исследованию пахомовских древностей посвящено немало работ различного содержания, а историографический аспект освещался археологами Екатеринбурга, Тюмени, Новосибирска и Омска неоднократно [Корочкова, 1987; Полеводов, 2003; Костомаров 2010, Молодин и др., 2018]. Общепринятой является точка зрения, что в результате распада андроновской общности сформировался ряд андронидных культур, в том числе пахомовская [Корочкова, 2009; Матвеев, Костомаров, 2011]. А.В. Полеводов рассматривает пахомовские древности как начальный этап сузгунской культуры [2003]. В любом случае, как считается, пахомовские комплексы выступили основой формирования сузгунских и бархатовских и были наиболее яркими и самобытными в процессе смены культурных парадигм и ориентиров населения эпохи бронзы. В последнее время существенно концепция пахомовской культуры не претерпела серьезных изменений, однако появились новые материалы и новые подходы к интерпретации существующих источников [Бобров и др., 2016; Молодин и др., 2016]. Несмотря на длительное изучение, на данный момент известно всего 32 объекта (рис. 1), на которых присутствуют материалы пахомовской культуры, еще на пяти памятниках обнаружены единичные пахомовские артефакты. Актуальность данного исследования заключается в нескольких положениях: источниковая база по памятникам, да и количество памятников прирастает и требует обобщения; несмотря на отдельные и разрозненные данные по пахомовским памятникам, имеется ряд источников и методик, позволяющих сопоставлять разнонаправленные исследования; работ по топографии и окружающему пространству пахомовского населения еще не проводилось.

Целью данной работы является выделение особенностей пространственной локализации пахомовских поселенческих памятников, а также оценка степени дифференциации экономического уклада и традиций на всем протяжении ареала исследуемой культуры.

Методика работы комплексная и объединяет несколько направлений. В последнее время стало актуальным привлечение ряда методов естественных наук, которые позволяют расши-

К вопросу о стратегиях освоения пространства носителей пахомовской традиции Зауралья

ять поле для построения гипотез [Kuna, Adelsbergerova, 1995]. Были привлечены данные палеогеографических исследований, исследований поверхности земли (ДЗЗ), геодезические измерения, сведенные в локальную ГИС. Сразу необходимо отметить, что анализ в ГИС один из простых методов комплексного анализа, он будет модернизироваться с учетом пополнения источниковой базы, как по результатам полевых исследований, так и с привлечением новых вспомогательных данных.

Рис. 1. Памятники пахомовской культуры:

- 1 — Борки; 2 — могильник Усть-Терсюкский 2; 3 — Ботники 1в; 4 — Сосновка 10 (Яр); 5 — Оськино Болото; 6 — Ак-Паш; 7 — Большой Имбиряй 2; 8 — Большой Имбиряй 10; 9 — Ук XIV; 10 — Ук V; 11 — Ук III; 12 — Заводоуковское 11; 13 — Ново-Шадрино VII; 14 — Пахомовская Пристань I; 15 — Лихачевский могильник; 16 — Ир II; 17 — Новокарасук XVI; 18 — Усть-Логатка 56; 19 — Усть-Логатка 37; 20 — Крутинка II; 21 — Усть-Китерма I; 22 — Усть-Китерма IV; 23 — Омская Стоянка; 24 — Жар-Агач I; 25 — Черноозерье II; 26 — Инберень IV; 27 — Прорва; 28 — Алексеевка XXI; 29 — Окунево X; 30 — Ложка 6; 31 — могильник Старый Сад; 32 — могильник Гришкина Заимка.

Fig. 1. Location map of sites of Pakhomovo culture:

- 1 — Borki; 2 — burial ground of Ust-Tersyuk 2; 3 — Botniki 1v; 4 — Sosnovka 10 (Yar); 5 — Oskino Boloto; 6 — Ak-Pash; 7 — Bol'shoy Imbiryay 2; 8 — Bol'shoy Imbiryay 10; 9 — Uk XIV; 10 — Uk V; 11 — Uk III; 12 — Zavodoukovskoe 11; 13 — Novo-Shadrino VII; 14 — Pakhomovskaya Quay I; 15 — Likhachevskii burial ground; 16 — Ir II; 17 — Novokarasuk XVI; 18 — Ust-Logatka 56; 19 — Ust-Logatka 37; 20 — Krutinka II; 21 — Ust-Kiterma I; 22 — Ust-Kiterma IV; 23 — Omsk Site; 24 — Zhar-Agach I; 25 — Cherno-Ozerye II; 26 — Inberen IV; 27 — Prorva; 28 — Alekseevka XXI; 29 — Okunevo X; 30 — Lozhka 6; 31 — the cemetery of the Staryy Sad; 32 — the cemetery of Grishkina Zaimka.

На первом этапе была собрана вся информация, касающаяся точного расположения памятников, их геоморфологических характеристик, артефактов, результатов определения палеозоологических остатков, иные данные, связанные с экономической деятельностью населения, оставившего рассматриваемые памятники. При анализе палеозоологических работ особое внимание уделялось видовому составу животных каждого поселка, соотношению костных останков домашних и диких животных, а также костей домашнего скота между собой. Видовой состав диких животных может указать на способы охоты, что косвенно демонстрирует удаленность промысла от дома и влияние сезонности на этот процесс. Также совокупность интерпретации этих видов и найденного инвентаря на поселении, именуемого охотничьим или приспособленным к охоте, может указывать, насколько исследуемый объект вписан в структуру локальной стратегии освоения территории. В целом данные палеозоологии характеризуют направление развития эко-

номики пахомовских коллективов, их адаптацию к экологической и климатической обстановке, а также степень приверженности к традициям андроновской общности, развитие инновационных элементов в хозяйстве, использование окружающего пространства.

Отдельно нужно остановиться на корреляции данных с результатами палеогеографических исследований. Очень важно, насколько сведения о хозяйстве, палеогеографические показатели и микрорельеф региона связаны между собой, нет ли явных противоречий между полученными результатами, реконструкциями и фактическими данными по экономике пахомовского населения.

Собственно географическая часть анализа позволяет оценить расположение поселенческих комплексов. Во внимание берутся такие признаки, как: гидрологическая приуроченность, геоморфологическая привязка, оценка господствующих высот, характеристики дальностей между объектами, плотность и скопления памятников, транспортная доступность, возможность выделения территорий со специфическими данными по размещению и использованию окружающего пространства. Исследования такого типа проводятся при помощи ГИС, геостатистических модулей, модулей обработки растровых данных и достаточно часто встречаются в работах коллег [Коробов, 2011; De Reu et al., 2011]. Анализ территории был выполнен в программной среде QGIS с привлечением доступных и вновь созданных векторных данных (БД по памятникам, слой с гидрологией региона), растровых данных (спутниковые изображения ALOS с разрешением 25 м). Среди модулей анализа использованы растровые интерполяционные модули для классификации и создания DEM (цифровой модели высот), модули геостатистического анализа — расчет расстояний между объектами, расчет видимости наблюдаемой области с учетом объектов исследования. Данная методика не нова и отчасти продиктована общими положениями пространственной археологии, сформулированными Д. Кларком и его единомышленниками [1977].

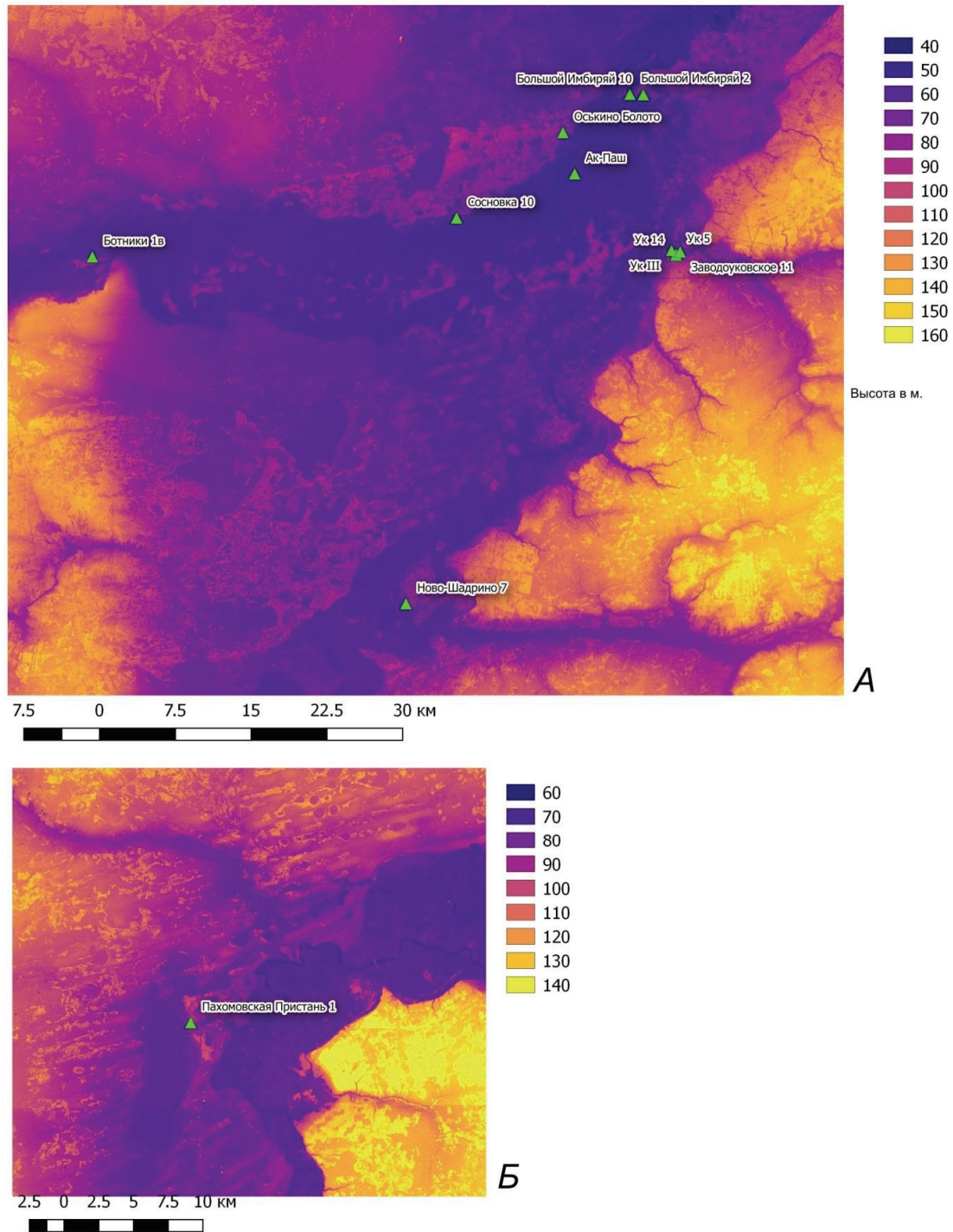
Обращаясь к фактическому материалу, можем выделить ряд геостатистических и фактических данных. Практически все поселенческие комплексы, которые однозначно можно интерпретировать как пахомовские, сосредоточены в Притоболье; еще одним скоплением можно назвать ишимо-иртышскую группу, однако она пока уступает по своим количественным характеристикам. Основные гипсометрические высоты расположения памятников для Притоболья равны 60–70 м, по анализу растра и полученной DEM, в Пришимье и восточных районах памятники сосредоточены на отметке 80–90 м. В ландшафтном отношении это либо участки небольшой пойменной террасы, либо высокий берег водоема. Условно памятники (выборка из 28 поселений) можно классифицировать на речные (26 поселков) и озерные (два поселка), непосредственно на берегах крупных рек находится всего 10 объектов, остальные приурочены к различного рода питающим системам, небольшим речкам и старичным протокам.

Плотность и расположение объектов не создают выраженной структуры, объекты могут располагаться как одиночно, так и скоплениями по 2–4 памятника на небольшом участке. Среднее расстояние между объектами составляет 14,4 км, что, в свою очередь, позволяет сделать более углубленный прогноз при поиске памятников пахомовского времени, а также помогает в оценке стратегии освоения окружающего пространства (рис. 1, 2). Центрального поселения в двух выявленных группах не обнаружено, гипсометрически господствующие высоты не образуют точки, с которой можно визуальнo контролировать пространство, что косвенно говорит и об отсутствии какой-либо внешней угрозы, которая требовала бы предупреждения и скорого оповещения. Однако сами поселки находятся на достаточно ровной или слегка приподнятой площадке. При текущем обследовании ряд из них можно выделить как наиболее стратегически и экономически выгодные (Пахомовская Пристань I, Ботники 1в, Сосновка 10, Крутинка II, Омская Стоянка, Ложка-6). Их можно достигнуть как в сухопутном, так и в речном направлении, площадки поселков расположены на выровненных участках террасы, скорее всего хорошо продувались и просматривались, кроме этого, можно проследить ограниченные руслами небольших рек ареалы в радиусе 3–7 км от указанных поселков. Это, видимо, способствовало созданию закрытой территориально, компактной площади, удобной для выпаса скота. Согласно данным полевых изысканий, нет и какой-то явной кластеризации памятников по размерам, их площади укладываются в интервал 2–4 га.

Говоря об аспектах размещения относительно водных объектов, можно констатировать, что удаленность поселений от основных водотоков невелика. Если озерные поселения занимали наиболее удобную господствующую точку, то речные поселки могли располагаться на берегах рек шириной от 2 до 5 м или же на высоких берегах основных речных магистралей — рр. Исеть, Тобол, Иртыш. Анализ показал, что отсутствует корреляция между ландшафтным расположением

К вопросу о стратегиях освоения пространства носителей пахомовской традиции Зауралья

ем памятника и значимостью водного объекта. Анализ видимости также показал, что визуальных связей (наличие прямой, в пределах которой видно невооруженным глазом) между наблюдаемыми объектами не имеется (расчет производился с использованием модуля системы QGIS).

Рис. 2. Расположение поселков пахомовской культуры на DEM-снимках (А — Притоболье, Б — Пришимье).

Fig. 2. Location of Pakhomovo culture settlements on DEM images (A — Tobol river basin, Б — Ishim river basin).

Сопоставим полученные данные с имеющимися реконструкциями палеоклимата для периода существования пахомовской культуры (последняя четверть II тыс. до н.э.). Исследователи указывают, что его начало совпадает с наибольшей аридизацией, а следовательно, характеризуется весьма сухим климатом, с окончанием же совпадает финал суббореального периода, для которого преобладающим остается достаточно сухой климат с небольшим похолоданием, к смене тысячелетий начинается постепенное увлажнение [Зах и др., 2008, с. 187]. Отчасти данное наблюдение верно, если не учитывать некоторых данных, связанных с палеозоологическими определениями костей из пахомовских памятников, а также орудийного набора, имеющего отношение к отдельным специфическим отраслям экономики. В настоящий момент имеются частично или полностью определенные палеозоологические коллекции с таких памятников, как Большой Имбиряй 10 [Матвеев и др., 2009], Ново-Шадрино VII (1 раскоп) и Пахомовская Пристань I [Корочкова, 1987; Корочкова, Евдокимов, 1991; Косинцев, 2003], Ложка 6 [Девяшин, 2016]. Анализ данного источника позволяет представить генеральную линию развития экономики носителей пахомовской культуры, определить второстепенные отрасли, а также оценить вклад состава стада и добычи диких животных в схеме освоения пространства и территории.

	Ново-Шадрино VII	Пахомовская Пристань I	Большой Имбиряй 10	Ложка 6
КРС	36	37	59,1	41,6
МРС	20	21	7,9	16,5
Лошадь	44	42	28,3	37,7

Рис. 3. Гистограмма соотношения костей домашних животных на памятниках пахомовской культуры, % [Матвеев и др., 2009; Косинцев, 2003; Девяшин, 2016].

Fig. 3. Histogram of the ratio of the domestic animals bones on the Pakhomov culture sites, % [Matveev et al., 2009; Kosintsev, 2003; Devyashin, 2016].

Мы видим практически идентичное соотношение КРС, МРС и лошади в стаде, исключение может составлять только коллекция, происходящая из слоя поселения Большой Имбиряй 10 (рис. 3). Это объясняется тем, что материал данного памятника носит смешанный пахомовско-черкаскульский характер, процентное соотношение материалов во всех стратиграфических горизонтах практически равное, с небольшим преобладанием пахомовской керамики. Скорее всего данный факт сказался и на структуре стада данного поселка, что выразилось в увеличении доли КРС.

Одной из присваивающих отраслей в хозяйстве пахомовского населения являлась охота. Она служила дополнительным источником пропитания и обеспечивала материалом для изготовления одежды. Судя по остеологическим остаткам с селища Ново-Шадрино VII (раскоп 1), в хозяйстве его обитателей охота занимала немаловажное место. Среди ее объектов преобладали лось, косуля, кабан. Охотились также на лисиц, медведей, зайцев. Практиковалась охота и на пушного зверя (бобр) [Корочкова, 1987, с. 17]. Кости медведя и лося обнаружены и на поселении Большой Имбиряй 10 (0,3 и 4,4 % от общего количества костей животных соответственно). Кроме того, охотничий промысел иллюстрируется находками многочисленных костяных и единичных бронзовых наконечников стрел (20 и 2 соответственно), костяных накладок на лук [Корочкова, 1987; Евдокимов, Корочкова, 1991, с. 54; Сотникова, 1986, с. 43]. Три концевых вкладыша для лука происходят с поселений Ново-Шадрино VII, Пахомовская Пристань I, Алексеевка XXI [Корочкова, 1987, с. 12–13; Евдокимов, Корочкова, 1991, рис. 4, 7; Татаурова и др., 1997, рис. 11, 6]. Подобные изделия известны в комплексах барабинского варианта сузгунской культуры [Молодин, 1985, с. 152; рис. 75, 4].

Важную роль в хозяйстве пахомовцев играло рыболовство. О его значимости свидетельствуют многочисленные находки грузил для рыболовных сетей и их разнообразие, в большей степени проявившееся в пахомовских комплексах Притоболья. На селищах обнаружено около 130 этих изделий, они не зафиксированы только в материалах памятника Жар-Агач I [Ткачев, Ткачева, 2006, с. 243; Матвеев, Чикунова, 1999, с. 48, рис. 7, 4, 6, 10]. Грузила можно разделить на четыре категории: подпрямоугольные уплощенной формы с двумя и одним желобком-перехватом (68 и 50 экз.), округлые со сквозным отверстием (5 экз.), а также шарообразные (7 экз.). Отдель-

К вопросу о стратегиях освоения пространства носителей пахомовской традиции Зауралья

ного внимания заслуживает соотношение реконструкции климата и видового состава диких животных. По данным палинологии, климат был сухой, и в период существования пахомовской культуры ландшафты были ближе к классической лесостепи, однако состав диких животных, наличие таких видов, как лось, медведь, куница, бобр, наоборот, связываются с таежными и лесными массивами, с более влажными условиями. Такая дифференциация может быть объяснима либо с позиции уточнения хронологии культуры, либо тем фактом, что движение указанных видов происходило вдоль долин рек с их уникальными в отличие от общей территории условиями [Косинцев, 2005].

Рассматривая вопрос о стратегиях освоения территории пахомовским населением, можно отметить несколько ключевых моментов. Во-первых, четкая гидрологическая привязка в совокупности с широким спектром животноводства, которое можно скорее охарактеризовать как придомно-пастушеское и существовавшее в границах микроучастков, образованных течением основных притоков крупных рек, давала определенный ареал. На имеющемся материале делать более подробные расчеты нецелесообразно. Однако, опираясь на данные о примерном соотношении животных в стаде, можно обозначить ареал в 10–12 км в радиусе от поселка как максимальную территорию охвата; в некоторых случаях, например при охоте на дикого зверя (куница, бобр, лось, медведь), удаление от жилой площадки могло быть больше, о чем свидетельствуют наблюдения по этнографии коренных народов Прииртышья [Адаев, 2007, с. 39].

Во-вторых, мы не можем говорить об охоте как явлении массовом; скорее всего, при таких показателях и орудийном наборе она имела вспомогательное значение, вероятно, рыболовство было более предпочтительным.

В-третьих, вне зависимости от расположения памятника (озеро или река), вектор экономического уклада был смещен в сторону производящих отраслей, несмотря на более выгодные условия развития присваивающего сегмента.

В-четвертых, на протяжении всего ареала культуры от Исети и до Барабинской лесостепи очевидна четкая ориентация освоения пространства, выраженная в едином кластере выбора и оценки территории, увеличенная доля скотоводства, небольшой процент охоты на определенных представителей, что может указывать на навыки добычи именно этих животных, развитое инвентарное производство.

Таким образом, удалось подтвердить, что стратегии освоения пространства у населения носителей пахомовской традиции зависели от множества факторов, имели в своей основе развитые элементы скотоводства при наличии вспомогательных отраслей (охота, рыболовство). При этом впервые показано, что географически эти группы населения не проживали в замкнутых и единообразных системах, каждый поселок вписывался в существовавшую ландшафтную окружающую обстановку, образуя своего рода природно-культурный кластер со специфическими формами ведения хозяйства, которые в последующем были восприняты сузгунскими коллективами. Спорным, требующим уточнения, остается вопрос о соотношении данных реконструкции палеоклимата, которые говорят о сухом периоде, и анализа артефактов и особенностей расположения памятников — на старичных участках и небольших протоках (микрорайон на р. Ук, окрестности р. Имбиряй), на достаточно высоких для современности берегах озер. При этом видовой состав добывавшегося зверя более характерен для тайги современного образца, нежели для сухой лесостепи. В культурогенетическом плане была апробирована гипотеза о параллельном развитии пахомовской культуры на протяжении всего ареала: об этом говорит единый хозяйственный комплекс, стандарты животноводства, рыболовства и охоты.

В традициях пахомовского населения фиксируется непрерывный процесс утрачивания андроновских черт при участии остатков местного населения, а также, возможно, некоторых групп мигрантов. В этом контексте пахомовскую культуру, как синхронные ей корчажкинские, ордынские материалы, можно рассматривать в качестве образования переходного типа. Оставившие эти памятники группы населения являлись ретрансляторами федоровских традиций в последующие группы (сузгунские, ирменские, еловские). Наиболее удачной интерпретацией было объединение подобных памятников в пахомовско-ордынский хронологический пласт О.Н. Корочковой [1987], это единство сегодня наиболее ярко прослеживается в материале ряда памятников Зауралья и Сибири.

Помимо опробования новых методик при оценке стратегии освоения территории пахомовцами, нам удалось заложить фундамент создания стандарта по комплексным исследованиям палеоэкономического профиля. Немаловажным стало создание задела для последующих срав-

нительных исследований, так как на указанной территории имеются памятники и андроновской общности, и следующих за пахомовской — сузгунской, еловской, ирменской и бархатовской культур. Результаты использования развивающихся методов датирования, палеогеографии, а также другие данные, полученные в последнее время, целесообразнее анализировать с помощью ГИС-технологий, позволяющих объединять разнородную информацию по определенной тематике. Кроме этого, возможно углубление микроландшафтных исследований с применением беспилотных и сканирующих технологий, что не только повысит качество и точность географических исследований, но и поможет составить более детальное представление о микрорельефе изучаемых территорий и объектов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адаев В.Н.* Традиционная экологическая культура хантов и ненцев. Тюмень: Вектор Бук, 2007. 240 с.
- Бобров В.В., Моор Н.Н., Плац И.А., Фальман А.В.* Исследования поселения постандроновского времени Ложка-6: (Предварительные итоги) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. Т. XXII. С. 227–231.
- Евдокимов В.В., Корочкова О.Н.* Поселение Пахомовская Пристань I // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 50–63.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В.* Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.
- Коробов Д.С.* Основы геоинформатики в археологии. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 224 с.
- Корочкова О.Н.* Предтаежное и южнотаежное Тоболо-Иртышье в эпоху поздней бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. 26 с.
- Косинцев П.А.* Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2003. С. 157–174.
- Матвеев А.В.* Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000. 50 с.
- Матвеев А.В.* Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. Вып. 1. С. 4–41.
- Матвеев А.В., Чукунова И.Ю.* Поселение Ботники 1в на Нижней Исети // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. Вып. 2. С. 44–50.
- Матвеев А.В., Костомаров В.М.* Пахомовские древности Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 1 (14). С. 46–55.
- Матвеев А.В., Костомаров В.М., Костомарова Ю.В.* К характеристике хозяйственной деятельности носителей пахомовской культуры лесостепного Зауралья // Вестник ТюмГУ. 2009. № 7. С. 3–14.
- Матвеева Н.П., Костомаров В.М.* К вопросу об особенностях погребального обряда населения пахомовской культуры лесостепи Западной Сибири // Вестник ТюмГУ. 2009. № 1. С. 15–21.
- Молодин В.И.* Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985. 200 с.
- Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В., Нескорое А.В.* Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. 180 с.
- Полеводов А.В.* Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 30 с.
- Полеводов А.В., Труфанов А.Я.* О погребальном обряде сузгунской культуры // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: Материалы IV Междунар. конф. Омск, 1997. Ч. IV. С. 19–23.
- Сотникова С.В.* Поселение Жар-Агач I // Археологические, этнографические и исторические источники по истории Западной Сибири. Омск, 1986. С. 43–55.
- Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я.* Алексеевка-XXI — памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1997. С. 162–198.
- De Reu J., Bourgeois J., De Smedt Ph., Zwertvaegher A., Antrop M., Machteld B., De Maeyer Ph., Finke P., Van Meirvenne M., Verniers J., Crombé Ph.* Measuring the relative topographic position of archaeological sites in the landscape, a case study on the Bronze Age barrows in northwest Belgium // Journal of Archaeol. Science. 2011. 38. P. 3435–3446.
- Kuna M., Adelsbergerova D.* Prehistoric location preferences: An application of GIS to the Vinorsky potok project, Bohemia, the Czech Republic // Archaeology and Geographical Information Systems: A European Perspective. L.: Taylor & Francis, 1995. Pp. 115–131.
- Spatial archaeology / Ed. D.L. Clarke. L.; N. Y.; San Francisco: Academic Press, 1977.*

V.M. Kostomarov

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: vkostomarov@yandex.ru

TO THE QUESTION OF SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGIES USED BY PAKHOMOVO PEOPLE IN THE TRANS-URAL REGION

Research into the diverse aspects of the life of ancient people is known to involve a number of difficulties, such as the lack of data, limited selections of artefacts, etc. Recently, combined approaches and methods successfully applied in various scientific disciplines have attracted much attention. One of the most promising approaches is the use of modelling methods that are based on both simple and multilevel mathematical algorithms. Unfortunately, the specifics of Bronze Age archaeological sources does not allow a comprehensive application of such techniques for the reconstruction or assessment of historical processes in the Trans-Ural region. However, the application of GIS techniques proves beneficial for obtaining more objective information, verifying working hypotheses and validating obtained results. In this work, we investigate the specifics of the Pakhomovo culture, both in general and on the level of some settlements, by comparing various data sets on their economic activity, environmental management and the choice of adaptation strategies. A correlation analysis between various archaeological sources has allowed us to reveal a number of logical inconsistencies, to explain or to partly prove the validity or incorrectness of certain conclusions. Using specific GIS methods, the results of paleogeography studies and paleozoological data, we have defined a hypothetical border between the economic areas of some settlements, described specifics of their economic approaches and presented some arguments on re-settlement history. In order to assess the level of spatial development in these settlements, their logistics opportunities and resource potential, we also applied techniques used in spatial archaeology and territory analysis. As a result, the hypothesis about the effect of surrounding landscapes and economy patterns on the choice of spatial development strategies has been confirmed. It is concluded that the Pakhomovo population adopted a number of cultural traditions from the Andronovo community, thus choosing the same territories and developmental approaches.

Key words: Pakhomovo culture, Tobol River, Ishim River, economy, spatial analysis, typology of the archaeological sites, strategy.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-032-040

REFERENCES

- Adayev V.N. (2007). *Traditional ecological culture of Khanty and Nenets*, Tyumen': Vektor Buk, 240 p.
- Bobrov V.V., Moor N.N., Plats I.A., Fal'man A.V. (2016). Studies of the settlement of Postandron's time Lozhka-6: (Preliminary results). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii, XXII*, Novosibirsk: IAET SO RAN, 227–231.
- Evdokimov V.V. Korochkova O.N. (1991). Settlement Pakhomovo Prystan I. *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri*, Tiumen', 50–63.
- Zakh V.A., Zimina O.Iu., Riabogina N.E., Skochina S.N., Usacheva I.V. (2008). *The Holocene landscapes and culture interaction s in the Tobol-Ishim interfluv*, Novosibirsk: Nauka, 212 p.
- Korobov D.S. (2011). *Fundamentals of geoinformatics in archeology*, Moscow, 224 p.
- Korochkova O.N. (1987). *Forest-steppes and southern taiga Tobol-Irtys' in the Late Bronze Age*: Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 26.
- Kosintsev P.A. (2003). Typology of archaeozoological complexes and livestock models of the ancient population of the south of Western Siberia. *Noveishie arkheozoologicheskie issledovaniia v Rossii*, Moscow, 157–174.
- Kuna M., Adelsbergerova D. (1995). Prehistoric location preferences: an application of GIS to the Vinorsky potok project, Bohemia, the Czech Republic. *Archaeology and Geographical Information Systems: A European Perspective*, London: Taylor & Francis, 115–131.
- Matveev A.V. (2000). *Forest-steppe Trans-Urals in the II — beginning of the 1st millennium BC*. Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Novosibirsk, 50 p.
- Matveev A.V. (2007). Cherkaskul culture of Trans-Urals. *AB ORIGINE: Problemy genezisa kul'tur Sibiri*, (1), 4–41.
- Matveev A.V., Chikunova I.Iu. (1999). Settlement of Botniki 1c on the Lower Iset. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2), Tiumen', 44–50.
- Matveev A.V., Kostomarov V.M. (2011). Pakhomovo antiquities of Western Siberia. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1 (14)), 46–55.
- Matveev A.V., Kostomarov V.M., Kostomarova Iu.V. (2009). To the description of economic activity of the carriers of the Pakhomovo culture of the forest-steppe Trans-Urals. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (7), 3–14.
- Matveeva N.P., Kostomarov V.M. (2009). On the issue of the peculiarities of the burial rite of the population of the Pakhomovo culture of the forest-steppe of Western Siberia. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta*, (1), 15–21.

В.М. Костомаров

- Molodin V.I. (1985). *Baraba in the Bronze Age*, Novosibirsk: Nauka, 200 p.
- Molodin V.I., Myl'nikova L.N., Selin D.V., NeskoroV A.V. (2017). *Eastern version of Pakhomovo culture in Central Baraba*, Novosibirsk: Izdatel'stvo IAET SO RAN, 180 p.
- Polevodov A.V. (2003). *Suzgun culture in the forest-steppe of Western Siberia*. Avtoref. dis. ...kand. ist. nauk. Moscow, 30 p.
- Polevodov A.V., Trufanov A.Ya. (1997). On the Funeral Rite of the Suzgun Culture. *Rossiya i Vostok: Problemy vzaimodeystviya. Materialy IV Mezhdunarodnoy konferentsii, IV*, Omsk, 19–23.
- Sotnikova S.V. (1986). Settlement Zhar-Agach I. *Arkheologicheskie, etnograficheskie i istoricheskie istochniki po istorii Zapadnoi Sibiri*, Omsk, 43–55.
- Tataurova L.V., Polevodov A.V., Trufanov A.Ia. (1997). Alekseyevka-XXI — a monument of the late Bronze Age of the forest-steppe of Irtysh. *Arkheologicheskie mikroraiony Zapadnoi Sibiri*, Omsk, 162–198.
- Clarke D.L. (ed.) (1977). *Spatial archaeology*, London; New York; San Francisco: Academic Press, 397 p.
- De Reu J., Bourgeois J., De Smedt Ph., Zwertvaegher A., Antrop M., Bats M., De Maeyer Ph., Finke P., Van Meirvenne M., Verniers J., Crombé Ph. (2011). Measuring the relative topographic position of archaeological sites in the landscape, a case study on the Bronze Age barrows in northwest Belgium. *Journal of Archaeological Science*, (38), 3435–3446.

В.В. Илюшина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625003
E-mail: vika_tika@mail.ru

ЖУРАВЛЕВСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС РАННЕГО ЭТАПА ЭПОХИ ЖЕЛЕЗА ГОРОДИЩА БОРКИ 1 (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАБОТ 2013–2014 гг.)

Представлены результаты технико-технологического анализа керамического комплекса журавлевского типа с городища Борки 1, расположенного в южно-таежном Приишимье. Анализ проведен в рамках историко-культурного подхода и методики, разработанных А.А. Бобринским. Выявлены традиционные навыки гончарного производства на ступенях отбора и подготовки исходного пластичного сырья, составления формовочных масс, механической обработки поверхностей изделий, а также на ступенях придания прочности и устранения влагопроницаемости сосудов. Определены особенности орнаментации керамики городища. Сравнение полученной информации о сосудах журавлевского типа с информацией о предшествующих красноозерских комплексах Приишимья показывает сходство гончарных традиций у этих групп населения. При этом отмечается появление черт, присущих керамике раннего железного века данной территории, как в технологии изготовления сосудов, так и в их орнаментации. Результаты анализа позволяют предполагать преемственность между красноозерскими и журавлевскими культурными традициями в Приишимье.

Ключевые слова: Нижнее Приишимье, городище Борки 1, журавлевский тип керамики, технико-технологический анализ, орнаментация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг., протокол № 2 от 08.12.2017 г. Приоритетное направление XII.186.; Программа XII.186.2; проект № 0371-2018-0036.

Начальный этап раннего железного века на территории южно-таежного Ишимо-Иртышья связан с распространением памятников, содержащих керамические комплексы журавлевского типа, выделенных А.Я. Труфановым по результатам работ на городище Ямсыса-VII, расположенном у с. Журавлевка в Омской области [1984, с. 235]. Существуют две основные позиции относительно формирования и статуса журавлевских комплексов. А.Я. Труфанов полагал, что журавлевский тип керамики занимает промежуточное место между комплексами переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку — позднесузгунскими и красноозерскими, и богочановскими древностями раннего железного века [1987, с. 129–130]. Данную позицию поддержал Е.М. Данченко, рассматривающий формирование журавлевских древностей на основе комплексов переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку (сузгунской, ирменской, красноозерской культур), а сами журавлевские комплексы — как ранний этап богочановской культуры эпохи раннего железного века [1996, с. 75–82].

Несколько иначе генезис журавлевских комплексов на территории Прииртышья до недавнего времени представлялся О.С. Шерстобитовой. Журавлевский тип керамики интерпретировался как самостоятельный культурный феномен, формирование которого связывалось с особой линией развития позднебронзовых сузгунских древностей в южно-таежном Прииртышье, где, по мнению автора, практически не было влияния населения, мигрировавшего с северных территорий, носителей традиции изготовления посуды с крестовой орнаментацией [2011, с. 298–299]. Однако анализ посуды городища Борки 1 позволил О.С. Шерстобитовой включить в основу формирования керамики журавлевского типа, наряду с сузгунскими, бархатовские, сузгунско-бархатовские, «крестовые» и красноозерские традиции [2018, с. 280–284].

Целью настоящего исследования является в первую очередь введение в научный оборот нового источника историко-культурной информации, а именно — данных по технологии изготовления журавлевской керамики городища Борки 1, расположенного в Нижнем Приишимье [Зах и др., 2015], а также сопоставление их с данными по технологии изготовления посуды красноозер-

ским населением для выявления истоков формирования журавлевских гончарных традиций. Работа по изучению гончарного производства у «журавлевского» населения выполнена впервые. Следует, однако, отметить, что Е.М. Данченко обратил внимание на некоторые технологические особенности журавлевской керамики, в частности, что посуда является лепной из глины с искусственными примесями шамота и песка, изготовление сосудов производилось с помощью ленточного налёпа, обработка поверхностей осуществлялась гребенчатым штампом, щепой и пучком травы [1996, с. 24].

Рис. 1. Керамика журавлевского типа городища Борки 1:

1–7, 9 — сосуды с дуговидными шейками (группа I);

8, 10–15 — сосуды закрытой формы (группа II).

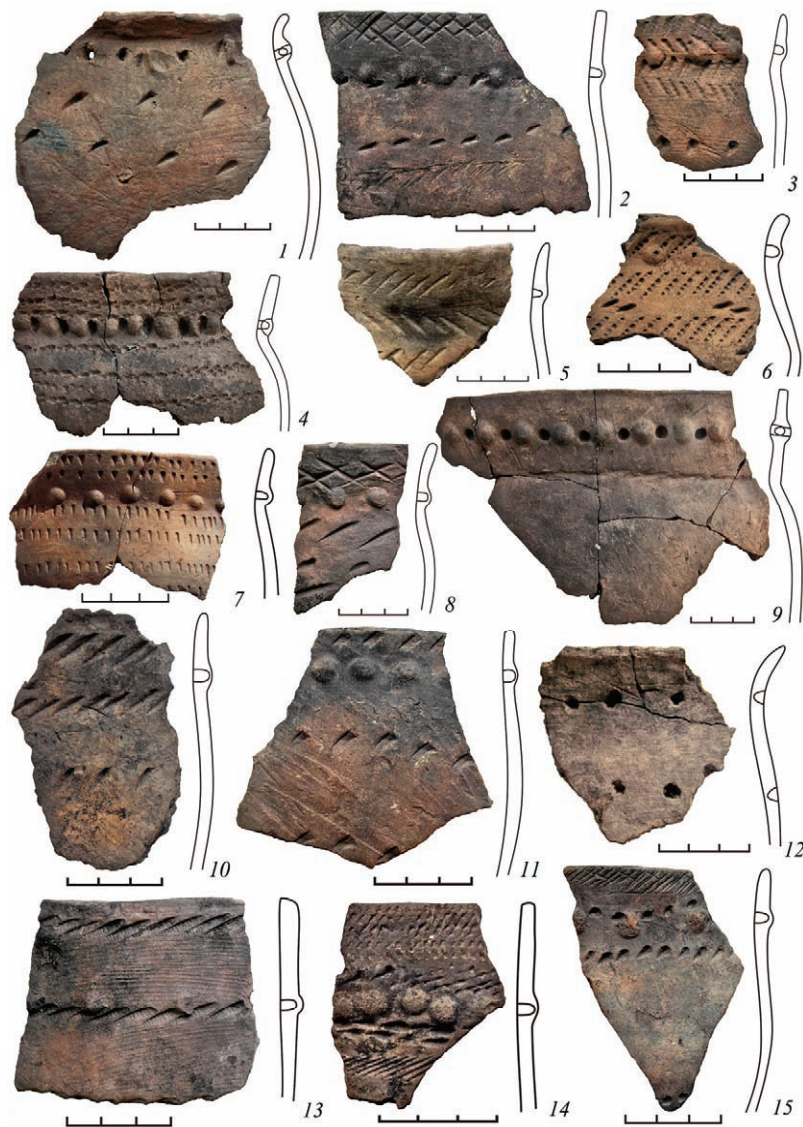
Fig. 1. Zhuravlevo type of the ceramics from the settlement of Borki 1:

1–7, 9 — vessels with arcuate necks (group I); 8, 10–15 — vessels of closed form (group II).

Технико-технологическому изучению керамики предшествовала работа по разделению материала на основные группы, так как керамика городища неоднородна по морфологическим признакам. В целом сосуды, по которым были получены технологические данные, имеют округлое или приостренное дно, а по особенностям оформления верхней части делятся на четыре основные группы. Первую составляют хорошо и слабо профилированные сосуды с дуговидными, «молчановскими» шейками (к этой же группе отнесены изделия с шейками со слабо выраженной дуговидно-

Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1...

стью) (рис. 1, 1–7, 9). Вторая группа представлена изделиями закрытой формы, так называемые банки (рис. 1, 8, 10–15). Третья группа сосудов — слабопрофилированные изделия, имеющие отогнутую шейку, однако, по сравнению с двумя первыми, в данном случае не наблюдается стандарта в оформлении верхней части изделий: шейки сосудов имеют различные высоту и степень отогнутости (рис. 2, 1–9, 12). В четвертую группу включены слабопрофилированные изделия с прямой шейкой и слабовыраженным плечиком (рис. 2, 10, 11, 13–15).

Рис. 2. Керамика журавлевского типа городища Борки 1:
1–9, 12 — сосуды с отогнутыми шейками (группа III);
10, 11, 13–15 — сосуды с прямой шейкой и слабовыраженным плечиком (группа IV).

Fig. 2. Zhuravlevo type of the ceramics from the settlement of Borki 1:
1–9, 12 — vessels with deflected neck (group III);
10, 11, 13–15 — vessels with a straight neck and a weakly expressed the shoulder developed shoulder (group IV).

Таким образом, технико-технологическому анализу подвергнуты верхние части 80 разных изделий. Аналитические исследования проводились в рамках историко-культурного подхода и методики, разработанных А.А. Бобринским, в соответствии с естественной структурой гончарного производства [1978; 1999, с. 9–11]. С целью более строгого определения степени ожелезненности исходного пластичного сырья и характера искусственных и естественных примесей небольшие обломки каждого экземпляра были нагреты в муфельной печи до 850 °С.

Технико-технологический анализ керамики осуществлялся в рамках выделенных четырех групп сосудов. В связи с тем что данные, полученные при изучении навыков работы гончаров на изученных стадиях и ступенях гончарного производства, в основном сходны, их характеристика дана далее в обобщенном виде. Особенности гончарной технологии каждой группы сосудов представлены в соответствующих таблицах.

По изученному материалу, на основе признаков, выделенных И.Н. Васильевой [2015, с. 16–19], выявлено применение двух видов *исходного пластичного сырья* (далее — ИПС) — природных железненных глин (46 сосудов, или 57,5 %) и илестых глин (34 сосуда, или 42,5 %) (табл. 1).

Таблица 1

Соотношение видов ИПС и морфологических групп керамики

Table 1

The ratio of kinds of raw materials and morphological groups of ceramics

Виды ИПС	Основные группы журавлевских сосудов				Всего сосудов
	Группа I*	Группа II	Группа III	Группа IV	
Природные глины	8/40**	15/75	9/45	14/70	46/57,5
Илестые глины	12/60	5/25	11/55	6/30	34/42,5
<i>Всего сосудов</i>	20/100	20/100	20/100	20/100	80/100

*Здесь и далее: группа I — сосуды с дуговидными шейками; группа II — сосуды закрытой формы; группа III — слабопрофилированные сосуды с отогнутой шейкой; группа IV — слабопрофилированные сосуды с прямой шейкой.

**Здесь и далее: в числителе — количество сосудов, в знаменателе — % от общего количества сосудов.

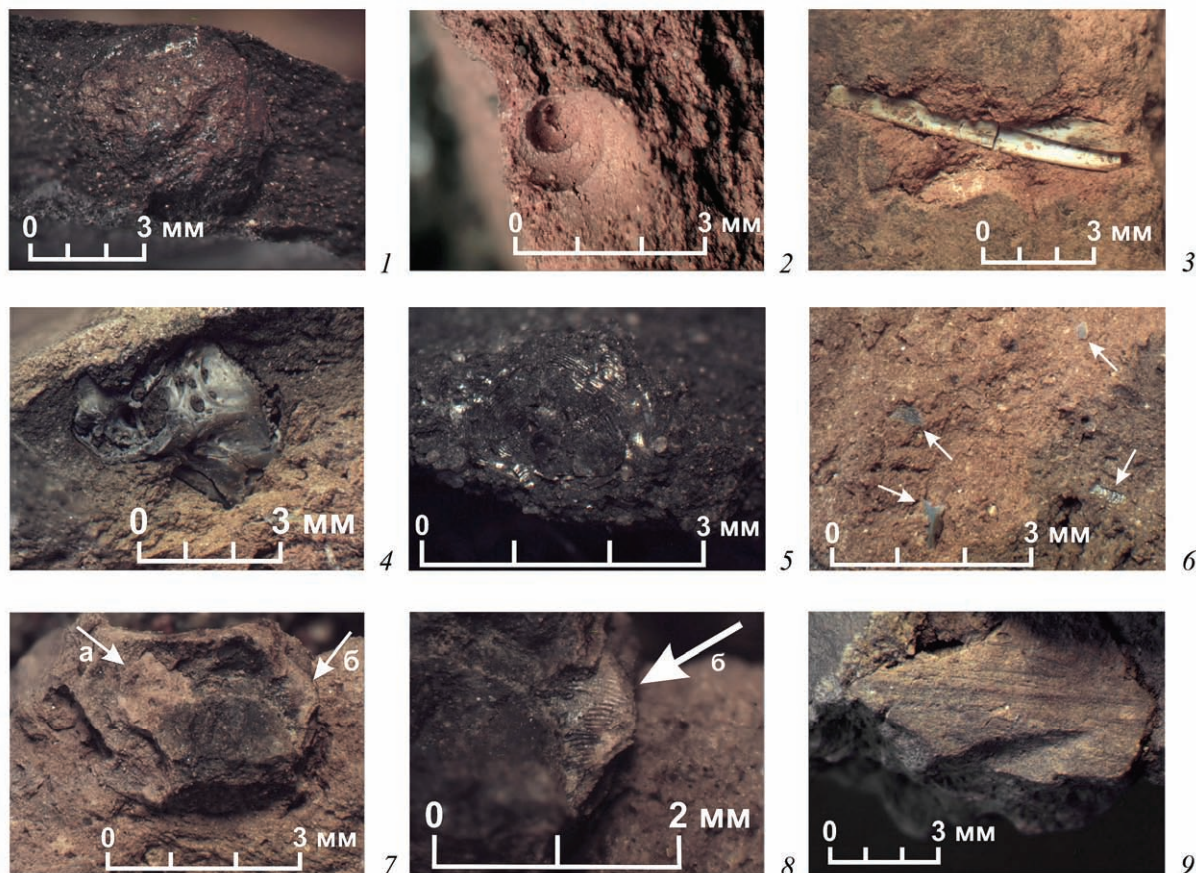
В качестве естественных примесей оба вида сырья содержат различное количество прозрачного и полупрозрачного, окатанного и полуокатанного песка размером от менее 0,1 до 0,4–0,8 мм, единично — 1,0–1,5 мм. В сырье значительной части изделий зафиксированы окислы железа как в виде частиц рыжего и темно-коричневого цвета, округлой и аморфной формы, мягких, легко разрушающихся иголкой, размером 0,2–2,0 мм, единично — до 4,0–5,0 мм (от единичных включений до 20 частиц на 1 см²), так и включений оолитового бурого железняка размером от 0,5–1,5 до 2,0–3,0 мм, единично — 7,0 мм (рис. 3, 1). В сырье более чем половины изделий отмечены пылевидные листочки слюды размером 0,1–0,2 мм. Предположительно с сырьем связаны единичные рыхлые белесые комочки аморфной формы размером до 1,0 мм.

Спецификой илестых глин является присутствие в их составе остатков водной и околородной флоры и фауны. В сырье всех сосудов зафиксированы отпечатки обрывков стеблей и листьев растений без следов деформации длиной от 0,5–3,0 до, реже, 5,0–12,0 мм. Единичны отпечатки семян растений размером 1,0 мм. В изломах пяти сосудов обнаружены единичные фрагменты раковин речных моллюсков размером 0,3–1,5 мм (в одном случае — это отпечаток целой улитки размером 3,0 мм (рис. 3, 2)). Единично встречены окатанные комочки чистой глины размером 1,5–3,0 мм. В изломах всех сосудов, изготовленных из данного вида ИПС, выявлены фрагменты чешуи и/или косточек рыб размером от 0,3–1,5 до 5,0–7,0 мм, единично — до 9,0–10,0 мм (рис. 3, 3–5). Следует отметить, что кости и чешуя в виде фрагментов или целых экземпляров представлены как единично, так и скоплениями до 2–5 включений, при этом как в разных изломах сосуда, так и на отдельных участках (рис. 3, 6). Вопрос об отнесении этой примеси к естественной составляющей сырья или же об использовании ее в качестве искусственной добавки, возможно, в виде органических растворов, до сих пор остается открытым. В то же время серия экспериментов, направленных на выявление особенностей чешуи и костей рыб в результате подготовки таких растворов [Илюшина, 2016, с. 78–81], все же позволяет рассматривать встречающиеся фрагменты как естественную примесь в ИПС.

Гончарами гордища использовалось ИПС различной степени запесоченности (табл. 2). Слабозапесоченное сырье характеризуется наличием тонкозернистого песка размером в основном $\leq 0,1$ мм, определение количества которого не представляется возможным. Среднезапесоченное ИПС содержит частицы тонкозернистого песка размером $\leq 0,1$ мм, определяющегося по мелкой рельефности излома, в сочетании с песчинками 0,2–0,3 мм (до 30–40 включений на 1 см²), единично — 0,4–0,7 мм. В сырье сильной степени запесоченности концентрация песка значительна, основной размер песчинок составляет от $\leq 0,1$ до 0,2–0,3 мм (более 150–200 включе-

Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1...

ний на 1 см²), часто фиксируется фракция размером 0,4–0,8 мм (в некоторых образцах их количество достигает 25–40 включений на 1 см²), единично — до 1,0–1,5 мм. Следует отметить, что гончары, изготовлявшие посуду журавлевского облика, отдавали предпочтение запесоченному сырью.

Рис. 3. Микроснимки естественных примесей в сырье (1–6, 8) и искусственных добавок в формовочных массах сосудов (7, 9):

1 — включение оолитового бурого железняка; 2 — отпечаток целой раковины улитки; 3, 4 — фрагменты косточек рыб; 5 — включение чешуи рыб; 6 — включения фрагментов чешуи и костей рыб; 7 — включение шамота, в составе которого отмечены шамот (а) и фрагмент чешуи (б); 8 — фрагмент чешуи в составе сырья шамота; 9 — включение шамота со следами обработки поверхности и орнаментом в виде оттиска гладкого штампа.

Fig. 3. Microphotographs of natural admixtures in raw materials (1–6, 8) and artificial components in the molding masses of vessels (7, 9):

1 — oolite iron ore; 2 — imprint of the snail shell; 3, 4 — fragments of fish bones; 5 — fragments of fish scales; 6 — fragments of fish scales and bones; 7 — the chamotte, which included chamotte (a) and the fragment of scales (b); 8 — the fragment of scales in the composition of the raw materials of chamotte; 9 — the chamotte with traces of surface treatment and ornament in the form of a print of a smooth stamp.

Корреляция полученных данных о видах ИПС, использовавшихся при изготовлении различных групп сосудов, показала, что глины чаще применялись при изготовлении сосудов баночных форм, а также слабопрофилированных изделий с прямой шейкой, а по степени запесоченности сырья весомых различий между сосудами разных групп не наблюдается.

Судя по отсутствию признаков предварительного высушивания и дробления, различные виды ИПС использовались в состоянии естественной влажности.

По исследованному материалу зафиксировано, что гончарами при *составлении формовочных масс* в качестве искусственных примесей использовались шамот и органические добавки.

Шамот зафиксирован в составе масс 71 сосуда. Данная примесь не подвергалась калибровке, а допускалась верхняя его крупность, составляющая в основном не более 3,0 мм, при этом в большинстве сосудов размер некоторых включений достигает 4,0–7,0 мм. Концентрация

шамота в формовочной массе незначительна и в основном составляет от 1:7 до единичных включений (59 сосудов, или 83,1 %¹). Значительно реже данная примесь фиксируется в большей концентрации — 1:5 (5 сосудов, или 7 %) и 1:6 (7 сосудов, или 9,9 %).

Таблица 2

Соотношение групп ИПС и морфологических групп керамики

Table 2

The ratio of groups of raw materials and morphological groups of ceramics

Вид и группа ИПС	Основные группы журавлевских сосудов				Всего сосудов
	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	
Слабозапесоченная ОГ*	1/5	1/5	—	—	2/2,5
Среднезапесоченная ОГ	—	2/10	1/5	1/5	4/5
Сильнозапесоченная ОГ	7/35	11/55	8/40	12/60	38/47,5
Слабозапесоченная ИГ	—	—	1/5	—	1/1,2
Среднезапесоченная ИГ	6/30	1/5	1/5	—	8/10
Сильнозапесоченная ИГ	6/30	5/25	9/45	7/35	27/33,8
Всего сосудов	20/100	20/100	20/100	20/100	80/100

* ОГ — природная железненная глина; ИГ — илестая глина.

Корреляция выделенных групп сосудов, размерности включений шамота и его концентрации достаточно четких закономерностей не выявила (табл. 3). Можно отметить лишь, что более высокая концентрация шамота (1:5) обнаружена в четверти сосудов группы I (с дуговидными шейками), в остальных же группах такая концентрация либо не отмечена вовсе, либо зафиксирована в единичном изделии.

Таблица 3

Соотношение основных групп сосудов, размерности и концентрации шамота

Table 3

The ratio of major groups of vessels, dimension and concentration of chamotte

Шамот	Основные группы журавлевских сосудов				Всего сосудов
	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	
До 2,0 мм, единичные включения 3,0 мм*	5/26,3	4/23,5	6/35,3	10/55,6	25/35,2
До 2,0 мм, встречаются включения до 4,0–7,0 мм	14/73,7	13/76,5	11/64,7	8/44,4	46/64,8
1:5**	4/21	—	1/5,9	—	5/7,0
1:6	2/10,3	3/17,6	—	2/11,1	7/9,9
1:7	3/15,8	6/35,3	2/11,8	2/11,1	13/18,3
1:8	3/15,8	5/29,4	9/52,9	7/38,9	24/33,8
1:9	2/10,3	1/5,9	4/23,5	—	7/9,9
Единичные включения	5/26,3	2/11,8	1/5,9	7/38,9	15/21,1
Всего сосудов	19/100	17/100	17/100	18/100	71/100

* Размерность шамота.

** Концентрация шамота.

В подавляющем большинстве сосудов выявлены признаки органических компонентов, представленные органическими растворами. Анализ особенностей следов в изломах журавлевской керамики на сегодняшний день позволяет предположить две их разновидности. Первый органический компонент фиксируется по присутствию в изломах аморфных пустот или удлиненных трещин размером 0,5–3,0 мм, поверхности которых, а также минеральные примеси и отдельные участки изломов покрыты бесцветными или черного цвета пленками с жирным либо глянцевым блеском. Данные признаки указывают на наличие растворов, вероятно, изготовленных на основе веществ животного или растительного происхождения, скорее всего обладающих клеящими свойствами.

Другая разновидность характеризуется незначительным количеством отпечатков сильно измельченной растительности размером 0,5–2,0 мм, реже встречаются обрывки до 3,0–6,0 мм, сопровождающиеся пустотами размером до 1,0–3,0 мм со сглаженными матовыми стенками без на-

¹ Процент от количества изделий, содержащих шамот в составе формовочных масс.

Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1...

летов. По особенностям следов, оставленных выгоревшей органикой, мы предположили наличие органического раствора в виде выжимки из навоза жвачных животных [Илюшина, 2016, с. 78–81].

На основании сочетания различных видов добавок и видов ИПС удалось выделить шесть рецептов составления формовочных масс (табл. 4).

Таблица 4

Соотношение основных групп журавлевских сосудов и рецептов составления формовочных масс

Table 4

The ratio of the main groups of the vessels of Zhuravlevo type and recipes of the molding masses

Рецепт формовочных масс	Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	Всего сосудов
ОГ + В*	1/5	3/15	1/5	2/10	7/8,8
ОГ + Ш + В	7/35	10/50	8/40	11/55	36/45
ОГ + Ш + ОР	—	1/5	—	—	1/1,2
ИГ + Ш	4/20	—	4/20	1/5	9/11,2
ИГ + ОР	—	—	2/10	—	2/2,5
ИГ + Ш + ОР	8/40	6/30	5/25	6/30	25/31,3
Всего сосудов	20/100	20/100	20/100	20/100	80/100

*Ш — шамот; ОР — органический раствор; В — выжимка из навоза.

Корреляция полученных данных о рецептах формовочных масс и основных морфологических групп показывает, что массы, составленные с добавлением к сырью только органической примеси, несколько чаще использовались для изготовления сосудов групп II–IV. В остальном же существенных различий не наблюдается.

Технико-технологическому анализу подвергался также шамот как основной компонент формовочных масс, так как его состав может указывать на степень устойчивости навыков труда на некоторых ступенях гончарного производства. По количественной характеристике песчаной примеси в сырье включений шамота представляется возможным заключить, что раздробленные сосуды также были изготовлены из ИПС в основном средней и сильной степени запесоченности, что указывает на устойчивость навыков отбора «тощего» сырья, существовавших у журавлевских гончаров. В одном случае в частице шамота был зафиксирован фрагмент чешуи, на основании чего можно предположить использование в том числе илестых глин для изготовления сосудов, пошедших на шамот (рис. 3, 7, 8). Любопытно, что в составе шамота практически не наблюдается искусственных примесей. По изломам лишь 12 изделий зафиксирован шамот, в составе которого отмечен шамот (рис. 3, 7). Данный факт хотя и косвенно, но может указывать на устойчивость навыков использования шамота в малой концентрации или же его отсутствие.

Достоверных признаков, позволяющих сделать заключение об особенностях *конструирования начала и полога тела, формообразования* журавлевских сосудов, по изученному материалу выявить не удалось. По многослойности изломов стенок сосудов представляется возможным говорить, что при их изготовлении в качестве «строительных элементов» использовались лоскуты, т.е. небольшие порции формовочной массы, наложение которых производилось по траектории, близкой к спиралевидной (рис. 1, 8). При формообразовании сосудов, вероятно, могло применяться выбивание гладкой колотушкой, на что могут указывать уплощенные участки на внешних поверхностях и толщина стенок сосудов, в большинстве случаев не превышающая 0,5–0,6 см, а порой составляющая всего 0,3 см.

Среди *способов механической обработки поверхностей* в ходе исследования выделено два — простое заглаживание и лощение. При заглаживании сосудов, отнесенных к разным группам, чаще всего использовались деревянные ножи или скребки (внешние поверхности 43,7 % сосудов, внутренние поверхности 58,7 % изделий), оставлявшие следы в виде равномерных бороздок с незначительной шириной и глубиной ложа. Реже гончарами применялись костяные или деревянные шпатели, оставлявшие на поверхностях изделий при заглаживании тонкие риски, а также гребенчатый штамп. Единично отмечены следы, оставленные щепой. Зачастую следы в виде «расчесов», оставленные инструментами с твердой рабочей поверхностью, поверх заглаживались пальцами. Следует отметить, что при анализе отдельных частиц шамота, на которых сохранились участки поверхностей, также часто фиксируются следы заглаживания

(рис. 3, 9), оставленные деревянными инструментами, что позволяет считать данный прием обработки устойчивым в среде журавлевских гончаров.

На незначительной части изделий как с внешней, так и с внутренней стороны отмечены следы, характерные для таких приемов обработки поверхностей, как лощение или уплотнение (т.е. лощения без характерного матового блеска), при этом выполнялись они довольно небрежно.

Корреляция способов обработки поверхностей и выделенных групп сосудов в целом не выявила закономерностей (табл. 5). Можно отметить лишь, что лощение или уплотнение внешних и внутренних поверхностей наиболее часто фиксируется по изделиям группы III, т.е. слабопрофилированным сосудам со слегка отогнутой шейкой.

Таблица 5

Соотношение основных групп сосудов и способов обработки поверхностей изделий

Table 5

The ratio of major groups of vessels and methods of treating their surfaces

Способ обработки поверхностей сосудов		Основные группы журавлевских сосудов				Всего сосудов
		Группа I	Группа II	Группа III	Группа IV	
Внешняя поверхность	Деревянный нож или скребок	10/50	5/25	7/35	13/65	35/43,7
	Шпатель	2/10	4/20	4/20	4/20	14/17,5
	Деревянный нож или скребок и пальцы	3/15	6/30	6/30	2/10	17/21,3
	Гребенчатый штамп	4/20	5/25	2/10	—	11/13,7
	Щела	1/5	—	—	1/5	2/2,5
	Следы лощения или уплотнение	5/25	5/25	8/40	3/15	21/26,3
Внутренняя поверхность	Деревянный нож или скребок	13/65	12/60	9/45	13/65	47/58,7
	Шпатель	2/10	5/25	5/25	5/25	17/21,3
	Щела	1/5	—	—	2/10	3/3,7
	Гребенчатый штамп	4/20	3/15	2/10	—	9/11,3
	Деревянный нож или скребок и пальцы	—	—	4/20	—	4/5
	Следы лощения или уплотнения	2/10	2/10	5/25	2/10	11/13,7

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов осуществлялись в основном смешанными способами, т.е. путем введения органических компонентов в формовочную массу и обжига высушенных изделий [Бобринский, 1999, с. 85–106].

Анализ цветовой характеристики поверхностей и изломов изученных фрагментов сосудов указывает на то, что они обжигались в условиях окислительной, полувосстановительной и восстановительной среды. Сосуды с двух- или трехслойной окрашенностью изломов испытывали непродолжительное действие температур калия, о чем свидетельствует ширина осветленных слоев, составляющая, как правило, от 0,3 до 1,0–1,5 мм, редко — 2,0–3,0 мм (57 сосудов, или 71,2 %). После достижения температур калия часть сосудов быстро извлекалась из обжигового устройства, что фиксируется по четкой границе между осветленными слоями и темно-серой сердцевинкой (53 сосуда, или 66,2 %), другие оставались остывать в обжиговом устройстве, о чем говорит размытая граница между цветовыми слоями (4 сосуда, или 5,0 %). Зачастую изделия имеют пятнистые поверхности, что свидетельствует о полувосстановительном режиме их обжига с ограниченным доступом кислорода. Незначительна группа сосудов, имеющих в изломе сплошную темно-серую окрашенность (9 сосудов, или 11,3 %). Как правило, эти изделия имеют темно-серую окрашенность поверхностей, что указывает на восстановительный режим их обжига. Излом одного изученного фрагмента имеет практически сплошную осветленную окрашенность; это, на наш взгляд, может свидетельствовать о попадании его в зону действия высоких температур повторно уже после гибели сосуда.

Отмеченные цветовые особенности поверхностей и изломов описанных сосудов позволяют говорить, что обжиг изделий проводился в простых устройствах — кострищах или очагах чаще всего с кратковременным действием температур калия глины (не ниже 650 °С).

Любопытна группа изделий (13 сосудов, или 16,3 %), особенностью которых является трехцветная окрашенность изломов. Сердцевина излома имеет темно-серый цвет, к ней со стороны внешней стенки примыкает прослойка коричневого цвета мощностью от 0,5 до 3,0 мм, образовавшаяся в результате воздействия температуры калия глины, к этой прослойке — в свою очередь, прослойка, окрашенная в серый или темно-серый цвет, мощностью от 0,2 до 0,8 мм. Такая цветовая характеристика изломов сосудов может быть связана: 1) со специальным созданием восстановительной атмосферы на заключительных этапах обжига, в результате чего сердцевина черепка осталась двухслойной, а поверхностные слои приобрели серый или темно-

Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1...

серый оттенок; 2) с длительным использованием в быту, например, при неоднократном приготовлении пищи. Отсутствие экспериментальных и сравнительных данных пока не позволяет окончательно ответить на этот вопрос.

Таблица 6

Особенности орнаментации на журавлевских сосудах

Table 6

Features of ornamentation on vessels of Zhuravlevo type

Особенности орнаментации сосудов		Основные группы сосудов				Всего 244 сосуда
		Группа I (74 сосуда)	Группа II (57 сосудов)	Группа III (70 сосудов)	Группа IV (43 сосуда)	
Орнамент- тир	Гладкий штамп	69/93,2	51/80,1	59/89,8	39/90,7	218/89,3
	Гребенчатый штамп	4/5,4	4/7	10/14,3	4/9,3	22/9
	Естественный орнаментир	2/2,7	—	—	—	2/0,8
Техника нанесения	Штампование	66/89,2	42/73,7	56/80	35/81,4	199/81,5
	Накальвание	48/64,8	31/41,3	39/55,7	26/60,5	144/59
	Прочерчивание	2/2,7	—	—	—	2/0,8
Элементы орнамента	Жемчужины на шейке	48/64,8	39/68,4	52/74,3	33/76,7	172/70,5
	Ямки (округлая, каплевидная) на шейке	11/14,8	8/14	5/7,1	6/13,9	30/12,3
	Жемчужина-ямка (округлая, каплевидная) на шейке	9/12,1	4/7	5/7,1	2/4,6	20/8,2
	Защипы на шейке	2/2,7	1/1,7	1/1,4	1/2,3	5/2
	Защип-каплевидное вдавление на шейке	—	—	1/1,4	—	1/0,4
	Ямки на плечике/тулове	—	5/5,3	2/2,8	3/7	10/4,1
	Жемчужины на плечике/тулове	1/1,4	8/14	1/1,4	4/9,3	14/5,7
	Каплевидные вдавления	18/24,3	7/12,3	10/14,3	2/4,6	37/15,1
	Елочка горизонтальная (гладкий штамп)	13/10,8	10/17,5	3/4,3	5/11,6	26/10,6
	Елочка горизонтальная (гребенчатый штамп)	—	—	3/4,3	—	3/1,2
	Ряд наклонных или вертикальных оттисков или наколов гладкого штампа	59/79,7	44/77,2	47/67,1	31/72,1	181/74,2
	Ряд наклонных или вертикальных оттисков гребенчатого штампа	4/5,4	4/7	7/10	4/9,3	19/7,8
	Горизонтальный ряд оттисков штампа или наколов в шахматном порядке	27/36,5	2/3,5	3/4,2	1/2,3	33/13,5
	Вертикальный зигзаг гладкий штамп	14/19	2/3,5	1/1,4	3/7	20/8,2
	Вертикальный зигзаг гребенчатый штамп	1/1,3	1/1,7	3/4,3	—	5/2
	Горизонтальный зигзаг	2/2,7	—	—	—	2/0,8
	Желобки	2/2,7	—	—	—	2/0,8
	Горизонтальные линии из оттисков штампа	9/12,1	3/5,3	2/2,8	3/7	17/7
	Сетка	5/6,7	5/8,8	28/40	11/25,6	49/20
	Вертикально-диагональные ряды оттисков штампа	2/2,7	—	—	—	2/0,8
	Фестоны	1/1,4	—	—	—	1/0,4

Объем настоящего исследования не дает возможности полноценно рассмотреть все особенности *орнаментации* журавлевской посуды, обратим внимание лишь на самые общие моменты (табл. 6). Анализу подвергнуты 244 сосуда, относящиеся к разным группам. Элементы орнамента наносились преимущественно гладким штампом, в том числе инструментами, вероятно, предназначенными и для обработки поверхностей — деревянными шпателями или ножами. В ложе оттисков, оставленных такими инструментами, фиксируется характерная для структуры дерева неровность рабочего края (рис. 2, 13). Очень редко журавлевскими мастерами использовались специально изготовленные гребенчатые штампы, которые нередко применялись совместно с гладкими при орнаментации одного сосуда (рис. 2, 14). Единично зафиксировано использование естественных орнаментирова — трубчатых косточек, скорее всего птиц, и, возможно, челюсти животного (рис. 1, 4,

7). Узоры наносились в техниках штампования и накальвания. В отдельных случаях отмечается прочерчивание. Характерными элементами узора на журавлевской керамике являются пояски жемчужин, ямочные вдавления, чередование жемчужин и ямочных вдавлений, защипы пальцами, ряды оттисков или наколов углом штампа, поставленных под разным углом, сетка, горизонтальные оттиски или наколы углом штампа, расположенные в шахматном порядке, горизонтальная елочка, вертикальный зигзаг, единично — желобки, фестоны, горизонтальный зигзаг и др.

В целом на журавлевских сосудах отмечается весьма незначительное количество элементов узора, которые зачастую наносились на шейку и плечико, редко спускаясь до середины тулова или ниже. Однако плотное их расположение в пояске, наклон оттисков инструмента под острым углом, в шахматном порядке, составление в некоторых случаях композиций из зигзагов и ямочных вдавлений, из лент и т.д. придают посуде оригинальность и нарядность.

Таким образом, исследование технологии изготовления керамики, существовавшей у населения, изготовлявшего сосуды журавлевского типа, показывает дальнейшее развитие традиций, распространенных в предшествующий, переходный период от эпохи бронзы к раннему железному веку на территории Нижнего Приишимья. В то же время фиксируются и определенные изменения, на наш взгляд, предвосхищающие развитие гончарной технологии у населения раннего железного века данной территории.

Обобщение полученных аналитических данных свидетельствует, что на городище Борки 1 проживало по крайней мере две группы гончаров, владеющих разными представлениями об ИПС, но более распространенными все же были взгляды на природные глины как сырье для изготовления керамики (57,5 %).

В качестве искусственной минеральной примеси к сырью добавлялся шамот чаще всего в сочетании с различными органическими добавками (88,7 %). Шамот журавлевскими гончарами использовался, как правило, в низкой концентрации — 1:7 и менее (83,1 % сосудов, содержащих шамот); более того, наблюдается появление традиции составления рецептов без использования шамота. На данную тенденцию, хотя и косвенно, может указывать и состав шамота, входящего в формовочные массы изученных сосудов.

Что касается традиций в навыках конструирования сосудов у журавлевских гончаров, то на настоящий момент можно говорить лишь о применении лоскутов в качестве «строительных элементов». Формообразование изделий, вероятно, производилось в том числе с помощью выбивания.

Традиционными способами обработки поверхностей сосудов выступали простое заглаживание деревянными инструментами в виде ножей, скребков. Лишь четверть изученных сосудов имеют следы лощения или уплотнения.

Сопоставление полученной информации о журавлевских гончарных традициях с полученными нами ранее данными о гончарстве красноозерского населения [Зах и др., 2016, с. 40–44; Илюшина, Зимица, 2017, с. 88–99] выявило как сходство, так и отличия. Так, на ступени отбора сырья в целом отмечается определенная степень угасания традиции применения илестых глин у журавлевских гончаров. В то же время сопоставление данных об ИПС красноозерских сосудов и различных групп журавлевской керамики показывает, что илестые глины чаще использовались гончарами, делавшими сосуды с дуговидными и отогнутыми шейками (группы I и III), т.е. с характерными и для красноозерских изделий морфологическими признаками. Следует отметить также, что, в отличие от красноозерских, журавлевскими гончарами массово использовалось сырье сильной степени запесоченности. При составлении формовочных масс журавлевское население продолжало добавлять шамот, однако в основном в низкой концентрации или, реже, не использовало его совсем. Вместе с тем обращает на себя внимание тот факт, что столь распространенная у красноозерского населения традиция применения шамота в концентрации 1:5 зафиксирована главным образом в изломах изделий с дуговидными шейками (группа I). Сопоставление информации о конструировании начинов и полого тела сосудов пока невозможно ввиду отсутствия достоверной информации о данных ступенях гончарного производства у журавлевских гончаров. По поводу обработки поверхностей изделий отметим, что в гончарном производстве красноозерского населения Приишимья навыков использования инструментов с довольно грубой рабочей поверхностью не фиксируется, а традиции тщательного лощения и уплотнения поверхностей сосудов были массовыми. Вероятно, ко времени формирования журавлевских комплексов уже начался процесс угасания этих традиций, и в более позднее время грубое заглаживание поверхностей сосудов деревянными инструментами и щепой становится преобладающим, что демонстрируют комплексы, подобные баитовским, на территории Приишимья.

Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1...

В целом анализу орнаментации, а также форм собственно журавлевской керамики, сопоставлению ее как с предшествующими красноозерскими, так и с более поздними комплексами должна быть посвящена отдельная работа ввиду споров о месте журавлевских комплексов в развитии культурно-исторической ситуации в конце переходного периода и на начальном этапе раннего железного века на территории Приишимья. Проведенный нами анализ журавлевской орнаментации и сравнение ее с красноозерскими традициями (если не брать во внимание использование крестового штампа) показали, что узор также наносился в основном гладким штампом и редко — гребенчатым. По сравнению с красноозерскими комплексами в разы увеличивается количество сосудов с поясами жемчужин при сокращении нанесения ямочных вдавлений, в том числе на тулово изделий. В то же время обращают на себя внимание фрагменты сосудов в красноозерских коллекциях, по орнаментации сопоставимые с журавлевской посудой [Илюшина, Зимина, 2017, с. 76, рис. 3, 3, 4, б]. Таким образом, на наш взгляд, все полученные на сегодняшний день данные указывают, что формирование журавлевских гончарных традиций могло происходить непосредственно на основе красноозерских, а выявленные различия демонстрируют общую тенденцию в развитии гончарных систем различных культурных образований на территории Тоболо-Ишимского междуречья на начальном этапе раннего железного века.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы: Источники и методы изучения. М.: Наука, 1978. 272 с.
- Бобринский А.А.* Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара: Изд-во СамГПУ, 1999. С. 5–109.
- Васильева И.Н.* О выделении видов исходного пластичного сырья древнейшей керамики и их ареалов в эпоху неолита (по материалам Поволжья) // Современные подходы к изучению древней керамики в археологии: Междунар. симп. (29–31 октября 2013 г., Москва). М.: ИА РАН, 2015. С. 16–23.
- Данченко Е.М.* Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.
- Зах В.А., Илюшина В.В., Тугеева Е.В., Еньшин Д.Н., Костомаров В.М.* Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 4–14. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a29/4-14.pdf.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Илюшина В.В., Данченко Е.М., Еньшин Д.Н.* Керамический комплекс финала бронзы и переходного времени к эпохе железа с Борковского городища (по результатам работ 2012–2013 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 4 (35). С. 34–48. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a35/33-47.pdf.
- Илюшина В.В.* К проблеме идентификации органических растворов в древней керамике // Традиции и инновации в изучении древнейшей керамики: Материалы междунар. науч. конф. 24–27 мая, Санкт-Петербург. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 78–81.
- Илюшина В.В., Зимина О.Ю.* Технология изготовления керамики у населения красноозерской культуры (по материалам поселения Мерген 2 в Нижнем Приишимье) // РА. 2017. № 2. С. 88–99.
- Труфанов А.Я.* Работы в лесном и лесостепном Прииртышье // АО 1982 г. М.: Наука, 1984. С. 234–235.
- Труфанов А.Я.* Закрытые комплексы городища Ямсыса VII // Скифо-сибирская культурно-историческая общность: Раннее и позднее средневековье. Омск: Изд-во ОмГУ, 1987. С. 127–130.
- Шерстобитова О.С.* Памятники журавлевского типа в Среднем Прииртышье — этап или самостоятельный феномен? // Труды III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород, 2011. Т. II. С. 298–299.
- Шерстобитова О.С.* Керамика журавлевского типа в Ишимо-Иртышском междуречье: Сравнительный анализ // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всерос. науч. конф., г. Тюмень, 2–6 апр. 2018 г. Тюмень: Изд-во ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018. Вып. 4. С. 280–284.

V.V. Ilyushina

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malysin st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: vika_tika@mail.ru

ZHURAVLEVO CERAMICS ASSEMBLAGE OF THE EARLY IRON AGE FROM THE BORKI 1 SETTLEMENT (ACCORDING TO THE 2013–2014 STUDY)

This article presents the results of a technical and technological analysis carried out to investigate Zhuravlevo-type ceramics collected from the Borki 1 settlement located in the Ishim river basin (W. Siberia). Ceramics samples were analysed using the historical and cultural approach and methods developed by A.A. Bobrinsky. The conducted research has revealed the heterogeneity of traditions among potters in the Zhuravlevo culture in se-

lecting raw materials, who primarily used clay sand and silt clay. The analysis of the moulding compositions has shown that chamotte and organic additives were frequently used; however, in some cases, chamotte was not added. When constructing vessels, patches were used as building elements. The surface treatment of ceramics was largely performed by smoothing objects with spatulas, wooden scrapers or knives. Only a quarter of the vessels under study have the signs of sealing or polishing. The vessels were fired in simple hearths. Vessels were decorated using smooth stamps, or, less frequently, comb stamps. Various ornament elements made by surface treatment tools — wooden spatulas or knives — were rather customary. The ceramics of the Zhuravlevo type is characterised by «pearl» belts, or, less frequently, holes. Ornamental motifs most commonly included inclined, vertical or arranged in a staggered order stamp prints or angle, grid, horizontal herringbone or vertical zigzag patterns. The comparison of the manufacturing style of Zhuravlevo vessels with that found in the assemblage of Krasnozerska culture (Ishim basin) shows the similarity of pottery traditions in these population groups. At the same time, the results of our study evidence to the appearance of features inherent in the Early Iron Age pottery in terms of both the technology of manufacturing vessels and their ornamentation. The conducted research suggests a continuity between the Krasnozerka and Zhuravlevo cultural traditions in the Ishim basin.

Key words: Siberia, Low Ishim basin, Borki 1 settlement, Zhuravlevo type of ceramics, technical-and-technological analysis, ornamentation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052

REFERENCES

- Bobrinskii A.A. (1978). *The Pottery of Eastern Europe: Sources and methods of study*, Moscow: Nauka, 272 p.
- Bobrinskii A.A. (1999). Pottery technology as an object of historical and cultural studies. *Aktual'nye problemy izucheniia drevnego goncharstva*, Samara: Izdatel'stvo Samarskogo gosudarstvennogo universiteta, 5–109.
- Danchenko E.M. (1996). *South forest Priirtyshye in the middle — the second half of the 1st millennium BC*, Omsk: Izd-vo OmGPU, 212 p.
- Ilyushina V.V. (2016). To the problem of identification of the organic solutions in the ancient ceramics. *Traditsii i innovatsii v izuchenii drevneishei keramiki: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 24–27 maia, Sankt-Peterburg*, St. Petersburg: IIMK RAN, 78–81.
- Ilyushina V.V., Zimina O.Iu. (2017). The technology of making ceramics of the population of the Krasnozerka culture (based on the materials of the Mergen 2 settlement in the Lower Ishim). *Rossiiskaia arkheologiya*, (2), 88–99.
- Sherstobitova O.S. (2011). Settlements of the Zhuravlevsk type in the Middle Irtysh region — a stage or a self-sufficient phenomenon? *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda, II*, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, 298–299.
- Sherstobitova O.S. (2018). Zhuravlevo type pottery in the Ishim-Irtysh interfluvium: Comparative analysis. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, g. Tiumen', 2–6 aprelya 2018 g.*, (4), Tiumen': FITs Tiument'skogo RANVyp, 280–284.
- Trufanov A.Ia. (1984). Works in the forest and forest-steppe Irtysh region. *Arkheologicheskie otkrytiia 1982 goda*, Moscow: Nauka, 234–235.
- Trufanov A.Ia. (1987). The closed complexes of the settlement Yamsysa VII. *Skifo-sibirskaya kul'turno-istoricheskaya obshchnost'. Rannee i pozdnee srednevekov'e*, Omsk: Izd-vo OmGU, 127–130.
- Vasil'eva I.N. (2015). Raw materials for Neolithic ceramics and their distribution in the Volga region. *Sovremennye podkhody k izucheniiu drevnei keramiki v arkheologii: Mezhdunarodnyi simpozium (29–31 oktiabria 2013 g., Moskva)*, Moscow: IA RAN, 16–23.
- Zakh V.A., Ilyushina V.V., Tigeeva E.V., En'shin D.N., Kostomarov V.M. (2015). Indoor Zhuravlevo complex of the settlement Borki 1 in Lower Ishim basin. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2 (29)), 4–14, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a29/4–14.pdf.
- Zakh V.A., Zimina O.Yu., Ilyushina V.V., Danchenko E.M., En'shin D.N. (2016). Ceramic complex of the Final Bronze and Transitional Time to the Era of Iron from the Borkovsky Fortification (based on the results of work 2012–2013). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4 (35)), 33–47, available at: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a35/33–47.pdf.

БАЗАРНЫЙ РАСКОП В ТОБОЛЬСКЕ

Статья вводит в научный оборот материалы Базарного раскопа, заложенного в исторической части нижнего посада Тобольска, близ р. Курдюмка. Археологическими исследованиями установлены два периода застройки в этой части города. Первый связан с мощными, хорошо стратифицированными отложениями, содержащими остатки деревянных торговых рядов функционировавшего в XVIII—XIX вв. торгового центра. Второй, в нижней толще культурного слоя, демонстрирует участок жилой застройки уличного типа конца XVII — начала XVIII в. В материалах Базарного раскопа присутствуют традиционно массовые для нового времени артефакты (глиняная, фарфоровая, фаянсовая, стеклянная посуда, широкий ассортимент железных предметов, кожаной обуви), а также редкие находки (шахматные фигурки, курительные трубки, нательные кресты, перстни, пуговицы, печати, пули, глиняные и деревянные игрушки, костяные гребни и т.п.). В нем в большом количестве найдены монеты и пломбы, которые были надежно привязаны к пластам культурного слоя. Характеристика торговых лавок и продававшихся в них товаров позволила расширить представления историков о торговых отношениях в одном из первых русских городов Сибири. По археологическим данным, на торговле нижнего посада на протяжении XVIII—XIX вв. значительно преобладала продукция российского, в том числе местного, производства, предназначенная для широких слоев населения.

Ключевые слова: Тобольск, нижний посад, базарная площадь XVIII–XIX вв., торговые лавки, жилищная застройка конца XVII — начала XVIII в., артефакты.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-053-064

Многолетние археологические раскопки Тобольска не только открыли новые горизонты в изучении одного из первых русских городов Сибири, но и выявили хорошую сохранность его культурного слоя, насыщенного остатками разновременных сооружений и разнообразными артефактами [Адамов и др., 2008, с. 25–27; Матвеев, Аношко, 2011]. Источниковая база, включающая археологические (архивные и вещественные) материалы, данные археозоологии, археоботаники, дендрохронологии и иных наук, акты, документы, сибирские летописи XVII в. и более поздние письменные источники, исторические и современные карты, показывает значимость этого города в изучении культуры русских периода освоения Сибири и позволяет рассмотреть его в разных ракурсах. Письменные источники раскрывают роль Тобольска как административно-политического, торгового, духовного и культурного центра Сибирского края вплоть до второй четверти XIX в., являвшегося местом пребывания представителей государственной исполнительной и судебной власти, сибирской епархии [Копылов, Прибыльский, 1975; Кочадамов, 1963; и др.].

Процесс колонизации Сибири резко увеличил потребности населения в различных товарах, что соответственно привело к активизации налаживания внешних торговых связей и формирования местных производств, ориентированных на внутреннюю реализацию на городском рынке [Вилков, 1967; Резун, Беседина, 1992; и др.]. Тобольск, основанный на пересечении транзитных торговых путей, был связующим звеном Сибирского региона с Центральной Россией, Европой и Азией [Вилков, 1990, с. 120]. Если анализировать данные исторических источников, то развитие тобольского рынка происходило в сторону расширения ассортимента как импортных, так и местного производства товаров. В первой четверти XVII в. в российской столице Сибири предметы домашнего и личного обихода практически не производились и привозились из Европейской России и Средней Азии [Вилков, 1978, с. 5–46]. С появлением мелкотоварного производства, прежде всего кожевенного, мыловаренного, дерево- и металлообрабатывающего, портняжного, многие привозные товары стали вытесняться местными, продаваемыми и в других сибирских городах и деревнях, что привело к укреплению и расширению торговых связей Тобольска. В конце XVII — начале XVIII в. появились небольшие предприятия в винокурении, стекольно-фаянсовом и суконном производствах, крупные кожевенные заводы, ориентированные на внутренний и внешний рынок [Вилков, 1967, с. 25–61]. В конце XVIII — XIX в. также действовали са-

лотопенные, клееварные и свечные заведения, получила развитие писчебумажная промышленность [Бочанова, 1978; Копылов, 1973].

На пересечении улиц Базарная площадь и Хохрякова заложен Базарный раскоп площадью 350 м² (рис. 1), в процессе вскрытия которого установлено два периода застройки в нижней части города. Первый связан с мощными, хорошо стратифицированными напластованиями культурных отложений, содержавших остатки деревянных торговых рядов, располагавшихся здесь в XVIII–XIX вв., а второй, в нижней толще слоя, демонстрирует участок жилой застройки конца XVII — начала XVIII в.

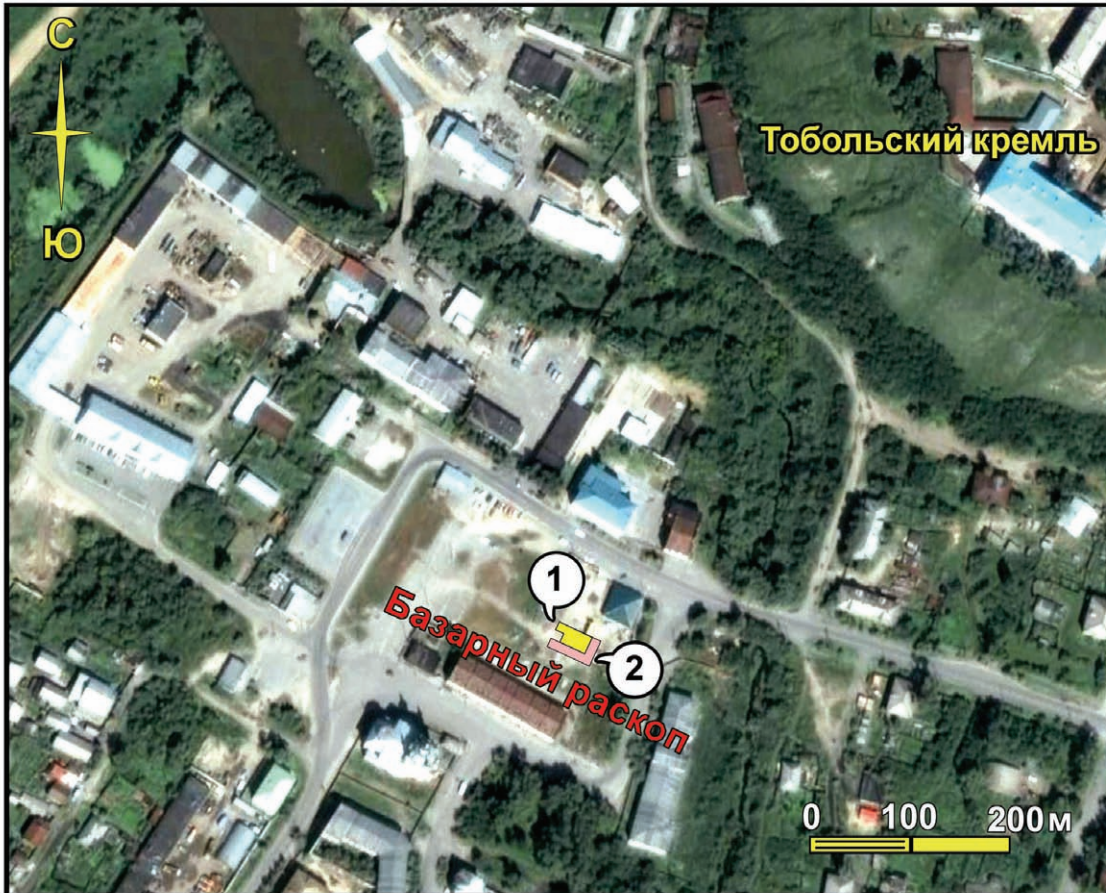

Рис. 1. Расположение Базарного раскопа на нижнем посаде Тобольска:

1 — раскоп 2010 г.; 2 — раскоп 2011 г.

Fig. 1. The location of the Market excavation on the bottom posad of Tobolsk:

1 — excavation of 2010; 2 — excavation of 2011.

Особенность Базарного раскопа состоит в его насыщенности различными категориями находок (около 25 000 ед.), монетами и пломбами, которые были надежно привязаны к пластам культурного слоя. В нумизматический комплекс входит 790 монет, отражающих особенности денежного обращения в конце XVII — XIX в., в сфрагистический — 88 марок на обломках фарфоровой и фаянсовой посуды, 19 клейм на стеклянных бутылках и 103 пломбы из меди и свинца. Несмотря на то что стратиграфические колонки раскопа отличались разнообразием прослоек, четко вычленилось четыре массива отложений, отличавшихся по цвету и структуре, последовательно залегающих и имевших датировку по обнаруженным в них артефактам. Точно атрибутированные монеты в основном найдены в соответствующих времени их выпуска и бытования слоях, что дает редкую возможность сравнения и проверки археологических датировок нумизматическим материалом. Лишь часть монет происходила из локальных, современных перекопов, они были перемещены в более ранние или более поздние пласты культурного слоя.

Базарный раскоп в Тобольске...

Верхние сильно мешанные слои на площади Базарного раскопа образованы в результате расчистки исследуемой территории от располагавшихся здесь в XX в. строений.

Второй массив культурных отложений прослежен на уровне третьего — седьмого пластов коричневого и серо-коричневого грунта. В нем найдено 34 монеты XX в., 28 из которых происходили из третьего — пятого пластов, 228 монет XIX в., а также 100 монет XVIII в., при этом 80 из них зафиксированы в шестом и седьмом пластах, а также 100 свинцовых, медных и стеклянных пломб (рис. 2, 10, 13). Датировку удалось установить у 22 экземпляров — середина и вторая половина XIX в. Шестой и седьмой пласты культурного слоя можно считать переходными, так как в их толще было найдено практически равное количество денег XVIII и XIX вв., в основном периодов правления Екатерины II и Николая I (рис. 2, 14, 15). В вещевой комплекс, полученный при исследовании коричневого и серо-коричневого напластований, входят изделия, датированные в основном XIX в. и имеющие аналоги в материалах европейской части России и других сибирских городов.

Рис. 2. Базарный раскоп. Находки из слоев торгового пространства середины XVIII — XIX в.:

1, 2 — пуговицы (медь); 3 — бусина (стекло); 4, 6 — перстни (медь); 5 — подвеска (бронза); 7 — нательный крестик (серебро); 8, 12 — печати с рукояткой (медь); 9 — клеймо на бутылке французского вина сотерн (стекло); 10 — пломба (свинец); 11 — пробка для бутылки (глина); 13 — пломба купцов Мамонтовых (медь); 14 — монета 1843 г. (медь); 15 — монета 1786 г. (медь).

Fig. 2. The Market excavation. Artifacts from the layers of the market of the middle of XVIII — XIX century:

1, 2 — buttons (copper); 3 — beads (glass); 4, 6 — rings (copper); 5 — pendant (bronze); 7 — pectoral cross (silver); 8, 12 — printing with handle (copper); 9 — the mark on the bottle of French wine SAUTERNE (glass); 10 — seal (lead); 11 — stopper for bottles (clay); 13 — seal of the trader s Mamontov (copper); 14 — coin 1843 (copper); 15 — coin 1786 (copper).

В центральной части Базарного раскопа расчищены остатки торговой лавки, принадлежавшей к Московской торговой организации Мамонтовых, известной во второй половине XIX в. Лавка состояла из досок, располагавшихся двумя группами, уложенных практически вплотную друг к другу, поверх которых расчищены плахи в поперечном направлении. В заполнении лавки обнаружены обломки стеклянных бутылок с клеймами, 14 медных и свинцовых пломб с обозначением фамилии купцов Мамонтовых, которые занимались винным откупом, а также продажей лаков и сургуча [Мамонтовы...] (рис. 2, 13).

В восточной части раскопа зафиксирован торговый ряд, вытянутый по линии северо-восток — юго-запад, имевший срубную конструкцию, от которой сохранился один-три венца бревен, разделенную перегородками на несколько небольших помещений, предположительно четыре, являвшихся, видимо, отдельными лавками. Самая северная из них являлась сгоревшей посудной лавкой. Ее северная стенка представлена полубревном с выемками для крепления, южная — двумя обугленными бревнами, восточная — оказалась за пределами раскопа, а западная — сгорела дотла. Основу заполнения лавки составлял горелый фарфоровый и фаянсовый бой толщиной примерно два штыка, перемешанный с грунтом коричневого цвета и вкраплениями угля. Всего обнаружено более 4000 обломков посуды из фарфора и фаянса, что свидетельствует о внезапности пожара. Лавка, скорее всего, принадлежала фабрике Г. Маркова, так как на некоторых черепках присутствуют фрагменты марок этой организации, функционировавшей во второй половине XIX в. [Матвеев и др., 2011, с. 122–123].

Третий массив культурного слоя образован однородным по структуре отложением темно-коричневого грунта, прослеженным на уровне восьмого — одиннадцатого пластов. При его исследовании найдены разнообразные по функциональному назначению и материалу изделия, а также монеты, время чеканки которых является основным аргументом для датировки этого напластования. 104 монеты относятся к первой половине — середине XVIII в. (периоды правления Петра I, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны), 50 — ко второй половине XVIII в. (период правления Екатерины II) и всего 22 монеты и 17 пломб — к XIX в. В нумизматическом комплексе десятого — одиннадцатого пластов преобладают монеты 30–40-х гг. XVIII в., встречены также монеты петровского периода, в том числе медные и серебряные чешуйки.

В толще темно-коричневого слоя продолжали фиксироваться деревянные конструкции торговых рядов, что указывает на появление торжища в нижней части города еще в середине XVIII в., возможно, в его первой половине. В юго-западном углу Базарного раскопа обнаружены остатки еще одного торгового помещения, ориентированного по линии северо-восток — юго-запад и представленного одним венцом бревен, имевших пазы для крепления. Внутри сруба размерами 4,65x5,4 м расчищены доски довольно хорошей сохранности, располагавшиеся вплотную друг к другу и служившие полом постройки, под которым залегали лаги. В 6 м к северо-востоку от нее выявлена еще одна лавка, площадью около 19 м², имевшая один венец сруба, углы которого рублены с выпуском. Около южной стенки сооружения расчищены плотно уложенные доски, являвшиеся остатками входа, представлявшего собой, скорее всего, приподнятое над землей крыльцо.

Данные постройки локализовались по одной линии, так как между ними расчищено длинное бревно с пазами для крепления, и входили в западный торговый ряд, который располагался строго параллельно восточному, в 14–15,5 м от него. На этой глубине установлено, что восточный торговый ряд сильно пострадал во время пожара, многие фрагменты дерева обгорели в верхней части и лежали в стороне от основной конструкции.

На уровне десятого — одиннадцатого пластов культурного слоя в юго-восточной части Базарного раскопа обнаружены самые ранние деревянные конструкции торжища, представленные как минимум восьмью бревнами, уложенными по линии северо-запад — юго-восток, параллельно друг другу, на расстоянии 0,5–2,5 м. На концах и в центральной части бревен фиксировались пазы для крепления. Между ними, а иногда и сверху расчищены небольшие по длине плахи и полубревна, имевшие поперечное направление. Здесь же найдена часть перил — брусок с подквадратным сечением, имевший пять сквозных прямоугольных отверстий и неглубокие пазы на обоих концах. Не вызывает сомнений единство планировки данного комплекса, поэтому его следует интерпретировать как еще один торговый ряд, возведенный на базарной площади одним из первых, к которому вплотную был пристроен восточный ряд. К западу от него обнаружены горелые доски, являвшиеся остатками замощенного прохода между торговыми рядами. Длина раскрытого участка межрядного замощения составляла около 8 м, ширина — приблизи-

тельно 2,5–4 м. Судя по всему, покрытие состояло из плах шириной до 0,3 м, толщиной до 0,15 м, которые были уложены на две массивные лаги — бревна с пазами для плотного соединения.

Таким образом, археологические материалы свидетельствуют, что торжище неоднократно горело, именно по этой причине при его исследовании обнаружено так много находок, являвшихся, скорее всего, непроданными товарами. Их анализ позволяет говорить, что на базарной площади в основном торговали российской, в том числе местного производства, продукцией, которая, как можно предположить исходя из мелкого номинала обнаруженных монет, была не дорогостоящей. При расчистке торговых рядов в слоях XIX в. обнаружены предметы, непосредственно связанные с торговой деятельностью на этом участке нижнего посада: гирьки от весов, изготовленные из железа и свинца (6 экз.), и две медные печати. Первая из них с рукоятью в виде восьмерки и овальным щитком, на котором в круглом ободке выполнено псевдогеральдическое изображение — Большая императорская корона с датой 1799 г. (рис. 2, 8); вторая — с рукоятью подтреугольной формы, изготовленной в барочном стиле, с ушком для подвешивания, и круглым щитком с растительным орнаментом (рис. 2, 12). Изображения на этих печатях выполнены небрежно, в схематичной манере, скорее всего, эти изделия были в массовом производстве [Станюкович, Авдеев, 2007, с. 78]. Косвенно о нахождении на этом участке нижнего посада базарной площади — места массового скопления людей свидетельствуют находки дула пистолета из бронзы, свинцовые пуля и дробь, гильзы из латуни, оловянный полицейский свисток, ружейные кремни (14 экз.), а также кресты-тельники из меди (8 экз.), бронзы (7 экз.) и серебра (1 экз.) (рис. 2, 7), разнообразные по форме, но с одним и тем же иконографическим сюжетом — изображением на лицевой стороне восьмиконечного креста на подножии (Голгофе), попавшие в культурный слой случайно, при потере их владельцами. Они относятся к широко известным типам русских нательных крестов и находят аналоги как в сибирских, так и европейских комплексах XVII–XIX вв. [Молодин, 2007].

Довольно многочисленную категорию товаров составляют *предметы быта и домашнего производства*. Среди них преобладает посуда, представленная обломками глиняных гончарных горшков, использовавшихся в повседневной жизни, и более дорогих, нарядных сосудов, изготовленных из фаянса, фарфора и стекла. К данной категории также относятся хозяйственный инвентарь, предметы интерьера и домашнего обихода.

Практически все изделия из стекла сохранились фрагментарно, поэтому у большинства из них невозможно установить форму и точную функциональную принадлежность. В целом в коллекции присутствуют обломки рюмок, бутылок, бутылочков, банок, штофов, стаканов (1641 ед.). Помимо винной продукции Мамонтовых, на площади Базарного раскопа найдены обломки четырех бутылок зарубежного производства, с клеймом торговой марки французского виноградного вина сотерн (рис. 2, 9), сорт которого известен в России с начала XIX в. По фрагментам некоторых бутылок и бутылочков определены изделия тульского бакалейного магазина Г.Р. Лобанова [Лобанов...] и Мещерского стекольного завода братьев Н. и А. Костеревых Владимирской губернии [Хроника развития...]. Единственный экземпляр клейма на бутылке можно отнести к сибирскому производству товаров второй половины XIX в., так как на нем присутствуют надпись «Ялуторовск», нерасшифрованная аббревиатура «ТГ ЛШ» и дата «1856».

В культурном слое торжища собрано более 8 тыс. обломков фарфоровой и фаянсовой посуды. Это напрямую указывает, что Тобольск являлся одним из основных сибирских центров ее поступления. В сгоревшей посудной лавке торговали сервизами из фарфора и фаянса. Основу орнаментальных композиций на фарфоровых черепках составляют растительные (стебли, листья, травяные завитки, цветы, ягоды и т.п.) и геометрические (круги, ромбы, зигзаги, волны) мотивы, довольно часто сочетающиеся друг с другом, выполненные синей, красной, зеленой и черной красками. На фаянсовой посуде преобладают геометрические элементы, в основном синего цвета, являющиеся во многих случаях единственными на фрагменте. Анализ марок позволяет говорить, что в торговых рядах нижнего посада преобладала продукция фабрики Г.А. Маркова (32 экз.), заводов Кузнецовых (20 экз.), функционировавших во второй половине XIX в. [Матвеев и др., 2011, с. 122–123]. Лишь несколько обломков блюдец имеют клейма предприятий Гарднера и П. Фомина первой половины XIX в. [Мусина, 1995, с. 17, 62].

Кухонные принадлежности в основном представлены однолезвийными ножами (18 экз.) с костяными и деревянными ручками, которые в соответствии с «новгородской» классификацией Б.А. Колчина отнесены к первой группе [1959, с. 48–56], включающей ножи с прямой ручкой, параллельной спинке клинка. На торжище также найдены один двулезвийный и четыре склад-

ных ножа с растительным орнаментом на рукоятках, использовавшихся уже в личных целях, а не только как кухонные предметы. К домашнему и хозяйственному инвентарю отнесены шесть глиняных пробок для бутылок, одно из которых с антропоморфным изображением (рис. 2, 11), фигурка птички из фаянса; каменные оселки и точила (5 экз.); костяные катушки (3 экз.), рукоятки ножей (9 экз.); железные двузубчатая вилка, кресало, иглы, коса-горбуша, удила, стамески (3 экз.), фрагменты ободьев, ручек от ведер, котлов, сундуков, ножниц (2 экз.), подков (4 экз.), втулок от колеса телеги (13 экз.); медные заклепки на сундук (6 экз.), наперстки (4 экз.), рыболовные крючки (2 экз.), два бронзовых колокольчика, оловянные ложки (5 экз.) и носик от самовара, а также деревянная и берестяная утварь — части туесков и коробов (37 экз.), крышки (10 экз.), ложки (2 экз.), лопатки (5 экз.), толкушка, миска, катушка, детская игрушка, веретено, кибас.

На базарной площади торговали предметами домашнего обихода, основу которых составляли изделия из железа. Судя по их скоплениям в определенных местах торговых рядов, не исключено, что здесь располагались отдельные лавки тобольских кузнецов, массово изготавливавших гвозди с округлым (402 экз.) и подквадратным (918 экз.) сечением стержня, дверные петли (15 экз.), кольца (12 экз.) и засовы (3 экз.), крюки, крючки (35 экз.), скобы (119 экз.), штыри, болты, стержни (39 экз.), ключи (19 экз.), замки (29 экз.) и другие изделия. Замки были разделены Н.М. Зиняковым на три группы: накладные, врезные и навесные, их производством занимались кузнечные мастерские, появившиеся в Тобольске уже во второй половине XVII в. [2012, с. 106, 115–116].

Представительная коллекция *предметов туалета и личного обихода*, собранная при раскопках торговых рядов, скорее всего, свидетельствует о нахождении здесь галантерейной лавки, в которой торговали мелкой фурнитурой одежды (пуговицами, запонками-застежками, крючками-застежками, накладками, пряжками), украшениями (бусами, бисером, перстнями, подвесками), личными вещами (курительными трубками, свистульками, копоушками, костяными гребнями и т.п.) (рис. 2, 1–6). Пуговицы различаются не только по материалу (58 экз. — из меди, 19 — из бронзы, 11 — из кости, 4 — из свинца и олова, 1 — из дерева), но и по форме, делятся на шаровидные, дисковидные, плоские, гербовые, пуговицы-«заклепки» [Алиева, 2012, с. 93–103] (рис. 2, 1, 2). На гербовых пуговицах, представленных 10 экз., на лицевой стороне в основном изображен герб Тобольской губернии, на оборотной — латинскими буквами написано «Greebe» и «AMOSCOU», что свидетельствует об их производстве на пуговичной и блочной промышленной фабрике П.Ф. Гребе второй половины XIX в. [Низовский, 2008, с. 235]. На торжище найдено девять железных пряжек прямоугольной, овальной и округлой форм с язычками, а также одна ажурная бронзовая пряжка, пояс через которую проходил внахлест и закреплялся за припаянный посередине стержень.

Бусины с Базарного раскопа из стекла (24 экз.), лишь три предмета изготовлены из кости. Они синего, белого, реже — зеленого, желтого и коричневого цветов (рис. 2, 3). Стекланные бусы привозили в Сибирь из европейской части России, а их находки присутствуют практически на всех русских памятниках позднего средневековья и нового времени [Археология Романова двора..., 2009, с. 77–78; Визгалов, Пархимович, 2008, с. 76–78]. Перстни, обнаруженные в слоях торжища, разделены на пластинчатые (4 экз.) и щитковосрединные (27 экз.), среди последних выделяются четыре анэпиграфических перстня с псевдогеральдическими изображениями. Еще два перстня — со стеклянными вставками. Один из них имел массивный восьмигранный щиток и вставку из синего стекла, в ее верхней части присутствует императорская корона, в нижней — в рамке из растительного орнамента буква «X» (рис. 2, 4). Перстни с восьмигранным щитком были распространены в XVIII в. и использовались в качестве печати для личной переписки [Аношко, Алиева, 2017, с. 307]. Для остальных щитковосрединных колец характерна узкопластинчатая дужка разного размера и округлый щиток с одинаковым узором — виньеткой, что говорит об их массовом производстве и предназначении для продажи небогатым слоям населения (рис. 2, 6). Они вместе с россыпью бисера были найдены в заполнении сгоревшей посудной лавки, в которой, видимо, торговали не только чайными и столовыми сервизами, но и ювелирными изделиями. В целом большинство предметов туалета находят аналоги в материалах Москвы, Мурома, Твери, Козельска, Ростова Великого, Пскова, изготавливались и привозились в Сибирь из европейской части России [Алиева, 2012, с. 103]. Однако курительные трубки голландского (1 экз.) и турецкого (4 экз.) типов, обнаруженные в Базарном раскопе, являются аргументом в пользу версии об активной международной торговле на тобольском рынке.

Базарный раскоп в Тобольске...

В торговых рядах нижнего посада была широко представлена продукция легкой промышленности, включавшей текстильную и кожевенную отрасли. Судя по находкам, к товарам кожевенного производства следует относить элементы одежды и обувь. В коллекции значительно преобладают мелкие неатрибутированные фрагменты изделий (438 экз.), многочисленные обрезки кожи (350 экз.), но присутствуют и как определимые экземпляры ботинок, поршней и туфель (76 экз.), так и их детали — подошвы, стельки (70 экз. из кожи, 4 экз. из бересты), части кожаных (45 экз.) и деревянных (3 экз.) каблуков, железные набойки (8 экз.), фрагменты кожаных шнурков, ремешков, ремня (14 экз.). В Тобольске было широко развито кожевенное производство, тобольские мастера обрабатывали кожу, поступающую к ним даже из Восточной Сибири и с Крайнего Севера [Копылов, Прибыльский, 1975, с. 39].

На продукцию шерстоткацких и суконных фабрик второй половины XIX в. указывают надписи на найденных в Базарном раскопе свинцовых пломбах. Из Москвы на тобольский рынок поступали ткани фирм В.С. Захарова, Р.Д. Мартынова, Т.И. Самцова, из Санкт-Петербурга — сукно фабрики Георга Генриха Фидлера, из Воронежской губернии — товары завода И.П. Бутикова, занимавшегося шерстоткацким, набивным и красильным производством [Аношко, Игнатов, 2014, с. 83]. Обнаружены также пломбы торговых домов И.С. Решетникова, продававшего разнообразные мануфактурные изделия, в том числе ткани [Тайны...], и П.К. Прянишникова, являвшегося владельцем писчебумажных фабрик в Тверской губернии и Москве, производивших, помимо художественной литературы, бумажную пряжу [Петр Козьмич Прянишников...].

Не исключено, что на базарной площади располагалась бакалейная лавка, в которой продавали чай, кофе, сахар, о чем свидетельствуют свинцовые пломбы в коллекции Базарного раскопа. Одна из них относится к Московскому товариществу чайной торговли сыновей П. Боткина, осуществлявшему в XIX в. по всей стране продажу рафинада, сахарного песка, кофе, китайского, цейлонского и лондонского чая [Петра Боткина сыновья...], другая — к крупнейшему Павловскому рафинадному заводу И.Г. Харитоненко второй половины XIX — начала XX в. в Сумах (Украина) [К 185-летию...].

Четвертый массив культурного слоя, исследованного двенадцатым — пятнадцатым пластами, связан с участком жилой застройки конца XVII — начала XVIII в., представленным остатками срубов сгоревшей русской усадьбы и городской улицы — деревянной мостовой. По планиграфическим и стратиграфическим наблюдениям, пожар начался в северо-западном углу дома, где стояла печь, так как здесь в большом количестве найдены обломки глиняных кирпичиков и мощная прослойка прокаленного грунта. Те объекты усадьбы, которые не подверглись воздействию огня, сохранили свой естественный цвет и даже запах из-за большой влажности грунта на этой глубине.

Жилой дом площадью около 95 м² представлял собой сруб, разделенный внутренними перегородками на несколько помещений — комнат. Его северная часть оказалась за пределами раскопа. Южной стенкой, сгоревшей дотла, дом вплотную примыкал к деревянной мостовой, поэтому в ней, скорее всего, находились оконные проемы. От западной стенки сруба сохранился лишь один венец, разделенный на две части — южную и северную бревнами длиной 2,9 и 4,2 м соответственно, последнее из которых посередине с двух сторон подпирало столбы. Около этой стенки расчищена деревянная конструкция — три параллельных ряда бревен, поверх которых залегали доски, служившая «черным» входом в жилище, обращенным во двор, по направлению к хозяйственной постройке, располагавшейся в 2 м от него. Восточная стенка сруба также была разделена на две части, южную образовывали не менее пяти венцов толстых балок длиной до 7,1 м, с глубокими пазами для крепления, опиравшимися на три бревна длиной до 6 м, уложенных перпендикулярно на расстоянии 1,1–1,75 м друг от друга. Эти бревна уходили как во внутреннюю часть усадьбы, так и под доски мостовой. Помимо сруба, на них размещены плахи шириной 0,1 м, являвшиеся полом жилища, а за его пределами — настил, на который, вероятно, было установлено приподнятое над землей крыльцо, построенное у восточной стены, где, судя по разрыву бревен, находился дверной проем — «парадный» вход в жилище со стороны городской улицы. Внутри срубной конструкции дома также выявлены горелые фрагменты бревен, залегавшие как параллельно, так и перпендикулярно относительно его восточной и западной стен, разграничивавшие внутреннее пространство жилища на отдельные помещения.

На участке русской усадьбы также обнаружена хозяйственная постройка, располагавшаяся к северо-западу от жилого дома. К сожалению, изучена лишь ее юго-восточная часть, остальные оказались за пределами раскопа. От этой постройки сохранился один венец сруба, хотя с внешней и внутренней сторон южной стенки залегали в продольном направлении еще четыре

бревна, по-видимому являвшихся частью ее срубной конструкции. В юго-восточном углу постройки располагался вход, так как здесь наблюдался разрыв бревен сруба и зафиксированы столбы. Прямо напротив входа, в 2,4 м к северо-западу от него, обнаружено отхожее место, к которому отнесена конструкция из тонких плах, образующих четырехугольник размерами 1,5–2,1×0,85–1 м.

Рис. 3. Базарный раскоп. Находки из слоев, связанных с жилой застройкой конца XVII — начала XVIII в.:
 1 — перстень (медь с позолотой); 2 — пуговица (бронза); 3 — наконечник пера (медь); 4 — рыболовный крючок (медь);
 5, 6 — монеты петровского периода (медь); 7 — нагельный крестик (медь); 8 — часть фигурной лампадки
 (медь с позолотой); 9 — шейная подвесная печать (бронза); 10 — наперсток (медь).

Fig. 3. The Market excavation. Artifacts from the layers associated with residential buildings of the late XVII — early XVIII century:

- 1 — ring (copper with gold); 2 — button (bronze); 3 — the tip of the pen (copper); 4 — fishing hook (copper);
 5, 6 — coins of Peter's period (copper); 7 — pectoral cross (copper); 8 — part of the shaped lamps (copper with gold);
 9 — neck pendant printing (bronze); 10 — thimble (copper).

Базарный раскоп в Тобольске...

С юга практически вплотную к деревянным конструкциям усадьбы примыкала городская улица — настил из толстых плах шириной 0,2–0,35 см и толщиной до 0,15 см, уложенных вплотную друг к другу в несколько рядов. Максимальная длина одного ряда составляла 9 м, ширина 3,6 м. Улица имела широтное направление, но в восточной части раскопа под прямым углом поворачивала на север, огибая юго-восточный угол жилого дома усадьбы. Под деревянной мостовой зафиксирована мощная прослойка грязно-голубой глины с вкраплениями угля, скорее всего утрамбованная здесь для защиты досок от грунтовых вод. Раскопками установлено, что улица, как и усадьба, сгорела и впоследствии не подвергалась ремонту. С другой стороны мостовой также располагались какие-то деревянные конструкции, но они попали в Базарный раскоп лишь частично, поэтому их назначение установить не удалось.

Ассортимент артефактов, связанных с данным периодом застройки нижнего посада, разнообразен и представлен железными предметами — гвоздями с подквадратным сечением стержня (14 экз.), скобами, однолезвийными ножами (3 экз.), подковой, ножницами, топорищем, наконечником молота, дверными петлями, засовом и др.; обломками в основном гончарной посуды (107 экз.), деревянными и берестяными вещами — кадкой, лопаткой, толкушками (2 экз.), крышками (6 экз.), каблуками (4 экз.), веретеном, кибасом, лаптем, частями туеска и плетеных коробов. Самой многочисленной категорией находок в нижней толще культурного слоя являлись кожаные изделия — ботинки, поршни, туфли (45 экз.), детали одежды, части каблуков (11 экз.), подошв, стелек (90 экз.), обрезки кожи (56 экз.), а также неатрибутированные фрагменты (309 экз.). Датировкой жилой усадьбы служат монеты петровского периода (14 экз.) (рис. 3, 5, 6), в том числе медная и серебряные чешуйки. Остальные, более поздние монеты и две свинцовые пломбы обнаружены в местах перекопов, поздних ямах, чьи котлованы на некоторых участках раскопа уничтожили заполнение усадьбы.

Медные и бронзовые предметы, обнаруженные на этой глубине, также свидетельствует о принадлежности данного жилого квартала к концу XVII — началу XVIII в. Они представлены крестом-тельником, пуговицами, перстнями, подвеской, пряжкой, шейной печатью, фрагментом фигурной лампадки, наперстками, наконечником пера и рыболовным крючком (рис. 3, 1–4, 7–10). Крест-тельник четырехконечный, имеющий с обеих сторон рельефные литые иконографические изображения и надписи, покрытые серо-голубой эмалью (рис. 3, 7). Его прямые лопасти и прямоугольное средокрестие обрамлены растительными узорами — листьями, травами, стеблями, образующими венки. Аналогичные изделия довольно широко представлены на территории европейской части России и Сибири, где датируются XVII–XVIII вв. [Молодин, 2007, с. 61–62]. Многие исследователи считают, что они являются продукцией старообрядческих меднолитейных мастерских. Среди пяти дисковидных и шаровидных пуговиц одна имеет золотое напыление, а другая — вытянутую форму, напоминающую крыжовник, в нижней части которой нанесен узор — круглые лепестки с фигуркой в виде горизонтально расположенной восьмерки (рис. 3, 2). Подобные изделия были широко распространены в Сибири в XVI — первой половине XVII в. [Алиева, 2012, с. 93]. Кольца (9 экз.) щитковосрединные, лишь два из них являются перстнями-печатками, покрытыми позолотой (рис. 3, 1), что позволяет говорить о принадлежности данной усадьбы обеспеченному горожанину.

При выборке заполнения жилого дома была найдена шейная подвесная печать, представлявшая собой двустворчатый предмет с диаметром матриц 1,5 см и круглым ушком для привешивания (рис. 3, 9), изготовленная на заказ, так как видна тщательность проработки деталей. На внешней стороне правой створки в круглом линейном ободке изображен лев с поднятой передней лапой, на внутренней — гербовый щит, увенчанный императорской короной, в его центре — птица (голубь?), сидящая на ветке. На левой створке с внешней стороны изображена крепостная стена с двумя башнями и воротами, над которыми нанесена сцена битвы Орла и Змея, которая подробно описывается у Нестора Искандера в его «Повести о взятии Царьграда турками». На внутренней стороне левой матрицы в ободке представлена негативная надпись «ПЕЧАТЬ/НЯУМНО/ВЯКРЕПО/СТЬ», относившаяся к разряду нравоучительных изречений, перекликавшихся с пословицей В. Даля «Для умного печать, для глупого замок». Надпись и сюжетные композиции, присутствующие на матрицах шейной печати, были весьма популярны в XVII — первой половине XVIII в. [Аношко, Алиева, 2017, с. 309]. К сожалению, ничего не указывает на имя владельца этой вещи, но то, что она принадлежала хозяину данной усадьбы, не вызывает сомнения. Тобольская шейная печать является уникальной находкой на территории Сибири, так как похожих предметов в материалах сибирских памятников мы не обнаружили.

На глубине более 2 м культурный слой быстро наполнялся грунтовыми водами, однако установлено, что под конструкциями усадьбы вплоть до уровня погребенной почвы фиксировалось очень мощное однородное, сильно гумусированное отложение, являвшееся остатками навоза, в котором отсутствовали артефакты и фрагменты деревянных сооружений. Можно однозначно констатировать, что в первой половине XVII в. исследуемый участок тобольского нижнего посада еще не был заселен и использовался тоболяками под поля и пастбища, которые они удобряли навозом. По данным архивных источников, в это время здесь располагались монастырские и церковные земельные вотчины Тобольского Софийского дома [Балюк, 2001].

В целом Базарным раскопом реконструированы этапы и характер застройки одного из главных в историческом отношении участков нижнего посада Тобольска. Анализ археологических материалов свидетельствует, что этот квартал в конце XVII — начале XVIII в. являлся частью жилищно-хозяйственной застройки уличного типа, а владелец усадьбы имел достаточно высокий уровень материального благополучия. По мере интенсивности роста товарооборота функционирование торговли лишь в верхней части города стало недостаточным, поэтому местными властями было решено создать близ р. Курдюмка дополнительное место для торжища. Исследования Базарного раскопа подтвердили информацию исторических источников, указывающих, что на верхнем посаде в XVIII в. велись торги китайской и прочей дорогостоящей импортной продукцией, а на нижнем главным образом продавали товары всероссийского и местного производства [Резун, Беседина, 1992, с. 62–70]. По археологическим данным, на базарной площади на протяжении XVIII—XIX вв. значительно преобладали российские, в том числе местные изделия, предназначенные для широких слоев населения. В XIX в. Тобольск утратил своё влияние не только как административно-политический, но и как главный торговый центр Сибири, что связано с перемещением сухопутного сибирского тракта от Екатеринбурга на Тюмень [Копылов, Прибыльский, 1975, с. 59–61]. Ввоз товаров на тобольский рынок резко сократился, они заменялись местной продукцией, однако в результате разрушительной серии пожаров на нижнем посаде города сгорела дотла базарная площадь, которая впоследствии не была восстановлена [Копылов, Прибыльский, 1975, с. 59–61]. Лишившись губернских управленческих функций и главных торговых транзитных путей, Тобольск превратился в уездный город дореволюционной России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Адамов А.А., Балюнов И.В., Данилов П.Г. Город Тобольск: Археологический очерк. Тобольск, 2008. 114 с.
- Алиева Т.А. Некоторые данные о деталях костюма и украшениях тоболяков в XVII–XIX вв. // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник ТюмГУ. 2012. Вып. 4. С. 92–106.
- Аношко О.М., Алиева Т.А. Прикладные печати из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях. Омск: Наука, 2017. С. 305–310.
- Аношко О.М., Игнатов С.В. Нумизматические и сфрагистические материалы Базарного раскопа в Тобольске // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4. С. 80–89.
- Археология Романова двора: Предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках. М.: ИА РАН, 2009. 521 с.
- Балюк Н.А. Земледельческое хозяйство Западной Сибири в XVII — нач. XVIII вв. Тюмень: ТюмГУ, 2001. 186 с.
- Бочанова Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири второй половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1978. 393 с.
- Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: Новые археологические исследования: (Материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург; Нефтеюганск: Магеллан, 2008. 296 с.
- Вилков О.Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М.: Наука, 1967. 324 с.
- Вилков О.Н. Тобольские таможенные книги XVII в. // Города Сибири: (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 1978. С. 5–46.
- Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — нач. XVIII в. Новосибирск: Наука, 1990. 316 с.
- Зиняков Н.М. Тобольские замки XVII–XVIII вв.: Разновидности механизмов и технология производства // АВ ORIGINE: Археолого-этнографический сборник ТюмГУ. 2012. Вып. 4. С. 106–117.
- Лобанов Григорий Романович [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.veneva.ru/karl.htm>.
- Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло древнего Новгорода // МИА. М.: Наука, 1959. С. 48–56.
- Копылов Д.И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. Свердловск: Изд-во СГПИ, 1973. 265 с.

Базарный раскоп в Тобольске...

- Копылов А.Н.* Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск: Наука, 1974. 252 с.
- Копылов Д.И., Прибыльский Ю.П.* Тобольск. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд.-во, 1975. 224 с.
- Кочедамов В.И.* Тобольск: Как рос и строился город. Тюмень: Тюм. книга, 1963. 155 с.
- К 185-летию со дня рождения Ивана Герасимовича Харитоненко* // Официальный сайт пресс-службы Сумской епархии [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.orthodoxsumy.narod.ru/history.htm>.
- Мамонтовы*, старинный торговый род [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://rusinst.ru/articletext.asp?rzd=1&id=7212&abc=1.htm>.
- Матвеев А.В., Аношко О.М.* Археологические открытия в Тобольске // Наследие Тюменской области. Тюмень: Тюм. издат. дом, 2011. С. 49–55.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Сирюшова Н.Ф.* Старинный фарфор и фаянс из культурного слоя Тобольска // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2011. № 2 (15). С. 116–125.
- Молодин В.И.* Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
- Мусина Р.Р.* Марки российского фарфора (1744–1917 гг.). М.: Знание, 1995. 80 с.
- Низовский А.Ю.* Русские форменные пуговицы, 1797–1917 гг. М.: Родонит, 2008. 375 с.
- Петра Боткина* сыновья // Академик: (Энциклопедия) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/moscow.htm>.
- Петр Козьмич Прянишников* // Форум союза возрождения родословных традиций [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://forum.svrt.ru/favicon.htm>.
- Резун Д.Я., Беседина О.Н.* Городские ярмарки Сибири XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск: Наука, 1992. 154 с.
- Станюкович А.К., Авдеев А.Г.* Неизвестные памятники русской сфрагистики: Прикладные печатиматрицы XIII–XVIII вв. из частных собраний. М.: Искатели, 2007. 189 с.
- Тайны Решетникова пруда* // Одинцово — новые рубежи [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.odintsovo.info/favicon.htm>.
- Хроника развития Мишеронского завода Костеревых* // Краеведческий сайт г. Шатура и Шатурского района [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://share.yandex.ru/go.xml?service=vkontakte&url=http%3A%2F%2Fwww.shaturyane.ru%2Fsettlements-misheronsky-glassworks.htm>.

O.M. Anoshko

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: okanoshko@yandex.ru

THE EXCAVATION OF A MARKET PLACE IN TOBOLSK

This article presents the results of the excavation works of a marketplace that was laid in the historical part of the lower village of Tobolsk, near the Kurdyumka river. The conducted archaeological research has established two building periods in this part of the city. The first building period is represented by powerful, well-stratified sediments containing the remains of the wooden trading rows of the marketplace that functioned in the 18th–19th centuries. The second period, which remains were found in the lower occupation layer, is represented by the fragments of residential buildings dated late 17th — early 18th century. The materials collected in the excavation site feature typical mass artefacts (tableware made of clay, porcelain, faience, glass, and a wide assortment of iron products and leather shoes), as well as some rare findings (chess figures, smoking pipes, crosses, rings, buttons, seals, bullets, clay and wooden toys, bone combs, etc.). The assemblage comprises coins and seals in large quantities, which were reliably attached to certain occupation layer strata. The provided characteristics of trade shops and goods having been sold therein have expanded the views of historians on trade relations in one of the first Russian towns in Siberia. According to the archaeological data, the products of Russian producers, including local ones, intended for wide population strata, greatly prevailed in the market of the lower village during the 18th and 19th centuries.

Key words: Tobolsk, the bottom posad, market square XVIII–XIX centuries, retail shops, residential buildings of the late XVII — early XVIII century, artifacts.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-053-064

REFERENCES

- Adamov A.A., Baliunov I.V., Danilov P.G. (2008). *Tobolsk: the Archaeological essay*, Tobol'sk, 114 p.
- Alieva T.A. (2012). Some data on the details of the costume and the decorations of the Toboliaks in the 17th–19th centuries. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik*, (4), Tiumen': Izd-vo TiumGU, 92–106.
- Anoshko O.M., Alieva T.A. (2017). Applied seals from the cultural layer of Tobolsk. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*, Omsk: Nauka, 305–310.
- Anoshko O.M., Ignatov S.V. (2014). Numismatic and sphragistic materials of the Bazaar excavation in Tobolsk. *Vestnik arkheologii i antropologii i etnografii*, (4), 80–89.

O.M. Аношко

- Baliuk N.A. (2001). *The agricultural economy of Western Siberia in the XVII — early XVIII centuries*, Tiumen': Tiumenskii gosudarstvennyi universitet, 186 p.
- Bochanova G.A. (1978). *Manufacturing industry of Western Siberia in the second half of the XIX century*, Novosibirsk: Nauka, 393 p.
- Kolchin B.A. (1959). Iron-working craft of ancient Novgorod. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, Moscow: Nauka, 48–56.
- Kopylov D.I. (1973). *Manufacturing industry in Western Siberia in the XVIII — first half of the XIX century*, Sverdlovsk: Izd-vo SGPI, 265 p.
- Kopylov A.N. (1974). Essays on the cultural life of Siberia of XVII — beginning of the XIX century, Novosibirsk: Nauka, 252 p.
- Kopylov D.I., Pribyl'skii Iu.P. (1975). *Tobolsk*, Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 224 p.
- Kochedamov V.I. (1963). *Tobolsk: how the city grew and was built*, Tiumen': Tiumenskaia kniga, 155 p.
- Matveev A.V., Anoshko O.M. (2011). Archaeological discoveries in Tobolsk. *Nasledie Tiumenskoj oblasti*, Tiumen': Tiumenskii izdatel'skii dom, 49–55.
- Matveev A.V., Anoshko O.M., Siriushova N.F. (2011). Ancient porcelain and faience from the cultural layer of Tobolsk. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2 (15)), 116–125.
- Molodin V.I. (2007). *Crosses-vests Ilimskiy ostrog*, Novosibirsk: INFOLIO, 248 p.
- Musina R.R. (1995). *Stamps of Russian porcelain (1744–1917)*, Moscow: Znanie, 80 p.
- Nizovskii A.Iu. (2008). *Russian uniform buttons, 1797–1917*, Moscow: Rodonit, 375 p.
- Rezun D.Ia., Besedina O.N. (1992). *City fairs of Siberia the XVIII — the first half of the XIX century*, Novosibirsk: Nauka, 154 p.
- Staniukovich A.K., Avdeev A.G. (2007). *Unknown monuments of Russian sphragistics. Applied print-matrix of the XIII–XVIII centuries from private collections*, Moscow: Iskateli, 189 p.
- Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. (2008). *Mangazeya: New archaeological research: (Materials from 2001–2004)*, Ekaterinburg; Nefteigansk: Magellan, 296 p.
- Vilkov O.N. (1967). *Craft and trade in Western Siberia in the XVII century*, Moscow: Nauka, 324 p.
- Vilkov O.N. (1978). Tobolsk customs books of the XVII century. *Goroda Sibiri: (Epokha feodalizma i kapitalizma)*, Novosibirsk: Nauka, 5–46.
- Vilkov O.N. (1990). *Essays on socio-economic development of Siberia in the late XVI — early XVIII century*, Novosibirsk: Nauka, 316 p.
- Ziniakov N.M. (2012). Tobolsk locks of the XVII–XVIII centuries: Types of mechanisms and production technology. *AB ORIGINE: Arkheologo-etnograficheskii sbornik TiumGU*, (4), 106–117.

А.А. Адамов

Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
ул. Акад. Ю. Осипова, 15, Тобольск, 626152
E-mail: adamowaa@yandex.ru

АТЛАС ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ 1806 г. — ИСТОЧНИК ДЛЯ ПОИСКА МОГИЛЫ ЕРМАКА ИЛИ ФАЛЬСИФИКАЦИЯ ЕГО АВТОРА?

Статья посвящена анализу фрагмента сравнительно недавно введенного в научный оборот «Атласа Тобольской губернии 1806 года», источника, указывающего точное место расположения могилы Ермака. На карту «План местоположению, состоящему около реки Иртыша, реки Вагая и протчих озер и речек...» губернский землемер В. Филимонов нанес знак, обозначающий сухой кедр, в 10 саженях от которого находится могила Ермака. В обширном тексте на карте В. Филимонов своими словами изложил сведения Г.Ф. Миллера, относящиеся к последнему бою Ермака и обстоятельствам его погребения. Этот текст был дополнен информацией, полученной им от местного татарского населения. При этом, как добросовестный исследователь, он четко разграничил пересказ работы Г.Ф. Миллера и им самим (В. Филимоновым) собранные данные. Высказанное в недавних статьях И.В. Белича предположение, что В. Филимонов подделал источник, исправив текст Г.Ф. Миллера, и необоснованно нанес на карту месторасположение могилы Ермака близ юрт Бегишевских, не подтверждается при внимательном анализе пояснительного текста к карте. Нет доказательств и предположения о рвачестве В. Филимонова, и разоблачения еще в XIX в. подделки. Археологические работы, проводившиеся на месте предполагаемого захоронения Ермака, не позволяют согласиться с утверждением, что местные жители просто указали В. Филимонову на средневековый могильник или место расположения когда-то почитаемого дерева. В то же время анализ карты показал, что она составлена профессионалом, обозначившим место захоронения Ермака на основании сведений местных жителей. Как любой исторический источник, эта карта нуждается во всеобъемлющей критике и проверке. Но именно в научной критике, а не в выдвигании ничем не обоснованных обвинений против ее автора.

Ключевые слова: «Атлас Тобольской губернии от 1806 года», землемер В. Филимонов, могила Ермака, С.У. Ремезов, Г.Ф. Миллер, сибирские татары.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-065-071

Работа выполнена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0001 «Изучение культуры населения северной лесостепи и южной тайги Западной Сибири (I тыс. до н.э. — II тыс. н.э.)».

Местонахождение могилы Ермака, из-за чрезвычайной популярности его личности, вопрос, волнующий широкие слои общественности страны, которые хотят почтить прах народного героя. До недавних пор единственным источником, повествующим о месте погребения Ермака, оставалась летопись С.У. Ремезова. Согласно его версии, тело русского воина было найдено в Иртыше, опознали Ермака по двум надетым на него кольчугам. Одна кольчуга впоследствии была отдана татарскому мурзе Кайдаулу, другая — угорскому князю Алачу (для передачи на Белогорское святилище). Тело же Ермака лежало на помосте, и приходящие татарские и угорские воины вонзали в его тело стрелы. А из ран текла кровь, и птицы тело его облетали, и «многим являлся в видении», и татары, видя это, устроили богатые поминки и захоронили тело Ермака на татарском кладбище с. Баишевского [Краткая Сибирская летопись..., 1880, л. 29, 30]. Эти сведения С.У. Ремезов получил от своего отца У.М. Ремезова, который в 1660 г. отвозил кольчугу Ермака тайше Аблаю [Бахрушин, 1916, с. 16, 17]. Сам Аблай и сообщил Ульяну Ремезову подробности нахождения тела и захоронения Ермака [Краткая Сибирская летопись..., 1880, л. 31, 32].

Еще один источник, ставший известным сравнительно недавно, это «Атлас Тобольской губернии от 1806 года». Над его составлением работал тобольский губернский землемер В. Филимонов [Коновалова, 2012, с. 12]. В. Филимонов проделал гигантский труд, составив в начале XIX столетия атлас из Генеральной карты Тобольской губернии, планов 9 уездных городов и 10 карт с планами древних укреплений и мест, связанных с походом дружины Ермака [Коновалова, 2015, с. 175, 176]. Этот атлас является масштабным источником по истории и картогра-

фии Сибири. Чего стоит только «План остатков бывшего ханского города Сибири» [Там же, с. 208]... Но более всего привлекает внимание карта «План местоположению, состоящему около реки Иртыша, реки Вагая и протчих озер и речек с показанием копи, которую приказал копать Ермак Тимофеевич при следовании своем вверх по реке Иртышу для завоевания татарских селений после взятия Сибири в 3-й год, то есть в 1584 году» [Там же, с. 209]. Карту сопровождает достаточно обширный рукописный текст. Под сноской № 1 на плане показана копь Ермака. Сноску № 2 сопровождает текст, касающийся расположения могилы Ермака: «Телом же ево лежало 6 недель после его погребли они ево при кладбище Бегишевских юрт под кудрявою сосною как история объявляет, а татары обоном объявляют што сосна уже 40 лет повалилась и на том месте ныне пашня а в 10 сажень с той посохший кедр под № 2-м» [Там же, с. 426].

Именно на этот план и примечания к нему мы опирались, проводя исследования по поискам могилы Ермака [Адамов, Турова, 2014; Адамов, 2015]. Прежде всего, мы исходили из того, что, составляя план, В. Филимонов не ограничился исключительно сведениями, приведенными Г.Ф. Миллером в его «Описании Сибирского царства». Хотя почти все в описании к карте взято у него, о чем В. Филимонов в конце и указал: «все вышеписанное напечатано у профессора Миллера в Сибирской истории с забранных древних сибирских летописцев» [Коновалова, 2015, с. 426]. Однако надпись к карте это не прямая цитата из Г.Ф. Миллера, а вольный пересказ с точным изложением сведений академика. Так как это не прямая цитата, в тексте есть вставки, написанные самим В. Филимоновым, где он объясняет, откуда эти сведения ему стали известны. Первая вставка: «тогда Ермак особою мог отпор учинить и хотел вскочить на свое судно и оскочившись в реку утонул, как в истории упоминаетца, но татары со своей стороны и по ныне утверждают, што Ермак был на бегу стрелян в тыл и от того в воду повалился» [Там же, с. 426]. Этого эпизода нет ни у Г.Ф. Миллера, ни у С.У. Ремезова [Миллер, 1750, с. 190; Краткая Сибирская летопись..., 1880, л. 28]. И В. Филимонов прямо пишет, что «татары со своей стороны и по ныне утверждают». Во второй вставке он добросовестно сообщает, откуда были взяты сведения: «а татары обоном объявляют»... «што сосна уже 40 лет повалилась и на том месте ныне пашня а в 10 сажень с той посохший кедр под № 2-м» [Там же, с. 426]. Таким образом, мы видим: В. Филимонов, как добросовестный современный исследователь, расставил сноски, указав, где пересказ историка Г.Ф. Миллера, а где полученные им самим (В. Филимоновым) у сибирских татар сведения.

Казалось бы, все ясно, но так не считает этнолог И.В. Белич¹, опубликовавший за один год четыре статьи, посвященные проблеме месторасположения могилы Ермака. Их автор — приверженец версии, изложенной С.У. Ремезовым в его «Краткой Сибирской летописи» [Белич, 2015a–d]. Поэтому введение в научный оборот нового источника, по-иному указывающего место захоронения атамана, а тем более предпринятые археологами попытки выяснить, насколько этот источник соответствует действительности [Адамов, Турова, 2014; Адамов, 2015], восприняты И.В. Беличем, судя по его статьям, весьма болезненно.

В своей последней работе И.В. Белич ставит под сомнение сведения о месте расположения могилы Ермака, приводимые В. Филимоновым: «Отчего же археологу “становится ясно, что место” — могилу Ермака В. Филимонову “указало местное татарское население”? Взяв текст “Плана”, проникнемся поиском сего откровения» [Белич, 2015d, с. 115]. Что же находит И.В. Белич? Он находит в тексте подчистку. Возможно, подчистка и была, но что это доказывает? Ведь стерто не все предложение, а только его часть с пропусками. Но И.В. Белича это не смущает, и он предпринимает попытку реконструировать первоначальный текст, стертый В. Филимоновым. Что же это за текст? Вот он: «И дабы суеверие над могилой також уничтожилось, то приказано было тем, которые тело его погребли, о погребальном месте никому не объявлять. Однакож оное место в безвестии не осталось...» [Там же, с. 116]. Но цитата из Г.Ф. Миллера слишком обширная, чтобы поместиться в подчищенный фрагмент. И.В. Белич находит объяснение: «Изложи Филимонов эту часть отрывка из Миллера своими словами, сошлись бы как раз те 1,5 строки первого текста, которые он вытравил» [Там же]. Но позвольте, текст, возможно, и сошелся бы, однако как увязать смысл с не подчищенными словами в одном предложении? Посмотрим внимательно на подчистку в тексте В. Филимонова. Действительно, часть слов выделяется из основного текста светлым фоном и меньшим шрифтом (рис.). Уберем подчищенные слова от запятой до точки: «а татары... объявляют... и на том... под № 2.». И как в пропуски вставить

¹ И.В. Белич ушел из жизни, однако вопросы, поднятые в его последних публикациях, остаются актуальными и требуют развернутого обсуждения.

«реконструкцию» И.В. Белича? Не стыкуются «дабы суеверие над могилой також уничтожилось...» ни с «а татаре... объявляют», ни с «№ 2». Становится понятным, что подпись, реконструированная И.В. Беличем, к данному документу не имеет отношения, а В. Филимонов только подправил свой текст, передающий информацию, полученную им от местных жителей.

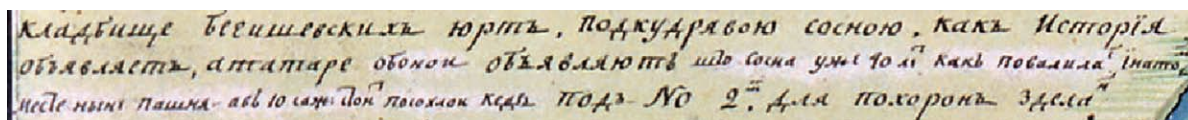

Рис. Фрагмент карты «План местоположению, состоящему около реки Иртыша...».

Fig. Fragment of the map «The plan for the location, which is near the Irtysh River...».

Зачем же И.В. Белич проделал этот труд по реконструкции стертго текста? Все просто. Только на основании своих подозрений он обвиняет В. Филимонова в сознательном подлоге слов Г.Ф. Миллера собственными его, Филимонова, словами. «Но желание землемера разыскать могилу Ермака было столь велико, что в результате в “Плане” он выдал желаемое за действительное» [Белич, 2015d, с. 116]. Дальше — больше, И.В. Белич, нисколько не сомневаясь, приписывает В. Филимонову рвачество: «За Атлас 1806 г. Филимонову светила бы “Анна на шее”, но ни за ордена, ни в расчете на повышение чина никто не кинулся искать могилу Ермака. <...> Но потому, что профессора Академии наук, отменно знавшие «Истории» Миллера и Ремезова, просто заметили подлог в Плане» [Там же, с. 117]. А где факты? Может быть, И.В. Белич нашел прошение В. Филимонова на высочайшее имя о награждении его орденом за отыскание могилы Ермака или сохранилась разгромная рецензия почтенных академиков, указывающих на бессовестный подлог? Нет таких данных в статье И.В. Белича. Все умозаключения — плод авторского вымысла.

В подтверждение своих рассуждений о подлоге В. Филимонова И.В. Белич пытается убедить нас в том, что у местного населения какие-либо сведения о Ермаке тобольский землемер получить просто не мог. Это ссылки и на различные «дозорные и переписные книги», и на «подрядные записи» [Белич, 2015d, с. 114], в которых нет сведений о расположении могилы Ермака близ с. Бегишевского. Но нет там и сведений о расположении могилы Ермака на кладбище ю. Баишевских [Белич, 2015b, с. 39], а ее уж непременно должны были бы отметить, если следовать аргументации ученого.

Еще один «бесспорный» аргумент — «выбивание» из местного старосты нужных для В. Филимонова сведений. При этом воображаемом И.В. Беличем разговоре речь идет «вряд ли о могиле Ермака», а о «старой сосне подле их кладбища, там еще старинная могила была» [Белич, 2015d, с. 116]. Странная для этнолога постановка вопроса, ведь в Тобольском Прииртышье татарские кладбища представляют собой участки, густо поросшие вековыми деревьями. Среди них располагаются западины — следы старых захоронений, над которыми сгнили деревянные решетчатые срубы. Яркие примеры таких кладбищ близ устья Вагая: Баишевское, Бегишевское, Второвагайское, Байгаринское. Поэтому подобная постановка вопроса просто бессмысленна — на каждом татарском кладбище есть не одна такая могила.

Может быть, сибирские татары не знали, кто такой Ермак? Вот ведь ни Г.М. Ниязовой, ни И.В. Беличу они не открыли тайну могилы Ермака [Белич, 2015d, с. 114]. Надо заметить, эту тайну они не открыли и С.У. Ремезову [Краткая Сибирская летопись..., 1880, л. 32], и Г.Ф. Миллеру [Миллер, 1750, с. 196]. Однако всего в нескольких километрах от старых Бегишевских юрт расположена «Ермакова перекопь», отмеченная уже в атласе С.У. Ремезова. Местные жители конечно же ею пользовались [Миллер, 1750, с. 178, 179], когда двигались на долбленках, сокращая себе путь, вниз по течению р. Иртыш. Как отмечал священник Тобольского уезда И. Бедняков, Ермак упоминается в песнях сибирских татар, которые поются на праздниках [Миненко, 1979, с. 23], да и нам в с. Бегишевском рассказали легенду о Ермаке и местной вдове.

Возможно, В. Филимонову указали место расположения археологического могильника, обнаруженного татарами при сведении леса и пашенных работах, считает И.В. Белич [2015d, с. 116]. Да, действительно, при наших исследованиях были обнаружены два погребения [Адамов, Турова, 2014, с. 282]. Но эти могилы даже не затронул плуг при вспашке в XX в. Именно от современного плуга, прорезавшего порой землю до 40 см, и остались на материке борозды, а не от сохи или пермянки (как предполагает, пытаясь ликвидировать нашу «безграмотность», И.В. Белич

[2015d, с. 117]), которые, по сути, только царапали верхний слой почвы. Поэтому не могли указать местные жители В. Филимонову древний грунтовый могильник. Они о нем просто не знали.

Но, может быть, на этой возвышенности стояла когда-то «кудрявая» сосна — почитаемое местными жителями дерево. Ведь мы, по уверению И.В. Белича, «вопреки здравому смыслу» это дерево и искали [Белич, 2015d, с. 118]. Разъяснению термина «кудрявая» исследователь посвятил немало строк [Белич, 2015d, с. 118, 119]. Хотя можно было просто сослаться на работу блестящего ученого А.П. Окладникова [1981, с. 129].

Современные технологии позволяют определить, стояло ли почитаемое дерево на расчищенном поле. Приклады (непременное составляющее такого объекта), среди которых были и мелкие металлические вещи, исчезнуть просто не могли. Изделия из металла, хорошо обнаруживаемые с помощью металлодетектора, точно бы локализовали месторасположение такого дерева. Но нескольких разрозненных свинцовых пуль, одна утерянная пуговица и серебряная монета (чешуйка), найденные нами на обширном пространстве возвышенности, не позволяют говорить о расположении здесь «кудрявой» сосны. Да и вряд ли сибирские татары решились бы выкорчевать лес вокруг почитаемого дерева, чтобы устроить здесь пашню. Не искал В. Филимонов «кудрявую» сосну. Он расспрашивал о могиле Ермака. И ответ он получил у местного татарского населения.

Зачем же В. Филимонов пытался на плане, пусть и в краткой форме, изложить то, что он узнал у местных сибирских татар? И про стрелу, и про кедр. Это не вяжется с версией С.У. Ремезова, изложенной Г.Ф. Миллером. И конечно же вызовет критику. Мы не знаем, каким В. Филимонов был в жизни. Нам неизвестны воспоминания о нем. Но остались его труды — планы и карты. Возьмем карту, вызвавшую столько негодования у И.В. Белича [Белич, 2015d, с. 114, рис. 1]. Территория, отраженная на карте, составляет 135 км² (километров!). Наш ученый этнолог просто не понимает, что значит составить такой план, тем более в начале XIX в. Для него все просто: «Оказавшись по службе в тех местах, сначала он начертил “План древнего укрепления... от села Бегишевского” — лист 15 “Атласа”; затем написал текст в “План местоположению состоящему около реки Иртыша, реки Вагая...” — лист 20..., где, как “напечатано у профессора Миллера”, был “Ермак схоронен”. Эти планы явно делались им параллельно» [Там же, с. 116].

Неплохо владея современным оптическим теодолитом, я прекрасно понимаю, сколько нужно сделать перестановок прибора, чтобы снять план местности площадью всего 2–3 га. При каждом переносе теодолита возникают небольшие ошибки, которые, накладываясь, могут привести к серьезному искажению плана. А здесь нужно было нанести реку Иртыш со всеми ее поворотами, небольшие речки, озера, расположенные по левому и правому берегам Иртыша. Местность здесь покрыта лесом, местами заболочена, что является дополнительными препятствиями к составлению плана. Хорошо, что мы живем во время информационных технологий. Сейчас мы можем эту же местность наблюдать на фотоснимке из космоса. Наложив план, составленный В. Филимоновым, на космоснимок, мы увидели, что три основных озера по обоим берегам р. Иртыш, нанесенных на план, располагаются на тех же местах, что и на космоснимке [Адамов, 2015, с. 14]. Это означает, что план составлен В. Филимоновым с поразительной точностью. А значит, тобольский землемер — настоящий профессионал, и при этом обладающий громадной работоспособностью.

Если судить по составленному В. Филимоновым плану, то складывается убеждение, что землемер не мог делать что-то спустя рукава, наспех, на глазок. Казалось бы, нет ничего проще, чем, опираясь на работу Г.Ф. Миллера, нанести на план местности кладбище у Бегишевских юрт, поставить там крестик и указать в тексте, что здесь находится могила Ермака. Хорошая иллюстрация бы получилась к истории Г.Ф. Миллера, ученые академики были бы довольны и потомки грязью бы не поливали. А если что непонятно, то это к Г.Ф. Миллеру, мы лишь иллюстраторы.

Не таков В. Филимонов, он должен сделать свою работу добросовестно. Что же не нравится губернскому землемеру, где он чувствует фальшь? Что мы знаем из первого источника по обстоятельствам и месту погребения Ермака — летописи С.У. Ремезова? Что сибирские татары вдруг объявили Ермака богом и погребли его под кудрявою сосною на Баишевском кладбище по своему закону и «Бъ бо отъ Ермакова тѣла и отъ платья чудотвореніе: бользненнымъ исцѣленіе, родительницемъ и младенцемъ на отгнаніе недугомъ, на войнъ и въ пролыслехъ удача» [Краткая Сибирская летопись..., 1880, л. 30].

Вот тут бы и проявить свои знания И.В. Беличу: объяснить, почему военного предводителя вражеского войска, иноверца, объявили богом и погребли рядом с астаной до сих пор почитаемого святого *Хаким-ата*, точнее, Сулеймана Бақыргани — ученика и преемника Ахмада аль-Йасави (около 1105–1166) [Белич, 2015d, с. 119]. Почему здравый смысл подсказывает И.В. Бе-

лично, что археологи должны были в 2014 г. искать кладбище Бегишевских юрт [Там же, с. 118], а археологи вопреки этому смыслу ищут могилу Ермака вдали от кладбища. На эти главные вопросы мы не находим ответа в многочисленных статьях, доказывающих, что истина известна только С.У. Ремезову и И.В. Беличу.

Как же С.У. Ремезов получил эти столь важные для нас сведения? Может быть, ему это рассказали сыновья мурзы Кайдаула, получившие по наследству заветный панцирь Ермака. Нет, скорее всего, впервые эту историю услышал калмыцкий тайша Байбагиш, который и начал добиваться покупки этого панциря еще у мурзы Кайдаула [Бахрушин, 1916, с. 23]. От своего отца эту историю узнал и тайша Аблай, рассказавший ее У.М. Ремезову [Краткая Сибирская летопись..., 1880, л. 32; Миллер, 1750, с. 196], последний поделился ею с С.У. Ремезовым, который прилежно, но по воспоминаниям изложил ее в своей летописи. Весьма непростой путь устного рассказа, перед тем как он был запечатлен на бумаге.

Пожалуй, первым задумался над достоверностью истории о погребении Ермака Г.Ф. Миллер, прямо пишущий, что не смог найти подтверждений изложенному С.У. Ремезовым, и прежде всего относительно места, где был погребен Ермак [1750, с. 196]. Удивляясь, как быстро забыли татары место захоронения вроде бы почитаемого ими святого. Кроме того, он знал, что на Баишевском кладбище находится астана, и, наверное, ему объяснили знатные татары, что погребение Ермака рядом с почитаемым святым просто невозможно. Именно поэтому он, излагая по С.У. Ремезову подробности нахождения тела Ермака и его погребения, не мог заставить себя написать заведомую неправду. И вместо кладбища при «Баишевских» юртах, как у С.У. Ремезова, написал «Бегишевских».

Еще на одном сюжете, рассмотренном И.В. Беличем, хотелось бы остановиться — на расположении старых Бегишевских юрт. Как пишет этнолог, впервые их нанес на план С.У. Ремезов в своей «Хорографической чертежной книге» [Белич, 2015d, с. 117]. План В. Филимонова был составлен значительно позднее плана С.У. Ремезова, когда уже старых юрт не существовало. В. Филимонов поместил их на берегу Иртыша, на правом берегу р. Исток, вытекающей из оз. Будановского [Там же, с. 114, рис. 1]. Именно здесь мы их и обнаружили. Находки монет XVII — первой половины XVIII в., часть из которых с отверстиями для пришивания, позволили точно локализовать расположение старых Бегишевских юрт. По плану же С.У. Ремезова, юрты находятся вдали от левого (!) берега реки, вытекающей из оз. Будановского [Leo Bagrow, л. 82a]. Итак, В. Филимонов точно нанес уже несуществующие юрты, тогда как на карте С.У. Ремезова они нанесены с серьезной ошибкой. И еще одно замечание. И сегодня, спустя 250 лет после переноса села, местные жители точно указывают его бывшее местоположение, рассказывая при этом легенду о причинах переноса юрт на новое место.

Если местные жители спустя 250 лет помнят месторасположение старых Бегишевских юрт, то почему бы они не могли спустя 220 лет помнить о месте расположения могилы Ермака, которое и показали В. Филимонову.

Подводя итог, можно констатировать, что В. Филимонов честно и добросовестно нанес на карту то, что узнал у местных сибирских татар, и поэтому эта карта является ценным историческим источником. Как любой источник, она нуждается во всеобъемлющей критике и проверке. Но именно в научной критике, а не в выдвижении ничем не обоснованных обвинений против ее автора. Именно проверкой этого источника и были наши работы 2014 г. Часть сведений, содержащихся в карте В. Филимонова, была подтверждена [Адамов, 2015, с. 14], хотя выполненный объем работ составил всего лишь 1/10 часть от необходимого. Мы далеки от мысли, что составленная В. Филимоновым карта бесспорное свидетельство о реальном месте захоронения Ермака. Слишком большой срок отделяет составление атласа 1806 г. от момента смерти Ермака. Но так сложилось, что сведения губернского землемера можно проверить, в отличие от версии о захоронении на Баишевском кладбище, изложенной С.У. Ремезовым. Мы уверены, что атаман Ермак заслуживает того, чтобы эта, пусть и призрачная, версия была отработана на сто процентов. И мы продолжим свои исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Адамов А.А. Поиски могилы Ермака: Археологические исследования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение, вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 9-1 (59). С. 13–15.

Адамов А.А., Турова Н.П. Результаты археологических исследований по поиску могилы Ермака у юрт Бегишевских Вагайского района Тюменской области // Тобольск научный — 2014: Материалы XI Всерос. науч.-практ. конф. Тобольск: Принт-Экспресс, 2014. С. 181, 182.

Бахрушин С. Туземные легенды в «Сибирской истории» С. Ремезова // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете. М., 1916. № 3–4. С. 1–28.

Белич И.В. «Знаменья, почем познавать в чертеже какие места»: (К вопросу о местонахождении могилы Ермака) // Актуальные вопросы общественных наук: Социология, политология, философия, история: Сборник статей по материалам LI Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2015а. № 7 (47). С. 51–68. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://sibac.info/19443>.

Белич И.В. К вопросу о местонахождении могилы Ермака: «Бегишево (Баишево) кладбище или Бегишев погост» // Евразийский союз ученых. Исторические Науки. 2015b. № 7 (16). С. 37–41. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.euroasia-science.ru/files/arhiv/24-25.07.2015/p7/5-107.pdf>.

Белич И.В. О месте захоронения Ермака по акварели Михаила Степановича Знаменского // Universum: Общественные науки. 2015с. № 12 (21). С. 1–31.

Белич И.В. «План» тобольского землемера 1806 г., или О том, как он выдал желаемое за действительное: (К вопросу о местонахождении могилы Ермака) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015d. № 4 (31). С. 113–121.

Коновалова Е.Н. Атлас Тобольской губернии 1806 г. // Православный просветитель. 2012. № 6 (75). С. 12–13.

Коновалова Е.Н. Карты Земли Тюменской XVI — начала XX вв.: Очерки. Тюмень: ТюмГНГУ, 2015. 494 с. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб.: Тип. Ф. Г. Елеонского и Ко, 1880. 39 л., 48 стб.

Миллер Г.Ф. Описание сибирского царства. СПб.: При Императорской Академии Наук, 1750. 490 с.

Миненко Н.А. Досуг и развлечение у русских крестьян Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. // СЭ. 1979. № 6. С. 18–31.

Окладников А.П. Туземные легенды о Ермаке: (Опыт историко-этнографической интерпретации) // Сиб. огни. 1981. № 12. С. 126–133.

Leo Bagrow Collection of Maps of Siberia, 1667–1726 (MS Russ 72). Houghton Library, Harvard University [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155>.

A.A. Adamov

Tobolsk Complex Scientific Station
of the Ural Branch of the RAS

Akad. lu. Osipova st., 15, Tobol'sk, 626152, Russian Federation
E-mail: adamowaa@yandex.ru

TOBOLSK GOVERNORATE MAP OF 1806: A SOURCE FOR SEARCHING ERMAK'S GRAVE OR FALSIFICATION OF ITS AUTHOR?

This article is aimed at investigating the 1806 Map of Tobolsk Governorate, which has been presented to a wider research community relatively recently. This is a unique source indicating the exact location of the grave of Ermak (the first Russian conqueror of Siberia). On the «Plan of a location near the Irtysch river, the Vagay river and other lakes and rivers...», a provincial land surveyor V. Filimonov put a sign indicating a dry Siberian pine 10 yards from the tomb of Ermak. In an extensive text on the map, Filimonov in his own words outlined the details of G.F. Miller's data referring to the last battle of Ermak and the details of his burial. This text was supplemented by information obtained from the local Tatar population. At the same time, as a conscientious researcher, he clearly delineated the narration of G.F. Miller's works from the gathered data. In recent articles, I.V. Belich has made an assumption that V. Filimonov forged the historic source by changing Miller's text and unreasonably mapped the location of Ermak's grave near Begishevo Yurts. However, a careful analysis of the explanatory text to the map has not confirmed this assumption. In addition, there is no proof for suppositions about Filimonov's grabbing habit and the disclosure of the forgery back in the 19th century. Archaeological excavations conducted on the site of the alleged grave of Ermak have failed to confirm the statement that local residents just pointed to V. Filimonov at a medieval burial ground or the location of a revered tree. At the same time, the map analysis shows that it was drawn by a professional, who indicated Ermak's burial place based on the information having been obtained from local residents. As any other historical source, this map undeniably requires a comprehensive re-examination and criticism. However, this should be a scientific criticism, rather than mere accusations against its author.

Key words: Map of Tobolsk Governorate of 1806, land surveyor V. Filimonov, Ermak's grave, S.U. Remezov, G.F. Miller, Siberian Tartars.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-065-071

REFERENCES

- Adamov A.A. (2015). Ermak's grave search: Archaeological research. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie, voprosy teorii i praktiki*, (9-1 (59)), Tambov: Gramota, 13–15.
- Adamov A.A., Turova N.P. (2014). The results of archaeological research on the search for the Ermak grave near the Begishevo yurts of the Vagay district of the Tyumen region. *Tobol'sk nauchnyi — 2014: Materialy XI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Tobol'sk: Print-Ekspress, 181–182.
- Bakhrushin S. (1916). Native legends in the «Siberian History» by S. Remezov. *Istoricheskie izvestiia, izdavaemye Istoricheskim obshchestvom pri Moskovskom universitete*, (3–4), Moscow, 1–28.
- Belich I.V. (2015a). «Signs, how do I know in the drawing which places»: (On the location of the grave of Ermak). *Aktual'nye voprosy obshchestvennykh nauk: Sotsiologiia, politologiia, filosofiiia, istoriia: Sbornik statei po materialam LI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, (7 (47)), Novosibirsk, 51–68, available: <http://sibac.info/19443>.
- Belich I.V. (2015b). On the location of the grave of Ermak: «Begishevo (Baishevo) cemetery or Begishev churchyard». *Evraziiskii soiuz uchenykh. Istoricheskie Nauki*, (7 (16)), 37–41, available: <http://www.euroasia-science.ru/files/arhiv/24-25.07.2015/p7/5-107.pdf>.
- Belich I.V. (2015c). On the place of burial of Ermak on the watercolor of Mikhail Stepanovich Znamensky. *Universum: Obshchestvennye nauki*, (12 (21)), 1–31.
- Belich I.V. (2015d). «Plan» of the Tobolsk surveyor in 1806, or About how he gave his wishful thinking (to the question of the whereabouts of Ermak's grave). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (4 (31)), 113–121.
- Konovalova E.N. (2012). Atlas of the Tobolsk province of 1806. *Pravoslavnyi prosvetitel'*, (6 (75)), 12–13.
- Konovalova E.N. (2015). *Maps of the Earth of the Tyumen XVI — early XX centuries: Essays*, Tiumen': TiumNGU, 494.
- Miller G.F. (1750). *Description of the Siberian kingdom*, St. Petersburg: Pri Imperatorskoi Akademii Nauk, 490 p.
- Minenko N.A. (1979). Leisure and entertainment among Russian peasants of Western Siberia in the XVIII — first half of the XIX century. *Sovetskaia etnografiia*, (6), 18–31.
- Okladnikov A.P. (1981). Native legends about Ermak: (The experience of historical and ethnographic interpretation). *Sibirskie ogni*, (12), 126–133.

АНТРОПОЛОГИЯ

Е.В. Пугачева

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034
E-mail: pugacheva.kari@yandex.ru

КРАНИОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА XII–XIX вв.

Современными морфологическими методами исследованы краниологические материалы XII–XIX вв. с территории республик Ингушетии (села Лежг, Эгикал), Южной Осетии (селения Верхний Рокк, Верхней Ерман, Средний Ерман) и Чеченской Республики (селения Старая Сунжа и Дуба-Юрт). Установлены сходство ингушских и осетинских материалов и своеобразие мужской старосунжинской группы.

Ключевые слова: физическая антропология, краниометрия, геометрическая морфометрия, Центральный Кавказ, XII–XIX вв., надземные склепы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-072-078

Введение

В работе рассматривается краниологическая изменчивость близких к современности человеческих популяций Центрального Кавказа, представленных материалами из фондов Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Население этого региона принято относить к кавказскому антропологическому типу европеоидной расы [Алексеев, 1974; Абдушлишвили, 1966], история формирования которого и отличия от других антропологических типов населения Кавказа — понтийского, каспийского, переднеазиатского — не раз обсуждались отечественными антропологами [Бунак, 1946; Герасимова, 1997; и др.]. Задачей настоящего исследования является анализ распределения морфологических признаков в рамках одного антропологического типа на примере соседних популяций с помощью двух разных методических подходов.

Объект исследования — коллекции из фондов МАЭ РАН, сформированные и опубликованные В.В. Бунаком [1953]. Одной из задач В.В. Бунака было определение закономерностей краниологической вариации в этнических и территориальных группах Центрального Кавказа. Составив общую характеристику краниологического типа, автор не обнаружил существенных различий между выборками, происходящими из разных могильных конструкций (полуподземные и надземные склепы), и попытался определить территориально приуроченные комплексы краниометрических признаков. В результате им были выделены пять таких комплексов: 1) верхне-гизельский; 2) югоосетинский; 3) дигорский и куртатинский; 4) группа из Армхи; 5) сунжинский.

Верхнегизельскую и дигорско-куртатинскую группы В.В. Бунак отнес к долихокранному типу. Югоосетинский комплекс определен как брахикранный, близка к нему и группа из Армхи — наиболее неоднородная, но в среднем также брахикранная. Сунжинская группа из черепов с мусульманского кладбища XIX в. выделена в особый территориальный комплекс, которой по морфологии мозговой коробки также сближается с группой из Армхи. Таким образом, В.В. Бунак обсуждает материалы скорее в рамках индивидуально-типологического подхода, придавая большое значение относительной длине мозгового отдела черепа. Представляется актуальным исследовать те же материалы в рамках популяционного подхода с использованием современным статистических методов и геометрической морфометрии.

Материалы и методы

Краниологические материалы были собраны В.В. Бунаком во время экспедиций 1947 и 1949 гг. и переданы на постоянное хранение в фонды отдела антропологии МАЭ РАН. Черепа происходят из надземных и полуподземных склепов XII–XVIII вв. высокогорных районов Южной Осетии (селения Верхний Рокк, Верхней Ерман, Средний Ерман), из надземных склепов с территории Ингушской республики (села Лежг, Эгикал) XVI–XVIII вв. и из мусульманских кладбищ

XVII–XIX вв. селений Старая Сунжа и Дуба-Юрт (Чеченская Республика). Серии зарегистрированы в фондах МАЭ РАН как ингушские и осетинские коллекции, в том числе выборка из селения Старая Сунжа учтена как ингушская. Однако в статье В.В. Бунака [1953] она обсуждается отдельно от других; по данным Архивного управления Чеченской Республики, на территории с. Старая Сунжа до депортации ингушей и чеченцев в 1944 г. ингуши не проживали¹.

Всего было измерено 87 черепов, из которых 53 мужских и 34 женских, объединенных в три территориальные группы — осетинскую, ингушскую и старосунжинскую.

На первом этапе работы использовалось 16 стандартных краниометрических признаков [Алексеев, Дебеч, 1964]: продольный диаметр, поперечный диаметр, высотный диаметр, наименьшая ширина лба, скуловой диаметр, верхняя высота лица, высота и ширина носа, ширина и высота орбиты, назомаллярный и зигомаксиллярный углы, симотическая высота и ширина, общий лицевой угол и угол выступания носа. Попарное сравнение серий проводилось с помощью критерия Манна — Уитни, внутригрупповой анализ — методом главных компонент. Для межгруппового сравнения применялся канонический дискриминантный анализ. Все статистические процедуры реализованы в пакете программ STATISTICA 12.0.

На втором этапе работы привлечены методы геометрической морфометрии, позволяющей оценить вариацию формы объектов без учета линейных размеров [Павлинов, 2002]. С помощью электронного дигитайзера MicroScribe G2X на лицевом отделе каждого из черепов были расставлены 18 точек (ландмарков), в основном представляющих собой стандартные краниометрические точки (рис. 1). Полученный контур по координатам точек был подвергнут прокрустовому анализу с дальнейшим сопоставлением прокрустовых расстояний методом главных компонент для внутригруппового анализа. Для межгруппового сопоставления также был применен канонический дискриминантный анализ с помощью программы MorphoJ [Klingenberg, 2011].

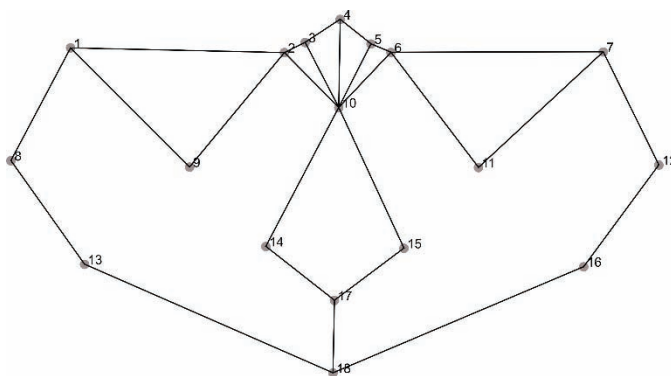

Рис. 1. Конфигурация точек (ландмарков):

1 — фронто-маллярно-орбитальная точка, справа; 2 — дакрион, справа; 3 — пересечение правого носовых верхнечелюстного шва и лобно-носового шва; 4 — назион; 5 — пересечение левого носовых верхнечелюстного шва и лобно-носового шва; 6 — дакрион, слева; 7 — фронто-маллярно-орбитальная точка, слева; 8 — зигион, справа; 9 — пересечение скуловерхнечелюстного шва с нижним краем правой орбиты; 10 — ринион; 11 — пересечение скуловерхнечелюстного шва с нижним краем левой орбиты; 12 — зигион, слева; 13 — зигомаксиллярная точка, справа; 14 — назолатеральная точка, справа; 15 — назолатеральная точка, слева; 16 — зигомаксиллярная точка, слева; 17 — назоспинальная точка; 18 — простион.

Fig. 1. Configuration points (Landmarks):

1 — fronto-malare-orbitale (right); 2 — dacryon (right); 3 — intersection right Sutura nasomaxillaris with Sutura frontonasalis; 4 — nasion; 5 — intersection left Sutura nasomaxillaris with Sutura frontonasalis; 6 — dacryon (left); 7 — fronto-malare-orbitale (left); 8 — zygion (right); 9 — intersection Sutura zygomaticomaxillaris with right edge of the orbit; 10 — rhinion; 11 — intersection Sutura zygomaticomaxillaris with left edge of the orbit; 12 — zygion (left); 13 — zigomaxillare (right); 14 — nasolaterale (right); 15 — nasolaterale (left); 16 — zigomaxillare (left); 17 — nasospinale; 18 — prosthion.

Результаты и обсуждение

Осетинская мужская серия (табл. 1) имеет средние размеры продольного, поперечного и высотного диаметров мозгового отдела черепа, мезокранного по черепному указателю и ортокранного по высотно-продольному. В ингушской группе черепная коробка короткая, широкая и высокая, брахикранная и ортокранная. Старосунжинская группа характеризуется малой длиной,

¹ Свидетельство Архивного управления правительства Чеченской Республики от 11.08.2017 № 588.

средней шириной и малой высотой черепной коробки, брахикранной и гипсикранной по черепному и высотно-продольному указателям. Лицо во всех трех группах среднеширокое и низкое, лоб средней ширины в осетинской и старосунжинской группах и широкий — в ингушской. Орбиты везде мезоконхные, среднеширокие, но по абсолютной высоте в осетинской и ингушской выборках — низкие, в старосунжинской — средневысокие. Нос средней ширины и высоты, мезоринный в осетинской и старосунжинской группах, хамеринный — в ингушской; у всех — сильно выступающий относительно вертикального лицевого профиля нос. Носовые кости узкие (осетинская, ингушская группы) или очень узкие (старосунжинская), переносье высокое (ингушская, старосунжинская) или очень высокое (осетинская группа). Горизонтальная профилированность лица во всех группах резкая и на назомаллярном, и на зигомаксиллярном уровнях.

Таблица 1

Средние значения краниометрических признаков для мужских выборок

Table 1

Mean value for male group

Название признака	Осетинская группа			Ингушская группа			Старосунжинская группа		
	<i>n</i>	$\bar{X}$	σ	<i>n</i>	$\bar{X}$	σ	<i>n</i>	$\bar{X}$	σ
Продольный диаметр	29	180,9	8,2	12	176,1	4,3	12	177,0	5,4
Поперечный диаметр	29	142,0	4,6	12	149,3	6,2	12	141,6	5,6
Высотный диаметр	29	132,6	5,4	11	137,8	5,6	12	130,6	5,2
Черепной указатель	29	78,6	3,8	12	80,0	3,5	12	84,8	2,9
Высотно-продольный указатель	29	73,4	3,3	11	73,8	3,1	12	78,3	2,7
Наименьшая ширина лба	29	96,1	4,1	12	101,2	4,4	12	98,4	4,4
Скуловой диаметр	29	133,8	5,3	12	136,6	4,7	12	133,3	4,3
Верхняя высота лица	29	68,7	5,8	12	68,3	6,3	12	66,8	4,6
Высота носа	29	52,2	3,2	12	52,5	4,6	12	50,4	3,6
Ширина носа	29	25,0	2,3	12	25,1	1,5	12	25,7	2,1
Носовой указатель	29	48,0	4,3	12	51,3	4,8	12	47,9	4,6
Ширина орбиты от mf	29	42,4	1,9	12	42,5	1,8	12	42,6	1,5
Высота орбиты	29	33,0	2,5	12	32,8	2,5	12	34,3	2,4
Орбитный указатель	29	78,0	5,8	12	80,5	5,7	12	77,1	4,5
Назомаллярный угол	29	138,1	3,2	11	138,9	3,6	12	138,0	3,2
Зигомаксиллярный угол	28	125,8	5,2	11	124,3	5,0	12	125,9	6,5
Симотическая высота	28	14,7	22,1	12	16,9	24,6	12	9,5	0,7
Симотическая ширина	28	5,9	3,4	12	5,9	0,9	12	4,9	0,8
Симотический указатель	28	64,5	32,1	12	52,2	9,9	12	57,7	22,2
Общий лицевой угол	29	89,2	3,4	12	88,3	3,1	12	87,2	3,7
Угол выступания носа	27	31,8	7,2	12	34,2	6,9	12	30,8	5,2

Женские осетинские и ингушские выборки (табл. 2) в среднем имеют короткую, среднюю по ширине и высоте черепную коробку, брахикранную и ортокранную по черепному и высотно-продольному указателям. В старосунжинской женской серии мозговой отдел средней длины, широкий, средневысокий, брахикранный и гипсикранный. Лоб и лицевой отдел среднеширокие в осетинской и ингушской серии и широкие — в старосунжинской. Высота лица средняя во всех группах. Орбиты широкие в осетинской и старосунжинской группах, среднеширокие — в ингушской и везде — средневысокие, мезоконхные. Нос узкий в ингушской и старосунжинской группах, среднеширокий — в осетинской, низкий в старосунжинской и средневысокий в осетинской и ингушской выборках, мезоринный (ингушская) или лепторинный (осетинская, старосунжинская). Угол выступания носа большой в осетинской группе и очень большой — в ингушской и старосунжинской. Носовые кости очень узкие, переносье высокое (осетинская, ингушская группы) или очень высокое (старосунжинская). Горизонтальная профилированность лица на верхнем уровне резкая в ингушской и старосунжинской сериях и средняя в осетинской, зигомаксиллярный угол повсюду малый.

С целью поиска статистически значимых различий между тремя краниологическими группами было проведено попарное сравнение с помощью непараметрического критерия Манна — Уитни. Мужские осетинская и старосунжинская группы различаются по таким признакам, как продольный диаметр ($p = 0,048033$), поперечный диаметр ($p = 0,000289$), высотный диаметр ($p = 0,032724$) и наименьшая ширина лба ($p = 0,003471$). Между мужскими осетинской и ингушской группами достоверных различий не обнаружено. Ингушская и старосунжинская выборки

Краниологические материалы Центрального Кавказа XII–XIX вв.

мужских черепов различаются по следующим признакам: поперечный диаметр ($p = 0,003443$), высотный диаметр ($p = 0,008737$) и симотическая ширина ($p = 0,016411$).

Таблица 2

Средние значения краниометрических признаков для женских выборок

Table 2

Mean value for female group

Название признака	Осетинская группа			Ингушская группа			Старосунжинская группа		
	N	X	σ	N	X	σ	N	X	σ
Продольный диаметр	18	168,7	5,8	7	165,3	8,0	6	174,0	7,0
Поперечный диаметр	18	135,5	4,2	7	139,1	4,8	6	141,2	7,4
Высотный диаметр	17	126,5	4,4	7	127,1	5,8	6	128,0	5,3
Черепной указатель	18	80,5	4,0	7	81,2	4,7	6	84,4	3,6
Высотно-продольный указатель	17	71,2	16,6	7	73,7	4,6	6	77,0	3,1
Наименьшая ширина лба	18	92,7	3,6	7	95,0	4,6	6	96,8	7,6
Скуловой диаметр	17	126,2	4,9	7	122,4	3,7	5	130,4	4,6
Верхняя высота лица	17	65,0	5,0	8	64,7	3,5	6	66,0	6,6
Высота носа	17	49,2	3,7	8	49,8	6,3	6	47,6	4,5
Ширина носа	14	24,1	1,9	8	22,8	0,9	6	23,4	1,8
Носовой указатель	14	42,3	18,7	8	49,8	7,7	6	43,6	4,6
Ширина орбиты от mf	18	41,4	2,4	8	40,8	1,0	6	41,5	1,9
Высота орбиты	18	33,6	2,2	8	33,8	1,2	6	33,8	4,0
Орбитный указатель	18	81,3	5,5	8	81,2	6,8	6	82,8	3,7
Назональный угол	17	140,2	4,0	8	138,6	1,8	6	135,7	1,5
Зигомаксиллярный угол	16	126,3	4,9	8	125,9	4,5	6	127,0	2,8
Симотическая высота	18	7,9	2,5	8	9,3	1,3	6	9,8	1,1
Симотическая ширина	17	5,2	2,7	8	4,7	1,4	6	4,5	1,2
Симотический указатель	17	46,4	18,9	8	45,9	8,1	6	50,9	13,5
Общий лицевой угол	17	87,6	3,4	8	87,0	4,6	6	90,8	3,0
Угол выступания носа	15	28,7	5,1	8	32,0	6,3	6	30,0	6,1

Между женскими осетинской и старосунжинской группами обнаружена значимая разница только по ширине носа ($p = 0,045438$), между осетинской и ингушской — по назональному углу ($p = 0,020745$) и симотической высоте ($p = 0,026632$); между ингушской и старосунжинской по скуловому диаметру ($p = 0,008168$) и назональному углу ($p = 0,020137$).

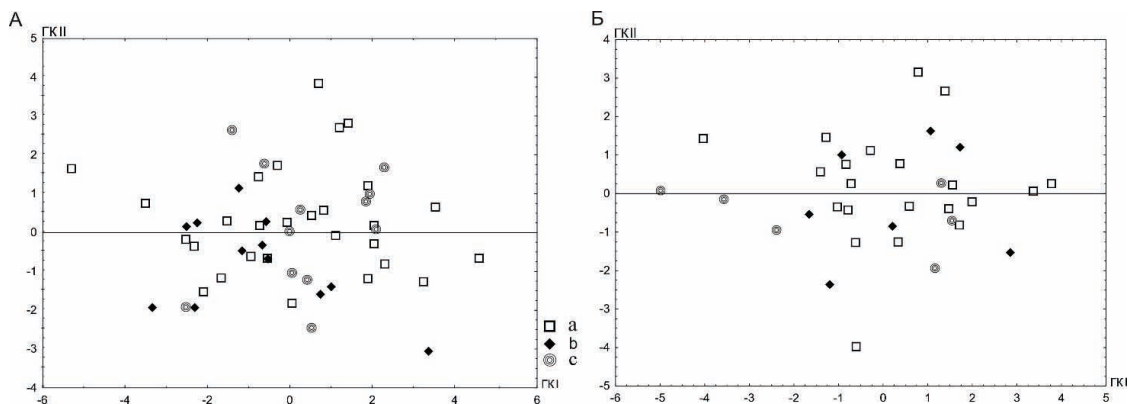

Рис. 2. Результаты анализа главных компонент мужской (А) и женской (Б) выборок: а — осетинская серия; б — старосунжинская серия; в — ингушская серия.

Fig. 2. Position male (А) and female (Б) cranial series on the first two canonical variate: а — Ossetian group; б — Staraya Sunzha; в — Ingush group.

По результатам анализа объединенной серии мужских черепов методом главных компонент наиболее информативные факторы отражают 24,7 и 12,5 % общей изменчивости. На рис. 2А первая главная компонента (ГК I) отражает увеличение продольного и поперечного диаметров, ширины лба, скулового диаметра, верхней высоты лица, ширины орбит. ГК II демонстрирует увеличение поперечного и высотного диаметров, назонального и зигомаксиллярного углов, увеличение угла выступания носа при уменьшении высоты носа и высоты орбит.

В женской суммарной серии наиболее информативные факторы отражают 23,7 и 11,7 % изменчивости (рис. 2Б). ГК I показывает уменьшение поперечного диаметра, ширины лба, скулового диаметра и ширины орбиты; ГК II — увеличение поперечного диаметра, зигомаксиллярного и лицевого углов при уменьшении верхней высоты лица. И для мужчин, и для женщин характерно отсутствие заметных различий между ингушской и осетинской группами. У мужчин заметна меньшая степень изменчивости большинства черепов старосунжинской группы, а также их некоторое морфологическое своеобразие, в отличие от результатов анализа женских черепов, где сложно выявить различия между всеми тремя территориальными выборками.

Результаты межгруппового сравнения трех мужских серий показаны на рис. 3А. По координатам в первом каноническом векторе (КВ I) группы распределены согласно увеличению поперечного диаметра, высотного диаметра и ширины лба (70 % изменчивости); в КВ II — по мере увеличения продольного диаметра, высоты носа и лицевого угла при уменьшении высоты орбит (30 % изменчивости).

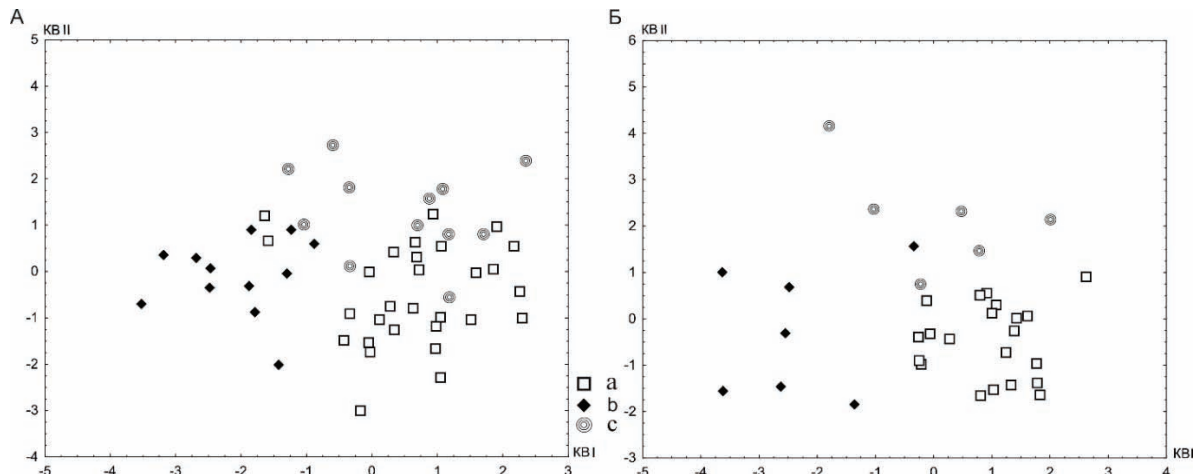

Рис. 3. Результаты дискриминантного канонического анализа мужских (А) и женских (Б) серий. Условные обозначения здесь и далее см. в подписи к рис. 2.

Fig 3. Position male (A) and female (B) cranial series on the first two canonical vector.

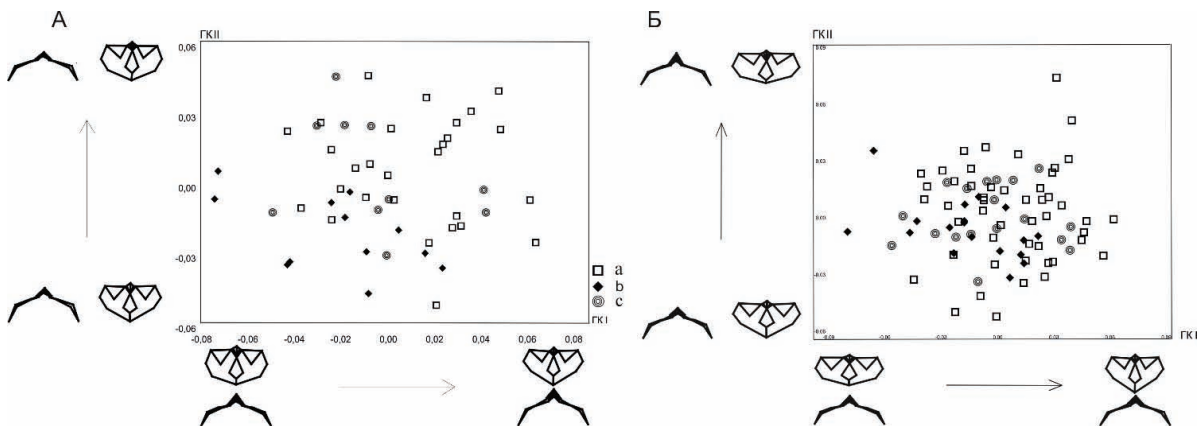
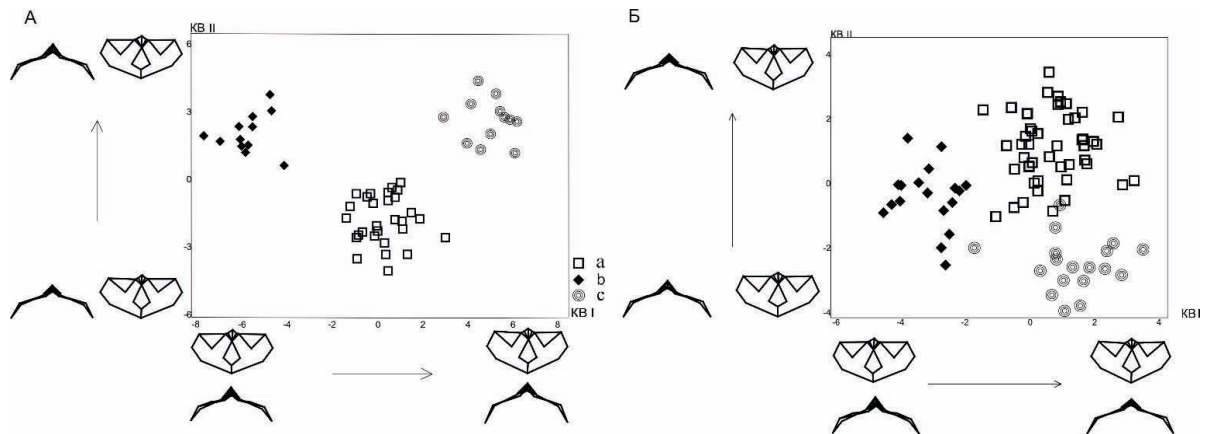

Рис. 4. Результаты анализа прокрустовых расстояний методом главных компонент для мужской (А) и женской (Б) выборок.

Fig 4. Position male (A) and female (B) cranial series on the first two canonical variate.

Схожие результаты были получены в ходе анализа женской выборки (рис. 3Б). По КВ I (57 %) группы распложены по увеличению поперечного диаметра, ширины лба, симотической ширины носа при уменьшении ширины носа. По КВ II (43 %) группы распределены согласно уменьшению поперечного диаметра, скулового диаметра и общего лицевого угла. В обоих случаях наблюдается большая степень различий между старосунжинской и осетинской.

Краниологические материалы Центрального Кавказа XII–XIX вв.

Рис. 5. Результаты дискриминантного канонического анализа прокрустовых расстояний для мужской (А) и женской (Б) выборок.

Fig. 5. Position male (A) and female (B) cranial series on the first two canonical vector.

На втором этапе работы для изучения тех же материалов были применены методы геометрической морфометрии. В результате анализа мужской объединенной серии первая и вторая главные компоненты отразили 21 % общей изменчивости формы (рис. 4А). ГК I демонстрирует увеличение общей ширины лица, ГК II — преимущественно изменения формы орбит. В женской выборке первая и вторая главные компоненты отображают 16,5 % общей изменчивости (рис. 4Б), ГК I демонстрирует уменьшение ширины лица и ширины носа, ГК II — тоже в основном изменение формы орбит. И у мужских, и у женских черепов сильно варьируется расстояние между назо-спинальной точкой и простионом, что отчасти может быть обусловлено плохой сохранностью альвеолярного отростка, встречающейся здесь довольно часто.

При межгрупповом сопоставлении между мужскими сериями обнаружилось различия по форме глазниц и ширине носа (рис. 5А), причем между старосунжинской и остальными группами, разошедшимися по координатам в КВ I (75 %), они существеннее, чем между осетинской и ингушской группами, разделившимися по координатам в КВ II (24 %). Результаты сравнения женских серий (рис. 5Б) почти аналогичны мужским, однако межгрупповые различия здесь выражены в меньшей степени. В целом же применение методов геометрической морфометрии к анализу вариаций лицевого скелета привело к получению результатов, которые оказались близки тем, что были получены при исследовании по стандартной короткой краниометрической программе, описывающей морфологию как лицевого, так и мозгового отдела черепа.

Выводы

Краниометрические материалы с территории Центрального Кавказа были исследованы с использованием многомерных статистических методов анализа изменчивости традиционных краниометрических признаков и вариации формы по данным геометрической морфометрии. В результате выявлено небольшое своеобразие мужских черепов из окрестной с. Старая Сунжа и значительное сходство краниологических серий с территории Южной Осетии и Ингушетии. Все три женские территориальные выборки различаются морфологически очень слабо. Таким образом, для большинства краниологических типов, выделенных на этих материалах В.В. Бунаком [1953] в соответствии со способом захоронения и территорией проживания, не удастся найти подтверждения, за исключением мужской старосунжинской группы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдушелишвили М.Г.* К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тбилиси: Мецниереба, 1966. 134с.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М.: Наука 1974. 317 с.
- Алексеев В.П. Дебец Г.Ф.* Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Бунак В.В.* Антропологический состав населения Кавказа // Вестник Гос. музея Грузии. Тбилиси, 1946. Т. XIII-А. 94 с.

Е.В. Пугачева

Бунак В.В. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно антропологическом освещении // СМАЭ. М.; Л., 1953. Т. XIV. С. 306–420.

Герасимова М.М. О генеалогических взаимоотношениях кавказской и понтийской рас // Единство и многообразие человеческого рода. М.: Наука, 1997. Ч. 2. С. 606–654.

Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.: Наука 1948. 392 с.

Павлинов И.Я., Микешина Н.Г. Принципы и методы геометрической морфометрии // Журнал общей биологии. 2002. Т. 63. № 6. С. 473–493.

Klingenberg C.P. MorphoJ: An integrated software package for geometric morphometrics // *Molecular Ecology Resources*. 2011. Vol. 11. P. 353–357.

E.V. Pugacheva

Saint-Petersburg State University

Universitetskaya nab., 7–9, Saint-Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: pugacheva.kari@yandex.ru

12th–19th CENTURIES CRANIOLOGICAL REMNANTS FROM THE CENTRAL CAUCASUS REGION

This paper presents the analysis of a craniological series from the Republic of Ingushetia (Lezhg, Jegikal villages), South Ossetia (Verhnij Rokk, Verhnej Erman, Srednij Erman villages) and the Chechen Republic (Staraja Sunzha village) conducted using modern morphologic methods. The research is based on craniological materials from the MAE RAS (Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences) collections that were gathered and described by V.V. Bunak in 1953. At that time, V.V. Bunak examined the material from the standpoint of the typological approach, giving great importance to the relative value of the cranial index. Therefore, it seems relevant to study the material within the framework of the population approach using modern methods. The aim of this paper is to classify the morphological characteristics of the Caucasian anthropological type using samples from two neighbouring groups (Ossetian and Ingush ones), which are analysed by two different methodologies. At the first stage, skulls were measured by a standard craniometric program. Subsequently, the obtained data was analysed by classical statistical methods (Mann — Whitney U test, Principal component analysis, Canonical discriminant analysis). At the second stage, the methods of geometric morphometry were applied for comparing the Procrustean distances by the principal component method (intragroup analysis) and the canonical discriminant analysis (intergroup analysis). The results of the geometric morphometry analysis have allowed us to trace the non-linear variation of the facial part of the skulls. The results obtained at both analytical stages have shown a good agreement. It is concluded that female groups are morphologically close to each other. Male groups show similarities between the Ingush and Ossetian materials. The craniological series from Staraya Sunzha is shown to be unique. Therefore, the majority of the craniological types identified by V.V. Bunak have not been confirmed by modern analytical methods, with the only exception being the male group from Staraya Sunzha.

Key words: Physical anthropology, craniology, Caucasus, geometric morphometrics, burial vault.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-072-078

REFERENCES

Abdushelishvili M.G. (1966). *To craniology of the ancient and modern population in Caucasus*, Tbilisi: Metsniereba, 134 p.

Alekseev V.P. (1974). *Origins of the peoples of the Caucasus*, Moscow: Nauka, 317 p.

Alekseev V.P. Debets G.F. (1964). *Craniometry: Methods of anthropological research*, Moscow: Nauka, 128 p.

Bunak V.V. (1946). The anthropological composition of the Caucasus population. *Vestnik Gosudarstvennogo muzeia Gruzii, XIII-A*, 94 p.

Bunak V.V. (1953). The skulls from the tombs of the Caucasus in a relatively anthropological interpretation. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii AN SSSR, XIV*, 306–420.

Debets G.F. (1948). *Paleoanthropology of the USSR*, Moscow: Nauka, 392 p.

Gerashimova M.M. (1997). About genealogical relationships Kavkasian and Pontic races. *Edinstvo i mnogoobrazie chelovecheskogo roda*, (2), 606–654.

Klingenberg C.P. (2011). MorphoJ: An integrated software package for geometric morphometrics. *Molecular Ecology Resources*, 11, 353–357.

Pavlinov I.Ia., Mikeshina N.G. (2002). Principles and methods of geometric morphometry. *Zhurnal obshchei biologii*, 63(6), 473–493.

Т.К. Ходжайов, Г.К. Ходжайова

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
Ленинский пр., 32А, Москва, 119017
Независимый исследователь
Москва
E-mail: telmkas@yandex.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ МИАНКАЛЬ В СОСТАВЕ БОЛЬШОГО СОГДА

Дается характеристика обширного краниологического и остеологического материала из местности Мианкаль, расположенной в Самаркандской области — центральной части Большого Согда. Предлагается небольшой обзор антропологических и археологических сведений о населении данной историко-культурной провинции в течение длительного исторического времени (античность — позднее средневековье) вплоть до современности. Большая часть коллекций в полном объеме представлена в работе впервые. В ней рассматривается эпохальная динамика основных краниометрических признаков и указателей. Проводится сравнительный анализ мианкальских серий со всеми сериями с территории Большого Согда по важным морфологическим и палеодемографическим показателям. Определены основные морфологические комплексы, существовавшие в составе его античного, средневекового и близкого к современности населения. Показано определенное морфологическое своеобразие мианкальских групп, их различия между собой и в сравнении со всем населением Согда. Определены векторы связей популяций из Мианкаля в разные исторические эпохи с популяциями Центрального (Самаркандского), Западного (Бухарского) и Южного (Кашкадарьинского) Согда. Вероятно, Мианкаль, входящий в Центральный Согд, заселялся и группами из Западного, Южного Согда, других историко-культурных и географических областей: Центральных Кызылкумов, Присарыкамышья, низовьев Сырдарьи, а также, по предположениям археологов, выходцами из Кангюя.

Ключевые слова: *Мианкаль, Согд, Самарканд, Бухара; палеолит, мезолит, неолит, бронза, античность, раннее, развитое и позднее средневековье; археологические культуры; палеоантропология, краниология, остеология, палеодемография, краниометрические признаки, морфологические комплексы; расы Среднеазиатского междуречья, восточно-средиземноморская и южно-сибирская.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-079-092

Мианкаль (Ним-Сугд или Полу-Согд), входивший в состав Большого Согда (БС), представляет остров между реками Акдарья и Карадарья и небольшую территорию к северу от него. Исследованиями Института искусствознания РУз обнаружено свыше двухсот археологических пунктов [Пугаченкова, 1989]. Большинство мианкальских памятников раннего и развитого средневековья находятся на острове, а группа античных (крупные поселения Кизляр-тепе, Алпамыш-тепе, Хауз-тепе, Чимкурган, Булак-Баши, города Арк-тепе, Курган-тепе и др.) — в северной части.

Большой Согд (БС), или Согдиана, впервые упоминается в литературе с середины I тыс. до н.э. По имеющимся в литературе сведениям греко-римских, китайских, персидских и иных источников, на протяжении длительного исторического времени он входил в состав различных государственных объединений и занимал ключевое положение в политической и культурной жизни Средней Азии.

Стабильное развитие человеческой цивилизации на данной территории отмечается уже с мустьерского периода. Орудия каменной индустрии, остатки жилищ и останки древнего человека получены из Самаркандской верхнепалеолитической стоянки, материалы неолитического времени — из стоянок дельтовых протоков Зарафшана и Кашкадарья, кремневых шахт Учтута, стоянок первобытных земледельцев и скотоводов Сазагана и погребений Замичаташа. К ним можно отнести находки из многослойного энеолитического поселения Саразм в среднем течении Зарафшана. Это свидетельствует о консолидации в Согде первобытных племен, сложении производящего хозяйства и больших этнокультурных общностей.

По антропологическим данным, древнейшее население этого региона (мезолит, неолит-энеолит) входило в западный ареал первобытной эйкумены и являлось носителем комплекса европеоидных признаков на разных стадиях их формирования [Гинзбург, Трофимова, 1972,

с. 193; Ходжайов, 1980, с. 19–44; 1981, с. 87; Ходжайов, Ходжайова, 2014, с. 140–141]. Выделяются два его варианта — средиземноморский и протоевропейский.

Т.К. Ходжайов, изучивший краниологическую серию Саразма, показал, что он был вторым центром энеолитической культуры, образовавшимся в результате продвижения южных земледельческих популяций в верховья Зарафшана. На данной территории обитали восточно-иранские племена с земледельческим и кочевническо-скотоводческим хозяйственными укладами. Они морфологически мало отличались от жителей других провинций — бактрийцев, хорезмийцев и представителей различных сакских племен.

Центральное положение Зарафшанской долины способствовало развитию активных связей земледельческих и кочевых культур, особенно начиная с эпохи бронзы и раннего железа, когда в Согде синхронно функционировали поселения земледельцев, перерастающие в города, и памятники степной скотоводческой культуры Заманбаба, Муминабад, Чака, Дашти Казы, Саразм. Судя по антропологическим находкам, довольно значительные по численности, выявленные в предшествующие периоды, два европеоидных пласта занимают в основном те же ареалы, несмотря на отмечаемые по этим же материалам определенные этнические передвижения.

Следует отметить формирование особой культуры — заманбабинской, сложившейся в результате смешения степных тазабагъябско-андроновских и земледельческих культур расписной керамики анауского типа. Однако, при доминировании черт материальной культуры и погребального обряда андроновцев, среди насельников преобладают в основном представители средиземноморского типа. Присутствие андроновцев отмечено только по материалам из погребений могильника Дашти Казы [Ходжайов, 2004, с. 87].

В античности в БС сформировались различные археологические культуры. Краниологические серии получены из городских некрополей (Афрасиаб, Еркурган, Пенджикент, Ургут) и многочисленных курганных захоронений. Обнаруживаются существенные различия в антропологическом и в этническом составе населения. В областях Западного (ЗС) и Центрального Согда (ЦС), занятых земледельческим населением, появляются племена с монголоидной примесью. В кочевнических группах ЦС широко распространяется обычай лобно-затылочной деформации. Вероятно, племена ЗС более тяготеют к кочевникам Тянь-Шаня, а ЦС — к скотоводам Приаралья [Ходжайов, 1981, с. 42–44; 2004, с. 197].

Материалы из Древнебухарского оазиса дают представление о смешанном морфологическом облике скотоводческих племен. Это были варианты средиземноморского типа, тяготеющие генетически к древнему населению заманбабинской культуры, с одной стороны, и значительно смешанные — в основном андроновского типа, близкие к сакам юго-западного Казахстана, — с другой. Кочевое население европеоидное с монголоидной примесью, имеющее аналогии с саками Юго-Восточного Приаралья. От всех древнебухарских серий ЗС отличается серия из огромного кургана ЗЗ Калканая. Она оставлена европеоидами восточно-средиземно-морского типа, близкими к оседлым земледельцам юга Средней Азии, с небольшой монголоидной примесью.

Городское и сельское население Зарафшанской долины в эпоху античности сохраняет европеоидный облик, характерный для обитателей более ранних периодов. Однако оседлое население ЦС и ЮС обладает уже чертами расы Среднеазиатского междуречья. Группы, оставившие погребальные курганы в верховьях Зарафшана, в основном брахикранного варианта этого типа.

В облике раннесредневекового населения БС, по материалам из долин Зарафшана и Кашкадарьи, выделяются следующие морфологические варианты: европеоидный грацильный средиземноморский; европеоидный мезокранный, высоколицый; расы Среднеазиатского междуречья и переходный от средиземноморского к упомянутой расе. Они генетически связаны с населением Зарафшанской долины бронзы и античности. Раннесредневековые обитатели Согда тесно связаны с населением западных областей Средней Азии, однако отличаются от населения восточных областей. Вхождение Средней Азии в Западный каганат не привело к усилению влияния восточных компонентов на антропологический облик обитателей БС [Ходжайов, 1987, с. 59–69; 2000, с. 153–154].

В эпоху развитого средневековья в морфологическом составе населения БС также присутствовали различные европеоидные варианты, однако в существенно меньшей степени. Обнаруживается значительное влияние на облик согдийского населения, особенно сельского, носителей черт южно-сибирского типа. Подсчет индексов уплощенности лица и ряд других показателей статистического анализа позволяют высказать мнение о массовом проникновении в сельские местности Согда на рубеже I и II тыс. племен с сильно выраженными монголоидными чертами [Ходжайов, Ходжайова, 2001, с. 35–46]. Городские популяции БС, европеоидные, оказа-

Этнографическая область Мианкаль в составе Большого Согда

лись близкими к населению Тохаристана, Ферганы и Хорезма, тогда как сельские — к населению Уструшаны, Ташкентского оазиса и Устюрта.

В характере взаимоотношений между оседлым и кочевническо-скотоводческим населением БС Т.К. Ходжайовым выделяются два этапа [1987]. В эпоху античности кочевые племена в основном проникали в города и крупные укрепленные поселения и тесно контактировали с местным населением. Начиная с эпохи раннего средневековья они стали оседать преимущественно в сельских местностях и вокруг городских центров, что привело к значительному увеличению монголоидного компонента во многих сельских округах. Городское же население, не испытывавшее такой миграции, становится более однородным и европеоидным. В целом раннесредневековое население БС, по нашим данным, также оказалось более европеоидным, чем античное. Оно имело наиболее тесные биологические связи с населением Хорезма и Маргианы и существенно отличалось от обитателей восточных областей (Чуйская и Таласская долины).

Эпоха позднего средневековья и близкого к современности периода представлена материалами из значительного числа памятников и погребальных комплексов Бухары и Самарканда, зороастрийского костехранилища, сельских могильников и кладбищ, зон строительства водохранилищ. В антропологическом составе позднесредневекового населения преобладают представители расы Среднеазиатского междуречья, в меньшей степени — южно-сибирской. Начиная с XVI в. городское и сельское население, бывшее в предыдущие эпохи в значительной степени европеоидным, испытывает влияние довольно многочисленных монголизированных племен.

В отличие от развитого средневековья, когда эти племена занимали сельские местности, в позднем — они внедрялись в одинаковой степени и в городскую среду, и в сельские поселения. Этот процесс особенно отчетливо прослеживается в ЗС. Благодаря этому морфологический состав городского населения становится гетерогенным и более сложным. Тем не менее в целом антропологический облик городского населения БС отличается от сельского до настоящего времени, что подтверждается исследованиями основных групп современного населения [Ходжайова, 1997, 2007; Ходжайов, Ходжайова, 2011, с. 18, 22; 2013, с. 85].

Материалы и методы

Поскольку Мианкаль (МС) входил в область интенсивного плодородного земледелия, краниологические материалы оказались частично фрагментированными. Однако они пригодны для определения пола, возраста, оценки морфологических и демографических показателей. Краниологические серии изучались Т.К. Ходжайовым в разные годы. В данной работе представлены данные только по мужским сериям. Женские и детские черепа, а также остеологические материалы использовались при палеодемографических исследованиях.

Для сравнительного анализа были привлечены синхронные мужские серии с территории БС. В работе представлены средние данные по девяти краниометрическим признакам и указателям. Надо отметить, что материалы из позднесредневековых и близких к современности памятников получены в основном из Бухары, Самарканда и их округа. Важной особенностью их является большое число некрополей, принадлежащих в основном городскому населению, местному сельскому из округа, некоторые из них — пришлым группам из отдаленных мест. Значительное число погребальных комплексов и мавзолеев принадлежали элитным привилегированным сословиям Самарканда и Бухары: Гур Эмир, Шахи Зинда, Хазрати Имам, Бахауддин, Чор Бакр, Сайфиддин Бохарзи, Ходжа Кааба, Кош Кааба, Кош Кафт, Мавлоно Асири. Это фамильные усыпальницы, оставленные правителями и их приближенными, представителями духовенства, городской знати, полководцами и др. Автору данной работы была предоставлена возможность изучить материалы из Бухары благодаря полевым исследованиям некрополей и погребальных комплексов, проводившимся Научно-исследовательским проектным Институтом консервации и реставрации памятников культуры при Министерстве культуры Республики Узбекистан [Ходжайов, 2007; Ходжайов, Громов, 2009].

Большой по численности краниологический материал был получен из сельских кладбищ XVIII–XIX вв. возле поселений Даринсай и Каратепа. В связи со строительством Тусунсайского и Каратепинского водохранилищ они оказались в зонах затопления. Перенос захоронений с территории кладбищ проводился специальной эксгумационной группой из Харькова под наблюдением археолога О.М. Ростовцева и автора данной работы. Им в полевых условиях в процессе перезахоронения было обследовано и изучено свыше 1000 костных останков.

Характеристика материалов из памятников Согда

Эпоха античности

МС. Материал представлен сериями из *Орлата* (курганные захоронения II в. до н.э. — I в. н.э.) и *Сирлибайтепа* (курган III в. до н.э. — I в. н.э.) в Иштиханском и Кошрабатском районах Самаркандской области.

ЮС. Материал из городища *Еркурган* (дахмы III в. до н.э. — I в. н.э.) недалеко от г. Карши Кашкадарьинской области.

ЦС. Материал представлен сериями из городищ *Афрасиаб*. (погребение V в. до н.э.), *Пенджикент* (захоронения в наусах) и *Ургут* (захоронения II–IV вв.).

ЗС. Материалы представлены сериями из курганных могильников VI–V вв. до н.э. *Шадыбек*, *Джужкудук*, *Кулькудук* (Центральные Кызылкумы) и *Калкансай* (V–III вв. до н.э.). Отдельно следует отметить многочисленную серию из *кургана 33* IV–V вв. (*Калкансай*). Поскольку останки были подвергнуты трупосожжению, обнаружены только обгоревшие черепа и фрагменты длинных костей 73 индивидов. Одну треть среди калкансайских мужских и половину женских черепов составляют черепа с кольцевой деформацией. По этим материалам можно прояснить картину демографической ситуации в античном Согде. Вычисленные показатели, такие как высокая женская смертность в репродуктивный период и относительно низкий средний возраст смерти, свидетельствуют о довольно неблагоприятных условиях на протяжении всего времени существования могильника [Ходжайов, Громов, 2009, с. 141].

Эпоха раннего средневековья

МС. Материалы из помещений *Кафыркалы* (VI–VIII вв.), *Челека* (VI–VIII вв.), *Иштихана* (оссуарный могильник VI–VIII вв.), поселения *Сангиртепа* (VII–VIII вв.).

ЮС. Материалы из *Карши* (грунтовые погребения V–VIII вв. в безымянном тепе). Возможно, они принадлежали эфталитам.

ЦС. Материалы включают две серии из городища *Пенджикент* (наусы IV–VII вв. и загородные дома VI–VII вв.), *Коштепа* (V–VIII вв.) и *Дашти Урдакона* (наусы городища и грунтовый могильник VII–VIII вв.).

Эпохи развитого, позднего средневековья и близкой к современности

Длительный промежуток времени. Последние погребения относятся к началу XX в.

МС. Материалы из могильников *Кулагайттепа* (VIII–X вв.), *Сагиниттепа* (*Сагардж*) XVII–XVIII вв., впускных погребений *Орлата* (XVI–XVIII вв.), кладбища *Даринсая* (XVIII–XIX вв.).

Рассмотрим мианкальские серии с большой численностью с целью получения демографических сведений. В *кулагайттепинской* коллекции 18 хорошо сохранившихся черепов, палеодемографические исследования проведены на 174 индивидах. Отмечаются неблагоприятные условия существования палеопопуляции. Большое число детских захоронений. Ожидаемая продолжительность жизни резко уменьшается в конце детского — начале юношеского возраста. Численность мужчин превышает довольно значительно численность женщин, особенно в пожилом возрасте. Средний возраст смерти в данной популяции низкий. Уровень дожития и ожидаемой продолжительности жизни выше у мужчин во всех возрастных когортах.

Материалы из *Сагиниттепа* (*Сагардж*) включают краниологическую и остеологическую коллекции (187 индивидов). Репродуктивный период длился около 15 лет при среднем числе родов на каждую женщину, равном 5. Отмечается плавное снижение вероятности смерти в детской выборке. Показатели среднего возраста смерти, ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин оказались минимальными среди всех выборок из ЦС.

Из *Даринсая* (*Тусунсая*) собраны краниологические данные о 531 индивиде, в том числе 250 мужчинах, 151 женщине и 130 детях [Ходжайов, 1981]. Поскольку материал был разной степени сохранности, по полной программе удалось изучить 81 мужской череп. Показатели вероятности смерти плавно снижаются до 15–19-летнего возраста и резко повышаются до 40–44 лет. Число мужчин в выборке значительно превышает число женщин. Такое соотношение полов характерно для средневековых серий. Средний возраст смерти выше у мужчин. Эти показатели выше, чем у других популяций из ЦС, но значительно уступают данным по синхронным популяциям из ЗС (Бухары и ее окрестностей).

ЦС. Материалы из *погребений Афрасиаба* (XII и XVIII–XIX вв.), Самарканда (сборная коллекция из медицинского института и кладбища иранской колонии XVIII–XIX вв.), зороастрийского костехранилища *Фринкента* (XIII в.), *Каратепы* (XVIII–XIX вв.).

Этнографическая область Мианкаль в составе Большого Согда

Рассмотрим подробнее серию из *Фринкента*. Имеются данные о 44 индивидах. Выделяется значительное число пожилых мужчин при полном отсутствии женщин, средний возраст смерти мужчин превышает уровень женской смерти на восемь лет. Возможно, кладбище служило местом захоронения членов общества с высоким социальным статусом.

Каратела (Уреут). Эти материалы из кладбища XVIII–XIX вв. наиболее многочисленные (472 индивида) и также изучены автором. Показатель вероятности смерти резко повышается после 15–19-летнего возраста. В этой выборке относительно велика численность детей 10–14 лет. У мужчин и женщин понижен данный показатель в группе 30–34 г. Средний возраст смерти у мужчин выше, чем у женщин, несмотря на превосходство последних в фертильном возрасте. Показатели ожидаемой продолжительности жизни невысокие, особенно у мужчин. Они оказались низкими не только в сравнении с синхронными популяциями, но и с более ранними.

ЗС. Все материалы из мавзолеев и некрополей Бухары и ее округа. Изучение их стало возможным благодаря реставрационным работам вышеуказанных объектов.

Бухара (Шебурганата). Мавзолей XI — начала XIII в. в Каганском районе (29 индивидов). Численность и возраст смерти мужчин ниже в пожилой когорте, чем у женщин. Эти особенности выделяют данный памятник среди других синхронных.

Бухара (Чор Бакр). Некрополь XVII–XIX вв., в 4 км от Бухары, в котором в основном были захоронены представители рода Джуйбар. Из семи объектов Чор Бакра изучены 122 черепа. Средний возраст смерти индивидов, погребенных в некрополе, высокий. По уровню дожития отмечено классическое преимущество мужчин во всех возрастных когортах. Значения ожидаемой продолжительности жизни в целом высокие.

Бухара (Хазрати Имам). Семь объектов некрополя Хазрати Имам XVII–XIX вв. возле Имамских ворот севернее позднесредневековых стен Бухары. Серия, состоящая из 91 индивида, выделяется присутствием в ней большого числа пожилых людей, соответственно средний возраст смерти очень высокий, как и в серии из Чор Бакра, что подтверждает суждение об элитарном характере популяции, оставившей эти захоронения.

Бухара (Турки Джанди). Некрополь XVII — начала XX в. (семь объектов) в южной части (34 индивида). Численность мужчин значительно превышает численность женщин, особенно в старших возрастных когортах. Отсутствуют женщины сенильного возраста.

Бухара. Мавзолей Бахауддина. Захоронения в некрополе XVII–XIX вв. принадлежат родоначальнику ордена Накшбандиев, а также представителям династий Шейбанидов и Аштарханидов. В некрополе находится ханский мавзолей, а также захоронения полководцев.

Бухара (Мавлоно Асири). Захоронения в мавзолее XVII–XIX вв. Серия европеоидная с монголоидной примесью. В ней много пожилых людей, особенно мужчин. Средний возраст смерти мужчин невысокий.

Бухара (Мазарские ворота). Некрополь XVII–XIX вв. на восточной окраине города.

Результаты и обсуждение

Серии датируются длительным историческим отрезком времени: от античности до периода, близкого к современности (VI–V вв. до н.э. — начало XX в.). Сборная выборка БС содержит черепа из могильников ЦС, ЗС и ЮС. Программа исследования включает изучение девяти краниометрических признаков и указателей: продольный (1), поперечный (8) и скуловой (45) диаметры, верхнюю высоту лица (48), назомалярный (77) и зигомаксиллярный (<ZM) углы, угол выступания носа (75/1), черепной (8/1) и верхнелицевой (48/45) указатели. Результаты изучения серий из МС на фоне сборной серии из БС, дифференцированного ЗС, ЦС и ЮС, представлены в табл. 1.

Рассмотрим распределение основных признаков и указателей по эпохам. Здесь и далее на рис. 1–5 серии МС обозначены сплошной линией, БС — прерывистой. *Черепной указатель* (рис. 1). Не останавливаясь на вариациях продольного и поперечного диаметров, рассмотрим динамику черепного указателя. В античности он имеет средние и одинаковые размеры в МС и БС (мезокrania), за исключением ЦС, в котором он выше (брахикrania). В раннем средневековье указатель в МС увеличивается до умеренно больших значений, в то время как в общей согдийской выборке уменьшается до средних (ЗС, ЦС) и малых (ЮС). В позднем средневековье он снижается в МС до средних, а в БС увеличивается до больших значений, превышающих их в античном. Обнаруживаются разнонаправленные тенденции в эпохальной динамике черепного указателя. Если в МС он уменьшается до значений, характерных для мезо-брахикранных популяций, то в БС увеличивается до брахикранных.

Краниологические серии из Большого Согда

Table 1

Craniological series from Big Sogd

Античность	1	8	8/1	48	45	48/45	77	<ЗМ	75(1)
Мианкаль	185,0	145,5	78,8	71,5	136,0	52,6	141,2	132,0	30,0
Южный Согд	187,9	149,0	79,3	76,0	140,5	54,1	137,5	126,0	30,0
Центральный Согд	170,8	143,4	84,2	69,6	128,2	54,3	140,7	126,7	33,1
Западный Согд	185,9	141,0	76,0	71,1	131,1	54,3	143,4	126,9	29,6
Большой Согд	181,5	144,5	79,5	72,2	133,3	54,8	140,5	126,6	30,9
Раннее средневековье									
Мианкаль	181,8	145,7	80,1	71,4	132,7	53,8	136,3	127,8	31,3
Южный Согд	178,8	134,2	75,1	68,7	125,5	54,7	136,6	126,9	27,1
Центральный Согд	181,7	142,7	78,5	73,7	135,9	54,3	137,8	128,8	29,3
Западный Согд	179,3	140,6	78,4	71,0	131,8	53,9	137,1	127,9	29,4
Большой Согд	179,9	139,2	77,3	71,1	131,1	54,3	137,2	127,9	28,6
Позднее средневековье									
Мианкаль	180,9	139,6	77,2	72,0	134,6	53,5	141,1	130,3	23,9
Южный Согд	177,0	149,0	84,2	70,0	134,0	52,2	141,0	128,0	27,0
Центральный Согд	177,5	146,0	82,2	71,0	133,9	53,0	140,8	128,4	29,0
Западный Согд	176,7	146,4	82,8	71,0	132,0	53,7	141,3	133,3	23,0
Большой Согд	177,1	147,1	83,1	70,7	133,3	53,0	140,0	129,9	26,3

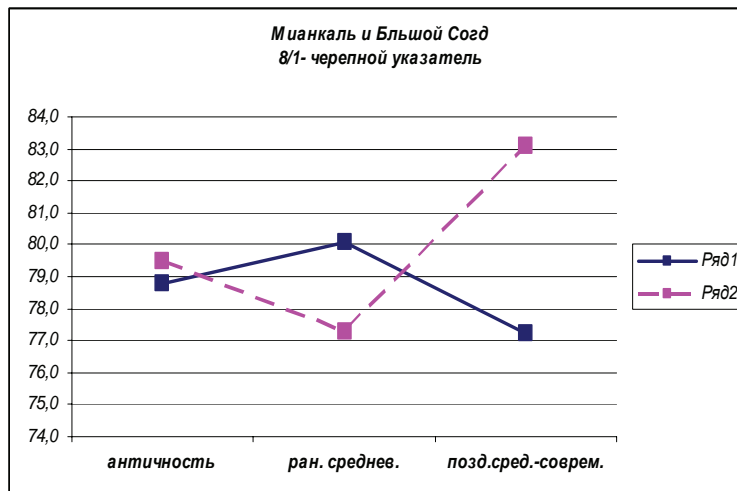

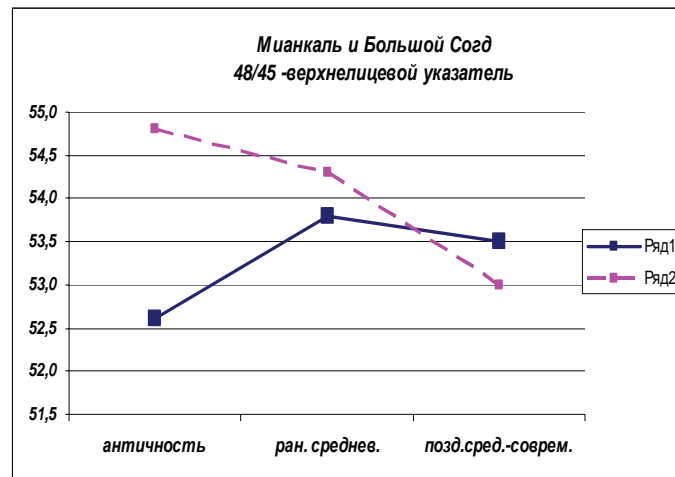
Рис. 1. Динамика черепного указателя.

Fig. 1. Dynamics of the cranial index.

Верхнелицевой указатель (рис. 2). В античных сериях МС он наименьший (мезен), а БС тяготеет к большим величинам. В раннесредневековом МС он повышается до значений в общесогдийской выборке, ближе к ЗС. В позднесредневековом МС он немного понижается, а в БС уменьшается сильнее. Эпохальные изменения ориентированы в МС на увеличение размеров указателя, а в БС — на более выраженное уменьшение. При значительных различиях в первый период в целом все изменения верхнелицевого указателя в пределах средних величин. Лицо остается на протяжении трех периодов среднешироким и средневысоким.

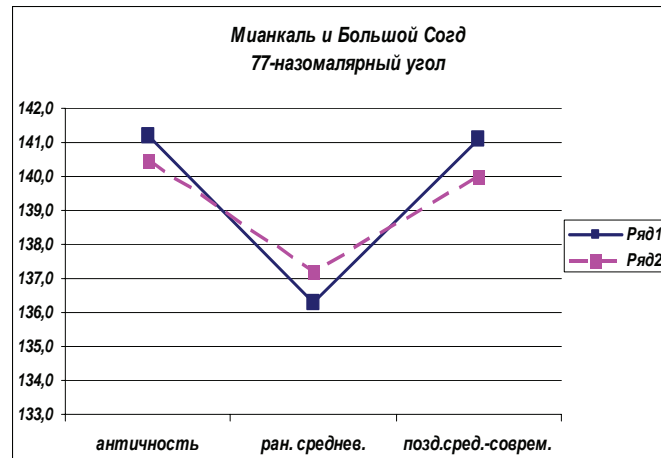
Назомаллярный угол (рис. 3). Величины назомаллярного угла во всех античных согдийских сериях примерно одинаковые и средних размеров. В раннесредневековых БС, в том числе МС, отмечается снижение его до малых размеров. В позднесредневековых выборках БС угол увеличивается до значений, близких к античному. Динамика назомаллярного угла в мианкальских и общесогдийских сериях оказалась синхронной, не различается в течение всего исторического времени и находится в пределах европеоидности.

Этнографическая область Мианкаль в составе Большого Согда

Рис. 2. Динамика верхнелицевого указателя.

Fig. 2. Dynamics of the upper face pointer.

Рис. 3. Динамика назонального угла.

Fig. 3. Dynamics of the nasomal angle.

Зигомаксиллярный угол (рис. 4). В античном МС оказались наибольшие размеры угла. Они относятся к категории средних значений, на границе с малыми (европеоидные, но с примесью монголоидного компонента). В выборке БС значения малые, но в пределах европеоидности. К раннему средневековью различия исчезают, так как в МС размеры угла уменьшаются до равных для всего БС. В позднем средневековье различий между выборками также не обнаруживается, размеры угла во всех сериях в пределах малых величин. Векторы изменений совпадают только с раннего средневековья.

Угол выступания носа (рис. 5). В первые два периода в МС угол большой, как и в сериях БС. В раннем средневековье в БС он несколько уменьшается по сравнению с МС (однако в пределах европеоидных значений). В позднесредневековом МС он уменьшается почти до средних величин, граничащих с малыми, что сближает его с ЗС, а в БС — только до средних, менее всего — в ЦС. Тенденция изменений данного показателя одинакова в два первых периода и несколько различается в последнем.

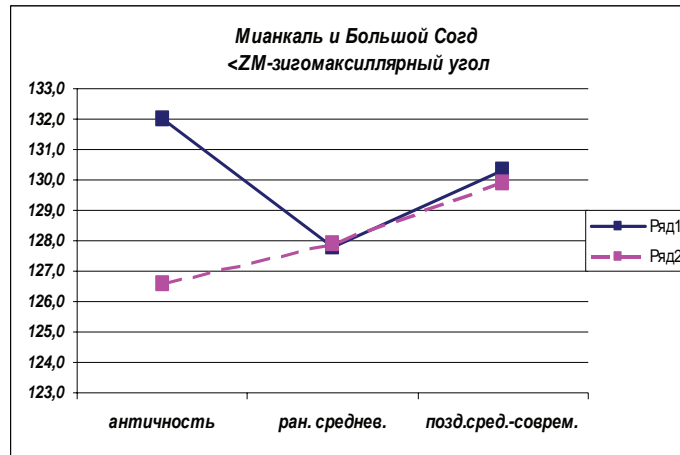

Рис. 4. Динамика зигомаксиллярного угла.

Fig. 4. Dynamics of the zygomaxillar angle.

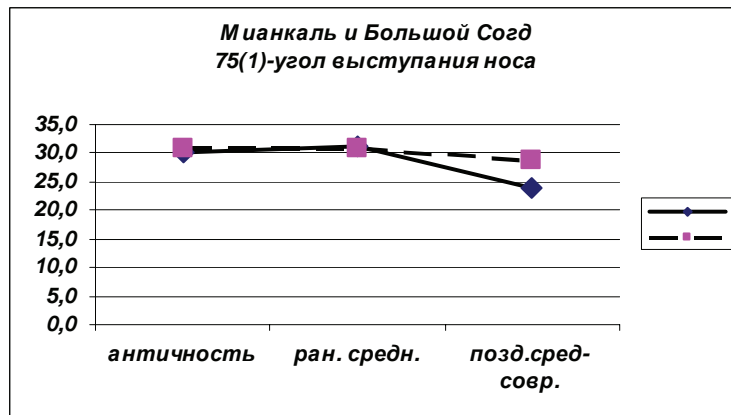

Рис. 5. Динамика угла выступаения носа.

Fig. 5. Dynamics of the angle of nose protrusion.

Эпохальная динамика краниометрических показателей такова. Серии из МС имеют одинаковые векторы изменений с БС по размерам продольного, скулового и верхнелицевого диаметров, назомалярного угла и угла выступаения носа. Все различия между ними находятся в пределах средних значений. Различия в динамике выявляются по таким показателям, как верхняя высота лица, черепной и верхнелицевой указатели.

Проведен анализ распределения 10 мужских мианкальских серий и выявлены их связи с 35 синхронными согдийскими.

Эпоха античности (табл. 2, рис. 6). Группа БС состоит из 10 серий, из которых 1, 2 — МС, 3 — ЮС, 4–6 — ЦС, 7–10 — ЗС.

Две мианкальские серии в определенной степени удалены друг от друга в поле компонент ГК 1–2. Они различаются по широтным и высотным размерам черепа, а также размерам скулового диаметра. Орлатские черепа с наибольшими величинами этих признаков оказались очень близкими только к черепам из Еркургана (ЮС). Напротив, сырлыбайские черепа располагаются в основном массиве античных серий из ЗС — Шадыбека, Джузкудука, Калканская (в том числе и кургана 33) и одной из ЦС (окрестности Пенджикента). Обе серии МС, как обладающие более профилированным лицом в горизонтальной плоскости и большим углом выступаения носа, находятся на большом расстоянии от серий из городских захоронений ЦС (афрасиабских и ургутских), но близки к серии из сельских поселений (окрестности Пенджикента), особенно сырлыбайская.

Серии эпохи античности

Table 2

Series of the antiquity era

№ п/п	Серии	1	8	17	48	45	77	<ZM	75(1)
1	Орлат	179,0	150,0	139,0	74,0	141,00	142,0	134,0	30,0
2	Сырлыбайтепа	191,0	141,0	136,0	69,0	131,00	140,4	130,0	29,0
3	Еркурган	187,9	149,0	135,0	76,0	140,5	137,5	126,0	30,0
4	Афрасиаб	164,0	149,0	146,0	70,0	134,0	137,0	124,0	39,0
5	Пенджикент, окрестности	184,5	142,2	136,0	70,8	128,5	139,0	133,0	30,3
6	Ургут	164,0	139,0	126,0	68,0	122,0	146,0	123,0	30,0
7	Шадыбек	194,0	140,0	136,0	72,5	129,0	153,0	124,5	29,5
8	Джуздук (Центр. Кызылкумы)	183,5	144,3	135,0	72,8	133,8	145,8	131,5	29,8
9	Калкансай	190,0	141,0	137,0	66,0	130,0	135,0	127,0	29,0
10	Калкансай, курган 33	176,1	138,8	137,2	73,2	131,5	139,6	124,5	30,2

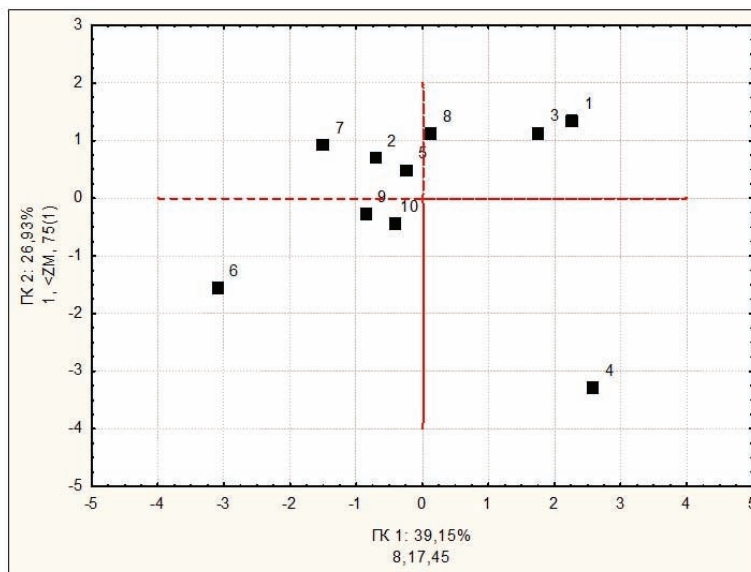

Рис. 6. Распределение серий эпохи античности.

Fig. 6. Distribution of the series of antiquity era.

Эпоха раннего средневековья (табл. 3, рис. 7). Группа из БС состоит из 9 серий, из которых 1–4 — МС, 5 — ЮС, 6–9 — ЦС.

В поле ГК 1–2 три серии из МС (Кафыркалы, Иштихана, Сангиртепа) оказались близкими и располагаются ближе к центру поля вместе с тремя сериями ЦС (загородных домов, окрестностей Пенджикента, Дашти Урдакона). Черепа из Челека отделяются от остальных черепов МС, особенно из Иштихана, близки к даштиурдаконским. Все серии МС несколько удалены от серии с наибольшими величинами высотных размеров черепа, высотных и широтных лица из Коштепа (ЦС). Однако наибольшие различия они обнаруживают с серией ЮС (Карши). Разделяются они также по угловым размерам (зигомаксиллярный, назомаллярный и угол выступания носа). Они имеют уплощенное лицо и менее выступающий нос. В этот период серии из БС, особенно ЦС, не составляют какой-либо общности, они разнородны, среди них есть как близкие к МС, так и далекие.

Серии эпохи раннего средневековья

Table 3

Series of the early Middle Ages

№ п/п	Серии	Дата	1	8	17	48	45	77	<ZM	75(1)
1	Кафыркала	VI–VIII вв.	183,4	145,6	139,8	70,5	132,00	139,0	130,0	29,7
2	Челек	VI–VIII вв.	178,5	144,5	139,4	73,4	130,50	130,0	124,4	36
3	Иштыхан	VII–VIII вв.	183,3	143,1	136,5	70,0	133,20	138,7	132,7	30,5
4	Сангиртепа	VII–VIII вв.	182,0	149,5	135,5	71,7	135,00	137,5	124,0	29,0
5	Карши	VI в.	178,8	134,2	127,7	68,7	125,5	136,6	126,9	27,1
6	Пенджикент, загор. дома	VI–VIII вв.	181,3	143,4	138,6	71,0	133,1	137,1	127,2	28,2
7	Пенджикент, наусы	VI–VII вв.	177,6	142,5	137,0	72,2	139,9	137,0	133,0	23,0
8	Коштепа	VI–VIII вв.	179,5	144,5	140,4	75,1	138,3	142,5	128,0	36,5
9	Дашти Урдакон	VII–VIII вв.	188,4	140,2	138,0	76,5	132,4	134,7	127,0	29,3

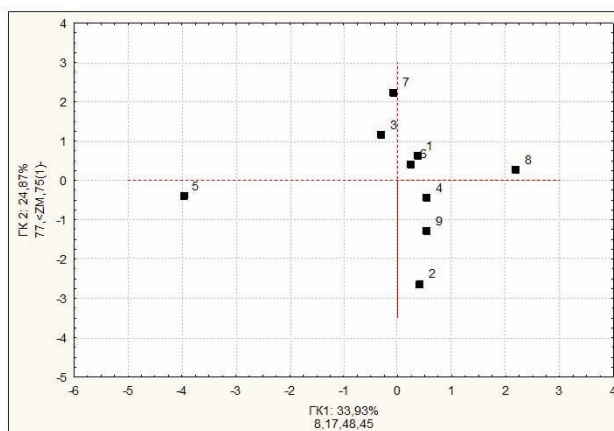

Рис. 7. Распределение серий эпохи раннего средневековья.

Fig. 7. Distribution of series of the early Middle Ages.

Эпохи развитого, позднего средневековья (табл. 4, рис. 8). Этот материал, охватывающий тысячелетний период, включает 16 серий, из них 1–4 — МС, 5–9 — ЦС, 10–16 — ЗС. Программа включает 12 признаков и указателей.

Таблица 4

Серии эпохи позднего средневековья

Table 4

Series of the late Middle Ages era

№ п/п	Серии	1	8	17	48	45	77	<ZM	52	54	DS	SS	75(1)
1	Кулагайтепа	186,0	143,5	144,0	77,0	140,5	146,0	123,0	37,0	24,0	14,0	2,0	20,0
2	Сагардж	175,5	145,8	130,0	71,4	134,1	138,9	127,5	33,9	25,1	10,9	4,7	26,7
3	Орлат	184,0	122,0	133,0	65,0	126,5	137,0	134,0	33,0	25,0	12,0	3,0	23,5
4	Даринсай	178,0	147,1	136,1	74,7	137,1	142,4	136,8	35,3	26,4	11,0	4,0	25,5
5	Афрасиаб	180,0	147,0	136,3	70,2	134,5	139,0	128,0	33,5	25,7	10,2	6,5	33,0
6	Фринкент	181,5	148,8	140,6	73,6	133,8	138,7	126,1	34,3	23,1	13,2	5,4	35,1
7	Каратепе	174,2	145,1	135,9	70,4	133,4	143,1	129,9	34,6	25,3	10,4	4,0	25,1
8	Самарканд	178,7	144,3	136,5	72,9	134,1	142,9	130,4	34,0	24,5	11,9	4,1	25,0
9	Иранск. колон.	173,2	144,7	136,2	67,7	133,7	140,4	127,4	34,6	24,4	11,4	3,9	27,0
10	Чор Бакр	176,0	146,6	139,0	73,4	133,7	141,1	129,5	34,4	24,6	11,6	4,2	30,0
11	Хазрати Имам	169,9	141,7	133,4	67,2	126,7	143,6	129,9	34,1	24,0	9,6	3,1	25,7
12	Турки Джанди	175,4	138,3	131,9	70,7	130,6	139,4	130,6	33,2	25,0	11,2	4,0	25,9
13	Бахауддин	182,3	155,3	139,7	72,0	134,0	140,0	142,0	34,0	25,3	9,7	3,0	12,0
14	МавлоноАсири	172,3	142,7	135,0	64,0	124,0	140,7	136,0	32,0	24,0	10,0	4,0	20,0
15	Шебурганата	178,8	154,0	140,2	76,7	140,5	142,0	132,0	35,8	24,0	12,2	4,2	24,0
16	Мазарские. вор.	182,0	146,3	138,8	72,8	134,8	142,0	132,9	35,8	25,7	10,0	3,5	23,5

Этнографическая область Мианкаль в составе Большого Согда

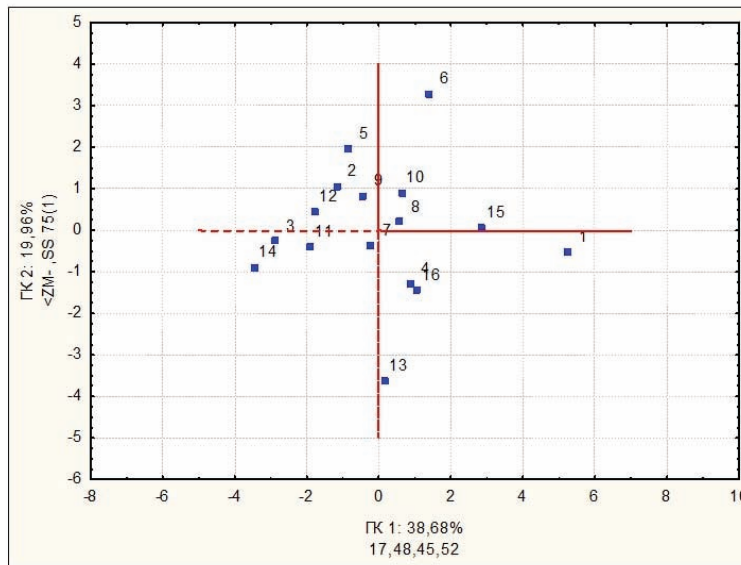

Рис. 8. Распределение серий эпохи позднего средневековья.

Fig. 8. Distribution of the series of the late Middle Ages.

Изучение расположения серий МС в поле компонент ГК 1–2 выявляет их разнородность. Довольно близкими оказались сагарджские и орлатские черепа со средними значениями высотных размеров черепа, лица, ширины лица. Они находятся в основном массиве, состоящем из серий ЦС (две из Самарканда, Афрасиаб, Каратепа) и ЗС (Чор Бакр, Турки Джанди, Хазрати Имам, Мавлоно Асири). К ним приближается и даринсайская, которая очень близка к сериям из Шебурганаты и Мазарских Ворот (ЗС). Кулагайская, с наибольшими значениями ширины черепа, высоты, ширины лица, верхнелицевого указателя, отделяется от мианкальских и основного массива БС. Мианкальские серии наиболее удалены от серии Бахауддина (ЗС), с одной стороны, и Фринкента (ЦС) — с другой.

В заключение следует отметить, что серии Мианкаля оставлены европеоидными группами. Черепа из Сирлибая европеоидные, долихокранные. Лицевая часть мезопрозопная со средней горизонтальной профилировкой лица и с сильно выступающим носом. Они схожи с большинством античных серий ЗС и частью ЦС (Шадыбек, Джузкудук, Калкансай, окрестности Пенджикента), но отличаются от других из ЦС (афрасиабских и ургутских). Черепа из Орлата также европеоидные, брахикранные с небольшой монголоидной примесью. Лицевая часть не отличается от таковой в первой серии. Орлатские несколько удалены от основного согдийского массива и близки к черепам ЮС (Еркурган). Эти аналогии могут быть связаны с наличием только в этих античных сериях лобнозатылочной деформации. Она могла быть привнесена в Среднюю Азию иноэтничными племенами, которые продвигались в южные регионы несколькими путями, один из которых, вероятно, шел через ЗС и Мианкаль [Ходжайов, 2006, с. 12–21]. Мнение автора о том, что орлатские и сирлибайские курганы могли быть оставлены кангюйцами, пришедшими со средней Сырдарьи, подтверждается археологическими данными: оружие и другие атрибуты материальной культуры, типы захоронения, присутствие элементов зороастризма [Пугаченкова, 1989, с. 153].

Полученные данные свидетельствуют, что у античного населения БС произошли существенные изменения в морфологическом и, возможно, этническом облике. Оседлые жители ЦС характеризуются в основном чертами расы Среднеазиатского междуречья. Антропологический облик скотоводческих племен ЗС был смешанным европеоидно-монголоидным, в котором сохранились отдельные группы — носители более древнего средиземноморского типа. Об этом свидетельствуют материалы из кургана Калкансай 33. Эта палеопопуляция европеоидная, восточно-средиземноморского типа, очень грацильная, с узким и низким лицом. Она отличается от всех античных согдийских популяций наличием массовой кольцевой деформации. В ЮС также проживали европеоидные группы.

Серии из раннесредневекового МС (Кафыркалы, Иштыхана, Челека и Сангиртепа) мезокранные и умеренно брахикранные, мезоморфные, с сильной профилировкой лица, большим углом выступания носа. Однако в некоторых черепах присутствует небольшая монголоидная примесь. Популяции МС, обладающие в основном европеоидными чертами, преимущественно расы Среднеазиатского междуречья, близки к населению ЦС, которое характеризуется значительным морфологическим, расовым и этническим разнообразием, и отличаются от популяций ЮС (по материалам из Карши).

Морфологический облик позднесредневекового населения МС, как и всего Согда, более разнородный. Оставленные им краниологические серии различаются между собой. Так, серия из Сагарджа европеоидная — расы Среднеазиатского междуречья. Серии из Кулагайтепа и Орлата европеоидно-монголоидные: брахи- и мезобрахикранные, с большими размерами лицевого скелета, со слабой профилировкой в горизонтальной плоскости и мало выступающим носом. Многочисленная серия из Даринская неоднородная, в ней выделяются две морфологические группы. Одна брахикранный, с большей уплощенностью лица и менее выступающим носом, другая — с более удлиненной и высокой черепной коробкой, значительной горизонтальной профилировкой лица и более выступающим носом. Первая группа черепов, скорее всего, оставлена популяцией, близкой по морфологическому облику к представителям южно-сибирской расы, вторая — более многочисленной популяцией, обладающей комплексом признаков расы Среднеазиатского междуречья.

В третьем периоде, обозначенном авторами как коллекции позднего средневековья, объединяются материалы, датирующиеся длительным историческим отрезком времени от развитого средневековья до начала XX в. Это тысячелетие было насыщено многочисленными событиями, связанными с притоком в данный регион различных племенных групп и союзов разнообразного этнического и морфологического состава. В развитом средневековье основная масса городского населения БС и часть сельского характеризуется различными вариантами европеоидной расы, в основном Среднеазиатского междуречья. Более позднее и близкое к современности население представлено смешанным в разной степени европеоидно-монголоидным, а также значительно монголизированным типами. Отмечается сильное влияние носителей черт южно-сибирской расы. Популяции МС имеют морфологический и расовый облик, присущий населению ЦС и ЗС.

Выводы

1. Изучен многочисленный палеоантропологический материал, оставленный античным и средневековым населением Мианкаля (до начала XX в.) для определения его места в составе БС. Многие коллекции представлены по большой программе впервые.

2. Эпохальная динамика краниометрических признаков мианкальских серий обнаруживает в основном одинаково направленные тенденции с динамикой общесогдийских. Векторные и количественные различия находятся в пределах колебаний, характерных для популяций БС.

3. Морфологические комплексы античных популяций МС различаются по черепному указателю при одинаковых характеристиках лицевого скелета. Долихокранный из Сирлибая находится в круге античных популяций ЗС и сельских групп ЦС, а брахикранный — ЮС. Обе они отличаются от городского населения ЦС. В этот период среди носителей древних черт восточно-средиземноморской расы, преобладавшей в более ранние эпохи, отмечено значительное распространение племен расы Среднеазиатского междуречья (ЦС), отдельных — с монголоидностью (ЮС, ЗС).

4. Раннесредневековые мианкальские группы в основном сохраняют европеоидные комплексы (Кафыркала, Иштыхан, Челек и Сангиртепа). Они мезоморфные, с сильной профилировкой лица, большим углом выступания носа, но уже мезокранные или умеренно брахикранные. Преобладают черты расы Среднеазиатского междуречья, отмечается небольшая монголоидная примесь. В этот период население Средней Азии становится даже более европеоидным, чем античное. Популяции МС схожи с населением ЦС, которое характеризуется значительным морфологическим, расовым и этническим разнообразием.

5. Морфологический облик позднесредневекового населения Мианкаля более разнородный. В нем присутствуют европеоидно-монголоидные группы (Кулагайтепа, Орлат) и группы с комплексом признаков расы Среднеазиатского междуречья (Сагардж). В популяции из Даринская выделяются две группы: более многочисленная с комплексом признаков расы Среднеазиатского междуречья и менее — с комплексом южно-сибирской расы. Мианкальские группы имеют морфологический и расовый облик, присущий населению ЦС и ЗС. В развитом средневековье численно преобладали популяции первого комплекса (городское население и часть сель-

Этнографическая область Мианкаль в составе Большого Согда

ского населения), а в позднем и близком к современности — увеличивается удельный вес черт южно-сибирской расы.

6. Морфологический облик мианкальских популяций как части согдийского населения испытывает влияние изменений, происходивших в течение двух тысячелетий. Вероятно, Мианкаль, входящий в ЦС, заселялся в разное время группами ЗС и ЮС, а также разных историко-культурных и географических областей: Центральных Кызылкумов, Приаралья, Присарыкамышья, низовьев Сырдарьи, возможно, и выходцами из Кангюя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Гинзбург В.В., Трофимова Т.А.* Палеоантропология Средней Азии. М.: Наука, 1972. 371 с.
- Пугаченко Г.А.* Древности Мианкаля // Из работ Узбекстанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент: Фан, 1989. 204 с.
- Ходжайов Т.К.* К палеоантропологии древнего Узбекистана. Ташкент: Фан, 1980. 167 с.
- Ходжайов Т.К.* Палеоантропология Средней Азии и этногенетические проблемы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1981. 52 с.
- Ходжайов Т.К.* Этнические процессы в Средней Азии в эпоху средневековья: (Антропологические исследования). Ташкент: Фан, 1987. 207 с.
- Ходжайов Т.К.* Краткие итоги антропологического изучения Средней Азии // ЭО. 2000. № 2. С. 148–155.
- Ходжайов Т.К.* Новые краниологические материалы эпохи неолита, энеолита и бронзы Среднего и Верхнего Зарафшана // Вопросы антропологии: Альманах. 2004. Вып. 11. С. 87–101.
- Ходжайов Т.К.* География и хронология преднамеренной деформации головы в Средней Азии // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2006. С. 12–21.
- Ходжайов Т.К.* Население позднефеодальной Бухары. М.: Ассоциация Экост, 2007. 259 с.
- Ходжайов Т.К.* Историческая антропология Таджикистана. М.: Рада-реклама, 2016. 158 с.
- Ходжайов Т.К., Громов А.В.* Палеодемография Средней Азии. М.: Информационная цивилизация — XXI век, 2009. 351 с.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Антропологический состав населения Мавераннахра в эпоху Темуридов // Обществ. науки Узбекистана. 1997. № 3–4. С. 45–51.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Монголоидность у населения Средней Азии и эпохальные изменения // Среднеазиат. этногр. сборник. М.: Наука, 2001. Вып. 4. С. 35–46.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Этническая и политическая история узбеков. Историческая антропология // Узбеки. Сер. Народы и культуры. М.: Наука, 2011. С. 14–24.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Формирование антропологического состава городского населения Средней Азии // Вопросы антропологии. 2013. № 1 (23). С. 85–98.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* Палеоантропология древних земледельцев Средней Азии эпохи неолита и палеометалла // Вопросы антропологии. Нов. сер. 2014. № 1 (27). С. 128–146.
- Ходжайов Т.К., Ходжайова Г.К.* К этнической антропологии Центральной (Средней) Азии // История и археология Турана. Самарканд: Фан, 2018. № 4. С. 19–31.
- Ходжайова Г.К.* Этническая антропология Узбекистана: Автореф. ... д-ра ист. наук. Ташкент, 1997. 37 с.
- Ходжайова Г.К.* Одонтологическая характеристика населения Бухары // Население позднефеодальной Бухары. М.: Ассоциация «Экост», 2007. С. 124–151.
- Ходжайова Г.К.* Дерматоглифика народов Средней Азии. М.: Изд-во ФГОУ ВПО МГАУ, 2007. 308 с.

T.K. Khodzhayov, G.K. Khodzhayova

Institute of Ethnology and Anthropology RAS named after N.N. Miklukho-Maklay
Leninsky prosp., 32A, Moscow, 119017, Russian Federation
Independent researcher
Moscow
E-mail: telmkas@yandex.ru

THE ETHNOGRAPHIC REGION OF MIANKAL AS PART OF THE BIG SOGD

This article characterizes extensive craniological and osteological materials from Miankal, the site located in the Samarkand region, the central part of the Big Sogd. A review of anthropological and archaeological data on the population having resided in the aforementioned province is given for a lengthy historical period from antiquity, through the Late Middle Ages and up to the present time. The majority of the collections are presented for the first time in their full size. The article reviews the epochal dynamics of main craniological characteristics and indicators. A comparative analysis of the Miankal series with all other Big Sogd series is performed in terms of important morphological and paleodemographic indicators. The main morphological complexes having existed in ancient, Middle Age and close to the present time populations are described. A certain morphological peculiarity of the Miankal groups is shown. These groups are described in terms of intergroup differences and in comparison with

the other Sogd population. The relationship vectors of the Miankal populations with those of the Central (Samarkand), Western (Bukhara) and Southern (Kaskadarya) Sogd are demonstrated for different historical periods. A suggestion is made that Miankal, being part of the Central Sogd, was also populated by groups from the Western and Southern Sogd, as well as from other historical and cultural geographical regions, such as the Central Kyzylkum, the Sarikamish region, the lower Syrdarya. In addition, according to archaeologists, this region might have been populated by immigrants from Kangju.

Key words: Miankal, Sogd, Samarkand, Bukhara; paleolith, mesolith, neolith, the Bronze Age, antiquity, Early Middle Ages, High Middle Ages и Late Middle Ages; paleoanthropology, craniology, osteology, paleodemography; craniometric characteristics, morphological complexes, race of the Middle Asian (Central Asian) interfluvial Area, Eastern Mediterranean race, Southern Siberian race; archaeological cultures.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-079-092

REFERENCES

- Ginzburg V.V., Trofimova T.A. (1972). *Paleoanthropology of the Central Asia*, Moscow: Nauka, 371 p.
- Pugachenkova G.A. (1989). The antiquities of Miankal. *Iz rabot Uzbekistanskoi iskusstvedcheskoi ekspeditsii*, Tashkent: Fan, 204 p.
- Khodzhayov T.K. (1980). *On paleoanthropology of the ancient Uzbekistan*, Tashkent: Fan, 167 p.
- Khodzhayov T.K. (1981). *Paleoanthropology of the Central Asia and ethnogenetic problems*. Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Moscow, 52 p.
- Khodzhayov T.K. (1987). *Ethnic processes in the Central Asia at Middle Ages: (Anthropological investigations)*, Tashkent: Fan, 207 p.
- Khodzhayov T.K. (2000). Summary of anthropological study of the Central Asia. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 148–155.
- Khodzhayov T.K. (2004). New craniological materials of neolithic, eneolithic and the Bronze age periods of middle and upper Zarafshan. *Voprosy antropologii: Al'manakh*, (11), 87–101.
- Khodzhayov T.K. (2007). *Population of late feudal Bukhara*, Moscow: Assotsiatsiia Ekost, 259 p.
- Khodzhayov T.K. (2016). *Historical anthropology of Tajikistan*, Moscow: Rada-reklama, 158 p.
- Khodzhayov T.K., Gromov A.V. (2009). *Paleodemography of the Central Asia*, Moscow: Informatsionnaia tsivilizatsiia — XXI vek, 351 p.
- Khodzhayov T.K., Khodzhayova G.K. (1997). Anthropological composition of Maverannakhr population at Temurid period. *Obshchestvennye nauki Uzbekistana*, (3–4), Tashkent: Fan, 45–51.
- Khodzhayov T.K., Khodzhayova G.K. (2001). Mongoloid features in population of the Central Asia and its epochal changes. *Sredneaziatskii etnograficheskii sbornik*, (4), Moscow: Nauka, 35–46.
- Khodzhayov T.K., Khodzhayova G.K. (2011). Ethic and political history of Uzbeks. *Historical anthropology. Uzbeki. Ser. Narody i kul'tury*, Moscow: Nauka, 14–24.
- Khodzhayov T.K., Khodzhayova G.K. (2013). Formation of anthropological composition of urban population of the Central Asia. *Voprosy antropologii*, (1 (23)), 85–98.
- Khodzhayov T.K., Khodzhayova G.K. (2014). Paleoanthropology of ancient farmers of the Central Asia at neolithic and paleometal ages. *Voprosy antropologii. Nov. ser.*, (1 (27)), 128–146.
- Khodzhayov T.K., Khodzhayova G.K. (2018). To ethnic anthropology of the Central Asia. *Istoriia i arkhologiya Turana*, (4), Samarkand: Fan, 19–31.
- Khodzhayova G.K. (1997). *Ethnic anthropology of Uzbekistan*. Avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. Tashkent, 37 p.
- Khodzhayova G.K. (2007). Odontologic characteristics of Bukhara population. *Naselenie pozdnefeodal'noi Bukhary*, Moscow: Association «Ekost», 124–151.
- Khodzhayova G.K. (2007). *Dermatoglyphics of the Middle Asian nations*, Moscow: Izd-vo FGOU VPO MGAU, 308 p.

А.Ю. Худавердян*, А.А. Енгигбарян**, А.А. Оганесян***, С.Г. Обосян*

* Институт археологии и этнографии НАН РА
ул. Чаренца 15, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: akhudaverdyan@mail.ru;
suren.hobosyan@mail.ru

** Ереванский государственный медицинский университет
ул. Корюна, 2, Ереван, 0025, Республика Армения
E-mail: ripmatev@mail.ru

*** Республиканский медицинский центр «Армения»
ул. Маркаряна, 6, Ереван, 0078, Республика Армения
E-mail: rouben.davtyan@gmail.com

КОМПЛЕКСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ XIV–XVI вв. ИЗ ПЕЩЕРЫ ЗАРНИ ЭР (АРМЕНИЯ)

Полученные в результате недавних расчистных работ материалы из пещеры Зарни Эр впервые позволили охарактеризовать антропологические особенности позднесредневековых обитателей территории Армении. На основании антропологических и палеопатологических данных проанализированы физические особенности и болезни погребенных. Обнаружены случаи непреднамеренной деформации головы (затылочно-теменной), связанной с социально-бытовыми условиями. На исследованных черепах зафиксированы последствия нарушений целостности костей из-за травм. Степень развития мышечного рельефа указывает на значительные физические нагрузки в процессе трудовой деятельности. Были выявлены специфические и неспецифические поражения при инфекционных заболеваниях, дегенеративные болезни. На диафизах большеберцовых костей ребенка имелись хорошо заметные на рентгеновских изображениях линии Гарриса, или линии задержки роста. Мы допускаем, что индивиды, погребенные в пещере Зарни Эр, могли быть привержанцами гностической секты. Вероятно, они укрывались от преследования в труднодоступных местах ущелья р. Дебед.

Ключевые слова: Армения, средневековье, пещера Зарни Эр, краниология, одонтология, остеология, палеопатология, тондракийцы.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-093-117

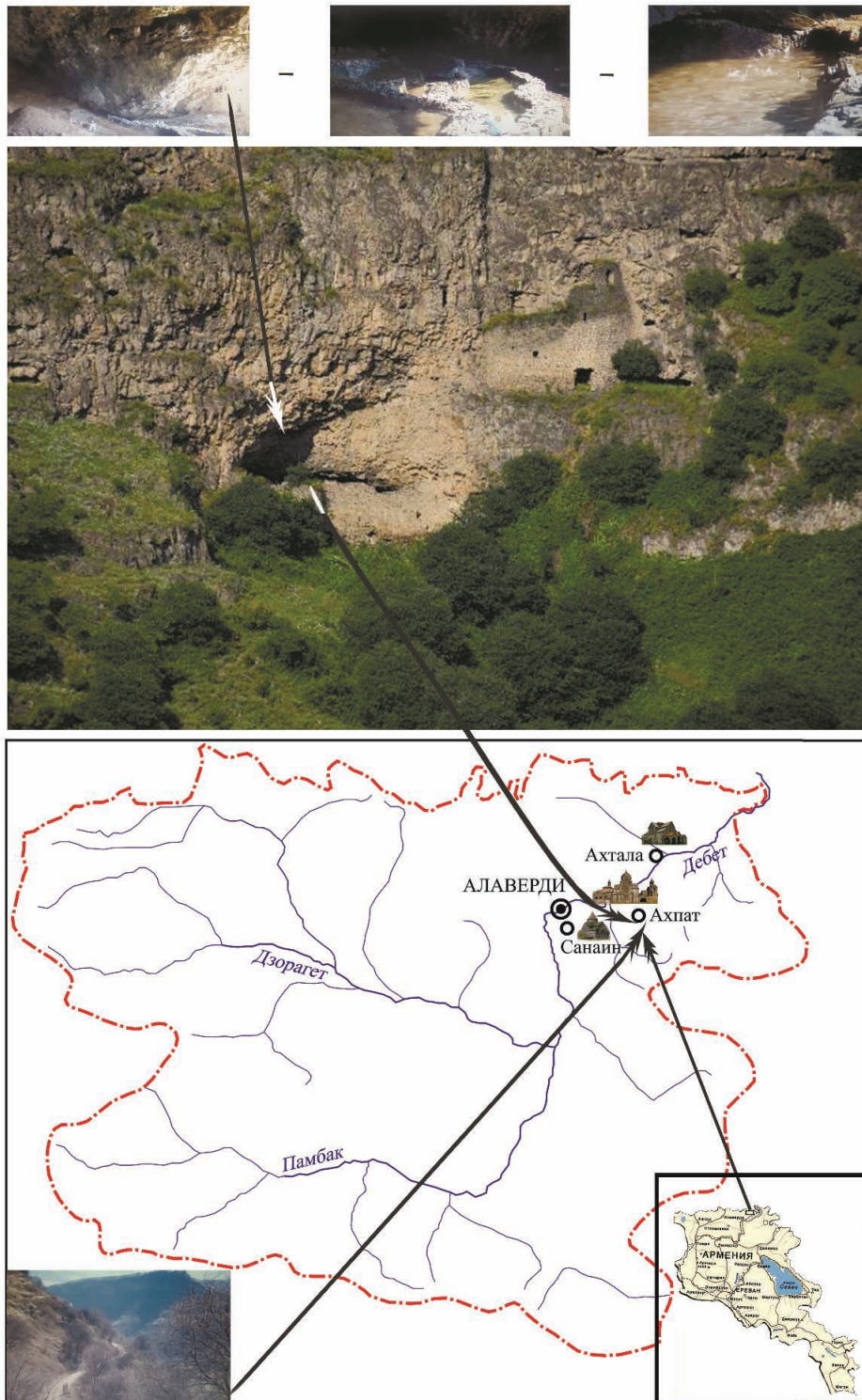
Введение

Пещера Зарни Эр (рис. 1) расположена на севере Республики Армения, в провинции Лори, на западе от с. Ахпат, в ущелье р. Дебед, вблизи крепости Кайан, и носит имя князя (Зарех). Общая площадь пещеры около 605 м². Благодаря особенно удачному месторасположению и своему удобству она служила укрытием для жителей окрестных деревень, когда их жизни угрожала опасность. В пещере отмечаются подземные воды. Именно здесь находилось основное количество ахпатских рукописей, часть которых сейчас хранится в Институте древних рукописей Матенадаране. Пещера служила не только жилищем и укрытием, она была также местом погребения усопших.

Цель исследования — введение в научный оборот данных по палеоантропологии средневекового населения Армении из материалов пещеры Зарни Эр.

Материал и методы

В августе 2017 г. во время расчистных работ в пещере были выявлены два погребения, при этом в погр. 1 вместе со скелетом мужчины (№ 1) помещались фрагменты костей посткраниального скелета ребенка 5 (±2) лет (№ 4). В погр. 2 наряду с женским скелетом (№ 3) были обнаружены фрагменты бедер и берцовые кости взрослого индивида (предположительно мужчины, № 2). Контекст дополнительного захоронения не ясен. Захоронение индивидов (№ 1 и 3) совершено по обряду труположения. Погребенные были уложены на спину (руки вдоль туловища). Оба скелета лежали в один ряд, ногами друг к другу. К сожалению, в пещере фотографии погребений не получились. Эти захоронения в целом не совсем обычные для средневековых погребальных комплексов Армении. Рядом с погребениями находился средневековый пресс для изготовления вина (или винодавилня).

Рис. 1. Пещера Зарни Эр, Лорийская провинция Армении.

Fig. 1. Zarni Er Cave, Lori province of Armenia.

После реставрации черепа и кости посткраниального скелета были изучены по измерительным и описательным программам в соответствии с общепринятым антропологическим методикам [Алексеев, Дебец, 1964; Зубов, 1968, 2006; Мовсисян и др., 1975; Buikstra, Ubelaker,

Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения)

1994; Goodman et al., 1984]. Обследованные зубы находились in situ. Пределы размерных категорий для каждого диаметра устанавливались в соответствии со шкалой А.А. Зубова [1968а, табл. 26, с. 98–99]. Изучены длиннотные размеры и обхватные диаметры костей, размеры концевых отделов. Рубрикации и размах вариаций показателей скелета взяты из работ Я.Я. Рогинского, М.Г. Левина [1978], Д.И. Ражева [2003], И.М. Синевой [2013]. Развитие рельефа длинных костей в местах прикрепления мускулатуры оценивалось по системе В.Н. Федосовой [1986]. Использовалась трехбалльная шкала, в которую были введены промежуточные значения — 1,5 и 2,5. Были вычислены следующие показатели: средние баллы по отдельным признакам, средний балл развития рельефа кости, суммарный средний балл (правой и левой костей).

Проведено рентгенологическое исследование костей на базе Республиканского медицинского центра «Армения». Материал хранится в кабинете физической антропологии Института археологии и этнографии НАН РА.

Краниометрия

Индивидуальные краниологические данные черепов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Результаты краниометрического исследования черепов № 1 и 3 из пещеры Зарни Эр

Table 1

Results of craniometric examination of skulls No 1 and No 3 from the Zarni Er cave

№ по Мартину и др.	Признак	Скелет № 1 ♂	Скелет № 3 ♀
1	Продольный диаметр	184	175
8	Поперечный диаметр	157	136
8:1	Черепной указатель	85,33	77,72
17	Высотный диаметр от ba	137	133
17:1	Высотно-продольный указатель	74,46	76,0
17:8	Высотно-поперечный указатель	87,27	97,795
20	Высотный диаметр от ро	128	125
20:1	Высотно-продольный указатель	70,0	71,72
20:8	Высотно-поперечный указатель	82,04	92,28
5	Длина основания черепа	109	106
9	Наименьшая ширина лба	97,2	90?
9:8	Лобно-поперечный указатель	61,92	66,18
10	Наибольшая ширина лба	131	123
11	Ширина основания черепа	142,5	122
12	Ширина затылка	121,5	105?
29	Лобная хорда	104	103
30	Теменная хорда	109	107
31	Затылочная хорда	91,8	100
23а	Горизонтальная окружность черепа	283	265
24	Поперечная дуга (po-bг-po)	316	310?
25	Сагиттальная дуга	288	280
26	Лобная дуга	117	120
27	Теменная дуга	119	118
28	Затылочная дуга	116	104
7	Длина затылочного отверстия	38,2	37
16	Ширина затылочного отверстия	33	31,8
32	Угол профиля лба от n	82,5	—
—	Угол профиля лба от g	88	—
40	Длина основания лица	100?	95
40:5	Указатель выступания лица	91,75	89,63
45	Скуловой диаметр	143	125,5
48	Верхняя высота лица	71,3?	63
48:45	Верхний лицевой указатель	49,87	43,08
43	Верхняя ширина лица	106,5	97?
60	Длина альвеолярной дуги	58,8?	51
61	Ширина альвеолярной дуги	—	61
62	Длина неба	42,5?	—
63	Ширина неба	—	32
55	Высота носа	60	49,9
54	Ширина носа	—	21,5

№ по Мартину и др.	Признак	Скелет № 1 ♂	Скелет № 3 ♀
54:55	Носовой указатель	—	47,696
51	Ширина орбиты от mf	41,5	44?
51a	Ширина орбиты от d	39	41?
52	Высота орбиты	36,5	36
52:51	Орбитный указатель (mf)	87,96	81,82
52:51a	Орбитный указатель (d)	93,59	87,81
MC	Максиллофронтальная ширина	24,2?	14,5
MS	Максиллофронтальная высота	14?	9,5
MS:MC	Максиллофронтальный указатель	57,86	65,52
DC	Дакриальная ширина	26	17
DS	Дакриальная высота	17,5	13
DS:DC	Дакриальный указатель	67,31	76,48
SC	Симотическая ширина	9	7
SS	Симотическая высота	7	5,2
SS:SC	Симотический указатель	77,78	74,29
72	Общий лицевой угол	90?	—
73	Средний лицевой угол	91?	—
74	Угол альвеолярной части	103?	—
75(1)	Угол выступания носа	16?	—
77	Назомаларный угол	138	—
68 (1)	Длина н.ч. от мыщелков	106?	101?
79	Угол ветви н.ч.	35	30
68	Длина н.ч. от углов	88	85
70	Высота ветви	66	62
71a	Наименьшая ширина ветви	31	31,5
69	Высота симфиза	36	30
69 (1)	Высота тела	32	25
69 (2)	Толщина тела	14,8	13,5
47	Полная высота лица	127,5	103
	Форма черепной коробки	Пентагоноид	Пентагоноид
	Надпереносье (1–6)	3	1
	Надбровные дуги (1–3)	2	1
	Наружный затылочный бугор (0–5)	1	0
	Затылочные валики TOT (0–4)	2	1
	Позадисосцевидный отросток PR (0–4)	1	0
	Сосцевидный отросток (1–3)	2	2
	Нижний край грушевидного отверстия	Передносовые ямки	Передносовые ямки
	Передносовая ость (1–5)	3?	3
	Деформация (тип)	Непреднамер. затылочно-теменная, плагиоцефалия	Непреднамер. затылочно-теменная, асимметрия черепа

Индивид № 1. Останки принадлежат мужчине, умершему в возрасте 45 (±3) лет (рис. 2). Проломлены посмертно левые верхне- и нижнечелюстные кости. Мозговая коробка индивида характеризуется как брахикранная, с очень большим поперечным и средним продольным диаметрами. Она высокая, по высотно-поперечному указателю — тапейнокранная. Величина высотно-продольного указателя — средняя (ортокран). Параметры длины и ширины основания черепа характеризуются очень большими величинами (11: выходит за верхнюю границу нормы). Затылок очень широкий, с малой хордой и средней дугой. Наружный затылочный выступ развит слабо, в латеральной норме затылок округлый. Величины теменной дуги и хорды малые. Сосцевидный отросток среднеразвитый. Лоб среднеширокий, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Величины лобных дуги и хорды очень малые. Надпереносье и надбровные дуги выражены средне. Сверху черепная коробка пентагоноидной формы. Швы черепа характеризуются дополнительными отростками, отходящими от боковых.

Скуловой диаметр очень большой. Длина основания лица — средняя. Лицо средневысокое, среднее и по значению верхней ширины. Угол горизонтальной профилировки на верхнем уровне входит в категорию малых, т.е. лицо по европеоидным меркам хорошо профилировано. Верхнелицевой указатель попадает в категорию зуриен, что свидетельствует о широком верхнем отделе лица. Высота носа очень большая. Дакриальная ширина и высота очень большие

Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения)

(DS: выходит за верхнюю границу нормы), указатель также очень большой. Симотическая ширина средняя, высота — очень большая (выходит за верхнюю границу нормы), указатель также очень большой. Область переносья, таким образом, можно охарактеризовать как выступающую. Передняя носовая ость выступает средне. Правый боковой край грушевидного отверстия не переходит в нижний край, а продолжается книзу, образуя с нижним краем ясно выраженную ямку, разделенную передней гранью носового шипа (*fossae praenasales*). Орбиты среднеширокие, высокие и гипсиконхные. Длина альвеолярной дуги очень большая.

Рис. 2. Индивид № 1.

Fig. 2. Individual No 1.

Проекционная длина нижней челюсти средняя. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви малая. Бугристость в области наружной поверхности угла (правой) (место прикрепления жевательной мышцы *m. masseter*) и внутренней поверхности угла (место прикрепления внутренней крыловидной мышцы *m. pterygoideus medialis*) выражена отчетливо. Симфиз высокий, тело средневысокое, массивное с большой толщиной.

Индивид № 3. Череп принадлежит женщине 22 (± 2) лет (рис. 3). Проломлены посмертно верхняя стенка левой орбиты и надорбитальная часть лобной кости, наружный и внутренний край правой орбиты в области пересечения его скуло-лобным швом.

Рис. 3. Индивид № 3.

Fig. 3. Individual No 3.

Мозговая коробка индивида мезокранная, со средними продольным и поперечным диаметрами. Она высокая абсолютно и относительно по высотно-поперечному указателю (акрокран). Величина высотно-продольного указателя — большая (гипсикран). Параметры длины и ширины основания черепа находятся в пределах очень больших и больших величин. Затылок средней ширины, со средней дугой и малой хордой. Наружный затылочный выступ не развит, в латеральной норме затылок округлый. Величины теменной дуги и хорды попадают в категории средних размеров. Сосцевидный отросток среднеразвитый. Лоб узкий, лобно-поперечный указатель средний — мезозем. Лобная дуга средняя, хорда малая. В вертикальном положении череп пентагоноидной формы, наблюдается также асимметрия. Швы черепа характеризуются дополнительными отростками, отходящими от боковых.

Лицо невысокое и среднеширокое. Верхнелицевой указатель попадает в категорию мезен. Высота носа средняя, ширина — очень малая. Носовой указатель маленький (лепториния). Дакриальная высота очень большая, ширина — очень малая, указатель — очень большой (вы-

ходит за верхнюю границу нормы). Симотическая ширина малая, высота и указатель — очень большие (SS:SC — выходит за верхнюю границу нормы). Передняя носовая ось выступает средне. Боковые края грушевидного отверстия не переходят в нижний край, а продолжают книзу, образуя с нижним краем ясно выраженные ямки, разделенные передней гранью носового шипа (*fossae praenasales*). Орбиты высокие и широкие (мезоконхные). Небо глубокое, ширина очень малая. Длина и ширина альвеолярной дуги средние.

Проекционная длина нижней челюсти находится в пределах средних величин. Углы развернуты, наименьшая ширина ветви средняя. Бугристость в области наружной и внутренней поверхностей углов с обеих сторон выражена отчетливо. Симфиз средневысокий, тело очень низкое с большой толщиной.

Как показывают данные, мужчина и женщина из пещеры Зарни Эр демонстрируют два морфологических варианта южных европеоидов. Особенности строения мужского черепа, безусловно, относится к гиперморфному брахикранному варианту. Здесь широкая и высокая мозговая коробка и широкое лицо. С другой стороны, женский череп характеризуется грацильностью мозгового и лицевого скелета в сочетании с относительно высоким носом и мезоконхной формой орбит.

Краниоскопия

Девять из девятнадцати изученных дискретно-варьирующихся маркеров встречаются у обоих индивидов (надглазничные, скуло-лицевые, сосцевидные, затылочно-мышцелковые (*canalis condyloideus*) отверстия, резцовый шов, лобные отростки височной чешуи (*processus frontalis squamae temporalis*), сужение птериона Н-образной формы, небные и нижнечелюстные валики) (табл. 2). У индивида № 1 выступающая форма латерального края лобного отростка скуловой кости, форма поперечного небного шва — извилистая, у индивида № 3 небный шов вогнутый. На черепе № 1 дополнительно обнаружены: подглазничные, теменные, подбородочные и остистые отверстия, мендозный шов, разделенная швом скуловая кость, височный отросток лобной кости, эпиптерные кости, небольшая вставная кость в области затылочного родничка, канал, пронизывающий тело клиновидной кости в области ямки турецкого седла, смыкание краев челюстно-подъязычной борозды и новообразование на наружной поверхности затылочной кости в области *foramen magnum*.

Таблица 2

Краниоскопические особенности индивидов № 1 и 3 из пещеры Зарни Эр

Table 2

Cranioscopic characteristics of individuals No 1 and No 3 from the Zarni Er cave

	Индивид № 1	Индивид № 3
Foramina supraorbitalia	+	+ (прав.)
Foramina infraorbitalia	+ (прав.)	—
Foramina zygomaticofacialia	+	+ (лев.)
Os zygomaticum bipartitum	+ (прав.)	—
Spina processus frontalis	Выступ	
Stenocrotaphia	Н-обр.	Н-обр.
Processus frontalis squamae temporalis	+ (прав.)	+ (прав.)
Processus temporalis ossis frontalis	+ (лев.)	—
Os epiptericum	+ (лев.)	—
Foramina parietalia	+ (лев.)	—
Os apicis lambdae	+	—
Sutura mendoza	+ (прав.)	—
Foramina mastoidea	+ (на шве и вне шва)	+ (лев., на шве)
Torus palatinus (0–3)	1	1
Sutura palatina	Извилистая	Вогнутый
Sutura incisiva	+	+
Canalis craniopharyngeus	+	—
Отсутствие foramina spinosum	+ (прав.)	—
Manifestatio vertebrae occipitalis	+ (прав.)	—
Canalis condyloideus	+ (лев.)	+
Torus mandibularis (0-3)	1	1
Sulcus mylohyoideus	+ (прав.)	—
Foramina mandibularia	+ (прав.)	—

Одонтология

Индивид № 1. Обследован правый второй нижний моляр. Утрачены прижизненно: правые верхние резцы (медиальный и латеральный), правый верхний первый моляр, правый нижний первый моляр, левый нижний латеральный резец. Остальные зубы были утеряны.

Нижний второй моляр четырехбугорковый, диаметры коронки малых размеров. Высота коронки попадает в категорию очень малых значений (табл. 3).

Таблица 3

Размеры зубов индивидов № 1 и 3 из пещеры Зарни Эр

Table 3

Dimensions teeth of individuals No 1 and No 3 from the Zarni Er cave

	Индивид № 1		Индивид № 3	
	Прав.	Лев.	Прав.	Лев.
Верхняя челюсть				
Вестибулолингвальный диаметр VL _{cor}				
C	—	—	—	7,8
P2	—	—	—	8
M1	—	—	11	11
M2	—	—	13	13
M3	—	—	11	11
Мезиодистальный диаметр MD _{cor}				
C	—	—	—	7
P2	—	—	—	6
M1	—	—	11,5	11,8
M2	—	—	10	10
M3	—	—	8	8
Высота коронки H _{cor}				
M1	—	—	5	5
M2	—	—	5	5
M3	—	—	8	4,5
Мезиодистальный диаметр шейки MD _{col}				
M1	—	—	8	8
M2	—	—	5	5
M3	—	—	8	5,8
Площадь коронки MD x VL				
M1	—	—	126,5	129,8
M2	—	—	130	130
M3	—	—	88	88
Индекс коронки I _{cor} (VL / MD) x 100				
M1	—	—	95,66	93,23
M2	—	—	130	130
M3	—	—	137,5	137,5
Модуль коронки m _{cor} MD + VL/2				
M1	—	—	11,25	11,4
M2	—	—	11,5	11,5
M3	—	—	9,5	9,5
Нижняя челюсть				
Вестибулолингвальный диаметр VL _{cor}				
I2	—	—	5,5	—
P1	—	—	7	—
M1	—	—	11,5	11?
M2	10м	—	10	10
M3	—	—	—	9,2 (лев.)
Мезиодистальный диаметр MD _{cor}				
I2	—	—	5,2	—
P1	—	—	6,2	—
M1	—	—	11ср	10,8м
M2	10м	—	10,8ср	10
M3	—	—	—	8,8ом
Высота коронки H _{cor}				
M1	—	—	5ом	5
M2	3ом	—	5ом	5,2
M3	—	—	—	5ом
Мезиодистальный диаметр шейки MD _{col}				
M1	—	—	8,8	9
M2	9,9	—	9	9
M3	—	—	—	7,8 (лев.)
Площадь коронки MD x VL				
M1	—	—	126,5	118,8
M2	100	—	108	100
M3	—	—	—	80,96
Индекс коронки I _{cor} (VL/MD) x 100				
M1	—	—	104,55	101,86
M2	100	—	92,593	100
M3	—	—	—	92,0
Модуль коронки m _{cor} MD + VL/2				
M1	—	—	11,25	10,9
M2	10	—	10,4	10
M3	—	—	—	9

Индивид № 3. У индивида, вероятно, псалидодонтная форма прикуса. Форма альвеолярной дуги — U-образная. Обследованы левые клык, второй премоляр, первый, второй и третий моляры верхней челюсти, а также правые первый, второй и третий моляры. На нижней челюсти медиальные резцы, левый латеральный резец, второй премоляр, третий моляр, клыки, правые премоляры отсутствовали.

Мезиодистальные размеры первых и вторых моляров попадают в категорию больших и очень больших значений, третьих — средних, вестибулолингвальные размеры только в одном случае (M^2) преобладает над ее длиной (MD) (табл. 3). Одонтометрические показатели в целом позволяют охарактеризовать коронки зубов как крупные. Данное заключение подтверждается величиной среднего модуля ряда верхних моляров (10,75), служащего усредненной характеристикой абсолютных размеров зубов ($m_{\text{cor}} M (1-3) = (m_{\text{cor}} M^1 + m_{\text{cor}} M^2 + m_{\text{cor}} M^3) / 3$), где $m_{\text{cor}} = (MD_{\text{cor}} + VL_{\text{cor}} / 2)$), что дает возможность судить о макродонтизме индивида. Высота коронки моляров попадают в категорию очень малых значений. По площади коронки фиксируется формула $M1 > M2 > M3$ при уменьшении площади последнего — третьего моляра (нижний). Сопоставление по соотношению мезиодистальных и вестибулолингвальных размеров нижних первых и вторых моляров (третий стэп-индекс) выявило следующую закономерность. Величина третьего стэп-индекса, вычисленная по вестибулолингвальному диаметру (96,19), здесь выше рассчитанной по мезиодистальному (86,96). Меньшая редукция вестибулолингвального диаметра вторых нижних моляров по сравнению с мезиодистальным, вероятно, отражает индивидуальную изменчивость, а не консервативность морфогенетических процессов на изучаемой территории.

На верхнем левом клыке можно отметить слабо выраженную вестибулярную лопатообразность. На верхнем левом втором премоляре размеры вестибулярного бугорка несколько больше, чем лингвального (тип 2). Одонтоглифический узор коронки находится между баллами 3 и 5. Гипоконус первых моляров слабо редуцирован (балл 4-), так же как и метаконус (балл 2). На обоих правых верхних молярах фиксируется косой гребень. Морфологической особенностью вторых моляров являются расположенные в цепочку три бугорка (метаконус-параконус-протоконус). Вся коронка узкая, эллипсовидная, сплюснутая, гипоконус отсутствует. Бугры смещены в направлении диагонали зубного ряда. Эмалевый затек на втором верхнем моляре оценивается баллом 5. На третьих молярах фиксируются дополнительные дистомолярные бугорки.

На нижней челюсти правый медиальный резец не имеет лопатообразной формы. От центра лингвального бугорка к среднему бугорку режущего края идет небольшой тонкий валик, в средней трети коронки валик прерывается, и в этом месте фиксируется плоская площадка. Межбугорковая борозда левого премоляра имеет лингвальную веточку, разделяющую лингвальную половину зуба на две части, образуя 3-бугорковый тип (балл 5). Нижние первые моляры 5-бугорковые, узор коронки «У». Здесь присутствовал интерстициальный дополнительный бугорок ($tami$) между метаконидом и энтоконидом (на левом и правом зубе соответственно). Наблюдается незначительный сдвиг окклюзивной площадки в лингвальном направлении. Остальные фены отсутствуют. Вторые моляры имеют 4-бугорковое строение, узор основных борозд коронки относится к типу «Х». Дополнительные гребни тригониды, стилоидные образования, коленчатая складка метаконида, $tami$, центральные бугорки отсутствуют. В мезиальном отделе фиксируется передняя ямка, в дистальном — задняя, на вестибулярной стороне отмечается ямка протостилида. По строению левый второй моляр абсолютно аналогичен правому. Третий левый моляр 4-бугорковый с «+» — узором коронки. В мезиальном отделе коронки отмечена передняя ямка, в дистальном — задняя, на вестибулярной поверхности — ямка протостилида. На метакониде и протокониде присутствуют борозды 1, 2 и 2'; на гипокониде и энтокониде — 1 и 2. Первые борозды метаконида и протоконида впадают в фиссуру II одновременно. Эмалевый затек на первом и втором молярах оценивается баллом 4.

Остеометрия

Основные остеометрические характеристики индивидов № 1–3 приведены в табл. 4.

Индивид № 1. Наблюдается асимметрия: правая ключица несколько длиннее левой (рис. 4). Массивность ключиц в основном была средней. Ширина плеч, реконструированная по модифицированной формуле Д.И. Ражева [2003] ($1,21 \times Cl_r + 1,205 \times Cl_l$, где Cl_r — длина правой ключицы, Cl_l — длина левой ключицы), равняется 357,43, что характеризуется средней величиной. Фиксируется асимметрия атланты, аксиса (рис. 4), первых (I) ребер (*costae*) (рис. 5, 1). Размеры головки правого ребра — 6,5 мм, левого — 9 мм, шейки — 7,5 мм (прав.) и 10,5 мм (лев.). Верх-

Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения)

ний край лопатки наклонен, однако угол наклона не превышает 35° (балл 2). Лопаточная ость резко изгибается вниз сразу же после основания (балл 4). Переход от верхнего края лопатки к краю лопаточной вырезки выражен вполне отчетливо, край вырезки левой лопатки образует почти полную окружность (балл 4), вырезка правой лопатки глубокая и край ее образует приблизительно-но три четверти окружности (балл 3). Суставная впадина лопатки имеет грушевидную форму.

Таблица 4

Остеометрическая характеристика индивидов № 1–3 из пещеры Зарни Эр

Table 4

Osteometric characteristics of individuals No 1–3 from the Zarni Er cave

Признак, № по Р. Мартину	♂		♀	
	Правая	Левая	Правая	Левая
Ключица (Clavicula)				
1. Наибольшая длина	150 (1)	146 (1)	135	131
6. Окружная середина диафиза	36 (1)	38 (1)	27	27
6:1 Указатель массивности	24 (1)	26,03 (1)	19,63	19,85
Лопатка (Scapula)				
1. Морфологическая длина	166,8 (1)	—	—	—
2. Морфологическая ширина	100 (1)	—	—	—
2:1 Указатель формы	59,96 (1)	—	—	—
Крестец (Os sacrum)				
5. Верхняя ширина	—	—	—	111
2. Передняя высота	—	—	—	101
6. Глубина изгиба	—	—	—	6,8
5:2 Широко-высотный указатель	—	—	—	109,91
6:2 Указатель глубины изгиба	—	—	—	6,74
Плечевая кость (Humerus)				
1. Наибольшая длина	—	317 (1)	291	287
2. Вся длина	—	314 (1)	287	284
3. Верхняя эпифизарная ширина	49,9 (1)	50 (1)	41,5	40,5
4. Нижняя эпифизарная ширина	63 (1)	67,8 (1)	50,5	52
7. Наименьшая окружность диафиза	66 (1)	66 (1)	52	52
7а. Окружность середины диафиза	—	69 (1)	56	54
7:1 Индекс массивности	—	20,83 (1)	17,87	18,12
Лучевая кость (Radius)				
1. Наибольшая длина	—	—	222	—
2. Физиологическая длина	—	—	213	—
4. Поперечный ∅ диафиза	—	—	15,5	—
5. Сагитальный ∅ диафиза	—	—	10,5	—
3. Наименьшая окружность диафиза	—	44 (1)	33	33
3:2 Указатель массивности	—	—	15,5	—
5:4 Указатель сечения	—	—	67,75	—
Локтевая кость (Ulna)				
1. Наибольшая длина	—	—	—	235?
2. Физиологическая длина	—	—	—	233
11. Передне-задний ∅ диафиза	—	—	10	10,3
12. Поперечный ∅ диафиза	—	—	13,5	13,5
13. Верхний поперечный ∅ диафиза	26,2 (1)	—	18	17,5
14. Верхний дорзовольярный ∅ диафиза	27,8 (1)	—	21	19,5
3. Наименьшая окружность	—	38 (1)	—	31
3:2 Указатель массивности	—	—	—	13,31
11:12 Указатель сечения	—	—	74,08	76,297
13:14 Указатель плателени	94,25 (1)	—	85,72	89,75
1:2 Указатель наибольшей длины	—	—	—	100,86
Бедренная кость (Femur)				
1. Наибольшая длина	447 (1)	—	405	410
2. Длина в естественном положении	440 (1)	—	397	398
21. Мышечковая ширина	84,4 (2)	83 (2)	65	65
6. Сагитальный ∅ середины диафиза	30 (1)	29 (1)	24	23,6
7. Поперечный ∅ середины диафиза	34 (1)	33,5 (1)	24	25
9. Верхний поперечный ∅ диафиза	35 (1)	33 (1)	28	27,8
10. Верхний сагитальный ∅ диафиза	30,2 (1)	28,9 (1)	22	21,5
8. Окружность середины диафиза	100 (1)	97 (1)	75	74
8:2 Указатель массивности	22,73 (1)	—	18,9	18,6
6:7 Указатель пиллястри	88,24 (1)	86,57 (1)	100	94,4
10:9 Указатель платимерии	86,29 (1)	87,58 (1)	78,58	77,34
Надколенная чашка (Patella)				
1. Наибольшая высота	—	—	—	38
2. Наибольшая ширина	—	—	—	39
1:2 Высотно-широтный указатель	—	—	—	97,44
Большая берцовая кость (Tibia)				
1. Полная длина	355,5 (2)	346 (1)	—	—
2. Мышечково-таранная длина	343 (2)	340 (2)	—	—
1а. Наибольшая длина	364 (2)	354 (1)	—	—
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	79,85 (2)	78 (1)	—	63
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	48 (2)	45,8 (1)	36	—
8. Сагитальный ∅ на уровне середины диафиза	30,75 (2)	30,75 (2)	—	28,8
8а. Сагитальный ∅ на уровне питательного отверстия	33,4 (2)	32,9 (2)	—	30,5

Признак, № по Р. Мартину	♂		♀	
	Правая	Левая	Правая	Левая
9. Поперечный $\varnothing$ на уровне середины диафиза	22,4 (2)	22,25 (2)	—	18,9
9а. Поперечный $\varnothing$ на уровне питательного отверстия	23,75 (2)	23,5 (2)	—	19
10. Окружность середины диафиза	84 (2)	82 (2)	—	71
10б. Наименьшая окружность диафиза	77,5 (2)	76 (2)	—	65
9:8 Указатель сечения	72,63 (2)	72,19 (2)	—	65,63
10б:1 Указатель прочности	21,79 (2)	20,81 (1)	—	—
9а:8а Указатель платикнемии	70,78 (2)	71,16 (2)	—	62,296
10:1 Указатель массивности	23,61(2)	21,97 (1)	—	—
Малая берцовая кость (Fibula)				
1. Наибольшая длина	366 (1)	—	—	331
1а. Медиальная длина	355 (1)	—	—	323,5
4 (1). Ширина верхнего эпифиза	28,85 (2)	27 (1)	22	22
4 (2). Ширина нижнего эпифиза	27 (1)	—	—	21
2. Наибольшая ширина середины диафиза	15,1 (2)	12,2 (1)	14	14
3. Наименьшая ширина середины диафиза	13 (2)	12 (1)	11,5	12,8
4. Окружность середины диафиза	44 (2)	40 (1)	41	46
4а. Наименьшая окружность диафиза	36 (2)	30 (1)	28	31
4а:1 Указатель прочности	11,21 (1)	—	—	9,37
3:2 Указатель сечения	86,86 (2)	98,37 (1)	82,15	91,43
Реконструированные показатели пропорции и длины тела				
R1:H1 Луче-плечевой указатель	—	—	76,29	—
T1: F2 Берцово-бедренный указатель	82,05	—	—	—
H1+R1/F1+T1 Интермембральный указатель	—	—	—	—
H1+R1/F2+T1 Интермембральный указатель	—	—	—	—
H1:F2 Плече-бедренный указатель	—	—	73,29	72,12
R1:T1 Луче-берцовый указатель	—	—	—	—
C1:H2 Ключично-плечевой	—	—	47,04	46,13
Длина тела (по формуле К. Пирсона и А. Ли), см 81,306 + 1,880 × F 72,844 + 1,945 × F 78,664 + 2,376 × T	№ 1: 165,35	—	№ 3: 151,62	№ 3: 152,59
Длина тела (по формуле С. Дюпертюи и Д. Хэддена), см 55,021 + 2,540 × F (муж.) 54,235 + 2,98 × F (жен.) 72,123+2,614 × T (муж.)	№ 1: 168,56	№ 2: 158,26	№ 3: 177,99	№ 3: 176,42
Среднее значение длины тела, см	№ 1: 166,96 № 2: 159,6		№ 3: 164,66	

Рис. 4. Асимметрия ключиц, аксиса, атланты.

Fig. 4. Asimmetry of clavicles, axis, atlas.

Длинные кости посткраниального скелета мужчины № 1 имеют средние продольные размеры (табл. 4), и реконструируемая по ним длина тела (166,96 см при разбросе величин, рассчитанных по нескольким методам) является средней.

Наибольшая длина левой плечевой кости попадает в градацию средних размеров. Поперечный диаметр головки плечевой кости попадает в градацию очень больших размеров при среднем вертикальном. Указатель прочности соответствует категории больших величин. Наименьшая окружность диафиза левой локтевой кости большая. Верхняя часть правого диафиза локтевой кости характеризуется зуроленией. Бедренные кости по двум размерам длины относятся к категории среднелинных, окружность середины диафиза очень большая. Проксимальная часть диафиза характеризуется зуримерией (расширена). Массивность бедренных костей — сильная. На шейках бедренных костей, в области фасетки Пуаррье (Poirier's facet), фиксируется костный наплыв или налет (plaque) (рис. 5, 6).

Большеберцовые кости индивидов № 1 и 2 среднелинные, размеры наименьшей окружности большие (индивид № 1) и малые (индивид № 2). Большеберцовые кости характеризовались повышенной массивностью. По контуру сечения диафиза у индивида № 1 они зурикнемичны, у индивида № 2 они плати- (правая) и мезокнемичны (левая). У индивида № 2 наблюдаются дополнительные суставные площадки на нижней суставной поверхности больших берцовых костей.

Рис. 5. Степень развития мышечного рельефа, палеопатологии, графическая реконструкция индивида № 1.

Fig. 5. The development of muscle relief, paleopathology, graphical reconstruction of the individual No 1.

Длина тела индивида № 2, рассчитанная по мышечково-таранной длине большеберцовой кости, составила: 160,22 см (формула К. Пирсона и А. Ли), 158,98 см (формула С. Дюпертюи и Д. Хэддена). Таким образом, реконструированный рост индивида № 2 попадает в категорию ниже среднего. Osteological length of the right lower limb of individual No 1 (F2+T1: 801; F1+T1: 808; F2+f1: 666; F1+f1: 813) is within the range of the average limits of intergroup variation.

Рис. 6. Степень развития мышечного рельефа, палеопатологии, графическая реконструкция индивида № 3. Дефект осанки демонстрируется округлением спины. Искривление позвоночника не определяется в горизонтальном положении.

Fig. 6. The development of muscle relief, paleopathology, graphical reconstruction of the individual No 3. Defect posture is demonstrated by rounding the back. Rachiocampsis it undefined when in the horizontal position.

Индивид № 3. Ключицы довольно грацильны, наблюдается асимметрия: правая несколько длиннее левой (рис. 6, 1). Вырезка левой лопатки глубокая, и край ее образует приблизительно три четверти окружности (балл 3). Суставная впадина лопатки имеет грушевидную форму. Плечевые кости малой длины, наименьшая окружность диафиза характеризуется как очень малая. Указатель прочности — средний. Локтевые кости средней длины. Строение верхней части диафиза локтевой кости нормальное, сечение не имеет специализированной формы — эуроления. Лучевые кости небольшой длины, грацильные. Крестцовая кость гипобазальная (боковые части опущены кнаружу) (рис. 6, 3). Широко-высотный указатель попадает под рубрику платихерия.

Длина бедренной кости относится к категории малых величин. Окружность середины диафиза также малая. Указатель поперечного сечения верхней части диафиза характеризуется платимерией (уплощена). На шейках бедренных костей, в области фасетки Пуаррье, фиксируется костный наплыв. Надколенная чашка имеет форму широкого овала. На суставной поверхности (медиальных и латеральных частях) наблюдаются восемь фасеток. Границы между отдельными фасетками выражены достаточно отчетливо. Суставной гребешек (*crista glenoidalis*) развит сильно, форма последнего изогнута (рис. 6, 4). Величина луче-плечевого указателя свидетельствует о среднем соотношении длины плеча и пледплечья (мезатикеркия). Ширина плеч равняется 321,21, что характеризуется средней величиной. Отношение длины ключицы к длине плеча также оказалось средним. По плече-бедренному индексу соотношение плеча и бедра можно определить как выше среднего. Длина тела, рассчитанная по наибольшей длине бедренной кости, составила: 152,11 см (формула К. Пирсона и А. Ли), 177,21 см (формула С. Дюпертюи и Д. Хэддена). Таким образом, длина тела индивида была средней.

Развитие мышечного рельефа длинных костей

Результаты остеоскопического исследования макрорельефа длинных костей скелетов представлены в табл. 5.

Таблица 5

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей индивидов № 1 и 3

Table 5

Score characteristic relief development of long bones of individuals No 1 and No 3

Признак	♂		Суммарно	♀		Суммарно
	Правая	Левая		Правая	Левая	
Плечевая кость (Humerus)						
<i>Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris</i>	3	3	3	2,5	2,5	2,5
<i>Tuberositas deltoidea</i>	2,5	2	2,25	2	2,5	2,25
<i>Tuberculum majus, tuberculum minus</i>	3	2,5	2,75	2	2	2
<i>Margi lateralis, medialis et anterior</i> <i>Epicondili lateralis et medialis</i>	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5	2,5
<i>Средний балл</i>	2,75	2,5	2,63	2,25	2,38	2,32
Лучевая кость (Radius)						
<i>Tuberositas radii</i>	—	3?	3?	1,5	1,5	1,5
<i>Margo interossea</i>	—	—	—	2	—	2
Бороздки для сухожилий разгибателей	—	3	3	2	2	2
<i>Processus styloideus</i>	—	3	3	2	2	2
<i>Средний балл</i>	—	3	3	1,88	1,84	1,88
Локтевая кость (Ulna)						
<i>Margo interossea, margo posterior</i>	3	—	3	2	1,5	1,75
<i>Crista musculi supinatoris</i>	2,5	—	2,5	1,5	1,5	1,5
<i>Tuberositas ulnae</i>	3	—	3	2	2	2
<i>Средний балл</i>	2,84	—	2,84	1,84	1,67	1,75
Бедренная кость (Femur)						
<i>Trochanter major</i>	2	2?	2	1,5	2	1,75
<i>Trochanter minor</i>	3	3	3	1,5	2	1,75
<i>Tuberositas glutea</i>	3	3	3	2,5	2,5	2,5
<i>Linea aspera</i>	3	3	3	2,5	3	2,75
<i>Epicondili</i>	2,5	2,5	2,5	1,5	1,5	1,5
<i>Средний балл</i>	2,7	2,7	2,7	1,9	2,2	2,05
Большая берцовая кость (Tibia)						
<i>Tuberositas tibiae</i>	3	3	3	—	2	2
<i>Margo anterior, margo interossea</i>	2	2	2	—	2	2
<i>Linea m. solei, m. soleus</i>	3	3	3	2	2	2
Бороздки для сухожилий разгибателей	3	3	3	—	—	—
<i>Средний балл</i>	2,75	2,75	2,75	2	2	2
Малая берцовая кость (Fibula)						
Развитие краев	3	3	3	2,5	2,5	2,5

Индивид № 1. Область бугорка передней лестничной мышцы (*tuberculum m. scaleni anterioris*) правого ребра была истончена, вероятно, травмирована, а результат — костно-хрящевой экзостоз в зоне повреждения кости (рис. 5, 1). Истончение коркового слоя наблюдается и на левом I ребре (перпендикулярно). Подобные проявления на ребрах возможны, если индивиду приходится много и постоянно работать руками. В этом случае ключица сильно и постоянно давит на первое ребро, что и приводит к сужению апертуры (*thoracic outlet syndrome*). Вероятно, указанный участок кости постоянно испытывал чрезмерные физические нагрузки. Этим нагрузкам индивид подвергался с раннего детства, когда процесс роста костей еще не был завершен. Возможная причина — ношение тяжелого хурджина¹ (сумка, состоящая из двух частей (мешков), сотканная ковровой техникой) на плечах (рис. 5). Человек, несущий тяжелый груз через одно плечо, время от времени дает ему отдохнуть, перекладывая груз на другое плечо, пытаясь облегчить свою ношу.

О функциональной перегруженности мускулатуры пояса верхних конечностей свидетельствуют энтезопатии на ключицах в области прикрепления дельтовидной мышцы (*m. deltoideus*) и плечевых костях в области прикрепления сухожилий длинной головки двуглавой мышцы плеча (*caput longum m. biceps brachii*). Довольно хорошо развиты малый бугорок, межбугорковая борозда и дельтовидная бугристость (рис. 5, 2). Средние величины по этим признакам суммарно превышают нормальные значения (2,63). Ключичная часть дельтовидной мышцы поднимает плечо кверху и тянет его кнутри. Двуглавая мышца плеча сгибает предплечье и супинирует его (поворачивает кнаружи). На левой лучевой кости очень сильно развиты лучевые шероховатости, что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, т.е. участвующей в процессе поднимания тяжести. Правой локтевой кости присуще достаточно хорошее развитие дистального латерального гребня, к которому прикрепляется квадратный пронатор. Наблюдается также хорошее развитие латерального края нижнего конца лучевой кости, к которому также прикрепляется эта мышца.

Правый локтевой отросток сильно развит, наблюдаются множественные экзостозы (рис. 5, 3). Как известно, к олекранону прикрепляется общее сухожилие трехглавой мышцы (трицепс) плеча, являющейся разгибателем предплечья. Эта мышца расположена на задней стороне плеча, а ее сухожилие, минуя локтевой сустав над его капсулой, затем фиксируется к локтевому отростку. За счет длинной головки происходит движение руки назад и приведение руки к туловищу [Crouch, 1985]. Гиперостоз локтевого отростка может развиваться вследствие постоянных физических нагрузок при работах в карьере [Capasso et al., 1999, p. 78] или рубке леса [Dutour, 1986].

Очень хорошо развита ягодичная бугристость и шероховатая линия бедренных костей (рис. 5, 6), что свидетельствует о большой нагрузке на мышцы, сгибающие, разгибающие, приводящие и отводящие бедро, а также сгибающие и разгибающие голень. На бедренных костях сильно развита *linea aspera*, структура, образовавшаяся под влиянием многолетней верховой езды [Capasso et al., 1999].

На берцовых костях индивидов № 1 и 2 наблюдается усиление выраженности линии камбаловидной мышцы (*m. soleus*, часть трехглавой — в основном сгибает стопу, поднимает пятку). У индивидов в верхней части большеберцовых костей на месте прикрепления четырехглавой мышцы (*m. quadriceps femoris*) бедра сильно развита бугристость (*tuberositas tibiae*). Наблюдается остеохондропатия бугристости, или болезнь Шляттера (Осгуда — Шляттера), возникшая вследствие травм и больших физических нагрузок на колени [Khudaverdyan et al., 2016]. При физической активности, функциональных нагрузках мышцы бедра растягивают сухожилие четырехглавой мышцы, присоединяющей коленную чашечку к большеберцовой кости. Повторяющиеся нагрузки приводят к надрывам сухожилия от большеберцовой кости, что характерно для болезни Осгуда — Шляттера [Digangi et al., 2010]. У индивидов очень сильно развито место прикрепления короткой малоберцовой мышцы (*m. peroneus brevis*). Мышца поднимает латеральный край стопы и сгибает ее, а также участвует в опоре свода, поддерживая баланс стопы.

У *индивида № 1* на суставных поверхностях пяточной кости (*calcaneus*) фиксируются признаки энтезопатии (рис. 5, 9). На пяточном бугре (апофиз) фиксируются множественные экзостозы. Как известно, к бугру прикрепляется мощное (ахиллово) сухожилие трехглавой мышцы голени. На поверхности пяточной кости фиксируется большой очаг эрозии.

¹ Как приспособление для перемещения грузов она имела разновидности, зависевшие от объема и веса ноши, и предназначалась для человека, осла или лошади.

Индивид № 3. Несмотря на грацильность костей женского скелета, макрорельеф длинных костей не сильно понижен. Здесь также функционально перегружена мускулатура пояса верхних конечностей. Наблюдаются энтезопатии на ключицах в области прикрепления дельтовидной мышцы (*m. deltoideus*) и сильное развитие коноидной связки (*conoid ligament*) (рис. 6, 1). Хорошо развиты малый бугорок, межбугорковая борозда и дельтовидная бугристость. Средние величины по этим признакам суммарно превышают нормальные значения (2,32). Латеральный конец лопаточной кости, сочленяющийся с акромиальной суставной поверхностью ключицы, сильно истончен (с обеих сторон) (рис. 6, 2), вокруг сустава выявлены костные разрастания (остеофиты). Вероятно, акромиально-ключичное сочленение испытывало значительные нагрузки: подъем тяжестей при работе с поднятыми над головой руками [Stirland, 2005]. Возможно, женщина носила на плечах кувшин с водой. На лучевых костях лучше всего развиты бороздки и бугорки дистальной части задней поверхности, на локтевых — межкостный край, гребень супинатора и место прикрепления плечелучевой мышцы (*m. brachialis*).

На костях таза фиксируются следы значительных функциональных нагрузок на связки лонного сочленения. На местах прикрепления верхней (*ligamentum pubicum superius*) и дугообразной (*ligamentum arcuatum pubis*) связок лобка сформировались признаки энтезопатии. На суставных поверхностях лобковых костей (*symphysis pubica*), в частности на левой, выражены участки лизиса костной ткани в виде округлых отверстий диаметром 1–2 мм (рис. 6, 7). Причиной их возникновения может быть лобковый симфизит, являющийся частью многокомпонентного ARS-синдрома (*adductor, rectus, symphysis*) — патологического состояния сухожильно-мышечного комплекса вследствие длительных однотипных нагрузок, связанных с асимметричным сокращением приводящих мышц бедер (*m. adductor longus et (or) brevis, m. gracilis*) и дистальной части прямой мышцы живота (*m. rectus abdominis*). Подобные изменения лобковых костей наблюдаются при беременности или после родов. Вероятность развития симфизита наблюдается и у индивидов, имеющих патологию костей и суставов. К травматизации может приводить походка, требующая наклона тела вперед при фиксации голени в прямом или согнутом положении.

На боковых частях первого крестцового позвонка выявлены костные разрастания (остеофиты) (рис. 6, 3). Это реакция компенсаторного типа, защита от увеличивающихся нагрузок.

Бедренные кости отличаются выраженной шероховатой линией и выступанием над поверхностью; сильно развита *linea aspera* (рис. 6, 6), структура, образовавшаяся под влиянием многолетней верховой езды [Capasso et al., 1999]. Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (*m. soleus*, часть трехглавой — в основном сгибает стопу, поднимает пятку), развит хорошо.

Таким образом, мужчины и женщина в процессе жизнедеятельности в той или иной степени занимались тяжелым физическим трудом. Об этом также свидетельствуют некоторые палеопатологические проявления на костях скелета.

Палеопатология²

Периостит — реакция костной ткани на большой круг патогенных причин — фиксируется у всех исследованных индивидов (№ 1–4) (рис. 5, 7; 7). Анемические синдромы, инфекции, воспаления травматического происхождения являются причиной периостита.

Дегенеративно-дистрофические поражения костно-суставного аппарата наблюдались у взрослых индивидов (№ 1–3). Эти многочисленные и разнообразные поражения возникли в результате хронической перегрузки (суммация микротравм) в сочетании с врожденной или приобретенной неполноценностью костно-суставного аппарата в целом или одного из его звеньев. Практически все кости посткраниального скелета характеризуются наличием остеопороза концевых отделов длинных костей. Вероятно, это связано с недостатком в рационе питания витаминов, нехваткой в окружающей среде кальция, йода и, как следствие, недостаточностью функционирования щитовидной железы. Дегенеративные изменения межпозвоночных дисков сопровождаются изменениями в телах позвонков. Все подобные костные разрастания, костные наплывы (остеофиты), окостенения являются признаками своевременного старения или ускоренного, следовательно, уже патологического изнашивания суставных хрящей и межпозвоночных дисков.

---

² Небольшой отчет о находках был опубликован в декабрьском номере информационного бюллетеня палеопатологической ассоциации [Khudaverdyan, 2017].

Рис. 7. Периостит (индивид № 4).

Fig. 7. Periostitis (individual No 4).

Были обнаружены хрящевые узлы (грыжи Шморля) на позвонках грудного отдела (Т8–Т11) (рис. 8) и дегенеративно-дистрофические изменения височно-нижнечелюстного сустава (остеоартроз) (индивид № 1). Хрящевые грыжи формируются при значительных компрессионных нагрузках на позвоночник преимущественно в период роста. Наблюдается центральное расположение межпозвоночных грыж. Остеоартроз височно-нижнечелюстных суставов является неспецифическим маркером механической перегрузки зубочелюстного аппарата, связан с возрастным стиранием и прижизненной утратой зубов, а также с пародонтозом.

Зафиксирована непреднамеренная *затылочно-теменная деформация* колыбельного типа (индивиды № 1 и 3). Затылочно-теменная деформация находится в прямой зависимости от особенностей устройства колыбели, уплощенность формируется на первом году жизни под воздействием колыбельной стенки, соприкасающейся с теменем и затылком.

Рис. 8. Грыжи Шморля, остеофиты (индивид № 1).

Fig. 8. Schmorl's Nodes, osteophytes (individual No 1).

Рис. 9. Символическая трепанация (индивид № 3).

Fig. 9. Symbolic trepanation (individual No 3).

На лобной и теменных костях фиксируются множественные зажившие порезы острым предметом. Размеры повреждений от 3 до 32 мм. Одни порезы глубокие, другие слегка нарушают поверхность черепа. В традиционной интерпретации эти повреждения связывались с травмами. Однако с учетом того, что у индивидов № 1 и 3 множественные линейные надрезы на лобной (рис. 9) и теменных костях локализованы на одном горизонтальном уровне с двух сторон, можно отнести их к разряду символической трепанации. Символическими трепанациями принято называть поверхностные манипуляции на своде черепа [Медникова, 2001]. Расположение шрамов на лобной кости, на наш взгляд, говорит не о насильственном характере травм, а о преднамеренном нанесении рубцов на строго определенные участки черепа. Следует отметить, что символическая трепанация на территории Армянского нагорья фиксируется с эпохи поздней бронзы (могильник Лчашен, Карашамб) [Худавердян, 2015; Khudaverdyan, 2010].

Экзостозы — костные и хрящевые разрастания неопухолового типа на поверхности костей — были зафиксированы у взрослых индивидов (№ 1: на правой лопатке (рис. 5, 5), на правом нижнем эпифизе большой берцовой кости, на правом верхнем эпифизе с внутренней стороны и внешней, на правой таранной кости, на зубовидном отростке второго шейного позвонка; № 2: на верхних и нижних эпифизах большеберцовых костей; № 3: на левой бедренной, безымянных костях, на верхних боковых поверхностях крестцовой кости и на нижнем эпифизе левой плечевой кости). Причинами формирования экзостоза могут быть воспалительный процесс, ушиб, ущемление, аномалии надкостницы и хряща.

Остеома — доброкачественная опухоль — может возникнуть после тяжелой травмы, инфекционного поражения и т.д. Очень плотные образования с гладкой поверхностью по своей структуре ничем не отличаются от нормальной костной ткани. Остеомы обнаружены на правой теменной кости (6х6 мм, индивид № 3) и на левой лопатке (5х4,8 мм, индивид № 1) (рис. 5, 4).

У индивида № 1 наиболее уязвимыми для *криогенного стресса* были надбровные дуги, надпереносье и наружный слуховой проход. В ушных каналах выявлены остеофитные образования (экзостозы). Поражение (типа *stibra*) и оссеофитные образования в области наружных слуховых проходов обнаружены и у индивида № 3. Появление экзостозов связывается с напряжением надкостницы и воздействием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале [Standen et al., 1997].

У двух индивидов (№ 1, 3) фиксируются показатели пищевого стресса — *зубной камень* и *верхне- и нижнечелюстные валики* (*torus palatinus*, *torus mandibularis*). Образование зубного камня в немалой степени связано с особенностями диеты. Отложение зубного камня зависит от pH слюны и усиливается при высоком уровне потребления белков вследствие увеличения во всех тканевых жидкостях концентрации мочевины [Lieverse, 1999], а также от абразивных свойств пищи, которые варьируются в очень широком диапазоне в зависимости от способов обработки и приготовления. Верхне- и нижнечелюстные валики рассматриваются как своеобразные контрфорсы, появляющиеся в результате механических нагрузок на корни зубов. К первоочередным факторам, активирующим рост челюстных экзостозов, относят жевательную гиперфункцию. У индивидов № 1 и 3 выраженность торусов (ореховидное вздутие) слабая (балл 1).

Индивид № 1. Фиксируется плагиоцефалия (гр. *πλάγιος* — косой и *κεφαλή* — голова), асимметрия правосторонняя, без синостоза черепных швов (рис. 2).

Один из интереснейших аспектов изучения костных останков данного индивида — выявление характера травматизма на скелете. Обнаруженные травмы черепа отличаются не только сравнительно большим числом, но и тем, что часть из них нанесена при прямой агрессии в область лица.

1. Зафиксирована трещина (5,5 мм) на левой стороне носовых костей (рис. 10, 1). Следы воспалительного процесса отсутствуют.

2. Выявлены травма верхней челюсти, прижизненная утрата верхних правых медиального и латерального резцов, а также разломы альвеолярного края с внешней поверхности в области вышеуказанных зубов (рис. 2).

3. Отмечена травма лобной кости над правой орбитой (рис. 10, 2). При анализе повреждения отчетливо видны следы зажившего воспалительного процесса. Дефект овальной формы (5х3 мм), фиксируется образование костной мозоли.

4. На правой скуловой кости наблюдается вдавленный перелом, затронувший только наружную пластинку компактного вещества (рис. 10, 3). Повреждение овальной формы 15,5х7 мм.

5. На правой стороне лобной кости фиксируется округлый вдавленный перелом (16х17 мм). По всей видимости, это заживший след травмы, полученной при ударе тупым предметом.

Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения)

В указанных случаях ранения, скорее всего, были получены в результате ударов спереди.

6. На правой теменной кости видна давняя зажившая травма округлой формы (5,5×5 мм), нанесенная тупым предметом (рис. 11).

7. Там же, в 30 мм от первого дефекта, обнаружено проникающее в полость черепа отверстие (размеры 5×8×7,8×7,2 мм). Такое искаженной формы отверстие могло образоваться от удара стрелы под углом (или же при изъятии стрелы из черепа). Скорее всего, травма была получена, когда человек находился в движении, например бежал. Внутри и вокруг повреждения фиксируются признаки воспаления костной ткани с последующим излечением. Исключительно благоприятное разрешение ранения указывает на то, что индивиду оказывали своевременную квалифицированную медицинскую помощь. Мы допускаем, что в области отверстия рану прижигали каленым железом и замазали ее воском [Варданян, 1982]. Индивид прожил после травмы около года [Galloway, 1999, p. 250–252].

Рис. 10. Травмы черепа (индивид № 1).

Fig. 10. Injuries skull (individual No 1).

Рис. 11. Проникающие ранения со следами заживления, вдавленный перелом (индивид № 1).

Fig. 11. Penetrating wound with traces of healing, depressed fracture (individual No 1).

Рис. 12. Переломы ребер (индивид № 1).

Fig. 12. Fractures of the ribs (individual No 1).

Обнаружены следы консолидированных переломов правых шестого и седьмого ребер (рис. 12, 2, 3). Как известно, причиной перелома ребер вблизи угла может стать прямой удар в область ребер или сдавление грудной клетки [Sheridan, 2004, p. 301]. Мы не исключаем, что удар нанес-

ли с большой силой индивиду, лежащему на животе лицом вниз. Третье левое ребро также пострадало (рис. 12, 1). Если грудь сдавливается в боковом направлении, происходит перелом спереди или сзади. Одной из причин перелома можно считать падение (вероятно, с лошади) или прямой удар в область грудной клетки.

На дистальной стороне правой малоберцовой кости наблюдается перелом (или Потта перелом) в результате скручивания лодыжки (рис. 13). При подворачивании стопы кнаружи происходит резкое натяжение дельтовидной связки голеностопного сустава, которая отрывает внутреннюю лодыжку. Смещающаяся таранная кость давит на наружную лодыжку, что ведет к перелому. На рентгенограмме в переднезадней проекции виден косой перелом.

Характер локализации вышеперечисленных травм указывает на то, что все они были получены в разное время и задолго до смерти.

Наблюдаются специфические изменения на верхней внутренней поверхности левой глазницы (*cribra orbitalia*). Указанный признак выражен слабо (балл 1), что может быть проявлением локального воспалительного процесса в организме [Wapler et al., 2004].

Рис. 13. Потта перелом (индивид №1).

Fig. 13. Pott's fracture (individual No 1).

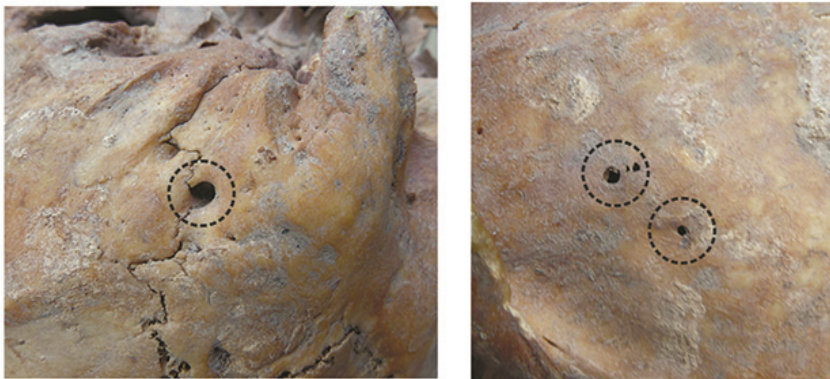

Рис. 14. Воспаление среднего уха (индивид № 1).

Fig. 14. Infection of the middle ear (individual No 1).

Периапикальный (апикальный) абсцесс был обнаружен у корня правого второго премоляра верхней челюсти (рис. 2). Это результат острого протекания воспаления тканей, окружающих верхушку зуба. Причинами заболевания могут быть травма (в частности, перелом зуба), инфекционное заболевание (например, кариес) или проникновение инфекции через пульпозную полость вследствие сильной стертости жевательной поверхности.

На черепе мужчины также есть свидетельство *воспаления среднего уха* (отит), болезни одного или нескольких отделов ушной полости, которая вызвана попаданием внутрь инфекции. Наблюдаются одна крупная клоака в области левого затылочно-сосцевидного шва и три небольшие отверстия на левой височной кости (рис. 14). Когда гнойный отит переходит на ткани

Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения)

мозга, могут воспалиться оболочки мозга (менингит), развиваться абсцесс головного мозга и другие заболевания с возможным летальным исходом [Stanievich et al., 1981; Rosen et al., 1986]. Мы полагаем, что индивид скончался от общего заражения крови, наступившего при активном некротическом процессе с проникновением инфекции в полость черепа.

Индивид № 3. На черепе зафиксированы следы пяти травматических повреждений.

1. Обнаружено повреждение носовых костей (рис. 15, 2), характерное для удара тупым предметом. Травма получена от удара справа, т.е. женщина, пытаясь уклониться, отступила чуть назад и влево.

2. Прижизненная травма обнаружена на правой стороне лобной кости, в области лобного бугра. Размер дефекта 4×4 мм.

3–4. На правой теменной кости выявлены следы двух травм (3×2; 3×1,5 мм), нанесенных острым предметом (рис. 15, 1). Присутствуют следы заживления костной ткани.

5. На левой стороне затылочной кости фиксируется давняя зажившая травма (5,5×2,5 мм), нанесенная, вероятно, тупым предметом (рис. 15, 3). Заживление прошло благополучно, хотя был локальный воспалительный процесс.

У индивида фиксируются рахитические изменения костей (rachis). Болезнь поражает растущие кости, и первые симптомы ее проявляются в возрасте 6 мес. — 3 года. Как известно, хронический дефицит витамина D (кальциферола) приводит к нарушению поступления фосфора и кальция в костную и хрящевую ткани. В результате этого происходят необратимые изменения в образовании и минерализации костей, что и становится причиной рахита. У индивида обнаружены множественные изменения скелета: асимметрия черепа, искривление трубчатых костей (малоберцовые кости) (рис. 16), асимметрия позвонков (рис. 17).

Рис. 15. Травмы черепа (индивид № 3).

Fig. 15. Injuries skull (individual No 3).

Рис. 16. Рахитические изменения малоберцовых костей (индивид № 3).

Fig. 16. Rickets changes of the fibula (the individual No 3).

Подобное изменение формы мозгового черепа возможно под влиянием патологических факторов (рис. 3). На малоберцовых костях — чрезмерно вогнуты латеральные поверхности

(рис. 16). Во всех отделах позвоночного столба отмечаются не характерные для столь молодого возраста значительные проявления дегенеративно-дистрофических заболеваний (рис. 17). Зафиксированные патологии являются последствиями чрезмерных компрессионных нагрузок на позвоночник.

В позвоночных каналах грудных позвонков (Т4, Т6, Т8) зафиксированы шипы (рис. 18), которые могли привести к развитию компрессии нервных корешков и спинного мозга. Длина шипов более 3 мм (стадия 4) [Villette, 2006]. Корни дужек позвонков и фасеточные (межпозвонковые) суставы деформированы и асимметричны (рис. 17). Наблюдаются также отклонения линии остистых отростков. Перенесенный в раннем возрасте рахит и тяжелый физический труд привели к нарушению осанки, стойким деформациям грудной клетки и ног. Как известно, асимметрия исчезает при горизонтальном положении и при наклоне вперед. Наклон таза при этом дефекте осанки незначителен. В положении активной осанки (стоя ровно) исправляется патологическая поза, исчезает боковое искривление позвоночника, восстанавливается взаимная перпендикулярность трех основных плоскостей тела. В грудном отделе может быть небольшое боковое искривление позвоночника, которое, однако, не определяется в горизонтальном положении.

Рис. 17. Асимметрия позвонков, дегенеративно-дистрофические поражения (индивид № 3).

Fig. 17. Asymmetry of the vertebrae, degenerative-dystrophic lesions (individual No 3).

У индивида также выявлены туберкулезные очаги (рис. 18). Туберкулез костей возникает гематогенным метастатическим путем, в результате переноса микобактерий туберкулеза из первичного комплекса (т.е. первичного очага), расположенного в легком или в каком-нибудь другом органе, или же, наиболее часто,— из лимфатических узлов. Поражения локализируются в телах грудных позвонков (туберкулезный спондилит). Туберкулезный спондилит — наиболее тяжелое специфическое заболевание скелета. Оно может явиться результатом инфицирования не только микробациллой типа *humanus*, но и палочкой бычьего туберкулеза.

Рис. 18. Шипы в позвоночных каналах грудных позвонков (Т6), туберкулез (индивид № 3).

Fig. 18. Spines in the vertebral canals of the thoracic vertebrae (T6), tuberculosis (individual No 3).

Индивид № 4. На рентгенограммах больших берцовых костей выявлен маркер физиологического стресса (линии Гарриса) (рис. 19), свидетельствующий о задержке ростовых процессов в детском возрасте вследствие длительных голодовок или перенесенных заболеваний.

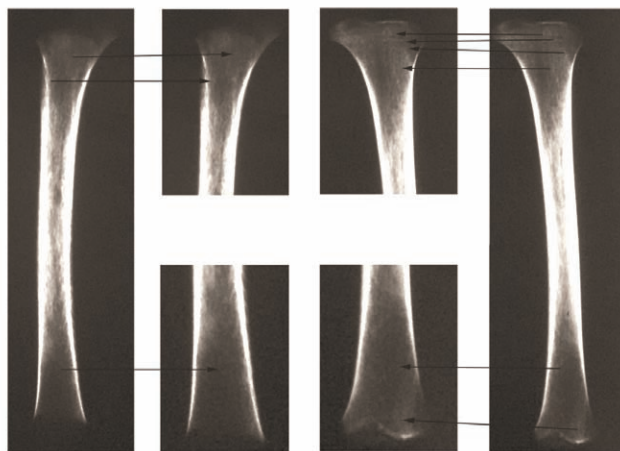

Рис. 19. Линии Гарриса (индивид № 4).

Fig. 19. Harris lines (individual No 4).

Общие выводы

Комплексное исследование материалов из пещеры Зарни Эр и подобных ей памятников предполагает объединение усилий специалистов различных научных направлений (исторических, медицинских, биологических) для реконструирования антропологических особенностей, состояние здоровья и жизнедеятельности — в нашем случае индивидов XIV–XVI вв. из Лорийской провинции Армении. Исследованные скелетные останки происходят от четырех субъектов различного пола и возраста. Индивид № 1 характеризуется крупными размерами брахикранной черепной коробки, средневысоким, широким лицом. Реконструированный рост мужчины составляет 166,96 см и попадает в категорию среднего. По характеру травм, зафиксированных на костях свода черепа и посткраниального скелета, можно предположить, что они являются свидетельством военных событий в жизни общества. Индивиду присуща хорошо развитая мускулатура, он систематически подвергался сильным физическим нагрузкам, ездил верхом на лошади. Как уже было указано выше, гиперостоз локтевого отростка (рис. 5, 3) может развиваться вследствие постоянных физических нагрузок при работах в карьере [Capasso et al., 1999, p. 78] или рубке леса [Dutour, 1986]. Мы допускаем, что индивид с ранних лет работал на горнодобывающем промысле. Разработка полезных ископаемых в провинции Лори началась с эпохи ранней бронзы. Уже в III тыс. до н.э. в Лори существовала развитая первобытная металлургия [Gevorgyan, Bobokhyan, 2014]. Область очень богата полезными ископаемыми.

Индивид № 3 характеризуется средними размерами мезокранной черепной коробки, невысоким, среднешироким лицом. Реконструированный рост женщины составляет 164,7 см и попадает в категорию среднего. Данный индивид также регулярно подвергался чрезмерным физическим нагрузкам. Несмотря на проблемы с позвоночником и тазом женщина носила тяжелый сосуд с водой на плече. У женщины очень хорошо развиты *linea aspera* (рис. 6, 6), структура, образовавшаяся под влиянием многолетней верховой езды [Capasso et al., 1999], а также ягодичная бугристость.

Распределение некоторых генетически детерминированных (дискретно-варьирующихся) признаков позволяет допустить наличие определенных родственных связей между индивидами (№ 1 и 3)³. Девять из девятнадцати изученных дискретно-варьирующихся маркеров встречаются у обоих индивидов (*foramina supraorbitalia*, *foramina zygomaticofacialia*, *foramina mastoidea*, *canalis condyloideus*, *sutura incisiva*, *processus frontalis squamae temporalis*, *stenocrotaphia* (H-образной формы), *torus palatines*, *torus mandibularis*).

Длина тела индивида № 2 составила 159,6 см и попадает в категорию ниже среднего.

³ Анализ высоковариабельных STR-локусов и гена амелогенина пока не производился.

Детальное палеоантропологическое изучение останков из необычных погребений пещеры Зарни Эр в контексте позднесредневековой культуры в целом и конкретной ситуации погребения позволило получить результаты, имеющие отношение к особенностям устройства данного общества. В летописных источниках Аристакеся Ластивертци [Повествование..., 1968] сообщается о существовании в этот период в Армении тондракитской секты. Религиозное движение тондракийцев возникло в 830-е гг. севернее оз. Ван, в районе горы Тондрак, в Западной Армении. Движение не только охватило области Западной Армении (Тарон, Мананали, Харк), но и распространилось в X в. на территории Восточной Армении (Ширак, Лори, Сюник, Арарат). Тондракийцы были сторонниками имущественного равенства, равноправия мужчин и женщин. Они отрицали бессмертие души, загробную жизнь, церковь и ее феодальные права. В их общины были вовлечены также отдельные представители знати и женщины. Участвовавшие в движении простые люди были заинтересованы в ликвидации феодальной эксплуатации вообще, а представители низшего духовенства и мелкого дворянства, защищая свои частные интересы, стремились к ограничению прав высокопоставленных светских и духовных феодалов. Движение тондракийцев было далеко не мирным. Они постоянно подбивали податное население на мятежи против знати и Армянской церкви. С середины XI в. начинаются жестокие расправы против тондракийцев, разрушают их центры, казнят и преследуют участников движения. Мы допускаем, что индивиды, погребенные в пещере Зарни Эр, могли быть привержанцами гностической секты. Вероятно, они укрывались от преследования в труднодоступных местах ущелья р. Дебед. Согласно апостольским традициям, сектантов не разрешали хоронить на общем кладбище, вероятно, поэтому их погребли в пещере Зарни Эр. Результаты комплексных исследований показывают, что рассмотренный палеоантропологический материал представляет собой уникальный источник для реконструкции событий прошлого.

Благодарности

Авторы благодарят организатора, руководителя работ по восстановлению и расчистке памятника Зарни Эр Р.А. Месробяна, предоставившего материалы для исследования. Особую благодарность хочется выразить директору Института археологии и этнографии НАН РА акад. П.С. Аветисяну за поддержку при выполнении данной работы. Авторы выражают глубокую признательность директору терапевтического отделения Республиканского медицинского центра «Армения» А.Р. Давтяну за помощь и сотрудничество в проведении медицинской экспертизы, а также сотрудникам Института археологии и этнографии НАН РА А.В. Галстян за сканирование и обработку иллюстраций и художнику А.Е. Саакян за графическую иллюстрацию к работе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексеев В.П.* Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: (Методика антропологических исследований). М.: Наука, 1964. 128 с.
- Варданян С.А.* Медицина в древней и средневековой Армении. Ереван: Советакан грох, 1982. 59 с.
- Зубов А.А.* Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // Проблемы эволюции человека и его рас. М., 1968а. С. 5–122.
- Зубов А.А.* Одонтология: (Методика антропологических исследований). М.: Наука, 1968b. 199 с.
- Зубов А.А.* Методическое пособие по антропологическому анализу одонтологических материалов. М., 2006. 72 с.
- Медникова М.Б.* Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Мовсисян А.А., Мамонова Н.Н., Рычков Ю.Г.* Программа и методика исследования аномалий черепа // Вопросы антропологии. 1975. Вып. 51. С. 127–150.
- Повествование* вардапета Аристакеся Ластивертци. М.: Наука, 1968. Пер. с древнеарм. (Памятники письменности Востока; 15).
- Синева И.М.* Определение половой принадлежности в палеоантропологических исследованиях костей верхней и нижней конечности: Дис. ... канд. биол. наук. М., 2013. 185 с.
- Ражев Д.И.* Погрешность измерения длинных костей и реконструкция ширины плеч // Вестник антропологии. 2003. Вып. 10. С. 198–203.
- Рогинский Я.Я., Левин М.Г.* Антропология. М.: Высш. шк., 1978. 528 с.
- Худавердян А.Ю.* Трепанированные черепа из погребений эпохи поздней бронзы и раннего железного века с территории Армении // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 115–127.

Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения)

- Федосова В.Н.* Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным: (Остеологическая методика) // Вопросы антропология. 1986. Вып. 76. С. 105–116.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H.* Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series. 44. Fayetteville, 1994. 218 p.
- Capasso L., Kennedy K., Wilczak C.* Atlas of occupational markers on human remains. Teramo: Edigrafital S.P.A., 1999. 183 p.
- Digangi E., Bethard J., Sullivan L.* Differential diagnosis of cartilagenous dysplasia and probable Osgood-Schlatter's disease in a Mississippian individual from Tennessee // Intern. Journal of Osteoarchaeology. 2010. Vol. 20. P. 424–442.
- Galloway A.* Broken bones: Anthropological analysis of blunt force trauma. Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, Ltd., 1999. 371 p.
- Gevorgyan A., Bobokhyan A.* Metallurgy of ancient Armenia in cultural and historical context // Journal of Armenian Studies. 2014. 1. P. 47–98.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G.* Indications of stress from bones and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. N. Y.: Acad. Press, 1984. P. 13–49.
- Khudaverdyan A.Yu.* Pattern of disease in II millennium BC — I millennium BC burial from Lchashen, Armenia // Anthropologie (Brno). 2010. Vol. XLVIII/3. P. 239–254.
- Khudaverdyan A.Yu.* Excavation of Zarni Er cave, Armenia: Preliminary results and future directions // Paleopathology Newsletter. 2017. № 180. P. 23–24.
- Khudaverdyan A.Yu., Khachatryan H.H., Eganyan L.G.* Multiple trauma in a horse rider from the Late Iron Age cemetery at Shirakavan, Armenia // Bioarchaeology of the Near East. 2016. № 10. P. 47–67
- Lieverse A.R.* Diet and the Aetiology of Dental Calculus // Intern. Journal of Osteoarchaeology. 1999. Vol. 9. P. 219–232.
- Rosen A., Ophir D., Marshak G.* Acute Mastoiditis: A Review of 69 Cases // Annals of Otolaryngology, Rhinology and Laryngology. 1986. № 95. P. 222–224.
- Sheridan R.L.* The trauma handbook of the Massachusetts General Hospital. Philadelphia: Lippincott Williams & Wilkins, 2004. 800 c.
- Standen V., Arriaza B.T., Santoro C.M.* External auditory Exostosis in Prehistoric Chilean Populations: A Test of the Cold Water Hypothesis // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 1997. Vol. 103. P. 119–129.
- Stanievich, J.F., Bluestone C.D., Lima J.A., Michaels R.H., Rohn D., Efron M.Z.* Microbiology of Chronic and Recurrent Otitis Media with Effusion in Young Infants // Intern. Journal of Pediatric Otorhinolaryngology. 1981. № 3. P. 137–143.
- Stirling A.* Human remains. Before the Mast: Life and Death aboard the Mary Rose // The Archaeology of the Mary Rose 4. Portsmouth, 2005. P. 516–544.
- Villotte S.* Connaissances médicales actuelles, cotation des enthésopathies: nouvelle method // Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris. 2006. T. 18. № 1–2. P. 65–85.
- Wapler U., Crubézy E., Schultz M.* Is Cribra Orbitalia Synonymous With Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan // Amer. Journal of Phys. Anthropology. 2004. Vol. 123. P. 333–339.

A.Yu. Khudaverdyan*, A.A. Engibaryan**, A.A. Hovhannisyan***, S.G. Hobosyan*

*Institute of Archaeology and Ethnography of the National Academy of Sciences
of the Republic of Armenia
Charents st., 15, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
E-mail: ankhudaverdyan@gmail.com;
suren.hobosyan@mail.ru

**Yerevan Mkhitar Heratsi State Medical University
Koryun st., 2, Yerevan, 0025, Republic of Armenia
E-mail: ripmatev@mail.ru

***«Armenia» Republican Medical Center
Margaryan st., 6, Yerevan, 0078, Republic of Armenia
E-mail: rouben.davtyan@gmail.com

A COMPREHENSIVE STUDY OF THE 14th–16th CENTURIES ANTHROPOLOGICAL MATERIALS FROM THE ZARNI ER CAVE (ARMENIA)

Newly excavated materials from the Zarni Er cave (village of Hakhpata) have allowed the anthropological composition of the Late Middle Age (XIV–XVI centuries) inhabitants of Armenia to be characterized for the first time. Two burials were discovered in the Zarni Er cave. In Burial 1, the skeletal remains of two individuals were recovered. They belonged to a subadult, whose age-at-death is estimated to be between 5–6 years, and to a middle-adult male. In Burial 2, the skeletal remains of two more individuals were discovered: those of a young adult fe-

male and of an adult male. The burials were found adjacent to a medieval wine press. On the basis of anthropological and paleopathological data, the physical features and disease pathology of the bones were analysed. The traces of unintentional head (occipital) deformation were found on the skulls, which is supposed to be associated with social-domestic conditions. Some crania are found to display traumatic lesions, with most such fractures being located on the front of the head and its sides (on the frontal and parietal bones). In addition, several well-healed fractures were observed, including facial and rib ones. A left fibula found in Burial 1 showed a healed fracture at its distal end. The degree of the muscular relief development points to a considerable physical activity associated with labour. Some signs of enthesopathy, which disorder had previously been noted in horse riders, were discovered at the proximal end of the individuals' femora. In two skeletons, the femora featured strongly developed lineas aspera in conjunction with the pronounced areas of the insertion of all three gluteal muscles, in particular of the gluteus minimus and gluteus medius on the greater trochanter. Harris lines, or growth arrest lines, are clearly seen on the X-ray images of the tibial bone diaphyses. Some skeletal and dental markers, such as the frequencies of alveolar bone disease, cribra orbitalia, periostitis and Schmorl's nodes, might be indicative of relatively poor living conditions (inadequate diet, occurrence of subadult anaemia and infectious diseases, extremely hard physical labour) in the Lori province, most probably due to a dramatic worsening of the political situation in Armenia at that time. The remains are believed to be those of the adherents of an anti-feudal, heretical Christian sect — Tondrakians — that flourished in the medieval Armenia. It is likely that the Tondrakian followers took refuge from persecution in the Zarni Er cave. The Tondrakian movement primarily had a social character and was used as a tool for class warfare. Many regions of Armenia were undergoing peasant uprisings, which first began in the form of open social protests, eventually adopting religious aspects.

Key words: Armenia, Middle Ages, Cave Zarni Er, craniology, odontology, osteology, paleopathology, Tondrakians (Christian sect).

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-093-117

REFERENCES

- Alekseev V.P. (1966). *Osteometry: Methods of anthropological investigations*, Moscow: Nauka, 251 p.
- Alekseev V.P., Debets G.F. (1964). *Craniometry: Methods of anthropological investigations*, Moscow: Nauka, 128 p.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. (1994). *Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series, 44*, Fayetteville, 218 p.
- Capasso L., Kennedy K., Wilczak C. (1999). *Atlas of occupational markers on human remains*, Teramo: Edigrafital S.P.A., 183 p.
- Digangi E., Bethard J., Sullivan L. (2010). Differential diagnosis of cartilagenous dysplasia and probable Osgood-Schlatter's disease in a Mississippian individual from Tennessee. *International Journal of Osteoarchaeology*, (20), 424–442.
- Galloway A. (1999). *Broken bones: Anthropological analysis of blunt force trauma*, Springfield, Illinois: Charles C. Thomas Publisher, Ltd., 371 p.
- Gevorgyan A., Bobokhyan A. (2014). Metallurgy of ancient Armenia in cultural and historical context. *Journal of Armenian Studies*, (1), 47–98.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G. (1984). Indications of stress from bones and teeth. *Paleopathology at the origins of agriculture*, New York: Acad. Press, 13–49.
- Fedosova V.N. (1986). A general assessment of the development of a mesomorphic component in osteologic data (osteoscopic method). *Voprosy antropologii*, (76), 105–116.
- Khudaverdyan A.Yu. (2010). Pattern of disease in II millennium BC — I millennium BC burial from Lchashen, Armenia. *Anthropologie (Brno)*, XLVIII/3, 239–254.
- Khudaverdyan A.Yu. (2015). Trephined crania from burial sites of late Bronze Age and early Iron Age from the territory of Armenia. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (2 (29)), 115–127.
- Khudaverdyan A.Yu. (2017). Excavation of Zarni Er cave, Armenia: Preliminary results and future directions. *Paleopathology Newsletter*, (180), 23–24.
- Khudaverdyan A.Yu., Khachatryan H.H., Eganyan L.G. (2016). Multiple trauma in a horse rider from the Late Iron Age cemetery at Shirakavan, Armenia. *Bioarchaeology of the Near East*, (10), 47–67
- Lieverse A.R. (1999). Diet and the Aetiology of Dental Calculus. *International Journal of Osteoarchaeology*, (9), 219–232.
- Mednikova M.B. (2001). *Trepanation among the ancient peoples of Eurasia*, Moscow: Scientific world, 304 p.
- Movsesyan A.A., Mamonova N.N., Richkov Yu.G. (1975). A program and methodology of study of skull abnormalities. *Voprosy antropologii*, (51), 127–150.
- Razhev D.I. (2003). The error in measuring long bones and reconstructing the width of the shoulders. *Vestnik antropologii*, (10), 198–203.
- Roginskii Y.Y., Levin M.G. (1978). *Anthropology*, Moscow: Vysshaya shkola, 528 p.
- Rosen A., Ophir D., Marshak G. (1986). Acute Mastoiditis: A Review of 69 Cases. *Annals of Otolaryngology and Rhinology*, (95), 222–224.

Комплексное исследование антропологических материалов XIV–XVI вв. из пещеры Зарни Эр (Армения)

Sheridan R.L. (2004). *The trauma handbook of the Massachusetts General Hospital*, Philadelphia: Lippincott Williams & Wilkins, 800 p.

Standen V., Arriaza B.T., Santoro C.M. (1997). External auditory Exostosis in Prehistoric Chilean Populations: A Test of the Cold Water Hypothesis. *American Journal of Physical Anthropology*, (103), 119–129.

Stanievich J.F., Bluestone C.D., Lima J.A., Michaels R.H., Rohn D., Efron M.Z. (1981). Microbiology of Chronic and Recurrent Otitis Media with Effusion in Young Infants. *International Journal of Pediatric Otorhinolaryngology*, (3), 137–143.

Stirland A. (2005). Human remains. Before the Mast: Life and Death aboard the Mary Rose. *The Archaeology of the Mary Rose 4*, Portsmouth, 516–544.

Vardanyan S.A. (1982). *Medicine in ancient and medieval Armenia*, Yerevan: Sovetakan grogh, 59 p.

Villotte S., (2006). Connaissances médicales actuelles, cotation des enthésopathies: Nouvelle method. *Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris, n.s.*, (18 (1–2)), 65–85.

Wapler U., Crubezy E., Schultz M. (2004). Is Cribra Orbitalia Synonymous with Anemia? Analysis and Interpretation of Cranial Pathology in Sudan. *American Journal of Physical Anthropology*, (123), 333–339.

Zubov A.A. (1968a). Some odontological data regarding the problem of evolution of man and his races. *Problemy evoliutsii cheloveka i ego ras*, Moscow, 5–122.

Zubov A.A. (1968b). *Odontology: (Methods of anthropological investigations)*, Moscow: Nauka, 199 p.

Zubov A.A. (2006). *A methodological manual on anthropological analysis of odontological materials*, Moscow, 72 p.

ЭТНОЛОГИЯ

И.А. Виноградов

Институт языкознания РАН
Б. Кисловский пер., 1/12, Москва, 125009
E-mail: igor.vinogradov@iling-ran.ru

РИТУАЛЫ ЖЕРТВЕННЫХ ПОДНОШЕНИЙ У ИНДЕЙЦЕВ МАЙЯ ПОКОМЧИ

Представлено краткое этнографическое описание традиционных ритуалов, в ходе которых индейцы покомчи (языковая семья майя, Гватемала) делают жертвенные подношения божествам и силам природы. Данные ритуалы рассматриваются в контексте общемайяской практики проведения подобных церемоний. Особое внимание уделяется процессу подготовки алтаря и особенностям ритуального языка, на котором шаманы покомчи обращаются с просьбами к сверхъестественным силам.

Ключевые слова: покомчи, майя, ритуальный язык, жертвенные подношения, Гватемала.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-118-127

Введение

Народ покомчи проживает в Гватемале, в основном в департаменте Альта-Верапас, а также в двух соседних департаментах: Баха-Верапас и Эль-Киче. На данный момент насчитывается около 70 000 человек, говорящих на языке покомчи [Richards, 2003, p. 72]; при этом людей, считающих себя принадлежащими к этносу покомчи, но не являющимися носителями языка, может быть больше. Жертвенные подношения — важный элемент повседневной жизни для определенной части сообщества покомчи. В обмен на подношения люди могут попросить у божеств и духов природы все, чего им не хватает в жизни: например, здоровья, финансового благополучия, безопасной дороги, успехов в учебе или удачного замужества. Согласно верованиям, правильно проведенный ритуал является необходимым условием для того, чтобы озвученные желания сбылись, если помыслы человека чисты.

Адресатом жертвенных подношений выступает не конкретный единый бог, а совокупность божественных сил. Она включает как видимые природные объекты и явления (земля, холмы, свет, тьма и т.п.), которые представляются одушевленными, так и невидимые элементы — например, души умерших предков. Традиционное для народов Мезоамерики понятие об устройстве мира, таким образом, радикально отличается от иудейско-христианской концепции, в которой бог обособлен от видимого окружающего мира [Monaghan, 2000, с. 26].

Центральной фигурой любого ритуала покомчи является шаман или «духовный проводник» (по-исп. «guía espiritual»), как они сами себя называют. Именно он отвечает за успех ритуальной коммуникации между обычными людьми и божествами. Если совершается небольшой ритуал только для конкретного человека или для конкретной семьи и близких друзей, им может руководить один шаман; в случае же больших ритуалов, в которых может принимать участие все локальное сообщество, шаманов бывает несколько. Тогда они вместе готовят алтарь, но при обращении к духам каждый шаман действует сам по себе.

Вопрос, насколько корректно называть шаманами ритуальных специалистов у покомчи и у других групп майя, остается открытым [Bell, 2012, p. 68–69]. Соответствующий термин на покомчи — *ajq'ij*. Это слово состоит из корня *q'ij* 'день, солнце' и агентивного префикса *aj-*, который обозначает деятеля. Очевидно, наиболее близким его переводом был бы термин «календарный специалист» (в англоязычной литературе часто используется слово «daykeeper»). С одной стороны, термин подчеркивает, что эти люди хорошо знакомы с ритуальным календарем, но с другой стороны, он непрозрачен, так как скрывает реальную роль, которую эти люди играют в обществе, — роль посредников между обычными людьми и божественными силами. Вместо термина «шаман» иногда используется словосочетание «ритуальный специалист».

Ритуалы жертвенных подношений у индейцев майя покомчи

В данной статье дается краткая характеристика двух наиболее важных этапов ритуала жертвенных подношений у современных индейцев покомчи: подготовка алтаря и общение с духами. Кроме того, рассматриваются наиболее существенные особенности ритуального языка и его отличия от разговорного покомчи. Статья основана на материале, собранном автором во время экспедиций в Гватемалу в июле и сентябре — ноябре 2017 г.¹ Анализируется материал трех ритуалов, проведенных тремя разными шаманами в разных местах: в ущелье Рамча неподалеку от д. Тампо (муниципалитет Тактик, Альта-Верапас), в пещере Читуль рядом с г. Санта-Крус-Верапас (Альта-Верапас) и в д. Пахуиль (муниципалитет Белеху, Эль-Киче). Ранее ритуалы жертвенных подношений у покомчи систематически не изучались, поэтому статья опирается на результаты этнографических исследований аналогичных церемоний у народов киче [Bunzel, 1952; Tedlock, 1992] и какчикель [Bell, 2012; Deuss, 2007; Scott, 2009] — двух других этносов майя, родственных покомчи.

Подготовка алтаря

День для проведения церемонии выбирается заранее на основании 260-дневного ритуального календаря (иногда его называют «цолькин», на юкатекский манер), который играл важную роль в жизни народов Мезоамерики еще в доколониальную эпоху [Edmonson, 1988; Tedlock, 1982, p. 269]. Этот календарь состоит из 20 «месяцев», каждый из которых управляется определенным *нагуалем* и включает в себя 13 дней. Нагуаль — одно из ключевых понятий традиционных культур Мезоамерики, обычно он определяется как «дух» или «душа», но также включает в себя идею альтер-эго или «двойника» человека, который может покинуть его тело [Hull, 2003, p. 69]. В календарном контексте нагуаль может пониматься как дух-покровитель определенного временного отрезка, а также как дух — защитник людей, родившихся в определенный день 260-дневного календаря [De la Garza, 1987]. В зависимости от цели церемонии шаман определяет, в день под управлением какого нагуаля ее лучше всего проводить. Числа также имеют значение: например, считается, что чем больше номер дня, тем сильнее у него энергетика, причем у четных номеров энергетика положительная, а у нечетных — отрицательная. Определенные подношения и ритуалы могут помочь подавить негативную энергию и превратить ее в положительную.

Церемонии жертвенных подношений проводятся в местах, считающихся у покомчи священными и «заряженными» особой энергией. Такими местами могут быть, например, вершины определенных холмов, пещеры или ущелья в скалах. Любая церемония начинается с очищения места для алтаря. Шаман тщательно убирает золу, которая могла остаться после предыдущих ритуалов. Место для алтаря очищается не только физически, но и духовно: табачный дым от сигар, выкуриваемых шаманом, и ликер (обычно это алкогольный напиток, известный в Гватемале как «agua florida»), который он разбрызгивает вокруг будущего алтаря, призваны отпугнуть злых духов и удалить негативную энергию [Gabriel, 2007, p. 174].

Шаман начинает конструировать алтарь с того, что рисует на земле специальный узор с помощью сахарного песка. Обычно сахар рассыпается по окружности, внутри которой рисуется равносторонний крест, а в каждом из четырех получившихся секторов может быть прорисован новый узор из крестов и окружностей. Размер окружности зависит от количества участников церемонии и количества подношений. Иногда рисунок сахаром имитирует иероглиф майя, обозначающий день календаря, в который проводится ритуал [Scott, 2009, p. 99]. Основой алтаря служит *копал* — древесная смола, имеющая специфический запах и хорошо горящая (рис. 1). Смола является одним из основных подношений духам, забирающим ее посредством огня. Существуют разные виды копала, различающиеся как конкретным видом дерева, из которого они получены, так и формой сгустка, цветом, размером и наличием определенных добавок (например, фрагментов листьев того же дерева) [Charman, 1986; Tripplett, 1999].

Важным атрибутом алтаря являются свечи. Используются свечи разного размера (толстые и тонкие) и разного цвета. Большие толстые свечи белого, желтого, красного и черного цвета ставятся по краям алтаря в соответствии с четырьмя сторонами света: белый цвет символизирует север, желтый — юг, красный — восток, а черный — запад. Эта цветовая символика сторон света характерна не только для культуры покомчи, но и для других народов майя [Сое, 1965, p. 99–100; Leon-Portilla, 2003, p. 131], а также большинства народов Мезоамерики и аме-

¹ Полевые исследования в Гватемале были осуществлены благодаря финансовой поддержке фонда антропологических исследований «Firebird» (проект «Документирование ритуальных дискурсов на кеччи и покомчи»).

риканского Юго-Запада. Длинные толстые свечи зеленого и синего цвета ставятся в центр, таким образом обозначая вертикальную ось алтаря. Чтобы свечи не падали, иногда их укрепляют сверху на плоский кусочек смолы. Маленькие и тонкие свечи белого, желтого, красного и черного цветов кладут горизонтально по направлению от соответствующей стороны света к центру алтаря. Маленькие свечи зеленого и синего цвета прислоняют к двум большим свечам, стоящим в центре. По краю алтаря могут быть разложены цветочные лепестки. Цветы обычно приносят на место проведения ритуала целыми, и лепестки обрываются непосредственно перед церемонией. Цветочные лепестки также сортируются в соответствии с четырьмя основными цветами (темно-красный цвет в этом случае заменяет черный) и точно так же, как и свечи, раскладываются в соответствии со сторонами света.

Рис. 1. Копал, купленный на рынке в г. Санта-Мария-Каабон. Фото автора.

Fig. 1. Copal from the market in Santa Maria Cahabon. Photo by the author.

Сверху на свечи могут класть другие подношения: это, например, сигары, корица, булочки хлеба, поленья. Жидкие подношения (например, какао или пиво) не добавляют непосредственно в алтарь, а опрыскивают ими землю вокруг него. Некоторая часть поленьев и копала может быть оставлена на краю алтаря, чтобы потом их можно было добавить в огонь при необходимости (рис. 2). Кроме того, в ходе коммуникационного этапа ритуала участники бросают в огонь дополнительные свечи, что также способствует поддержанию огня.

Рис. 2. Алтарь на церемонии в пещере Читуль (Санта-Крус-Верapas, Гватемала)
Фото Лингвистического сообщества покомчи.

Fig. 2. Altar at the ceremony in the cave Chitul (Santa Cruz Verapaz, Guatemala).
Photo by the Poqomchi' Linguistic Community.

Ритуалы жертвенных подношений у индейцев майя покомчи

Каждый ритуал уникален, и соответственно уникален каждый конкретный алтарь. Существуют лишь общие правила организации алтаря, которых придерживается большинство шаманов, но при этом детали, касающиеся как набора и количества подношений, так и их взаимного расположения, могут существенно варьироваться [Scott, 2009, p. 104].

«Коммуникационный» этап церемонии

Принцип ситуативности, заключающийся в том, что каждый ритуал индивидуален, а каких-либо строгих канонов, предписывающих проводить его именно так, а не иначе, не существует, распространяется не только на процесс подготовки алтаря, но и на коммуникационный этап ритуала. Хотя стиль обращения к духам и содержание речи шамана, несомненно, подчиняется определенным правилам, заранее подготовленного текста, который бы шаманы могли воспроизводить по памяти или читать по бумаге, не существует. Во время проведения ритуала шаман в основном импровизирует исходя из особенностей конкретной ситуации [Hanks, 1984, p. 147].

Коммуникация с духами начинается в тот момент, когда шаман поджигает алтарь. Шаман обращается к ним на покомчи, хотя некоторые фрагменты ритуального дискурса могут произноситься и на испанском языке. Шаман приветствует силы окружающей природы (пример 1)² и священное место, в котором проводится церемония, и просит простить его самого и участников церемонии за грехи. Шаман просит у духов природы и божеств разрешения вступить с ними в контакт и объясняет цель визита. Нередко эти приветствия повторяются четырежды, каждый раз при обращении к одной из четырех сторон света. Значимость горизонтального деления пространства именно на четыре части подчеркивается и организацией алтаря, как отмечалось выше, а та же самая идея деления мироздания на четыре части при его формировании отражена в эпосе майя-киче «Пополь-Вух» [Leon-Portilla, 2003, p. 131].

(1) k'aleen aweh okb'al i q'iij okb'al i saqum
«Здравствуй, начало дня, начало белизны».

В начале церемонии шаман упоминает географические объекты, играющие важную роль в культуре покомчи (пример 2). Это могут быть как названия расположенных поблизости холмов и деревень, откуда пришли участники ритуала, так и крупные современные города на территории Гватемалы (например, Момостенанго, Сакапа или Кобан). Помимо населенных пунктов могут упоминаться названия вулканов, холмов, рек, озер — любых объектов окружающего мира. Упоминаются также названия древних городов майя, причем расположенных как в Гватемале, так и за ее пределами (Паленке, Копан, Чичен-Ица, Яшчилан). Произнесение шаманом названия конкретного географического объекта служит призывом для духов этого места к присутствию на церемонии. Эта же черта характерна и для ритуалов у других народов майя: например, у киче [Bunzel, 1952, p. 266]. Это свидетельствует о том, что покомчи мыслят себя не обособленной этнической группой, а составной частью как общегватемальского, так и общемайяского культурного пласта.

(2) k'aleen aweh Chohool yuuq' Chohool k'ixkaab' / k'aleen aweh Paat Ab'aj Chi Ixim
«Здравствуй, холм Чохоль, долина Чохоль, здравствуй, Пат-Абах, Чи-Ишим».

Переходя к конкретным прошениям, шаманы представляют силам природы участников ритуала, часто упоминая их имена, род занятий и конкретную проблему, которую они надеются решить с помощью жертвенного подношения. В некоторых случаях шаман взывает к душам умерших родственников, как бы приглашая их тоже к месту проведения ритуала [Scott, 2009, p. 106].

Во второй части церемонии шаман по очереди обращается к 20 нагуалям, каждый раз пересчитывая по порядку все 13 календарных дней, которым они покровительствуют. Если ритуал проводится несколькими шаманами одновременно, перечисление 13 дней каждого нагуаля — это те редкие моменты, когда шаманы говорят в унисон. Обычно к ним присоединяются и участники церемонии. После того как нагуаль приглашен к ритуальному костру, люди могут у него

---

² Здесь и далее все примеры взяты из аудиозаписей церемоний жертвенных подношений, собранных автором во время экспедиций в Гватемалу. Транскрипция была сделана при помощи Майрона Орландо Пакая Бука — носителя языка покомчи из д. Вачпак (муниципалитет Тактик), за что автор выражает ему сердечную признательность. Запись текста на покомчи дается в современной орфографии, разработанной Гватемальской академией языков майя. Символ «/» обозначает непродолжительную паузу. В качестве перевода предлагается максимально близкий русский аналог оригинального текста на покомчи.

что-либо попросить. Каждый нагуаль несет ответственность за определенную область жизни. Например, нагуаль Нох считается покровителем мудрости и учения, а нагуаль Цикин — денег и богатства. Поэтому пожелания, связанные с успехами в обучении, адресуются нагуалю Ноху (пример 3), а пожелания успехов в бизнесе и финансового благополучия — нагуалю Цикину.

(3) chatoob'ej taqeh jaruub' estudiante ajnawal No'j
«Помоги всем учащимся, нагуаль Нох».

Люди, которые родились в день под покровительством соответствующего нагуаля, при упоминании его имени обычно выходят из рядов наблюдателей и совершают несколько кругов вокруг ритуального костра. Движение вокруг костра неизменно происходит против часовой стрелки, поскольку движение в обратную сторону призывает негативную энергию. Движение по часовой стрелке практикуется только при проведении черных обрядов.

Единственным говорящим во время ритуального речевого акта является шаман (или шаманы, если их несколько). Шаман может цитировать прошения людей, используя при этом как прямую, так и косвенную речь, а может озвучивать групповые прошения в первом лице множественного числа. Обычные люди иногда могут пытаться имитировать речь шаманов и обращаться к духам напрямую, но ответственными за успех коммуникационного акта в любом случае являются шаманы. Интересно отметить, что при этом шаманы покомчи не произносят слов от лица духов; иначе говоря, в рамках ритуального речевого акта осуществляется лишь односторонняя коммуникация: от людей к божествам, но не обратно. В этом отличие шаманов покомчи от шаманов в некоторых других культурах [Lewis, 2003]. Они не являются «одержимыми» духами, как воспринимаются, например, шаманы у народов Азии [Balzer, 1990].

Ответы божественных сил природы на прошения покомчи невербальны. Шаман считывает их с ритуального огня при помощи специального посоха, которым он время от времени помещивает в костре (рис. 3). Если языки пламени спиралевидны и поднимаются высоко вверх по посоху, это значит, что духи довольны подношениями, и можно ожидать, что озвученные желания исполнятся [Molesky-Poz, 2006, p. 163].

Рис. 3. Группа шаманов после проведения ритуала в пещере Читуль.
Фото Лингвистического сообщества покомчи.

Fig. 3. A group of shamans after a ritual in the cave Chitul. Photo by the Poqomchi' Linguistic Community.

Длительность коммуникационного этапа зависит от количества участников церемонии и наличия специфических пожеланий к божественным силам. Небольшой частный ритуал обычно длится около 40 или 50 мин, тогда как большой ритуал с несколькими шаманами и большим количеством участников может занимать до двух часов. Время от времени коммуникация с духами может сопровождаться поцелуем священного места (например, земли или отвеса скалы) и выкуриванием табака. Эти ритуальные действия совершают не только шаманы, но и обычные люди, принимающие участие в церемонии. Ритуал завершается, когда все жертвенные подношения сожжены, а просьбы к силам спиритического мира озвучены. В заключение шаман благодарит духов природы, духов предков и нагуалей за то, что они присутствовали на церемонии

и выслушали прошения, с которыми к ним пришли люди, а участники на прощание обнимаются и обмениваются рукопожатиями.

Особенности ритуального языка

Современная культура майя отличается высокой степенью религиозного синкретизма. Начиная с первых лет после конкисты традиционные майяские верования подверглись активному влиянию католической доктрины [Koechert, Pfeiler, 2013]. За более чем пять столетий совместного существования отношения между этими двумя религиозными направлениями успели пережить несколько переходов от полного взаимного неприятия до мирного сосуществования и обратно [Watanabe, 1992]. Результатом этого длительного взаимного влияния стал синкретизм, который проявляется как в том, что христианской традиции в Гватемале присущи определенные черты доколумбовых верований, так и в том, что традиционные ритуалы демонстрируют ряд католических черт.

Черты религиозного синкретизма присущи, в частности, и ритуальному языку покомчи. Например, шаманы из д. Пахуиль при проведении церемоний жертвенных подношений упоминают Иисуса Христа и некоторых католических святых в числе духов и божеств, к которым они обращаются (пример 4). В некоторых случаях обращение направлено к Святой Троице, а в молитву на покомчи добавляются испаноязычные вставки — например, апелляции к святому кресту («*santísima cruz*») или текст молитвы «Отче наш» на испанском языке.

(4) *hat qajaaw Jesus / chab'an bendecir keh*
«Ты, наш отец Иисус, благослови их».

Интересным проявлением религиозного синкретизма является использование слова *johtoq* при обращении к духам природы (пример 5). Это так называемая дирекциональная частица, которая употребляется при глаголе и указывает направление вверх (она производна от глагола *johtik* 'подниматься').

(5) *inqat'yoxej johtoq aweh*
«Мы благодарим тебя».

Как было отмечено в предыдущем разделе, в традиционном мировоззрении покомчи вся окружающая природа одушевлена, и, обращаясь к духам природы, шаман теоретически может направлять свои слова в любом направлении, не обязательно вверх. В католической же традиции, напротив, Бог находится на небесах, и адресоваться к нему логично по направлению вверх — именно так, как это делает шаман в примере (5).

Помимо католических святых и библейских персонажей шаманы также упоминают персонажей эпоса киче «Пополь-Вух» [Molesky-Poz, 2006, p. 46]. Этот текст считается у многих гватемальских шаманов, даже не принадлежащих к этносу киче, своеобразным источником доиспанской мудрости [Bell, 2012, p. 80]. Легендарные герои «Пополь-Вух» рассматриваются наравне с силами природы и духами предков, которые способны положительно повлиять на жизнь людей, участвующих в ритуальных подношениях. Так, например, шаман покомчи из г. Тактик во время одной из церемоний упоминает следующих персонажей: Тепеу и Кукумац (Боги — творители мира), Шпийакок и Шмукане (божественные шаманы и провидцы), Хун Хунахпу и Вукуб Хунахпу (сыновья Шпийакок и Шмукане, любители игры в мяч) и Ишкик (девушка, которая приближается к запретному дереву, разговаривает с черепом Хун Хунахпу и беременеет от его слюны). Шаман покомчи из д. Пахуиль также упоминает персонажей «Пополь-Вух» по имени Балам-Киче и Балам-Акаб — первых людей и прародителей народов киче [Christenson, 2003; Tedlock, 1985].

Ритуальный дискурс шаманов покомчи почти полностью состоит из семантически и синтаксически параллельных конструкций. Это явление обычно называется параллелизмом; оно широко известно среди специалистов по дискурсу майя [Bricker, 1974; Hull, 2017; Lengyel, 1988; Monod Vecquelin, Vecqueu, 2008]. Его суть заключается в том, что одна и та же синтаксическая конструкция повторяется дважды, при этом во второй итерации один из ее элементов (обычно слово, реже отдельная морфема или целое словосочетание) заменяется другим, так или иначе связанным по смыслу с параллельным элементом в первой итерации (пример 6). Такая пара слов называется семантическим дуплетом.

(6) *pan ri'sil i yuuq' pan ri'sil i k'ixkaab' / wilik chaloq awak'uun xchaal q'oroq chi achii' chi awach*
«У холмов, у долин, твои сыновья пришли сюда говорить перед твоим ртом, перед твоим лицом».

Пример (6) иллюстрирует два синтаксических параллелизма («у холмов»/«у долин» и «перед твоим ртом»/«перед твоим лицом») и соответственно два семантических дуплета. В первом случае повторяется фрагмент «*rap ri'sil i...*», а изменяется существительное, следующее за определенным артиклем: *yuuq'* 'холм'/'*k'ixkaab'* 'долина'. Во втором случае повторяется предлог *chi* и посессивный префикс второго лица *a-*, а меняется только корневой элемент: *chii'* 'рот'/'*wach* 'лицо'. Как видно на этом примере, семантические отношения между словами в параллельных конструкциях могут быть различными [Bricker, 1974, p. 371]. Это могут быть антонимы (как в первом параллелизме из примера 6), синонимы различной степени близости (как во втором параллелизме) или, например, слово на покомчи и его аналог, заимствованный из испанского языка (как пара слов *aansil* и *fuerza* в примере 7).

(7) *chayeew chaloq i aansil chayeew chaloq i fuerza*
«Дай [нам] силу, дай [нам] силу».

Иногда параллельную структуру могут иметь не две следующие друг за другом конструкции, а три; в таких случаях говорят о семантических триплетях (пример 8).

(8) *ma' qojakanaa' chi rupaam i pajarik chi rupaam i ti' chi rupaam i k'axik*
«Ты не оставляй нас в препятствиях, в боли, в трудностях».

В примере (8) все три слова — «препятствие», «боль» и «трудность» — связаны отношением частичной синонимии и встроены в синтаксически параллельные конструкции. Параллелизмы считаются характерной особенностью ритуального языка не только у различных народов майя, но и для мезоамериканского региона в целом [Montes de Oca, 2008].

Поскольку значительную часть ритуального речевого акта занимают просьбы, неудивительно, что в речи шаманов часто используются оптативные формы глагола. В покомчи оптативное значение грамматически выражается с помощью глагольного префикса *ch-* (пример 9).

(9) *chakuu chasahch numahk*
«Прости, забудь (букв. "потеряй") мою вину».

В том же оптативном значении может использоваться и другая форма глагола — аналитическая конструкция со вспомогательным предикатом *na* или *naak*, которая в дескриптивных грамматиках обычно трактуется как «потенциальный аспект» [Mó Isém, 2006, p. 173–176] (пример 10).

(10) *na awisam chu'nchel i ti' / na awisam chu'nchel i k'axik*
«Убери всю боль, убери все трудности».

Фраза (10) в ходе обычного разговора была бы понята как констатация некоторого действия, которое должно совершиться в будущем: «Ты убереешь всю боль». Однако в контексте ритуала жертвенного подношения глагольная словоформа меняет свое значение и служит для выражения просьбы.

Заключение

У ритуалов жертвенных подношений, которые практикуются индейцами покомчи, есть ряд явных сходств с аналогичными ритуалами у других групп майя, прежде всего у киче и какчикелей. Это касается как конкретных этнографических деталей (основополагающая роль 260-дневного календаря, применение свечей шести основных цветов при возведении алтаря, конкретные материалы, использующиеся в качестве подношений), так и лингвистических особенностей языка, на котором шаман доносит просьбы людей до божеств. Ряд сходств прослеживается и с ритуальными подношениями у других народов майя, более отдаленных от покомчи. Так, например, обязательное перечисление нагуалей и управляемых ими дней характерно и ритуального дискурса на языке ишиль [García, 2014, p. 675]. Высокая степень синкретизма и ряд лингвистических особенностей, таких как использование параллелизмов и особые референциальные свойства категории лица, свойственны также ритуальным дискурсам на цоциле и юкатекском майя [Hanks, 1984, 1990; Naviland, 2000; Köhler, 2009; Vogt, 1976].

Важно иметь в виду, что этнографические и лингвистические различия ритуалов могут быть обусловлены не только принадлежностью практикующих их людей к конкретному языковому сообществу, но и, например, конечной целью ритуала (см. классификацию майяских ритуалов: [Иванов, Колесников, 2006]). Выше были рассмотрены «неспециализированные» ритуалы жерт-

Ритуалы жертвенных подношений у индейцев майя покомчи

венных подношений, проводимые без заранее определенной цели сразу для группы человек, каждый из которых приходит с собственными просьбами к сверхъестественным силам. Но, например, целебный ритуал, призванный вылечить конкретного пациента, может отличаться от аграрного ритуала, проводимого перед посевом кукурузы или перед сбором урожая, а также от ритуала инаугурации нового жилища. На эти различия, например, обращают внимание исследователи языка и культуры кекчи [Adams, Brady, 1994, p. 175–176; Wilson, 1999, p. 66]. На сегодняшний день доступно слишком мало информации о ритуалах покомчи, чтобы можно было делать аргументированные выводы; данная работа — лишь первый шаг на пути этнографического описания ритуальных практик у этой группы индейцев майя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Иванов В.П., Колесников С.С. К вопросу о классификации религиозно-обрядовой практики в культуре древних майя // Вестник ТГУ. 2006. № 1 (41). С. 5–10.

Adams A., Brady J.E. Etnografía Q'eqchi' de los ritos en cuevas: Implicaciones para la interpretación arqueológica // VII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1993. Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología, 1994. P. 174–181.

Balzer M.M. Shamanic worlds: Rituals and lore of Siberia and Central Asia. N. Y.: M.E. Sharpe, 1990. 197 p.

Bell E.R. Sacred inheritance: Cultural resistance and contemporary Kaqchikel-Maya spiritual practices: Ph.D. Diss. Ohio State University, 2012. 285 p.

Bricker V.R. The ethnographic context of some traditional Mayan speech genres // Explorations in the ethnography of speaking. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. P. 368–388.

Bunzel R. Chichicastenango, a Guatemalan village. Seattle: University of Washington Press, 1952. 446 p.

Chapman A.M. Los hijos del copal y la candela. Vol. 1: Tradición católica de los lencas de Honduras; Vol. 2: Ritos agrarios y tradición oral de los lencas de Honduras. Mexico City: Universidad Nacional Autónoma de México, 1986. 300 p.

Christenson A.J. Popol Vuh: The sacred book of the Maya. Norman: University of Oklahoma Press, 2003. 329 p.

Coe M.D. A model of ancient community structure in the Maya Lowlands // Southwestern Journal of Anthropology. 1965. Vol. 21 (2). P. 97–114.

De la Garza M. Naguales mayas de ayer y de hoy // Revista Española de Antropología Americana. 1987. Vol. XVII. P. 89–105.

Deuss K. Shamans, witches and Maya priests: Native religion and ritual in Highland Guatemala. L.: Guatemalan Maya Centre, 2007. 334 p.

Edmonson M.S. The book of the year: Middle American calendrical systems. Salt Lake City: University of Utah Press, 1988. 313 p.

Gabriel M. El uso ritual de alcohol, tabaco, cacao e incienso en las ceremonias agrarias de los mayas yucatecos contemporáneos // Estudios de Cultura Maya. 2007. Vol. 29. P. 155–184.

García M.L. The long count of historical memory: Ixhil Maya ceremonial speech in Guatemala // American Ethnologist. 2014. Vol. 41 (4). P. 664–680.

Hanks W.F. Sanctification, structure, and experience in a Yucatec ritual event // The Journal of American Folklore. 1984. Vol. 97 (384). P. 131–166.

Hanks W.F. Referential practice: Language and lived space among the Maya. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 581 p.

Haviland J.B. Warding off witches: Voicing and dialogue in Zinacantec prayer // Les rituels du dialogue: Promenades ethnolinguistiques en terres amerindiennes. P.: Société d'ethnologie, 2000. P. 367–400.

Hull K. Verbal art and performance in Ch'orti' and Maya hieroglyphic writing: Ph.D. Diss. University of Texas at Austin, 2003. 674 p.

Hull K. The language of gods: The pragmatics of bilingual parallelism in ritual Ch'orti' Maya discourse // Oral Tradition. 2017. Vol. 31 (2). P. 293–312.

Koehler A., Pfeiler B. Maintenance of Kaqchikel ritual speech in the confraternities of San Juan Sacatepéquez, Guatemala // International Journal of the Sociology of Language. 2013. Vol. 220. P. 127–149.

Köhler U. Discursos ceremoniales tzotziles: Una joya poco estudiada // Estudios de Cultura Maya. 2009. Vol. 33. P. 121–133.

Lengyel T.E. On the structure and discourse functions of semantic couplets in Mayan languages // Anthropological Linguistics. 1988. Vol. 30 (1). P. 94–127.

Leon-Portilla M. Tiempo y realidad en el pensamiento maya. Mexico City: Universidad Nacional Autónoma de México, 2003. 219 p.

Lewis I.M. Ecstatic religion: A study of shamanism and spirit possession. L.; N. Y.: Routledge, 2003. 209 p.

Mó Isém R. Fonología y morfología del Poqomchi' occidental. Tesis de licenciatura. Universidad Rafael Landívar, Guatemala, 2006. 369 p.

И.А. Виноградов

- Molesky-Poz J.* Contemporary Maya spirituality: The ancient ways are not lost. Austin: University of Texas Press, 2006. 201 p.
- Monaghan J.D.* Ethnology: Supplement to the handbook of Middle American Indians. Austin: University of Texas Press, 2000. Vol. 6. 340 p.
- Monod Becquelin A., Becquey C.* De las unidades paralelísticas en las tradiciones orales mayas // Estudios de Cultura Maya. 2008. Vol. 32. P. 111–153.
- Montes de Oca M.* Los difrasismos: Un rasgo del lenguaje ritual // Estudios de Cultura Nahuatl. 2008. Vol. 39. P. 225–238.
- Richards M.* Atlas lingüístico de Guatemala. Guatemala: Serviprensa, 2003. 133 p.
- Scott A.M.* Communicating with the sacred earthscape: An ethnoarchaeological investigation of Kaqchikel Maya ceremonies in Highland Guatemala: Ph.D. Diss. University of Texas at Austin, 2009. 227 p.
- Tedlock B.* Sound texture and metaphor in Quiche Maya ritual language // Current Anthropology. 1982. Vol. 23 (3). P. 269–272.
- Tedlock D.* Popul Vuh: The definitive edition of the Mayan book of the dawn of life and the glories of gods and kings. N. Y.: Simon and Schuster, 1985. 380 p.
- Tedlock B.* Time and the Highland Maya. Revised edition. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1992. 295 p.
- Tripplett K.J.* The ethnobotany of plant resins in the Maya cultural region of Southern Mexico and Central America: Ph.D. Diss. University of Texas at Austin, 1999. 710 p.
- Vogt E.Z.* Tortillas for the Gods: A symbolic analysis of Zinacantan ritual. Cambridge: Harvard University Press, 1976. 234 p.
- Watanabe J.M.* Maya saints and souls in a changing world. Austin: University of Texas Press, 1992. 296 p.
- Wilson R.* Resurgimiento maya en Guatemala (experiencias Q'eqchi'es). Antigua Guatemala: Centro de Investigaciones Regionales de Mesoamérica, 1999. 271 p.

I.A. Vinogradov

Institute of Linguistics RAS
B. Kislovsky Ln., 1/12, Moscow, 125009, Russian Federation
E-mail: igor.vinogradov@iling-ran.ru

OFFERING RITUALS AMONG POQOMCHI'-MAYA

This paper provides an ethnographic description of traditional ceremonies, during which the Poqomchi' people (Mayan language family, Guatemala) make offerings to supernatural spirits and natural forces. Poqomchi' rituals have not received sufficient research attention yet; this accounts for the relevance of the topic. These ceremonies are analysed against a general background of Mayan ritual practices. Special attention is paid to the process of altar preparation and to the peculiarities of the ritual language within which Poqomchi' spiritual guides make requests to their divine authorities. The study considers burning rituals during which the Poqomchi' ritual specialists collect the offerings and place them on the altar in a specific way. Then they light it with fire so that the flames transfer the offerings to the world of supernatural spirits and forces. While the fire is burning, ritual specialists invoke the deities, inviting them to the ceremonial place and bringing to their notice the petitions of the humans. A special discursive genre, different from an everyday language, is used for this ritual communication between the two worlds. The paper also describes some basic notions and concepts of Mayan spirituality, such as the 260-day ritual calendar, nahual, copal resin, daykeeper (or shaman), colour symbolism and interpretation of colours in terms of the four cardinal directions, among others. The most of them are shared with other ethnic and language communities in the Guatemalan Highlands. It is shown that some of the properties of the Poqomchi' ritual language, such as the abundant use of semantic and syntactic parallelism (couplets) and different kinds of borrowings from Spanish as manifestation of religious syncretism, have been observed in other Mayan languages and in the Mesoamerican area in general. Other linguistic properties, such as the use of future or potential verb forms in the optative sense, seem to be more language-specific. The article is based on the fieldwork data obtained by the author in 2017 (with the financial support from the Firebird Foundation for Anthropological Research). The working corpus comprises three offering ceremonies, recorded in different places of the Poqomchi'-speaking area (Santa Cruz Verapaz, Tactic and Pajuil) and with different spiritual guides performing.

Key words: Poqomchi', Maya, ritual language, offering ceremonies, Guatemala.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-118-127

REFERENCES

- Adams A., Brady J.E. (1994). Etnografía Q'eqchi' de los ritos en cuevas: Implicaciones para la interpretación arqueológica. *VII Simposio de Investigaciones Arqueológicas en Guatemala, 1993*, Guatemala: Museo Nacional de Arqueología y Etnología, 174–181.
- Balzer M.M. (1990). *Shamanic worlds: Rituals and lore of Siberia and Central Asia*, New York: Sharpe, 197 p.

Ритуалы жертвенных подношений у индейцев майя покомчи

- Bricker V.R. (1974). The ethnographic context of some traditional Mayan speech genres. *Explorations in the ethnography of speaking*, Cambridge: Cambridge University Press, 368–388.
- Bunzel R. (1952). *Chichicastenango, a Guatemalan village*, Seattle: University of Washington Press, 446 p.
- Chapman A.M. (1986). *Los hijos del copal y la candelera. Vol. 1: Tradición católica de los lenkas de Honduras; 2: Ritos agrarios y tradición oral de los lenkas de Honduras*, Mexico City: Universidad Nacional Autónoma de México, 300 p.
- Christenson A.J. (2003). *Popol Vuh: The sacred book of the Maya*, Norman: University of Oklahoma Press, 329 p.
- Coe M.D. (1965). A model of ancient community structure in the Maya Lowlands. *Southwestern Journal of Anthropology*, (21 (2)), 97–114.
- De la Garza M. (1987). Naguales mayas de ayer y de hoy. *Revista Española de Antropología Americana*, XVII, 89–105.
- Deuss K. (2007). *Shamans, witches and Maya priests: Native religion and ritual in Highland Guatemala*, London: Guatemalan Maya Centre, 334 p.
- Edmonson M.S. (1988). *The book of the year: Middle American calendrical systems*, Salt Lake City: University of Utah Press, 313 p.
- Gabriel M. (2007). El uso ritual de alcohol, tabaco, cacao e incienso en las ceremonias agrarias de los mayas yucatecos contemporáneos. *Estudios de Cultura Maya*, 29, 155–184.
- García M.L. (2014). The long count of historical memory: Ixhil Maya ceremonial speech in Guatemala. *American Ethnologist*, (41 (4)), 664–680.
- Hanks W.F. (1984). Sanctification, structure, and experience in a Yucatec ritual event. *The Journal of American Folklore*, (97 (384)), 131–166.
- Hanks W.F. (1990). *Referential practice: Language and lived space among the Maya*, Chicago: University of Chicago Press, 581 p.
- Haviland J.B. (2000). Warding off witches: Voicing and dialogue in Zinacantec prayer. *Les rituels du dialogue: Promenades ethnolinguistiques en terres amerindiennes*, Paris: Société d'ethnologie, 367–400.
- Hull K. (2017). The language of gods: The pragmatics of bilingual parallelism in ritual Ch'orti' Maya discourse. *Oral Tradition*, (31 (2)), 293–312.
- Ivanov V.P., Kolesnikov S.S. (2006). K voprosu o klassifikatsii religiozno-obriadovoi praktiki v kul'ture drevnikh maiia. *Vestnik TGU*, (1 (41)), 5–10.
- Koechert A., Pfeiler B. (2013). Maintenance of Kaqchikel ritual speech in the confraternities of San Juan Sacatepéquez, Guatemala. *International Journal of the Sociology of Language*, 220, 127–149.
- Köhler U. (2009). Discursos ceremoniales tzotziles: Una joya poco estudiada. *Estudios de Cultura Maya*, 33, 121–133.
- Lengyel T.E. (1988). On the structure and discourse functions of semantic couplets in Mayan languages. *Anthropological Linguistics*, (30 (1)), 94–127.
- Leon-Portilla M. (2003). *Tiempo y realidad en el pensamiento maya*, Mexico City: Universidad Nacional Autónoma de México, 219 p.
- Lewis I.M. (2003). *Ecstatic religion: A study of shamanism and spirit possession*, London; New York: Routledge, 209 p.
- Mó Isém R. (2006). *Fonología y morfología del Poqomchi' occidental. Tesis de licenciatura*, Universidad Rafael Landívar, Guatemala, 369 p.
- Molesky-Poz J. (2006). *Contemporary Maya spirituality: The ancient ways are not lost*, Austin: University of Texas Press, 201 p.
- Monaghan J.D. (2000). *Ethnology: Supplement to the handbook of Middle American indians*, 6, Austin: University of Texas Press, 340 p.
- Monod Becquelin A., Becquey C. (2008). De las unidades paralelísticas en las tradiciones orales mayas. *Estudios de Cultura Maya*, 32, 111–153.
- Montes de Oca M. (2008). Los difrasismos: Un rasgo del lenguaje ritual. *Estudios de Cultura Nahuatl*, 39, 225–238.
- Richards M. (2003). *Atlas lingüístico de Guatemala*, Guatemala: Serviprensa, 133 p.
- Tedlock B. (1982). Sound texture and metaphor in Quiche Maya ritual language. *Current Anthropology*, (23 (3)), 269–272.
- Tedlock B. (1992). *Time and the Highland Maya*, revised edition, Albuquerque: University of New Mexico Press, 295 p.
- Tedlock D. (1985). *Popul Vuh: The definitive edition of the Mayan book of the dawn of life and the glories of gods and kings*, New York: Simon and Schuster, 380 p.
- Vogt E.Z. (1976). *Tortillas for the Gods: A symbolic analysis of Zinacantan ritual*, Cambridge: Harvard University Press, 234 p.
- Watanabe J.M. (1992). *Maya saints and souls in a changing world*, Austin: University of Texas Press, 296 p.
- Wilson R. (1999). *Resurgimiento maya en Guatemala (experiencias Q'eqchi'es)*, Antigua Guatemala: Centro de Investigaciones Regionales de Mesoamérica, 271 p.

АТРИБУТ СЕЛЬКУПСКОГО ШАМАНА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ МАМОНТА

Статья посвящена описанию редкого культового атрибута северной группы селькупов — приклада известного шамана И.С. Безруких. Он относится к категории кось-ба, коссы (приношение духам) и выполнен в виде сшитых лент ткани, низок бисера и железных фигурок животных. Приклад представляет совокупность разновременных вещей, объединенных в одно целое в 1970-х гг. Особый интерес вызывает белая лента, на которую нашиты фигуры лося и мамонта. Изображения мамонта в изобразительном искусстве народов севера Западной Сибири единичны. Приведены основные представления селькупов о мамонте из публикаций Е.Д. Прокофьевой и Г.И. Пелих; использованы неопубликованные материалы экспедиций к селькупам 1970 и 1979 гг. Автором высказано предположение относительно двух нашитых на ленту изображений животных: представлено превращение лося после его смерти в мамонта либо сцена столкновения лося и мамонта. Железные фигуры, входящие в состав приклада, относятся к категории мырак (дух, заключенный в железный предмет). Публикуемый атрибут селькупского шамана демонстрирует крайне редкий сюжет включения подземного существа — мамонта — в религиозно-обрядовую практику небольшого северного народа.

Ключевые слова: шаман, мамонт, лось, религия, культ, народы Северо-Западной Сибири.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-128-132

Летом 2017 г. в г. Салехарде мне удалось ознакомиться с предметами одной частной коллекции. Кроме медных колокольчиков XIX в., известных медных блях с кентавром, железной сабли мне показали достаточно необычный атрибут культа северных селькупов. По словам хозяина коллекции, эту вещь он купил в 1990-х гг. у одного из родственников известного шамана И.С. Безруких, который проживал в д. Фарково Туруханского района Красноярского края [Селькупская мифология, 1998, с. 24]. Ряд шаманских предметов, принадлежащих семье Безруких, был приобретен в 1978 г. для Музея истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИИФФ СО АН СССР (ныне ИАЭТ СО РАН) этнографами Г.И. Пелих и И.Н. Гемуевым; в фондах музея сохранились карточки с информацией, записанной ими от В.М. и И.В. Безруких в 1970 и 1978 гг. Описание шаманских атрибутов нескольких поколений шаманов Безруких выполнено Е.Д. Прокофьевой [1949а, с. 342–363] и Г.И. Пелих [1980, с. 20–34].

Публикуемый приклад представляет собой сшитые между собой в «голове» куски и ленты ткани (белого, черного, синего, зеленого, зеленого с белыми цветами, красного в клетку), прикрепленные к ним низки бисера и железные фигурки, обвязанные шнурками. Общая длина приклада 80 см (рис. 1). Скорее всего, его можно отнести к категории кось-ба, коссы — принесение, подарок духам [Селькупская мифология, 1998, с. 54].

Наибольший интерес вызывают две ленты. На ленту красного в клетку цвета нашиты три птичьих клюва (дикой утки?) и семь кусочков кожи (часть подобных кусочков, видимо, утеряна). При этом клювы пришиты хлопчатобумажными нитками, а кусочки кожи — сухожильными нитями. На широкую белую ленту нашиты фигуры двух животных, относительно горизонта расположенные по-разному (головой вверх и вниз). Большая фигура (длиной 21 см), скорее всего, изображает мамонта с длинным бивнем (рис. 2); меньшая фигура (длина 19 см) напоминает лося с вытянутой мордой (рис. 3). Бивень мамонта и пасть лося соединены.

Сквозь ленту зеленого цвета продет кожаный ремешок, посредством которого привязана большая железная фигура птицы с выгнутой шеей (длина фигуры 15,5 см). К этому же ремешку привязаны плоское железное кольцо, медный перстень, ожерелье голубых бус, низка бисера синего, прозрачного, белого, желтого, зеленого цвета; за узкую полоску синей ткани железная фигурка птицы (длиной 11 см) с выгнутой шеей и хвостом в виде длинного заостренного стержня (кончики крыльев и лап птицы, бока и хвост украшены насечками).

Атрибут селькупского шамана с изображением мамонта

Рис. 1. Приклад шамана И.С. Безруких.

Fig 1. Attribute of the shaman I.S. Bezrukih.

Рис. 2. Изображение мамонта на шаманском прикладе.

Fig 2. Image of a mammoth on the shamanic attribute.

Рис. 3. Изображение лося на шаманском прикладе.

Fig. 3. Image of an elk on the shamanic attribute.

К куску ткани черного цвета пришиты узкие полоски ткани: две светлого и четыре черного цвета. Одной светлой полоской обвязана стилизованная двухголовая фигурка птицы (длина 8 см), второй светлой полоской и одной черной полоской ткани обвязаны две фигурки животных (длиной 9,5 и 8,5 см): их отличают выгнутые шеи и хвосты, небольшие головки с ушками; лапки подогнуты под туловища.

Приклад представляет собой совокупность разновременных вещей, объединенных в одно целое предположительно в 1970-х гг. (ориентируюсь на самую позднюю деталь — голубое ожерелье); к наиболее ранним вещам относятся железные фигурки и медный перстень, нижняя временная граница которых может доходить до второй половины — конца XIX в. Нашитые фигуры животных (мамонта и лося) могли быть выполнены в 1950–1960-х гг.

Тема мамонта в мифологии и изобразительном искусстве народов Севера Западной Сибири имеет достаточно ограниченный круг источников и публикаций. Наиболее полный и известный цикл статей, посвященных этому феномену, был опубликован в 1949 г. в сборнике Музея антропологии и этнографии; характерно, что статья Е.Д. Прокофьевой «Мамонт по представлениям селькупов» занимает меньше одной печатной страницы [1949b, с. 159]. Согласно ее материалам, в основном собранным у представителей северной группы селькупов, мамонт охранял вход в подземный мир, в «землю покойников»: его называли «покойников землю охраняющий мамонт». В ряде случаев образ подземного мамонта сливался с образом медведя (мамонт-медведь), поскольку последний был главным духом подземного мира. Известен был также образ мамонта-щуки — гигантской рыбы, покрытой выросшим от старости мхом, которая могла даже «съесть» человека. Мамонты-щуки обычно жили в так называемых чертовых озерах (*лозыль-то*). Духом-помощником мамонта считалась выдра; шаманы нередко называли выдру мамонтом [Там же].

В статье, посвященной костюму селькупского шамана, Е.Д. Прокофьевой приведен схематичный рисунок шаманского нагрудника М. Безруких, внизу которого «имеется изображение мамонта кошар»¹. Селькупы верили, что мамонт живет в «подземном мире» и является могучим покровителем шамана [Прокофьева, 1949a, с. 358].

Краткие сведения о мамонтах собраны у северных селькупов Г.И. Пелих. Один из ее информаторов, Н.И. Чекурмин (д. Фарково), рассказывал: «На небе есть такой, как мамонт. Зверь такой, а не человек. Как медведь ревет. Это туча черная идет. Там есть у него и стрелы, и всякое. Я одна большой видел, одна маленький» [ТЭЭ, 1970, т. 8, л. 41].

Калага — подземное чудовище смешанной породы, «щука-мамонт»; он в земле живет, «землю поднимает» [Селькупская мифология, 1998, с. 33, 34]. Железное изображение калаги закреплено кожаным шнурком на лицевой стороне лопатки к бубну², которая была получена от А.И. Чекурмина (бассейн р. Таз, Чертово озеро; экспедиция ИИФФ СО АН СССР 1979 г., участники Г.И. Пелих, И.Н. Гемуев, А.В. Бауло). Рисунок лопатки опубликован [Там же, с. 34].

На шаманском прикладе И.С. Безруких изображение мамонта выполнено из куска ткани темной окраски, в этом плане важно замечание Г.И. Пелих о том, что в селькупской шаманской символике большое значение имеет цвет предмета-приклада тому или иному духу. «Черной краской — это черт, который в земле живет» [Пелих, 1980, с. 16].

Нарымские селькупы различали два вида мамонтов: *сурп-козар* 'зверь-мамонт' и *кволи-козар* 'рыба-мамонт'. Первый походил на лося, который, дожив до старости, превращался в мамонта, при этом вместо рогов у него вырастали клыки; сурп-козар был способен жить как на суше, так и под водой. Кволи-козар своим видом напоминал огромных размеров щуку. Селькупы, проживавшие в бассейне р. Парабели, считали мамонта своим предком [Иванов, 1949, с. 136]. Полагали, что мамонта, живущего под землей, можно добыть, выстрелив стрелой-томаром в очаг. Добыв таким способом мамонта, кормили им черта [Мифология селькупов, 2004, с. 151, 154]. Таким образом, относительно двух нашитых на ленту изображений можно высказать предположение, что здесь либо представлено превращение лося после его смерти в мамонта, либо это некое столкновение лося и мамонта.

Железные фигуры, которые присутствуют на большинстве известных шаманских костюмов селькупов, скорее всего, относятся к категории *мырак*: это дух, заключенный в какой-либо железный предмет [Селькупская мифология, 1998, с. 69]. Известно, например, что железная фигурка лебедя приносилась в жертву духу при заболевании члена семьи или при другом каком-либо несчастье с

¹ К сожалению, по рисунку непонятно, как выглядело это изображение.

² Хранится в фондах МИКНС, № 1232 осн.ф.

Атрибут селькупского шамана с изображением мамонта

целью умиловости духа [Иванов, 1970, с. 123]. По словам одного из информаторов Г.И. Пелих, Д.П. Кусамина (д. Фарково): «Мырак — у каждого свой мырак, глухарь может быть. У меня лебедь и орел. Орел с не гнутой шеей, лебедь с гнутой шеей» [ТЭЭ, 1970, т. 9, л. 38].

К сожалению, мы не владем информацией о том, какую роль играли изображения мамонта, лося, птиц и животных в верованиях И.С. Безруких, однако в любом случае перед нами — уникальный культовый атрибут селькупского шамана, демонстрирующий крайне редкий сюжет включения подземного существа — мамонта — в религиозно-обрядовую практику небольшого северного народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Иванов С.В. Мамонт в искусстве народов Сибири // СМАЭ. М.; Л., 1949. Т. 11. С. 133–153.
Иванов С.В. Скульптура народов Севера Сибири XIX — пер. пол. XX вв. Л.: Наука, 1970. 296 с.
Мифология селькупов / Н.А. Тучкова, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, А.А. Ким-Малони, С.В. Глушков, А.В. Байдак Томск: Изд-во ТГУ, 2004. 382 с.
Пелих Г.И. Материалы по селькупскому шаманству // Этнография Северной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. С. 5–70
Прокофьева Е.Д. Мамонт по представлениям селькупов // СМАЭ. М; Л., 1949а. Т. 11. С. 159.
Прокофьева Е.Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского) шамана // СМАЭ. М., Л., 1949б. Т. 11. С. 335–375.
Селькупская мифология / Сост. Г.И. Пелих. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 79 с.

Источники

ТЭЭ — Тетради Томской этнографической экспедиции 1970 г.

A.V. Baulo

Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch RAS
prosp. Akad. Lavrentieva, 17, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
E-mail: bau194@yandex.ru

A SELKUP SHAMAN'S ATTRIBUTE WITH A MAMMOTH IMAGE

The article describes an attribute of a Selkup shaman — a trimmed garment, which is kept in a private collection in Salekhard (the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). The shamanic garment was purchased from the relatives of I.S. Bezrukikh, a famous shaman, who had lived in the village of Farkovo, Turukhansk district, Krasnoyarsk Territory. The trimming on the garment is made of fabric pieces, bead strings and some iron figures tied with laces. The total length of the trimming is 80 cm. Three bird beaks (possibly of wild ducks) and seven pieces of skin are sewn on a red ribbon. Figures of two animals — a mammoth with a long tusk and a moose with an elongated muzzle — are sewn on a white ribbon. The mammoth tusk and the moose mouth are connected. The trimming is made of things produced at different times and combined in one unit presumably in the 1970s. The iron figures and a copper ring are the earliest items, which can be dated the second half or the end of the 19th century. The animal figures (a mammoth and a moose) sewn on a ribbon must have been produced in the 1950s or 1960s. The article describes main Selkup beliefs related to mammoths using data from publications by E.D. Prokofieva and G.I. Pelikh, as well as from unpublished materials reporting the 1970 and 1979 expeditions to the Selkups. According to E.D. Prokofieva, a mammoth was believed to protect the entrance to the underground world, to the «land of the dead». Sometimes the image of an underground mammoth would merge with that of a bear (a mammoth-bear), or even with a pike (a mammoth-pike). The Narym Selkups distinguished two kinds of mammoths: *sourp-kozar* (a beast mammoth) and *kvoli-kozar* (a fish mammoth). The former looked like a moose, who would turn into a mammoth as soon as it got old, with tusks starting to grow instead of its horns in the process of transformation. The latter resembled a huge pike. As far as the two images sewn on a ribbon are concerned, they are supposed to depict either the transformation of a moose into a mammoth after its death, or a kind of confrontation between a moose and a mammoth. Iron figures that are present on most of the known Selkup shamanic costumes most likely belong to the category of *myrak*, a spirit enclosed in an iron object. It is known that an iron figure of a swan used to be sacrificed to the spirit when a family member was ill or when some other misfortunes had occurred, with the purpose of conciliating the spirit. Unfortunately, we lack information about the role played by the images of a mammoth, a moose, birds and other animals in the beliefs of I.S. Bezrukikh. In any case, the investigated artefact is a unique cult attribute of a Selkup shaman, which demonstrates an extremely rare plot of including an underground creature — the mammoth — into the religious ritual practices of a small northern people.

Key words: shaman, mammoth, moose, religion, cult, peoples of North-West Siberia.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-128-132

REFERENCES

- Ivanov S.V. (1949). Mammoth in the art of Siberian peoples. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 11, 133–153.
- Ivanov S.V. (1970). *Sculpture of peoples of the Siberian North in the XIX — first half of the XX century*, Leningrad: Nauka, 296 p.
- Pelikh G.I. (1980). Materials on Selkup shamanism. *Etnografiia Severnoi Azii*, Novosibirsk: Nauka, 5–70.
- Pelikh G.I. (1998). *Selkup mythology*, Tomsk: Izd-vo TGU, 79 p.
- Prokof'yeva E.D. (1949a). Mammoth within the Selkup beliefs. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 11, p. 159.
- Prokof'yeva E.D. (1949b). The costume of a Selkup (Ostyak Samoyed) shaman. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, 11, 335–375.
- Tuchkova N.A., Kuznetsova A.I., Kazakevich O.A., Kim-Maloni A.A., Glushkov S.V., Baydak A.V. (2004). *Selkup mythology*, Tomsk: Izd-vo TGU, 382 p.

З.Ф. Хасанова

Институт этнологических исследований
им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН
ул. К. Маркса, 6, Уфа, 450077
E-mail: Zifa.83@mail.ru

КУХОННАЯ УТВАРЬ БАШКИР ИНЗЕРСКОГО БАССЕЙНА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XXI в.

Рассматриваются ареал, изготовление и применение кухонной утвари у башкир Инзерского бассейна с конца XIX до начала XXI в. Источниками для исследования послужили архивные и собранные автором полевые материалы. У башкирского населения, которое на протяжении долгого времени вело кочевой и полукочевой образ жизни, домашняя утварь изготавливалась из кожи и дерева. С переходом к оседлому образу жизни кожаная посуда перестала использоваться башкирами-катайцами. С конца XIX в. население широко применяет деревянную посуду; ее изготавливали не только для своих нужд, но и для продажи в другие районы Башкортостана. Кухонная утварь делалась из разнообразных частей дерева — из ствола и наростов на нем, бересты, луба, лыка, прутьев, корней. Практически все породы деревьев, растущие в регионе, служили рабочим материалом. Исходя из особенностей производства можно сделать вывод, что у башкир-катайцев Инзерского бассейна были распространены три типа деревянной посуды — цельнодолбленная, долбленная со вставным дном и клепаная. Сосуды различались формой, размером и назначением.

Ключевые слова: башкиры, Инзерский бассейн, Белорецкий район Республики Башкортостан, деревянная посуда, кухонная утварь.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-133-141

Введение.

Кухонная утварь из дерева является одним из важнейших элементов материальной культуры. Ее ассортимент зависит от особенностей образа жизни и типа хозяйствования, потенциала природно-географических условий, этнокультурных взаимодействий. Изучение предметов домашнего обихода позволяет более полно исследовать общие тенденции культурного развития этноса в рамках единого этнического пространства. Вместе с тем проникновение технических новшеств и развитие торгово-экономических отношений приводят к уменьшению роли традиционного домашнего производства, а иногда и к исчезновению некоторых его видов. В немногих регионах Российской Федерации сохранились практики домашнего производства, где используются традиционные способы и методы изготовления и применения предметов обихода. Республика Башкортостан в этом отношении является уникальным регионом, где еще можно воочию увидеть и изучить весь процесс использования в быту традиционной деревянной кухонной утвари.

У башкирского населения, которое на протяжении долгого времени вело кочевой и полукочевой образ жизни, домашняя утварь изготавливалась в основном из кожи и дерева. Переход к оседлому образу жизни повлек за собой перестройку привычного быта кочевников-скотоводов; в результате были утрачены традиционные элементы культуры, непосредственно связанные с кочевьями. К их числу относилась и кожаная утварь. Легкая и удобная в употреблении, необычайно прочная, она с самого появления была рассчитана на использование в пути. Кожаные мешки и фляги, наполненные кумысом или айраном и навьюченные на лошадь, верблюда, были атрибутом подвижной кочевой жизни. Переход к оседлости не привел к немедленному отказу от кожаной утвари. Пока была возможность держать дойных кобылиц, старались сохранить кожаный подойник и флягу для выделки кумыса. Однако сокращение пастбищ и стад не только уменьшало пищевые ресурсы, но и делало кожу дефицитным животным сырьем [Шитова, 1979b, с. 146].

В Инзерском бассейне изделия из кожи вытеснялись сравнительно дешевыми изделиями из дерева. Периодом максимального распространения деревянной утвари можно считать конец XIX — начало XX в., когда кожаные сосуды практически вышли из употребления, а фабричные не были так распространены [Хасанова, 2014, с. 106]. В горно-лесной зоне Башкортостана де-

рево являлось главным материалом при сооружении жилищ и хозяйственных построек, оно также служило сырьем для домашних ремесел. Посуда и другая бытовая утварь производилась из разнообразных частей дерева — из ствола и наростов на нем, бересты, луба, лыка, прутьев, корней деревьев. Практически все породы деревьев, растущие в регионе, использовались в качестве рабочего материала. Из березы вырезали ковши и чаши, ложки, декоративные деревянные цепи, вазочки, седла, стремяна, дуги и хомуты, коромысла, прялки. Шишковатый нарост на березе — кап применялся для производства художественных изделий и посуды. Деревья хвойных пород шли на изготовление лыж, лодок, некоторых частей телег и саней. С развитием бондарного дела башкирское население было вовлечено в производство сосновой и лиственничной клепаной посуды, которая не только использовалась местным населением, но и вывозилась в другие регионы для продажи. Из березы и ели склеивали боевые луки, иногда применяли дуб, осокорь, вяз, ильм и другие деревья. Деревянные изделия из горно-лесной зоны Башкортостана — своеобразного центра башкирского деревянного производства — путем торговли или обмена расходились во многие соседние районы: в степное Зауралье, на юг к оренбургским башкирам, а также в Приуралье, вплоть до западных пределов долины р. Демы [Авижанская и др., 1964, с. 195].

Изготовление деревянной посуды башкирами достаточно подробно рассмотрено этнографами: С.И. Руденко [2006], С.Н. Шитовой [1979а], М.Г. Муллагуловым [1994]. Ученые-этнографы акцентировали внимание на традиционных способах производства деревянной утвари, бытовавших 1970–1990-х гг. XX в. Нами впервые обобщаются материалы по заявленной теме, в научный оборот вводятся новые полевые и архивные данные; верхняя хронологическая граница исследования достигает начала XXI в.

В настоящей статье рассматривается производство домашней утвари из дерева у башкир Инзерского бассейна (в прошлом по родоплеменному составу — инзер-, кузгун-, идель-катайцы), расселенных на территории современного Белорецкого района Республики Башкортостан, где автором собирался полевой материал. Экспедиции были осуществлены в 2010–2011, 2016–2017 гг. в 13 башкирских населенных пунктах Белорецкого района Республики Башкортостан (далее — РБ). Башкиры Инзерского бассейна более пяти веков достаточно изолированно живут в горно-лесной зоне, что способствовало формированию и развитию локальных хозяйственно-культурных традиций. На протяжении длительного периода времени традиционными хозяйственными занятиями башкир-катайцев являлись скотоводство, земледелие, пчеловодство, рыболовство, собирательство, лесные и домашние ремесла. При написании статьи изучены кухонная утварь и деревянные предметы домашнего производства в Музее археологии и этнографии Института этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева УНЦ РАН, школьных и краеведческих музеях (Габдюковский, Зуяковский школьные, Ассинский, Серменевский краеведческие музеи), а также материалы фотоархива документального фонда Национального музея РБ (г. Уфа).

В статье используются общенаучные методы: историко-сравнительный и научного описания. При сборе полевых материалов мы опирались на традиционные этнографические методы — глубинное интервью, наблюдение, фотофиксацию. В ходе исследования были опрошены 34 информатора в возрасте от 50 до 93 лет (20 мужчин и 14 женщин). Интервью проводились на башкирском языке, что позволило сохранить особенности названий предметов и инструментов, используемых на данной территории. Мужчины подробно рассказывали о способах и методах изготовления утвари, женщины — о применении их в повседневной жизни.

С.Н. Шитова, классифицируя башкирскую деревянную посуду, подразделяет ее на три типа исходя из особенностей ее изготовления: цельнодолбленная, долбленная со вставным дном и клепаная [1979а, с. 171]. У башкир-катайцев Инзерского бассейна были распространены все три типа.

Посуда из дерева преобладала среди бытовой утвари у башкир-катайцев в начале XX в., деревянная кадка и чаши имелись в любом хозяйстве [Там же]. Каждый сосуд имел свое назначение. В огромных долбленных кадках хранили муку, зерно; в кадочках держали топленый жир, солонину и другие припасы. В высоких и узких сосудах перевозили масло, мед, сметану, сыпучие продукты. В чанах и кадках замешивали тесто, взбалтывали кумыс, отстаивали молоко, сбивали масло, собирали простоквашу. Из дерева изготавливали лотки для муки, корытца для рубки мяса, ковши, поварешки, скалки, лопаточки для теста и хлебов, ведра для воды и другие необходимые для приготовления пищи предметы (рис. 1).

Особенно богатым был ассортимент столовой посуды. В больших чашах подавали праздничное мясное угощение к месту трапезы. В резных вазочках выставляли к чаю мед, сметану, масло и лаком-

Кухонная утварь башкир Инзерского бассейна в конце XIX — начале XXI в.

ства. Целый комплекс деревянной посуды предназначался для потчевания гостей кумысом: напиток выносили в резных бочонках и наливали ковшом в тонкостенные изящные чаши.

Рис. 1. Башкиры с деревянной посудой. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, 1908 г. Национальный музей РБ НВФ № 5667.

Fig. 1. Bashkirs with wooden utensils. The Republic of Bashkortostan, Beloretsky district, 1908. National Museum of the Republic of Bashkortostan.

Цельнодолбленная посуда

Цельнодолбленная посуда у башкир была многочисленной и разнообразной, но ее использовали в основном для хранения жидких продуктов. Среди предметов столовой посуды можно выделить чаши для еды и кумыса: ковши, вазочки для меда, сахарницы и солонки [Шитова, 1979а, с. 172]. Обязательными предметами в хозяйстве были различные корыта (для стирки белья и для кормления домашних животных) (Валеева К.А.).

Процесс изготовления деревянной утвари была весьма сложным, требовал мастерства, терпения и приложения физической силы, поэтому этим занимались в основном мужчины. Производство деревянной утвари как промысел, наряду с другими занятиями по деревообработке, обычно переходил от отца к сыновьям, но встречались и мастера-самоучки. В каждом населенном пункте имелись свои мастера по производству деревянной утвари [Руденко, 2006, с. 131]. К примеру, в д. Зуяково был известный мастер Абдрахимов Шаяхмет Абдрахимович, 1908 г. р., который изготавливал деревянную посуду, выполнял тонкую работу: вырезание ложек, половников, оригинальных ковшей (Шайбаков Р.Г.). Образцы его работ хранятся в Зуяковском школьном музее.

Заготовка материалов для цельнодолбленной посуды производилась весной. Выбранные и вырубленные наросты с деревьев должны были иметь чистую древесину; чем наросты были мельче, тем больше ценился материал. Основным материалом служили наросты березы (*кайын ороһо*) (Валеева К.А.). Согласно С.И. Руденко, бытовая утварь у башкир выделялись иногда из наростов лиственницы, а также березовых и сосновых корней [2006, с. 130]. При изготовлении цельнодолбленной утвари использовали долото, тесло, скобели с двумя деревянными ручками, а для обработки более мелких и тонких изделий употреблялись специальные резцы различной изогнутости [Муллагулов, 1994, с. 91].

При изготовлении чаши (*тустак*, *сеүәтә*, *алдыр*) сначала обтесывали заготовку, придавая ей форму круга. После этого начинали выбивать древесину из внутренней части нарастающей заготовки с помощью двух инструментов — долота и тесла. Процесс долбления начинался с центра и шел в направлении к краям заготовки. Так постепенно увеличивалась область долбления по радиусу, пока не достигалась желаемая толщина на боковых стенках и дне будущей посуды [Там же, с. 90–91]. Толщина стен маленьких тарелок (*сеүәтә*) составляла 0,5 см. Толщина стен столовой посуды — *тустак*, *сеүәтә*, *ашлау*, *табак*, *коштабак*, *алдыр* — от 1 до 2,5 см (Шагисултанов Г.Г.). Внешнюю поверхность посуды выравнивали с помощью скобеля, затем приступали к ее полировке с помощью огня. Полировали как внутреннюю, так и внешнюю стороны посуды, затем отполировывали дно и стенки чаши [Муллагулов, 1994, с. 91].

З.Ф. Хасанова

Чаши, которые получили распространение у башкир-катайцев Инзерского бассейна, назывались *табак*, *алдыр*, *ашлау*, *коштабак*, *коштаба* (рис. 2), разные по величине тарелки — *сеуэтә*, *тәгәс*, ковши кумыса — *ижау*, вазочки для меда — *бормаса* (Шагисултанов Г.Г.). Обычно в больших чашах (*табак*, *алдыр*) подавали национальное мясное блюдо *бишбармак*, в маленьких (*сеуэтә*) — бульон (Абсалямова Ф.А.). В этнографических фондах ИЭИ УНЦ РАН хранится чаша (*табак*) под № 503-105, которую привезли из экспедиции в д. Азнагулово Белорецкого района РБ.

Рис. 2. Деревянная утварь. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Зуяково. Школьный музей. 2011 г. Фото автора.

Fig. 2. Wooden utensils. The Republic of Bashkortostan, Beloretsky district, Zuyakovo village. School Museum. 2011. Author's photo.

Корыта, лотки для муки и зерна (*һелкәүес*, *киле*) выдалбливались из расколотого на две части толстого ствола липы или сосны (Абсалямова Ф.А.). На изучаемой территории были распространены рюмковидные и прямоугольные ступы. У рюмковидной ступы удлиненная верхняя часть постепенно сужалась книзу и опиралась на круглое уплощенное основание: ее использовали для обдирки проса, дробления высушенных зерен пшеницы и ячменя, измельчения соли и при обработке конопля (рис. 3) Прямоугольные ступы были двух видов: большие и маленькие, в них мяли полезные травы и растения, некоторые ягоды — черемуху, землянику. Песты (*тәйгәс*) у всех ступ были одинаковой формы, представляли собой палку со скругленными концами и имели посередине выемку для руки. Песты изготавливались из крепкого дерева — ольхи (Ибрагимов Г.А.).

Резная утварь. В состав кухонной утвари входили поварские ложки, поварешки, совки и лопатки, вырезанные из цельного дерева [Шитова, 1979а, с. 179]. Способ производства ложки был не менее сложным, чем заготовка ковша для кумыса. Изготовление деревянной ложки состояло из нескольких стадий. Вначале березовое дерево распиливали на куски от 20 до 40 см, затем один из них кололи пополам, очищали от коры. После этого заготовку клали на специальный станок для ложек. Затем приступали к следующей стадии обработки дерева — крючкоподобным скребком снимали древесину в месте головки будущей ложки. Далее ножом равняли боковые стороны и убирали все лишние кусочки дерева. На последней стадии занимались отделкой ручки — отшлифовкой дерева [Муллагулов, 1994, с. 93]. Таким же способом изготавливали и поварешки.

Из указанных выше типов деревянной утвари с особой тщательностью делали ковши (*ижау*, *сүмес*) для разливания кумыса, айрана, чаще всего из березовых наростов или из березового корня [Руденко, 2006, с. 130]. Ковши для разливания кумыса изготавливались во всей горной зоне края и снабжались оригинальной ручкой, причудливо вырезанной, имеющей ажурную форму [Муллагулов, 1994, с. 93].

Долбленные сосуды со вставным дном

Территория распространения сосудов со вставным дном у башкир была обширной, охватывала большую часть современного Башкортостана, где росли широколиственные леса с преобладанием липы — главного сырья для долбленных кадок [Шитова, 1979а, с. 180]. Мастера обыч-

Кухонная утварь башкир Инзерского бассейна в конце XIX — начале XXI в.

но подбирали дуплистую липу, которая всегда высоко ценилась при производстве долбленной утвари. Посуда, сделанная из липы, отличалась легкостью и удобством в употреблении. Иногда долбленные сосуды изготовлялись из других пород дерева, в частности из осокоря, дуба и осины.

Рис. 3. Деревянная ступа с пестом. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Инзер. 2016 г. Фото автора.

Fig. 3. Wooden mortar with pestle. The Republic of Bashkortostan, Beloretsky district, Inzer village. 2016. Author's photo.

Инструменты, которыми обрабатывали заготовку сосуда, — долота с короткой и длинной ручками. Первые были прямой формы и имели вогнутое лезвие, а вторые — слегка загнутые вперед. Для чистки наружной части сосуда пользовались скобелем [Муллагулов, 1994, с. 97–98]. Обычно из одного ствола липы получалось несколько заготовок, одни из которых шли для производства больших сосудов, а другие — меньших. В процессе изготовления сосуда первым делом чистили руками полость заготовки от остатков дерева, затем с помощью долота с внутренних стенок срезали древесину до достижения требуемой толщины остова, оставляя от 2 до 3 см (Шагисултанов Г.Г.). Далее соскабливали внутреннюю поверхность остова с помощью скобеля (рис. 4). Внешнюю часть очищали с помощью скребка с двумя деревянными ручками.

Днище сосуда выделялось из сухих досок соснового либо липового дерева. Вырезалось оно несколько большего диаметра, чем размеры контура. Затем с помощью специального приспособления *һызғыс*, состоящего из ножа и небольшой планки с уступом и сквозным отверстием, на стенках остова, отступив примерно 1,5–2 см от нижнего края его, изнутри по кругу выделялось У-образное углубление для днища [Муллагулов, 1994, с. 98].

Сосуд перед установкой днища в течение 15–20 дней держали в воде, или его распаривали непосредственно перед работой (Шагисултанов Г.Г.). Это придавало дереву необходимую упругость и предупреждало появление возможных трещин. Кроме этого, паз корпуса обильно смазывали кашеобразной смесью, изготовленной из камбия липы. В результате хорошо подогнанное днище легко входило в пазы остова. С высыханием дерева дно плотно прижималось к стенкам, и сосуд делался водонепроницаемым. В некоторых случаях для прочности полость посуды специально выжигалась огнем. Иногда на нижнюю часть сосуда надевали металлические или черемуховые обручи. По описанному способу выделялись все виды долбленной посуды со вставным дном.

Остывы сосудов по форме были разнообразными: в основном цилиндрические — и широкие, и узкие; встречались и сильно удлинённые или же очень короткие, а некоторые сосуды делались под конус с постепенным сужением стенок к горловине. В некоторых случаях по бокам проделывались особые отверстия, куда продевались витые веревки из мочала и нередко даже ремни. Некоторые снабжались специальной крышкой, вырезанной из липового или осинового дерева [Муллагулов, 1994, с. 101].

Рис. 4. Процесс изготовления долбленной посуды со вставным дном. За работой Г.Г. Шагисултанов. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Зуяково. 2011 г. Фото автора.

Fig. 4. The process of making chiseled utensils with an inserted bottom. G.G. Shagisultanov at work. The Republic of Bashkortostan, Beloretsky district, Zuyakovo village. School Museum. 2011. Author's photo.

Долбленные деревянные сосуды со вставным дном использовались для приготовления и хранения продуктов. Прежде всего в них хранили молочные продукты: молоко, кефир, кумыс, ряженку, масло, сметану. Хозяйству нужны были подойники, маслобойки, кадки для сбора скисшего молока, хранения масла, сосуды для приготовления и подачи кумыса, банки для сметаны. В специальных больших кадках солили мясо и сало. Существовала специальная посуда для меда — для его сбора, хранения и подачи гостям (рис. 5).

Рис. 5. Деревянная утварь для хранения ягод, муки, меда и т.д. Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Ассы. Музей им. А. Мубарякова. 2011 г. Фото автора.

Fig. 5. Wooden storing utensils for berries, flour, honey, etc. The Republic of Bashkortostan, Beloretsky district, Assy village. Arslan Mubaryakov Museum. 2011. Author's photo.

На изучаемой территории были распространены большие и маленькие кадки (*көбө*) для приготовления хлеба, сосуды для кумыса (*батман*, *янтау*), маслобойки, подойники, сосуды для сбора и перевозки меда (*соллок балы*), ведра (*күнәк*) для воды и сбора ягод (Валеева К.А.). В этнографических фондах ИЭИ УНЦ РАН под № 503-104 хранится мутовка (*бешкәк*) из корневища березы для взбивания кумыса и бузы, привезенная из д. Азнагулово Белорецкого района РБ.

Несмотря на трудоемкость процесса, на территории Инзерского бассейна до сих пор производят деревянные сосуды со вставным дном традиционным способом. По словам информаторов, продукты, приготовленные в этих сосудах, вкуснее и хранятся дольше (Зайнагабдинова Г.Х.). Как и раньше, деревянные сосуды со вставным дном изготавливаются из липы и березы. Изменения произошли в основном в инструментарии. Внутреннюю часть заготовки чистят с помощью железного инструмента (*эәрғе*), который напоминает долото, только с железной ручкой. Затем

подравнивают внутреннюю поверхность остова с помощью стамески (*касау*). Для прочности полость сосудов выжигают огнем (Шагисултанов Г.Г.).

Клепаная посуда

Клепаная посуда у башкир появилась относительно поздно, по данным С.Н. Шитовой, в XIX в., в тех районах, где не было материала для изготовления долбленых липовых кадок [1979а, с. 199]. Данный вид утвари раньше был характерным для русских [Русские, 2005, с. 402] и татар [Халиков, 1995, с. 168]. В результате тесного контакта башкир с русскими (горнозаводским населением) клепаная посуда проникает в быт местных жителей Инзерского бассейна. К началу XX в. в башкирских деревнях стали появляться бондари. Мастера изготавливали вместительные кадки для хранения кумыса — *мискә*, кадки цилиндрической формы с крышкой и мешалкой — *янтау*, бочки для воды, деревянные ведра — *кунәк*, бочки для меда — *бал мискәһе* (Шагисултанов Г.Г.).

Лучшим бондарным деревом считался дуб, который, в отличие от других пород, обладал особой твердостью, красотой и раскалывался быстро. При изготовлении бондарных изделий использовались также хвойные породы деревьев, в частности сосна и, реже, ель, лиственница. В Белорецком районе в качестве бондарного материала применяли в основном сосну и ель.

Производство посуды состояло из нескольких операций: заготовки клепок, днищ и обручей, сборки изделий. Клепки для каждого вида утвари делались по-разному, поэтому они отличались по ширине и длине. Так, на среднюю кадку уходило 16 клепок. Для кадки цилиндрической формы производили одинаковые клепки по всей ширине (6–8 см), их длина могла достигать 1 м [Муллагулов, 1994, с. 104]. Для получения выгнутой формы стенок клепки обрабатывали на специальном станке. Татары с целью придания эластичности дереву предварительно распаривали клепки в бане или специальной парильне [Халиков, 1995, с. 168]. Заготовленные клепки, равномерно приставляя друг к другу, размещали по внутренней стороне специального обруча, а затем на образовавшийся остов насаживали металлические или деревянные (изготовленные из черемуховых прутьев) обручи. Затем ставили днище из сосны или ели. Аналогичным образом собирались и бочки.

Умение производить клепаную посуду позволило в годы Великой Отечественной войны выпускать в большом количестве бочки (по словам информаторов, объемом до 200 л). В тылу в большие клепаные бочки собирали смолу, деготь и отправляли в г. Белорецк (Абсалямова Ф.А.).

На сегодняшний день в домашних условиях клепаную посуду не производят, однако в с. Авзян Белорецкого района существует кустарное производство по изготовлению деревянных изделий, в том числе клепаной посуды. Местное население покупает бочки для меда, большие кадки для хранения зерна, муки, соленья капусты и т.д.

Берестяная посуда

Изделия из бересты также нашли широкое применение в быту башкир. Особое распространение берестяная посуда получила у населения северной, центральной и западной частей Башкортостана [Шитова, 1979а, с. 191]. По словам информаторов, в Белорецком районе местные мастерицы в прошлом делали различную берестяную утварь, предназначенную для сбора ягод, хранения соли, муки, крупы (Валеева К.А.).

М.Г. Муллагулов выделяет три вида производства берестяной посуды у башкир. Древний способ — когда только что снятую бересту нагревали до тех пор, пока она не станет эластичной, тогда края бересты сгибали на 90° и укрепляли тоненькими палочками. Таким способом производили в основном прямоугольные коробки. Второй способ — сшивание, когда края бересты сначала прокалывались деревянным шилом, а затем сшивались. Материалом для шитья служили конский волос, лыко, конопляные или же крапивные нитки. Третий способ — «замочное соединение»; в этом случае брали бересту цельнокруглой формы и плотно обшивали ее куском другой бересты, укрепляя края «замочным соединением». В одном конце делали прорез, на другом конце на этой же высоте — стреловидные зубцы, затем соединяли. В последнюю очередь устанавливали дно [Муллагулов, 1994, с. 143–144]. Среди башкир-катайцев Инзерского бассейна в основном было распространено замочное соединение (круглые туески с берестяным вставленным дном).

К сожалению, в силу недолговечности и хрупкости посуды данного вида сохранилось немного, во время экспедиционных выездов мы встретили ее в д. Шигаево у Ф.А. Абсалямовой и Ф.Г. Хасанова. Берестяной сосуд *бурәк* с ручкой и с деревянной крышкой использовали для хранения и переноски айрана, бузы.

Предметы из луба и коры

В конце XIX и в начале XX в. основной район использования луба и коры для производства хозяйственных предметов в быту башкир находился в горной части Башкортостана [Шитова, 1979а, с. 191]. Изготавливали короба, сита, решета, волокуши и роевни, маски пчеловода, обшивали телеги и т.д. Материалом служил липовый и березовый луб, вязовая кора. Практически каждое изделие делали из одной цельной заготовки. Луб размачивали и сгибали, сшивая края мочальными веревками или лыком. Верх сосудов с внутренней или наружной стороны укрепляли черемуховым обручем, иногда их изготавливали без обруча. По краям укрепляли веревку из лыка, которая служила ручкой.

Тырыз — короб из липового луба — получил распространение на данной территории, имел продолговатую форму в виде ящика. По С.Н. Шитовой, *тырыз* использовали в процессе приготовления кисломолочного продукта — *корот* [1979а, с. 193] и для сбора ягод. Короба вышли из употребления в середине XX в. и сохранились только в музеях, например в Габдюковском школьном музее. На изучаемой территории делали также сита или решета (*илэк*) с боковиной из липового луба и мочальной или волосяной сеткой. Их применяли для просеивания муки.

Заключение

Таким образом, после перехода башкир к оседлому образу жизни в конце XIX — начале XX в., стала меняться кухонная утварь. Ранее употреблявшиеся кожаные сосуды выходят из быта, вместо них начинается производство деревянной утвари. Посуда и другая бытовая утварь изготавливались из разнообразных частей дерева. Практически все породы деревьев, растущие в регионе, использовались в качестве рабочего материала. Делали цельнодолбленную, долбленную со вставным дном и клепаную утварь, последняя считается перенятой у русского населения.

Технический прогресс и развитие торгово-экономических отношений привели к уменьшению роли предметов традиционного домашнего производства. Однако их прочность, доступность, экологичность, экономичность способствовали длительному сохранению их в быту. До сих пор башкиры Инзерского бассейна хорошо помнят и применяют многие методы обработки дерева, в том числе при изготовлении деревянной утвари. Но это относится к старшему поколению, поскольку молодежь мало знает о традиционной деревянной утвари и практически не использует ее в быту.

Список информаторов:

- Абсалямова Ф.А. 1928 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Шигаево. 2009 г.
Валеева К.А. 1918 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Азикеево. 2010 г.
Зайнагабдинова Г.Х. 1947 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Зуяково. 2011 г.
Ибрагимов Г.А. 1955 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, д. Габдюково. 2010 г.
Ихсанов Г.М. 1930 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Зуяково. 2011 г.
Шагисултанова Г.Г. 1942 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Зуяково. 2011 г.
Шайбаков Р.Г. 1954 г. р., Республика Башкортостан, Белорецкий р-н, с. Зуяково. 2016 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Национальный музей Республики Башкортостан. «Документальный» фонд НВФ № 5667.
Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева. Музей археологии и этнографии ОФ № 503-105.

Литература

- Авижанская С.А., Бикбулатов Н.В., Кузеев Р.Г. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964. 258 с.
Муллагулов М.Г. Лесные промыслы башкир. Уфа, 1994. 180 с.
Руденко С.И. Башкиры: Историко-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
Русские. М.: Наука, 2005. 828 с.
Халиков Н.А. Хозяйство татар Поволжья и Урала (середина XIX — начало XX вв.). Казань, 1995. 235 с.
Хасанова З.Ф. Традиционные хозяйственные занятия башкир инзерского бассейна (середина XIX — начало XXI в.). СПб.: Свое издательство, 2014. 188 с.
Шитова С.Н. Башкирская деревянная утварь: (Опыт классификации и типологической характеристики) // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1979а. С. 170–202.
Шитова С.Н. Утварь из кожи у башкир // Хозяйство и культура башкир в XIX — начале XX в. М.: Наука, 1979б. С. 146–169.

Z.F. Khasanova

R.G. Kuzeev Institute of Ethnological studies
of Ufa Scientific Centre RAS
K. Marks st., 6, Ufa, 450077, Russian Federation
E-mail: Zifa.83@mail.ru

KITCHEN UTENSILS USED BY THE BASHKIRS IN THE INZER BASIN IN THE LATE 19th — EARLY 21st CENTURY

This paper is aimed at investigating the area of distribution, production and use of kitchen utensils used by the Bashkirs, in particular by those peoples having resided or residing around the Inzersky basin (situated in the present territory of the Beloretsky district, the Republic of Bashkortostan), from the end of the 19th to the beginning of the 21st centuries. The sources for the study comprised archival and fieldwork materials collected by the author. A series of expeditions were conducted in 2010–2011 and 2016–2017 across the settlements of Gabdiukovo, Zuyakovo, Assi, Novokhasanovo, Usmangali, Inzer, Azikeevo, Aznalkino, Khusainovo, Sermenovo, Ut-kalevo, Uzyannbash, Shigaevo (Beloretsky district of the Republic of Bashkortostan). The author studied collections assembled by the Museum of Archaeology and Ethnography of the R.G. Kuzeev Institute for Ethnological Studies (the Subdivision of the Ufa Federal Research Centre of the Russian Academy of Sciences) and by various school and local history museums in the region. In addition, the archival materials of the National Museum of the Republic of Bashkortostan (Ufa) were examined. In the Bashkir population, who led a nomadic and semi-nomadic lifestyle for a long time, household utensils were largely made of leather and wood. With the transition to a settled way of life, leather dishes lost their popularity among the Bashkirs. At the end of the 19th century, the population began to widely use wooden utensils, which would be manufactured not only for their own needs, but also for sale in other Bashkortostan regions. Kitchen utensils used to be made from various tree parts — trunks, limbs, branches, birchbark, bast fibre, roots, etc. Virtually all tree species growing in the region were used as a working material. Due to the peculiarities of the production method, three types of wooden dishes that were in use among the Bashkirs having resided around the Inzersky Basin can be distinguished: carved from a whole tree piece, with an inserted bottom and riveted. Vessels differed in shape, size and purpose. Huge one-piece tubs were used for storing flour and grain, while smaller bowls were considered suitable for melted fat, corned beef and other supplies. In tall and narrow vessels, oil, honey, sour cream and loose products were transported. Vats and tubs were used for kneading dough, shaking kumis, storing milk, beating butter and preparing yogurt. Wood was also a material for making trays for flour, troughs for cutting meat, buckets for biscuits, rolling pins, spatulas for dough and bread, buckets for water and other items necessary for cooking. Birchbark utensils were used for harvesting berries, as well as for storing salt, flour and cereals. As a result of technical progress and the development of trade and economic relations, the items of traditional domestic production started to lose their significance. However, such their qualities as durability, accessibility, environmental friendliness and cost-effectiveness have contributed to their long-term preservation in the everyday life of Bashkir people. Even today, the Bashkirs living in the Beloretsky region remember and use many methods of wood processing, including making wooden utensils. Unfortunately, this mainly refers to the older generation: the young know little about traditional wooden utensils and rarely use them in everyday life.

Key words: Bashkirs, Inzer Basin, Beloretsky District of the Republic of Bashkortostan, wooden utensils, kitchen utensils.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-133-141

REFERENCES

- Aleksandrov V.A., Vlasova I.V., Polishchuk N.S. (2005). *The Russians*, Moscow: Nauka, 828.
- Avizhanskaya S.A., Bikbulatov N.V. Kuzeev R.G. (1964). *Bashkirs applied arts*, Ufa, 258 p.
- Mullagulov M.G. (1994). *Bashkir forest crafts*, Ufa, 180 p.
- Halikov N.A. (1995). *The economy of the Tatars of the Volga and the Urals (mid XIX — early XX centuries)*, Kazan, 235 p.
- Khasanova Z.F. (2014). *Traditional economic activities of the Bashkirs of the Inzer basin (middle XIX — the beginning of XXI century)*, St. Petersburg: OOO Svoe izdatel'stvo, 188 p.
- Mullagulov M.G. (1994). *Bashkir forest crafts*, Ufa, 180 p.
- Rudenko S.I. (2006). *The Bashkirs. Historical and ethnographic essays*, Ufa: Kitap, 376 p.
- Shitova S.N. (1979a). Bashkir wooden utensils an attempt of classification and typological characteristics. *Hozyajstvo i kultura bashkir v XIX — nachale XX v.*, Moscow: Nauka, 170–202.
- Shitova S.N. (1979b). Leather utensils among the Bashkirs. *Hozyajstvo i kultura bashkir v XIX — nachale XX v.*, Moscow: Nauka, 146–169.

Н.А. Тадина

ФГБОУ ВО Горно-Алтайский государственный университет
ул. Ленкина, 1, Горно-Алтайск, 649000
E-mail: ntadina@yandex.ru

ОТ РОДОВЫХ «КАМНЕЙ» АЛТАЙЦЕВ ДО ПАМЯТНЫХ ЗНАКОВ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ

На основе полевого материала, собранного с помощью этнографических методов наблюдения и беседы с информантами из южных алтайцев — групп теленгитов и алтай-кижи, показана связь новой традиции установки родовых «камней» у алтай-кижи, продолженной в практике водружения стел в честь родовых лидеров прошлого у теленгитов, и памятных знаков основателям Республики Алтай. Выявлено значение в этом многоуровневой идентификации алтайцев — родовой, территориальной, этнической. Освещена маркировка родовой территории и символика родства по сёоку посредством родовых камней-знаков. Определено, что инициаторами возрождения и образования новых традиций становятся представители старшего поколения как носители памяти о старине, избранные зайсану и Совет зайсанат, решающие вопросы охраны священных мест алтайцев не только с сельской и районной администрацией, но и со структурами региональной власти.

Ключевые слова: алтайцы, республика, сёок-род, зайсанат, родовые каменные знаки, родовое сознание, образ.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-142-150

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ-ГН и Министерства образования и науки Республики Алтай, проект № 17-11-04004а(р) — «Пути возрожденного зайсаната: от родовых «камней» алтайцев до памятных знаков Республики Алтай в свете потестарной имагологии».

Введение

В постсоветский период у алтайцев сложилась традиция проведения встречи представителей сёока-рода, называемой родовым праздником (*сёоктин-байрамы*). Первые такие мероприятия сёоков иркит, майман, тодош (1988–1991 г.) прошли в двух из десяти районов Республики Алтай — Онгудайском и Усть-Канском, а именно на родовых территориях и в местах проживания большинства представителей сёоков-родов, в окрестности моноэтнических алтайских сел. На таких собраниях на протяжении последних трех десятилетий сородичи избирают родового главу, называемого зайсан (*жайсан*). Этот термин остался от ойротского периода (XVII — середина XVIII в.), когда предки алтайцев входили в состав Джунгарского ханства, и неслучайно он воспринимается как знак исторического прошлого. Почти до родового собрания сёока кыпчак, состоявшегося в 1991 г. в Онгудайском р-не, избранного главу не осмеливались назвать словом «зайсан», что вызывало настороженность по меркам ещё незабытой советской идеологии. Период возрождения оказался на перекрестке трех времен: старого — советского — нового. С одной стороны, влияние советского времени давало о себе знать — в возрождении этнической культуры виделось возвращение «перезитков», а с другой — возрождающееся «старинное» составляло содержание нового времени.

Накоплен опыт возрождения зайсаната, роли его потестарной власти в этнической жизни алтайцев. В 1997 г., после образования общественной организации «Курултай алтайского народа», был основан Совет зайсанов с целью воссоздания института родовых старшин, называемого зайсанатом. Сегодня в него входят 15 зайсанов многочисленных сёоков, расселенных в нескольких районах Республики Алтай. Сведения о численности и расселения сёоков были собраны С.П. Швецовым еще в конце XIX в. [Швецов, 1900, с. 91, 93]. К родам, избравшим современных зайсанов, относятся кыпчак, майман, телёс, иркит, тодош, чапты, тонжаан, мундус и др. В 2006 г., в год 250-летия вхождения алтайцев в состав России, зайсанат включал 12 зайсанов, что вызвало параллели с легендарными 12 зайсанами, подписавшими договор в 1756 г. о включении алтайцев в состав Российского государства. Исследователи рассматривают современный зайсанат как составную часть процессов развития межнационального сообщества Рес-

публики Алтай [Октябрьская, 1997], символизации родового движения [Самушкина, 2006], политизации этничности [Бабич, 2006]. Горно-Алтайскими этнографами освещены социальные причины, пробудившие к жизни в современном обществе зайсанат как институт традиционной культуры [Кыдыева, 2006; Тадина, 2009; Тюхтенева, 1999; Ябыштаев, 2013].

Цель данного исследования состоит в освещении возрожденной традиции алтайцев устанавливать родовые каменные стелы и определении роли зайсаната в практиках актуализации этнического сознания. Новизна изучаемой проблемы выражается в предпринятой попытке выявления связи родовых «камней» алтай-кижи, установленных по инициативе современных зайсанов, и памятных знаков родоначальникам и зайсанам прошлого, воздвигаемых у теленгитов. Актуальность темы заключается в определении трансформации понимания лидера у алтайцев, на примере практики меморизации опыта объединения алтайских народов и установления в г. Горно-Алтайске памятников Г.И. Гуркину и В.И. Чаптынову, один из которых выдвинул, а второй реализовал идею образования республики.

Основным источником исследования проблемы служит полевой этнографический материал, собранный у южных алтайцев — этнотерриториальных групп теленгитов и алтай-кижи. С целью плодотворного сбора сведений на родовых собраниях использованы методы включенного наблюдения и беседа с информантами. Среди них первые зайсаны сёоков-родов: майман — А.К. Бардин, иркит — А.А. Сельбиков, кыпчак — К.Д. Шлыков, сегодняшний зайсан иркитов В.Д. Кудирмеков. Введен в практику апробированный нами метод сбора материала на языке изучаемого этноса, т.е. на алтайском языке, так как обсуждать проблемы, имеющие родовой контекст, информаторы предпочитают на родном языке.

Родовые «камни» как маркеры родовой территории алтайцев

Родовая территория обозначена родовой горой. Под этим определением следует понимать не только высокую гору, а высокогорную тайгу с истоком реки, простирающуюся на близлежащие гряды гор. Данные о родовой горе, ее названии и месте расположения остаются в родовом сознании представителей сёока, проживающих порою вдали от своих родовых мест. О ней сложены легенды, повествующие, как в историческом прошлом родовая гора стала убежищем, «кормилицей», территорией исхода конкретного сёока: «...мотивами для почитания гор отдельными сёоками была война, во время которой члены рода искали спасения на горе» [Токарев, 1947, с. 152]. Сохраняются сведения, где спасался тот или иной сёок. В фольклорных текстах, таких как родовые присказки, воспето верховье р. Чемал, укрывавшее сёок-род майман [Тадина, 2013, с. 49–50].

Почитание родовой горы выражается через традиции почитания Алтая и персонификации его природы. Природа Алтая священна, она кормит и поит человека, поэтому обладает следующими признаками — почитаема, одушевлена и имеет хозяина. До сих пор по отношению к родовой горе соблюдаются нормы табу — на нее не поднимаются, через нее не прокладывают дорогу и она остается в стороне от трассы, видимая на далеком расстоянии. Сведения о почитаемых горах, называемых *ы́йык*, сохранялись в родовом сознании алтайцев еще в начале прошлого столетия [Анохин, 1924, с. 16]. Родовой горе (или тайге) поклонялись как покровителю и родоначальнику. Неслучайно замужние женщины, соблюдая обычай избегания старших мужских родственников мужа, вплоть до середины прошлого века не появлялись с непокрытой головой вблизи родовой горы сёока мужа, тем более не поднимались на нее [Потапов, 1946, с. 10–11].

Известны четыре родовых «камня» многочисленных сёоков-родов, установленные в первой половине 1990-х гг. на месте проведения родовых встреч. Два из них находятся в долине р. Каракол (Онгудайский р-н) — в одном из мест расселения сёоков майман и тодош. Два других маркируют гору кыпчаков Тоотой и гору тёлёсов Тумечин в долине р. Урсул (Онгудайский р-н). Судя по надписям на родовых «камнях», первым установил камень сёок майман в июле 1990 г. в местечке Текпенек, между селами Боочы и Кулады. Вторыми стали кыпчаки в 1991 г., а через год — тёлёсы: их родовые места в окрестности с. Ело. Затем, в июле 1996 г., появился родовой «камень» тодошей у с. Бичикту-Боом. У группы алтай-кижи этих долин практикуется установление каменных стел по инициативе представителей старшего поколения, являющихся знатоками традиций. По их предложению избирают зайсана, вместе с которым решают вопросы охраны священных мест алтайцев в сельской и районной администрации.

Родовой «камень» маркирует родовую территорию, являясь ее частью. Подходящий камень высотой около 2–3 м мужчины-сородичи подбирают на «родной» земле — им может стать

скол от скалы или гранитная стела. Найденный камень не подвергают обработке, а, начертав дату собрания, родовую тамгу и родовое животное, водружают до начала собрания сёока. Рядом устанавливают коновязь, имеющую сакральное и практическое назначение. Приехавшие привязывают к ней лошадей, но большинство приезжает на автомобилях. В мифологической трактовке родовая коновязь выражает приглашение покровителя сёока на праздник. По собранным сведениям, таковым у кыпчаков является Бай Ульгень, у тодошей — Каршыт, у чапты — Чапты каан, у тёлёсов — Бокты каан [ПМА]. В долине р. Каракол, на месте проведения праздника сёока тодош, стоят четыре коновязи, расположенные полукругом, а в центре родовой «камень». В той же долине, на месте проведения праздника сёока майман, — каменная стела, коновязь, березка с ритуальными лентами *кыйра*, а рядом сложенная каменная насыпь *обоо*, служащая жертвенником [Тадина, Ябыштаев, 2017, с. 135].

Родовой «камень» ставят в случае проведения праздника сёока на родовой территории. Если сёок-род собирается на территории проживания большинства его представителей, то тогда устанавливают лишь коновязь. Этот вывод подтверждают собрания сёока тонжаан (июнь 2011 г., с. Беш-Озёк Шебалинского р-на) и сёока чапты (июнь 2012 г., с. М. Яломан Онгудайского р-на) [ПМА]. Их родовая территория находится в низовье р. Катунь: у сёока тонжаан в Чемальском р-не, у сёока чапты родовая гора Чептоган (Чаптыкаан) на стыке двух районов — Майминского и Чойского. Здесь большинство населения составляют русские, а алтайцев малая доля, в силу чего родовые мероприятия проводят в других районах, где расположены моноэтнические села алтайцев.

Стела как памятный знак родовым лидерам прошлого

Традиция установки родовых каменных стел продолжена в этнокультурной практике теленгитов Улаганского и Кош-Агачского р-нов. К родовым лидерам прошлого относятся родоначальники, знаменитые воспетыми в преданиях подвигами. Одним из факторов появления памятных знаков явилась межпоколенная передача сведений о местах формирования и расселения сёоков-родов.

Сёок тёлёс, многочисленный и встречаемый почти во всех районах Республики Алтай, сформировался в Улаганском р-не, а именно в окрестности Телецкого озера. Неслучайно русские переселенцы называли озеро Телецким, в значении «озеро тёлёсов». Регион формирования тёлёсов не ограничивался прителецкой тайгой, а охватывал прилегающую тайгу Абакан, простирающуюся до р. Енисей в Хакасии. Родственный сёок кёбёк расселен в Чуйской степи (Кош-Агачский р-н). У сёоков тёлёс и кёбёк общий предок Ярынак/Еренек (*Ярынак*), живший в XVIII в. Как повествуют предания, в его времена прекратились нападения соседей — тувинцев, названных алтайцами *сойон*, казахов, прозванных *кыргын*, и монголов — *могол*.

В июне 2013 г. по инициативе зайсана тёлёсов Акай Кине и при поддержке Улаганского районного отдела культуры был установлен памятник теленгитскому родоначальнику Ярынаку у слияния рек Чулышман и Башкаус, на месте, называемом *Ала Кайын* (Пестрая береза) [Тадина, Ябыштаев, 2016, с. 119]. Любой памятник, поставленный в честь исторической личности в виде антропоморфной каменной стелы, называется *кезер таш* (каменный богатырь). Такое название образовано от монгольского слова *гэсэр*, что означает «богатырь» [Кыдыева, 2017, с. 269].

После вхождения алтай-кижи в состав России (1756 г.) теленгиты на столетие оставались в положении двоеданцев, выплачивая дань Российской и Цинской империям. По Чугучакскому договору (1864 г.) российско-китайская граница стала проходить на юге Горного Алтая — по водоразделам рек Чуи, Аргута, Башкауса и Катунь. На территории расселения теленгитов были образованы волости: I Чуйская волость зайсана сёока кёбёк (совр. Кош-Агачский р-н), II Чуйская волость зайсана тёлёсов (совр. Улаганский р-н).

В преддверии 150-летия Чугучакского договора и вхождения теленгитов в состав России в июле 2014 г. в с. Кокоря Кош-Агачского р-на был поставлен памятник и названа улица в честь зайсана сёока ак кёбёк Очурдяпа Мандаева (1846–1887 гг.) (рис. 1). Инициаторами были мужчины, имеющие семью и являющиеся потомками зайсана Очурдяпа. При его зайсанстве решались историческая судьба теленгитов, сохранение их исконной территории проживания и острые проблемы землеустройства. Роль зайсана Очурдяпа была важна в налаживании торговых связей купеческого г. Бийска и с. Кош-Агач, ставшего торговым центром в пограничном регионе. В годы его зайсанства казахи, переселившиеся из Прииртышья и пограничных районов Китая, получили разрешение поселиться на левом берегу р. Чуи. Стела в честь зайсана I Чуйской волости названа *кёжө таш* в значении «памятный пограничный камень-знак». Теленгитские памятники посвящены родовым лидерам и традиционно названы *таш*, в смысле «камень-символ».

Рис. 1. Открытие памятника родовитому зайсану Очурдяпу Мандаеву. Кош-Агачский р-н, июль 2014 г. [АЛТАЙ СӨӨКТӨР].

Fig. 1. Opening of the monument to the noble zaisan Ochurdyap Mandayev. Kosh-Agach district, July 2014 [ALTAY SYOKTYOR].

Родовые «камни» как символ родства по сёоку

Принадлежность к сёоку передается по линии отца, и это патрилинейное родство ведет к соблюдению обычая экзогамии, согласно которому браки не заключаются внутри сёока и между родственными сёоками, называемыми *карындаш* (досл. «единоутробный»). На родовых собраниях встречаются, знакомятся, уточняют родовые генеалогии. В них участвуют не только представители сёока-организатора, но и родственники по материнской линии, те, у кого матери из этого сёока. Приветствуется участие сватовских и родственных родов. Малочисленные роды не проводят своих собраний, а участвуют в мероприятиях крупного сёока-карындаш. На встречу могут прийти сёоки, образующие единую родовую группу: к тодошам — сёоки очы, чапты, байлагас, каал, к кыпчакам — сёоки мундус и кергил.

Родовые «камни» выступают символами родства по сёоку. На первом собрании сёока водружают каменную стелу с начертанной датой события, названием сёока и родовой тамгой, иногда родовым животным. Так, на родовом камне сёока тёлёлс — марал. Обычно изображают тамгу, которая не только знак собственности, но и оберег [Ябыштаев, 2013, с. 115]. Неслучайно родовой камень называют *тан-малу таш*, в смысле «камень с тамгой (или меткой)» или *сёёттин-тажы* (камень сёока). Обычно родовой камень определяют по высеченной тамге: *маймандардын-тажы* (камень майманов), *тодоштордын-тажы* (камень тодошей) и др. Возрождая родовые традиции в постсоветский период, на установленной каменной стеле стали писать название сёока, так как не все алтайцы знают, чья тамга: сведения об этом были частично утрачены в советский период [ПМА].

Кыпчаки входят в число пяти многочисленных сёоков — кыпчак, тёлёлс, тодош, майман и ирkit, составляющих этническую основу алтайцев. Летом 2000 г. на пути между селами Усть-Кан и Ябаган Усть-Канского р-на было установлено каменное изваяние, напоминающее древнетюркское антропоморфное изваяние из природного камня. Это «камень» в честь богатыря по имени Ирбизек из сёока кыпчак, жившего в XVIII в. (рис. 2). У «камня Ирбизека» есть другое название — *кыпчактардын-тажы* — «камень кыпчаков».

Представители рода кыпчак проживают компактно, составляя две группы. Одна из них — у теленгитов долины р. Чуи в селах Кокоря, Ортолык и Белтир Кош-Агачского р-на. Вторая — у алтай-кижи долин рек Урсул, Каракол и Короты Онгудайского р-на, далее бассейна рек Ябаган, Чарыш, Кан, Кырлык Усть-Канского р-на, долины р. Песчаной Шебалинского р-на и Уймонской степи Усть-Коксинского р-на [ПМА].

По материалам В.Я. Кыдыевой, кыпчаки у алтайцев восходят к одному предку. Кыпчаки, ушедшие в Монголию, составляют *Эзен уйазы* (потомки Эзена). Один из братьев, вернувшийся в центральный Алтай, поселился в долине р. Чарыш (Усть-Канский р-н). От него ведут свое происхождение *Шалја уйазы* (потомки Шалдя). Кыпчаки с. Ело Онгудайского р-на и с. Корумду Усть-Коксинского р-на восходят к одной патронимии *Кёөрчөк уйазы* (потомки Коорчока). Другой брат поселился в долине Ябагана [Кыдыева, 2008b, с. 23–24]. Им была основана родословная подразделения *котон* кыпчак, к которому относится богатырь Ирбизек. Известно, что его отцом был Чийне (Чейне) — сын Калаша. Прямые потомки Ирбизека по фамилии Сельбиковы и Саймины, а также побочные Какпаковы и Ябыштаевы восходят к единому предку Чейне, жившему по р. Ябаган в логу Шиберти [Ябыштаев, 2017].

«Камень» Ирбизека представляет символ не только кыпчаков, но и тех, у кого мать из рода кыпчак. В родословной женская линия, т.е. из какого рода жена или мать, как правило, не обозначается. По обычаю авункулата родственники по материнской линии называются *таай*. Кроме того, «Камень» Ирбизека маркирует родовую территорию подразделения «котон» кыпчаков, а именно Ябоганскую долину Усть-Канского р-на. Развитие получила новая традиция останавливаться у «камня» кыпчаков во время сватовских и свадебных поездок родственникам жениха из рода кыпчак. В октябре 2011 г. во время поездки *белкенчек* был проведен ритуал почитания Алтая и испрашивания благополучия новобрачным у изваяния, олицетворяющего богатыря Ирбизека (рис. 2).

Рис. 2. Ритуал в честь новой семьи кыпчаков у стелы Ирбизека. Усть-Канский р-н, октябрь 2011 г. Фото автора.

Fig. 2. The ritual of honoring a new Kypchak family at the stele of Irbizek. Ust-Kansky district, October 2011. Photo by the author.

Стела и памятник основателям Республики Алтай

В г. Горно-Алтайске, столице Республики Алтай, названа улица (1995 г.) и открыт памятник (2001 г.) в честь Григория Ивановича Чорос-Гуркина (1870–1937) — основателя идеи об алтайской государственности, национального героя и художника [Тадина, 2018]. Он родился в с. Улала, ныне г. Горно-Алтайск, и был представителем сёока-рода чорос. Его дед Гурке из бачатских телеутов, переселившихся в начале XIX века из Кузнецкого округа, ныне Кемеровской области [Эдочков, 1994, с. 6].

В первые годы советской власти шел поиск путей самоопределения. Г.И. Чорос-Гуркин был вдохновителем создания республики Ойрот, которая мыслилась в пределах Саяно-Алтая, Урянхая, Монгольского Алтая — на территории прежней Джунгарии. Само понятие «ойрот» воспринимается алтайцами как этнополитический термин, связанный с историческим прошлым. Как отмечал А.М. Сагалаев, слово «ойрот» прочно ассоциируется с идеей национальной независимости: «ойротская идея, перенесенная из области мировоззрения в сферу политики — от «Ойротского ханства» до «Советской власти» [Сагалаев, 1997, с. 66–67]. В то время понятие

От родовых «камней» алтайцев до памятных знаков Республики Алтай

«алтайский народ» означало тюркоязычное население Горного Алтая, Саян и Кузбасса — предки северных и южных алтайцев, телеутов, шорцев, хакасов: «...все они “кижи”. Когда-то составляли все вместе великий народ “ойрат”» [Сушко, 2008, с. 143].

Единомышленники, среди которых были представители названных народов, учредили Алтайскую Горную Думу (июля 1917 — февраль 1918 г.), затем ее сменила Каракорум-Алтайская окружная управа (февраль 1918 — апрель 1920 г.). Идея о национальной автономии в форме республики Ойрот оказалась неосуществимой, ее организаторы были репрессированы, и Г.И. Чорос-Гуркин расстрелян в 1937 г. — лишь в постсоветский период, в начале 1990-х гг., он был реабилитирован.

Советской властью была образована автономная область, а чтобы как-то удовлетворить политические запросы алтайцев, область назвали Ойротской, а центр Улала — Ойрот-тура. Так в 1922 г. осуществилась попытка этнополитического устройства, выраженная в создании Ойротской автономной области. Затем, в 1948 г., она была переименована в Горно-Алтайскую автономную область, а единственный город Ойрот-тура — в Горно-Алтайск. Коренной народ Горного Алтая стали называть не ойратами, а алтайцами. В первоначальном названии области «Ойротия» была заложена национальная идея, которая в постсоветский период выразилась в форме Республики Алтай, образованной в 1991 г.

В честь основателя и первого главы Республики Алтай Валерия Ивановича Чаптынова названа улица г. Горно-Алтайска (2001 г.) и установлена памятная стела с барельефом (2015 г.). Памятный знак известной личности алтайцев неслучайно поставлен в виде стелы (рис. 3). Автором проекта является заслуженный художник России В.П. Чукуев, участвовавший в возобновлении установки каменных стел-памятников в честь 60-летия победы в Великой Отечественной войне в с. Бичикту-Боом Онгудайского р-на [Кыдыева, 2008а, с. 87].

Рис. 3. Памятный знак основателю Республики Алтай в г. Горно-Алтайске. Фото автора.

Fig. 3. The memorial sign to the founder of the Altai Republic in Gorno-Altaysk. Photo by the author.

В.И. Чаптынов родился в 1945 г. в с. Апшухта Шебалинского р-на. По собранным сведениям, он относился к сёоку кергил. Этот род сформировался в среднем течении р. Катунь и распространился в районах расселения алтай-кижи. В послевоенное время села Апшухта и Каспа являлись родовым местом сосредоточения сёока кергил. Здесь фамилия обычно образуется от названия сёока, к которому принадлежит ее носитель. Первый глава республики носил фамилию матери, которая была из сёока чапты, также распространенного в этих местах.

Алтайцы помнят основателя Республики Алтай В.И. Чаптынова как представителя сёока кергил, рожденного от матери сёока чапты. Его деятельность развернулась в постсоветский

период, когда актуализировались маркеры родовой идентичности. Немногие алтайцы склонны считать этническое возрождение его заслугой, но становление автономии региона в форме Республики Алтай, в которой алтайцы — титульный этнос, является итогом общественно-политической деятельности В.И. Чаптынова, в память о котором установлена стела у Центрального парка, напротив административного здания регионального правительства.

Заключение

В данной статье освещена связь традиции установки родовых «камней» у алтай-кижи, продолженной в практике водружения стел в честь родовых лидеров прошлого у теленгитов, и памятников и барельефов основателям Республики Алтай. Эта связь прослеживается в многоуровневой идентификации алтайцев — родовой, территориальной, этнической. Во внутриэтнической жизни актуализируется родовое сознание посредством установки родовых «камней» у алтай-кижи и памятных стел у теленгитов. Инициаторами возрождения и образования новых традиций являются представители старшего поколения как носители памяти о старине, зайсаны, избранные из числа семейных мужчин, и Совет зайсанат, решающий вопросы не только с сельской и районной администрацией, но и со структурами региональной власти (например, по охране священных мест алтайцев). Важность территориальной идентификации выражается в маркировке родовой территории или мест проживания большинства представителей сёока, где прошло родовое собрание, обычно у родовой почитаемой горы. Этнический уровень идентификации отражен в памятниках лидерам-алтайцам: хотя на памятнике основателю республики не указан его сёок — кергил, но фамилия Чаптынов происходит от названия сёока его матери — чапты. О сёоке основателя идеи создания республики в Южной Сибири говорит псевдоним, ставший дополнением фамилии, — Чорос-Гуркин. Памятные знаки, открытые в г. Горно-Алтайске, выражают признание вклада алтайцев в этнополитическое устройство региона — от автономной Ойротской области до Республики Алтай.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ПМА, 1987–2017 гг., Республика Алтай.

АЛТАЙ СӨӨКТӨР: Запись от 14.06.2014 на стене сообщества // ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/wall-7525637_11988.

Литература

Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев // СМАЭ. Л.: Изд-во РАН, 1924. 148 с.

Бабич И.Л. Основные тенденции постсоветской этнокультурной политики в Республике Алтай. М.: УОП ИЗА РАН, 2002. 18 с.

Кыдыева В. Я. Институт зайсанства у алтайцев // Алтай — Россия: Через века в будущее: Материалы всерос. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2006. Т. I. С. 113–116.

Кыдыева В.Я. Древняя традиция в новых условиях // Анохинские чтения. Горно-Алтайск: Национальный музей Республики Алтай, 2008а. С. 85–87.

Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае в XX веке. Горно-Алтайск: Изд-во А. Орехов, 2008b. 135 с.

Кыдыева В.Я. Древние и современные каменные стелы Горного Алтая // 1-я Международ. науч. конф. «Традиционная культура тюркских народов в изменяющемся мире». Казань: Ак Буре, 2017. С. 268–270.

Октябрьская И.В. Тюрки Алтая: Проблемы межнационального сообщества // Народы Сибири: Права и возможности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 48–60.

Потапов Л.П. Культ гор на Алтае // СЭ. 1946. № 2. С. 145–160.

Сагалаев А.М. Алтайцы: Старая религия и «новая» идеология // Народы Сибири: Права и возможности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. С. 61–71.

Самушкина Е.В. Символизация родового движения республики Алтай (конец XX — начало XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. XII. Ч. II. С. 160–164.

Сушко А.В. Роль В.И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // Известия АлтГУ. Сер.: История. Политология. 2008. № 4/1. С. 142–145.

Тадина Н.А. Возрождение зайсаната в Республике Алтай: Взгляд сквозь собственную этническую идентичность // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 3. С. 77–81.

Тадина Н.А. Шуточные присказки как маркер сёока-рода в традиции общения алтайцев // Традиционная культура. 2013. № 2. С. 47–56.

От родовых «камней» алтайцев до памятных знаков Республики Алтай

Тадина Н.А. Памятник Г.И. Чорос-Гуркину как символ потестарной идеи «Ойрот» // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье: (Археология, этнография, устная история). 2017 год: Материалы XIII межд. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2018. Вып. 13. С. 294–297.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. Теленгитские памятники этнокультурному ренессансу // Вестник ТГУ. 2016. № 5. С. 109–113.

Тадина Н.А., Ябыштаев Т.С. О родовых «камнях» алтайцев // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае в 2016 году: Археология, этнография, устная история: Материалы XII Международ. науч.-практ. конф. Омск: Издатель-Полиграфист, 2017. Вып. 12. С. 133–136.

Токарев С.А. Пережитки родового культа у алтайцев // Труды ИЭ. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1947. Т. 1. С. 139–158.

Тюхтенева С.П. Обычное право алтайцев: есть ли будущее у института зайсанства? // Обычное право и правовой плюрализм: (Материалы XI Международ. конгр. по обычному праву). М.: ИЭА РАН, 1999. С. 82.

Швецов С.П. Горный Алтай и его население. Т. I: Кочевники Бийского уезда. Вып. 1. Барнаул: Типолит. Гл. упр. Алт. окр., 1900. 561 с.

Эдоков В.И. Возвращение мастера. Горно-Алтайск: Фонд им. С.С. Суразакова: Изд-во «Чаптыган», 1994. 240 с.

Ябыштаев Т.С. Родовые праздники алтайцев в этнокультурном дискурсе Республики Алтай // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2013. № 1 (20). С. 112–117.

Ябыштаев Т.С. «Камень» Ирбизека как символ рода кыпчак у алтайцев // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов (Казахстан, Монголия, Китай): Материалы международ. науч.-практ. конф. Горно-Алтайск: БИЦ ГАГУ, 2017. С. 417–420.

N.A. Tadina

Gorno-Altai State University
Lenkina st., 1, Gorno-Altai, 649000, Russian Federation
E-mail: ntadina@yandex.ru

FROM THE TRIBAL «STONES» OF ALTAI PEOPLE TO THE MEMORABLE SIGNS OF THE ALTAI REPUBLIC

This article is written on the basis of fieldwork materials collected by the ethnographic methods of observation and conversation with informants from the southern Altai-Telengits and Altai-kizhi population groups. The aim of the research was to reveal a connection between the new tradition of installing generic «stones» typical for the Altai-kizhi, continued in the practice of hoisting stelae in honour of the tribal leaders of the past in the Telengits, and embodied in the creation of monuments and bas-reliefs dedicated to the memory of the Altai Republic founders. This relationship is shown to be determined by the multi-level identification of the Altai characterized by tribal, territorial and ethnic specifics. Under the conditions, when Altai people have to co-exist with Russians who currently represent the population majority, the installation of tribal «stones» and memorable stelae seems to be important for maintaining the Altai cultural continuity. The revival of old traditions and the creation of new ones is initiated by the older generation as memory bearers of the past. Among them are zaisans elected from family men and the Zaisanat Council, whose function is to deal with the village and regional administration, as well as with regional authorities on various issues, such as the protection of the Altai sacred places. The territorial identification is carried out by marking the area (frequently the roundabouts of sacred mountains), where the majority of the seek reside and where the family meetings take place. Using the examples of monuments that have been erected to the memory of G.I. Gurkin and V.I. Chaptynov in Gorno-Altai, this article investigates the transformation of the role of the leader among the Altai. These people are famous for realizing the idea of creating the Altai Republic. These monuments reflect the ethnic level of the Altai identification, because they are meant to recognize the contribution of Altai people into the ethno-political development of the Region — from the autonomous Oiorot region to the Altai Republic.

Key words: Altaians, republic, syok-tribe, zaisanat, ancestral stone signs, patrimonial consciousness, image, levels of identification.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-142-150

REFERENCES

Anokhin A.V. (1924). Materials on Shamanism with the Altaians. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*, Leningrad: Izd-vo RAN, 148 p.

Babich I.L. (2002). *The main trends of post-Soviet ethno-cultural policy in the Republic of Altai*, Moscow: UOP IEA RAN, 18 p.

Edokov V.I. (1994). *The return of the master*, Gorno-Altai: Fond im. S.S. Surazakova: Izd-vo «Chaptygan», 240 p.

Kydyeva V.Ya. (2006). Institute of Zaysanat of the Altaians. *Altai — Rossiia: Cherez veka v budushchee: Materialy vseros. nauch.-prakt. konf., I*, Gorno-Altaiisk: RIO GAGU, 113–116.

Kydyeva V.Ya. (2008a). Ancient Tradition in the New Conditions. *Anokhinskie chteniia*, Gorno-Altaiisk: Natsional'nyi muzei Respubliki Altai, 85–87.

Kydyeva V.Ya. (2008b). *Land relations in the Altai Mountains in the XX century*, Gorno-Altaiisk: Izd-vo A. Orekhov, 135 p.

Kydyeva V.Ya. (2017). Ancient and modern stone steles of Altai. *1-ia Mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia «Traditsionnaia kul'tura tiurkskikh narodov v izmeniaiushchemsia mire»*, Kazan: Ak Bure, 268–270.

Oktiabr'skaia I.V. (1997). Türks of Altai: Problems of the international community. *Narody Sibiri: Prava i vozmozhnosti*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 48–60.

Potapov L.P. (1946). The cult of mountains in the Altai. *Sovetskaia etnografiia*, (2), 145–160.

Sagalaev A.M. (1997). Altaians: The old religion and the «new» ideology. *Narody Sibiri: Prava i vozmozhnosti*, Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 61–71.

Samushkina E.V. (2006). Symbolization of the tribal movement of the Altai Republic (late XX — early XXI century). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii, XII* (II), Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 160–164.

Shvetsov S.P. (1900). *Mountain Altai and its population. Vol. I: Kochevniki Biiskogo uezda*, Barnaul: Tipo-lit. Gl. upr. Alt. okr., 561 p.

Sushko A.V. (2008). The role of V.I. Anuchin in the development of Altaic nationalism in 1918. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii. Politologiya*, (4/1), 142–145.

Tadina N.A. (2009). The revival of the zissanate in the Altai Republic: a look through its own ethnic identity. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, (3), 77–81.

Tadina N.A. (2013). Humorous sayings as a marker of shok-tribe in the communication tradition of Altaians. *Traditsionnaia kul'tura*, (2), 47–56.

Tadina N.A. (2018). Monument to G.I. Choros-Gurkin as a symbol of the potesteria idea of «Oirot». *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e: (Arheologiya, etnografiya, ustnayaistoriya). 2017 god: Materialy XIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, (13), Gorno-Altaiisk: BITs GAGU, 294–297.

Tadina N.A., Yabyshtaev T.S. (2016). Telengit monuments to ethnocultural renaissance. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, (5), 109–113.

Tadina N.A., Yabyshtaev T.S. (2017). About the tribal «stones» of the Altaians. *Polevye issledovaniia v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae v 2016 godu: Arkheologiya, etnografiia, ustnaia istoriia: Materialy XII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, (12), Omsk: Izdatel'-Poligrafist, 133–136.

Tokarev S.A. (1947). Remnants of the tribal cult of the Altaians. *Trudy Instituta etnografii*, 1, Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 139–158.

Tiukhteneva S.P. (1999). The common law of the Altaians: is there a future in the institution of zaisanstva? *Obychnoe pravo i pravovoi pliuralizm: (Materialy XI Mezhdunar. kongressa po obychnomu pravu)*, Moscow: IEA RAN, p. 82.

Yabyshtaev T.S. (2013). Tribal holidays of the Altaians in the ethno-cultural discourse of the Altai Republic. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1 (20)), 112–117.

Yabyshtaev T.S. (2017). «Stone» of Irbisek as a symbol of the Kypchak tribewith the Altaians. *Istorii i kul'tura narodov Iugo-Zapadnoi Sibiri i sopredel'nykh regionov (Kazakhstan, Mongoliia, Kitai): Materialy mezhdunar. nauch.-prakt. konf.*, Gorno-Altaiisk: BITs GAGU, 417–420.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ У ОБСКИХ УГРОВ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Проблема адаптации социума к изменившимся условиям существования является одной из наиболее сложных в гуманитарных науках. Распад традиционного общества и переход к рыночным отношениям затронули все этносы нашей страны. Максимально драматично эти процессы протекали на окраинных территориях. Цель данной статьи — анализ социокультурных изменений у обских угров в последний период существования царской России. Для жителей Севера Тобольской губернии был характерен выбор различных сценариев при утрате прежней стабильности. Они проявлялись в асоциальном поведении, восприятии новых ценностей, в частичном заимствовании хозяйственных навыков и элементов русского быта, в предпринимательстве. К рубежу XIX–XX веков доминирующим вариантом аккультурации обских угров стала интеграция. В то же время не произошло окончательной эмансипации аборигенных социумов от навязываемых им посредников с внешним миром.

Ключевые слова: адаптация, аккультурация, ассимиляция, изменения, интеграция, маргинализация, обские угры, предпринимательство, рынок, сепарация.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-151-157

Процессы социально-экономической модернизации в Российской империи отличались неравномерностью. На периферийных территориях они принимали характер так называемой фронтальной модернизации [Побережников, 2013]. Проблема заключалась как в природно-географических условиях, так и в психологии местного населения. В частности, для обских угров на Севере Урала и Западной Сибири модернизация и переход к рынку осложнялись их традиционным природопользованием и господством патриархальных отношений. Скучные природные ресурсы здесь быстро истощались из-за негативного антропогенного воздействия. Объективно рыночные отношения провоцировали хищническое отношение к природе.

К этому времени коренные малочисленные народы Севера уже не могли обходиться без множества покупных товаров: огнестрельного оружия, пороха, металлической посуды, хлеба. Образованные современники свидетельствовали о неэквивалентной торговле русских купцов с аборигенами, их спаивании, антисанитарии, распространенности болезней. Обычно критикующие не предлагали иных адекватных решений. «Рецептуры спасения», как правило, сводились к необходимости распространения русского языка и православия среди народов Севера для их постепенной ассимиляции [Инфантьев, 1912, с. 20]. Однако исторический опыт говорит о несостоятельности данного подхода. В суровых условиях XX в., несмотря на ассимиляционные процессы, обские угры не превратились в убежденных православных или атеистов, не были полностью русифицированы и сохранили этническую идентичность.

Объектом исследования настоящей статьи стали бытовые и социально-психические новации в жизни обских угров на рубеже XIX–XX вв. Соответственно цель исследования — анализ социокультурных изменений в аборигенной среде. Данная цель потребовала постановки ряда вопросов. Как именно у обских угров осуществлялся переход от патриархальности к рыночным отношениям? Какова была роль аккультурации и трансформации моральных норм в межэтнических контактах? Какие положительные моменты присутствовали? Межэтнические контакты на Обском Севере многократно рассматривались в научных работах [Миненко, 1975; Головнев, 1995; Мартынова, 1998; Перевалова, 2004; Конев, 2017]. Основные научные цели — изучение этнографических ареалов, хозяйственных объединений, этнодемографических и иных процессов — смещали внимание исследователей к изучению масштабных событий или явлений, присущих преимущественно традиционной культуре.

Освещение частных моментов, близких к современности, оказалось на периферии научного интереса. В настоящей статье, напротив, основное внимание сосредоточено на повседневности и быте. Территориальные рамки исследования охватывают таежную зону Обь-Иртышского меж-

дурчья с ареалом проживания обских угров. При создании статьи применены междисциплинарный подход, методы исторической психологии, истории повседневности, межкультурной коммуникации. При этом процессы социокультурных изменений понимаются как различные варианты культурной адаптации [Поплавский и др., 2017, с. 146]. В качестве исторических источников использованы труды А. Алквиста, К. Губарева, В. Павловского, И. Полякова, А. Дунина-Горкавича, М. Корсунского, П. Инфантьева, Г. Пирожникова и ряда других исследователей.

Какие варианты своего поведения могли избрать коренные жители Западной Сибири относительно русской колонизации? Первый из них: насильственное изгнание чуждых пришельцев и уничтожение их опорных центров — городов. К 20-м гг. XVII в. данный путь решения проблемы, при котором доминировали образы богатырей, исчерпал свои возможности. Привычное независимое существование с регенерацией княжеских городков как военно-административных центров было уже невозможно. Российское государство смогло пережить Смуту, и его мощь была несопоставима с возможностями редкого и разобщенного коренного населения Сибири.

Второй вариант. Консервация, сведение контактов до минимума. Долгое время этот вариант был действенным. Часть аборигенного населения, не желая утраты собственной этнической культуры и фактической ассимиляции, мигрировала на места жительства, территориально отдаленные от русских городов. Путь сохранения значимых духовных элементов оказался сопряжен с образами богов, героев и духов-покровителей. Но к рубежу XVIII–XIX вв. и эти возможности оказались во многом исчерпаны. Связано это было с кризисом патриархального хозяйства. По мере развития рыночных отношений территория Югорского края постепенно включалась в систему связей межрегиональной торговли. Местное население, в том числе аборигенное, все более вовлекалось в развитый товарообмен. Жители Югры покупали огнестрельное оружие, мануфактуру, хлеб и теперь уже не имели возможности отказаться от выгод торговли.

И, наконец, последний, третий вариант был реализован через стихийную генерацию защитных адаптационных механизмов при непрерывном росте внешнего воздействия. Появление данных версий не является чем-либо оригинальным. Это типичная реакция традиционной среды. В качестве примера приведем стратегию выживания ненецкой культуры. Относительно них А.В. Головнев выделил у ненцев три основных этапа: «(1) военно-торговая активность, когда оленеводы использовали оленей как товар и транспорт (в том числе военный); (2) автономное кочевание, когда, избегая колониального давления, оленеводы осваивали отдаленные тундры и наращивали поголовье стад для обеспечения независимого существования; (3) пастушество, когда северное оленеводство стало основой тундровой экономики в условиях административно-политической зависимости и стабильности» [2004, с. 91]. Он же показал различия между ненцами и обскими уграми. Традиционная культура ненцев, из-за ее удаленности от центров колонизации, обладала особой устойчивостью по сравнению с культурой их южных соседей.

У обских угров разрушение прежнего уклада и восприятие новаций зашли много дальше, чем у их отдаленных от «цивилизации» соседей. Уграм потребовалось обыгрывание и разыгрывание возможных и невозможных ситуаций, связанных с культурными контактами и пребыванием в чуждой иноэтничной среде. Процессы их аккультурации (восприятия другой культуры) протекали по-разному. Как правило, выделяют следующие варианты аккультурации: ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию и интеграцию [Грушевицкая и др., 2003, с. 209]. Вероятно, доминирующим вариантом при контактах первоначально была сепарация. Ей присуще отрицание чужой культуры при сохранении идентификации со своей культурой

По сведениям Губарева, в середине XIX в. русское население на Севере Тобольской губернии считало, что «орда или азиатцы (так называют русские остяков) не живут между Русью: как только мы поселимся, так остяки перестают плодиться. Старожилы сказывали, что в первоначальное время остяков было довольно много, но с каждым годом число их уменьшается» [Губарев, 1863, с. 352]. Отголоски подобной позиции присутствовали и много позднее. Характерен ответ священнику-миссионеру формально православного аборигена, который завел себе вторую жену и «грешил» шаманизмом: «вот что, батька я тебе скажу: я к тебе в Обдорск не езжу, в твои дела не мешаюсь, ну и ты ко мне не езди и в мои дела не мешайся» [Пирожников, 2002, с. 22].

В последующем варианты аккультурации расширились. Сепарация вынужденно все более дополнялась маргинализацией (потеря идентичности с прежним окружением при отсутствии идентификации с окружающей культурой). Финский исследователь А. Алквист замечал относительно причин болезней вогулов: «В соседстве с русскими их численность уменьшается также из-за того, что некоторые вогулы отправляются к ним на работу, отчуждаются от образа жизни

Социокультурные изменения у обских угров на рубеже XIX–XX вв.

своей родины, привыкают к русским, узнают вкус вина и таким образом теряются для своего народа» [1999, с. 28]. Отрицание человеком прежних культурных основ несло негативные начала. «Новокрещеный ненец в бытность язычником всегда аккуратно платил долги, когда же окрестился, то перестал платить. Ему и говорят: “Что же это ты раньше был такой честный, теперь мошенничаешь, а еще крещеный?”. Отвечает ненец: “Что ж, я теперь такой же крещеный, как и вы русские, ну и мошенничаю, так же, как и все тут мошенничают”» [Пирожников, 2002, с. 22–23].

Один из дореволюционных исследователей начала XX в. находил, что «вогул из тихого миролюбивого и честного человека превратился в отъявленного мошенника, огрубел до невозможности. Теперь мы видим вогулов злыми, хитрыми, способными на всякую низость» [Павловский, 1907, с. 21]. Столь резкая оценка несомненно страдает предвзятостью. В глазах внешнего наблюдателя произошла очередная смена образа. На смену прежнему наивному дикарю пришел прожженный мошенник. Но в наблюдении, по нашему мнению, есть и нечто существенное. Здесь присутствует демонстративное выпячивание своего негативного поведения перед чужаками, связанное с ростом дискомфорта. Психический дискомфорт нуждался в каком-либо вытеснении, замене. Согласно З. Фрейду, шутка (остроумие) рождается, когда сознание пытается выразить те мысли, которые общество обычно запрещает. Он же утверждал, что юмор подавляет развитие аффекта, занимая его место [Фрейд, 1997, с. 98–113, 234–235].

Обско-угорский фольклор оказался той площадкой, на которой осуществлялось моделирование и ценностное осознание последствий соприкосновения с новыми городскими реалиями. В глазах аборигенов русские поселения, в первую очередь города, ярмарочная торговля и официальные учреждения являлись территорией взаимных чудесных перевоплощений. Здесь было многое допустимо и многое манило далеко не всегда оправданными надеждами. Для представителей традиционной культуры такое поселение оказывалось пограничной территорией, своеобразными воротами в другой мир. Они, эти «ворота», были максимально загадочны и могли вести куда угодно. Их таинственность порождала надежду, острый дискомфорт и даже страх. Преодоление дискомфорта осуществлялось разными способами. Один из них — смех. В смеховой форме аборигенный трикстер-пришелец нарочито демонстрировал перед русским социумом собственный негативизм. Своим развязным поведением он подталкивал иноэтничное поселение как-либо противодействовать смеху. Подлинные свойства незнакомой территории при этом вынужденно обнажались, лишая ее неуязвимости и тайны [Ершов, 2015; 2017, с. 102–110].

Далеко не случайно, что в 1860-х гг. местные чиновники оценивали Сургутский край как территорию постоянного маскарада: «остяки сами не шьют для себя платья, а приобретают от поселенцев, от рыбопромышленников, от казаков; поэтому часто встречаются в дьяческом подряснике и военной фуражке, в семинарском халате, казачьих шароварах и круглой шляпе и т.п.» [Губарев, 1863, с. 355]. Почти карнавальная смена костюма, одежды, поведения обозначала пока еще не столько действительное вхождение в новый мир, сколько нарочитость произошедшего. Не случайно обские угры на медвежьих игрищах высмеивали одновременно и неумение русских жить в тайге, и неумение аборигенов вести хозяйство «по-русски». А. Алквист описывает медвежьи игрища в д. Сартынья и разыгранную сценку о вогуле, который, обзаведясь коровой, не знал, как ее доить [1999, с. 119].

Розыгрыши и иные несерьезные поступки свидетельствовали, что потеря идентичности с прежним окружением не являлась окончательной. Маргинализация, при негативности ее проявлений для отдельного человека, не была каким-либо завершенным этапом для аборигенного социума. Напротив, она побуждала к осознанию своего места в изменившихся условиях, к поискам оптимального выхода: интеграции либо ассимиляции. И здесь, обратившись к анализу первого варианта — интеграции (идентификации со старой и новой культурой), легко обнаружить бытовые приметы взаимопроникновения двух культур. Ранее всего новации затронули манси вблизи Урала. По сведениям А. Алквиста, вогулы, живущие на Пелыме и Лозье, проявляли интерес к земледелию и скотоводству. Еще более заимствований он наблюдал при путешествии по р. Конде. За с. Болчарово начинались вогульские поселения: «жилища — русские дома с выбеленными печами и стеклянными окнами; кое-где, кроме жилой комнаты, встречается также чулан»; в Леушах «вогулы довольно усердно занимаются выращиванием зерна» [Там же, с. 17, 33, 135].

По мнению М. Корсунского (1908 г.), «цивилизация» здесь распространялась от верховий р. Конды на восток. Так Юрты Красноярские мало чем отличались от русского поселения. Здесь жили даже знавшие русскую грамоту старики. «Дома высокие, почти все двухэтажные, имеют вид домов любой сибирской деревни в каком угодно месте. Те же резные узоры на окнах, те же пристройки <...>, завоз-

ни, стаи и почти та же чистота в хозяйстве» [Корсунский, 2008, с. 267, 270]. Эти данные совпадают с более ранним (1892 г.) свидетельством П.П. Инфантьева о Красном Яре: «Здесьние остяки народ зажиточный, довольно развитой, и, к нашему удивлению, оказалось, что половина села грамотна, хотя школы здесь и нет. Грамоте жители обучились у какого-то случайно забредшего беглого солдата, прожившего в Красном Яру несколько лет. Очевидно, что остяки понимают пользу грамотности и жаждут ее. Остяк, у которого мы остановились на квартире, имеет большой двухэтажный, светлый, с балконом, дом, внутренность которого содержится с большой опрятностью и чистотой, полы и даже стены крашены, постели с занавесками, зеркала, часы, и даже баульчик с музыкой! И такой дом здесь не единственный» [Инфантьев, 2005, с. 193–194].

Постепенно интеграционные процессы охватывали все новые территории. Зимние Сивохребетские юрты на р. Салыме в 1911 г. мало отличались от русских селений: «Пятистенные дома построены на русский лад: в них мы находим обстановку также подобную крестьянской». В домах имелись русские печи, но хлеб, по привычке, пекли во дворе [Городков, 2007, с. 85]. Новации затронули даже ваховских ханты, которые, как считал Г.А. Пирожников, отличались бедностью «среди всего инородческого населения Севера». Бывший уездный исправник свидетельствовал, что благодаря «высоким ценам в 1909 и 1910 годах положение ваховских промысловиков, несмотря на изощренный обман торговцев, улучшилось. Многие охотники выручили довольно крупные суммы денег и стали покупать исправную русскую одежду, сапоги, дорогие шали, часы, предметы домашнего обихода» [Пирожников, 2002, с. 22].

Все большее распространение в аборигенной среде получали покупные предметы престижного потребления. Ярким примером интеграции двух культур стало соседство в Юртах Сулиных в доме у одного остяка двух музыкальных предметов: «остяцкий лебедь и граммофон рядом» [Шульц, 2007, с. 222]. Уже в конце XIX в. у вогулов повсеместно имелись самовары, в домах у зажиточных находились кровати, лавки, столы, иконы [Инфантьев, 2005, с. 11–18]. В с. Болчары одним из двух местных торговцев числился остяк Дмитрий Федулович Нялин. Он жил здесь в комнатах, со вкусом меблированных. Его сыном Алексеем, «бойким и хитрым кулаком», на Ирбитской ярмарке были куплены «граммофон, вместе с двумя берданками, винчестером и садовым ружьем». Заметим, что аналогом садового ружья сегодня выступает станковое спортивное оружие. Весьма примечательны широко известные прозвища Алексея Нялина, данные ему за торговую хватку: «кондинский цыган» и «остяцкий цыган» [Корсунский, 2008, с. 263, 283–284, 309]. По данным краеведов известны межэтнические браки русских торговцев с аборигенами. В частности, аборигенную родню имел клан предпринимателей Киселевых из деревень Нялино и Конево [Конев, 1996, с. 7]. Еще одно торговое семейство — Коневы — вели свое происхождение от ермаковского казака и аборигенной женщины. Примечательна судьба одного из представителей этого семейства — Федора Папиловича Конева. В 1867 г., он, мальчик-сирота ханты, был крещен и усыновлен местным торговцем, а впоследствии женился на обрусевшей остячке [Конев, 1994а, с. 7; 1994б].

Аборигенами активно заимствовались орудия труда. По сведениям А.А. Дунина-Горкавича, в начале XX в. местные русские косили сено литовками, но у аборигенов еще сохранялась горбуша — не все они научились правильно отбивать лезвие косы [2010, с. 85–86]. Изменялись не только окружающие вещи, но и нравы людей. Трансформации затронули даже осуждаемое и разорительное пьянство аборигенов. «Некоторые после хорошего улова рыбы прямо садились на пароход и разъезжали от одной пристани до другой с той же целью пьянства, теряя дорогое промысловое время», — свидетельствовал Г.А. Пирожников [2002, с. 178]. Возросла вера в официальную медицину [Корсунский, 2008, с. 281]. Никита Сигильетов из Ларьякской управы «летом 1903 года возил жену на лечение в Томск, но съездил неудачно, будто бы всерачи-окулисты оказались в отпуске»; ездили и другие, жаждущие исцеления от слепоты, в Томск и Тобольск, правда тоже бесполезно [Пирожников, 2002, с. 31, 137].

Увеличивались также запросы аборигенного населения. В Алтайских юртах (на р. Конде) у старухи-остячки они еще были ограничены: «живет в отдельной хибарке и при своих невеликих потребностях: чай кирпичный без сахара, черный хлеб, немного рыбы и немного молока — вот все, что ее нужно для жизни, она довольна своей судьбой, дающей ей с кортомщиков по 20 рублей и по четверти водки в год», дополнительно занимаясь шаманством для остяков и русских [Корсунский, 2008, с. 262]. Самый зажиточный хозяин Полушаимского пауля Степан в 1892 г. числился вдовцом. Ранее был женат на русской, торговал. Сам Степан жил в трехкомнатном доме, где имелись сундуки, столы, скатерти, иконы в серебряных ризах. Примечательно его поведение: для русских путешественников он притащил кур, предназначенных духам [Инфантьев, 2005, с. 11–14].

Социокультурные изменения у обских угров на рубеже XIX–XX вв.

В аборигенной среде постепенно росли самоуважение и умение отстаивать свои интересы и права. По сведениям А. Алквиста, в середине XIX в. к р. Пельму «живущие южнее русские приходят охотиться, вогулы не пускают их в свои леса иначе, как только в составе своих артелей» [1999, с. 34]. Со стороны русских в долю входил хлеб, со стороны вогулов — их вотчинное право. Вся охотничья добыча делилась на равные части [Там же]. На Северном Урале в 80-е гг. XIX в. у вогулов отмечена не только имущественная дифференциация, но и факты угнетения сородичей, вплоть до спекулятивной продажи водки [Федоров, Иванов, 1886, с. 293–294]. А.А. Дунин-Горкавич фиксирует распространенность арендных отношений в Меньше-Кондинской волости между русскими и вотчинниками-вогулами [1995, т. 2, с. 319–322]. Он же приводит характерный случай, произошедший на зимней ярмарке 1901–1902 гг. в Сургуте. У местного торговца власти нашли облегченные гири для взвешивания товара. Обнаружение мошенничества вызвало большие толки среди аборигенов, причем многие из них «стали являться в суд один за другим с претензиями на то же самое лицо» [Дунин-Горкавич, 1995, т. 1, с. 269].

Сведения о доминировании рыночных отношений среди коренного населения имеются в очерке М. Корсунского: «с течением времени жажда к наживе пробуждается и у них. Уже появились свои кулаки, своя денежная знать, имеющая не одну тысячу рублей и не менее цепко, чем русские кулаки, держащая в своих руках и остяка и русского кортомщика. Но вообще остяки далеко не так уж беззащитны и не так нуждаются в покровительстве, как об этом всегда поется. Они отлично знают тобольские цены на рыбу, ягоды и на звериные шкуры и почти всегда выжидают подъема этих цен, и в кабалу они уж не очень-то легко идут». Непредвзятый путешественник также зафиксировал факты осуждения аборигенами взимания чрезмерной арендной платы сородичами с пришлого русского населения. Именно такой позиции придерживался в Юртах Байбалинских остяк Сергей Яковлевич, 70 лет. «Он далеко не по-остяцки мыслит, к русским благоволит и не любит, когда остяки “тянут шкуру” за кортом. Его очень почитают, а коли нужно что решить, то он является главным советчиком у жителей Байбалы». Интересно, что Сергей Яковлевич не пил и ненавидел «пьянство как губящий охотников разврат» [Корсунский, 2008, с. 267–268, 276, 310].

Допустимо сделать вывод, что интеграция как оптимальный вариант так и не стала полностью господствующей. Она переплеталась с ассимиляцией, в которой усвоение чужих ценностей сопровождалось фактическим отказом от родной культуры. Ассимиляция (или обрусение) реализовалась через заимствование хозяйственных достижений, усвоение грамоты и языка, смешанные браки [Поляков, 2002, с. 53–56]. Противоречивые процессы (интеграция и ассимиляция) распространялись с юго-запада на северо-восток, от городов к сельской местности, от полновластных мужчин к зависимым женщинам, от редких эпизодических контактов к постоянному межэтническому взаимодействию.

Ранее русский купец, как посредник-предприниматель для инородческих волостей, «закрывал» обслуживаемое им аборигенное население от внешних воздействий. Затем его фигура была дополнена аборигеном-трикстером, действующим и лицедействующим на свой страх и риск в русских городах и на ярмарках. Еще позднее на смену им обоим пришел «инородческий» торговец, уверенно чувствующий себя в любой местности, но также стремящийся изолировать «подопечных» ему жителей от большого мира. Дело оставалось за малым — рано или поздно локальные социумы должны были настолько адаптироваться к изменениям, чтобы эмансипировать себя от любых навязываемых им медиаторов. Но произошло это не в полном объеме и много позднее 1917 г. Нельзя не согласиться с высказыванием А.Д. Боготурова и А.В. Виноградова, авторов концепции конгломератного типа развития: «Анклав “традиционного” не обречен раствориться в окружающей его среде. Точно также анклав “современного” не гарантировано преобладание в масштабах всего общества» [Богатуров, Виноградов, 2002, с. 111]. Традиции и новации, архаика и рынок составляли, да и сегодня составляют, единую ткань изменчивого социального организма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Алквист А. Среди хантов и манси: Путевые записи и этнографические заметки. Томск: Изд-во ТГУ, 1999. 179 с.

Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития: Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М.: Прогресс-Традиция, 2002. С. 109–128.

Головнев А.В. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 606 с.

Головнев А.В. Кочевники тундры: Ненцы и их фольклор. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 344 с

Городков Б. Поездка в Салымский край: Путевой дневник // Ежегодник Тобольского губернского музея 1893–1918. Екатеринбург: Баско, 2007. С. 76–183.

Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.Л. Основы межкультурной коммуникации: Учеб. для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.

Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник. 1863. Т. 94. Отд. I. С. 352–388.

Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север: В 3 т. М.: Либерия, 1995–1996. Т. 1. 376 с.; Т. 2. 432 с.; Т. 3. 208 с.

Дунин-Горкавич А.А. Сборник трудов. 1907–1911. Екатеринбург: Баско, 2010. 196 с.

Инфантьев П.П. Жертва вогула; Рассказ из жизни вогула; Чары шаманов: Из путевых впечатлений по стране вогулов. СПб.: П.В. Луковников, 1912. 46 с.

Инфантьев П.П. Путешествие в страну вогулов. Тюмень: Мандр и К, 2005. 216 с.

Ершов М.Ф. Трикстер и город в традиционной культуре обских угров // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: Традиции и инновации: Материалы дистанц. науч.-практ. конф. «XIII Югорские чтения» (20 декабря 2014 г., Ханты-Мансийск). Воронеж: МАКС-ПРИНТ, 2015. С. 129–137.

Ершов М.Ф. Социокультурная эволюция отечественной провинции конца XVIII — начала XX в.: По материалам городов Северного Зауралья. Ханты-Мансийск: Печатный мир, 2017. 124 с.

Конев А.Ю. Дар, дань и торговля: Антропология взаимодействия автохтонов Сибири и русских в XVII–XIX вв. // ЭО. 2017. № 1. С. 43–56.

Конев В. Юрты Нялино // Югра. 1996. № 2. С. 7–11.

Конев Ю.Е. Деревенька моя русско-угорская // Югра. 1994а. № 2. С. 7–11.

Конев Ю. Почему исчезла деревня Коневы? // Югра. 1994б. № 8. С. 49–51.

Корсунский М. Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Подорожник: Краевед. альманах. Тюмень, 2005. Вып. 5. С. 232–318.

Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: ИАЭ РАН, 1998. 235 с.

Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — пер. пол. XIX в.: Историко-этнографический очерк. Новосибирск: Наука, 1975. 308 с.

Павловский В. Вогулы. Казань: Типо-литография имп. ун-та, 1907. 227, II, VIII с.

Перевалова Е.В. Северные ханты: Этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.

Пирожников Г. Обь-Иртышский Север: Этнографический очерк // «Такой далекий и такой близкий Обь-Иртышский север»: Ист.-краевед. сборник. Сургут: Сев.-Сиб. регион. кн. изд-во, 2002. С. 89–191.

Побережников И.В. Фронтирная модернизация в истории России // Экономическая история. 2013. № 2 (21). С. 18–23.

Поляков И.С. Письма и отчеты о путешествии в долину р. Оби, исполненные по поручению Императорской академии наук. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2002. 200 с.

Поплавский Р.О., Темплинг В.Я., Черепанов М.С., Шишелякина А.Л. Адаптация социокультурных сообществ в переходные периоды модернизации: Концептуальная рамка исследования российского региона // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 4 (39). С. 144–151.

Шульц Л. Краткое сообщение об экскурсии на реку Салым Сургутского уезда // Ежегодник Тобольского губернского музея 1893–1918. Екатеринбург: Баско, 2007. С. 208–226.

Федоров Е.С., Иванов П.П. Сведения о Северном Урале // Известия ИРГО. 1886. Т. XXII. Вып. III. С. 255–298.

Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.; М.: Университет. книга АСТ, 1997. 318 с.

M.F. Ershov

Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development
Mira st., 14A, Khanty-Mansiysk, 628011, Russian Federation

E-mail: mfershov@mail.ru

MANIFESTATIONS OF SOCIO-CULTURAL CHANGE IN THE OB UGRIANS CULTURE AT THE TURN OF THE 19th–20th CENTURIES

The problem of adaptation of societies to global changes is known to be one of the most challenging for research in humanities. Processes involved with the breakdown of traditional society and transition to market relations are affecting all ethnic groups, with those in the periphery suffering the most. The purpose of the article is to analyse the form of socio-cultural change in the Ob Ugrian culture that occurred during the last period of Imperial Russia. The work is based on materials collected in the Yugra region, historical psychology methods and intercultural communication theories. It is shown that the inhabitants of the Northern part of the Tobolsk Governorate chose different scenarios when the previous stability had been undermined. Initially, the associated mental discomfort urged some representatives of the indigenous population to demonstrate antisocial behaviour. However, at later adaptation stages, the people's self-esteem and desire to defend own interests and rights was gradually restored. The behaviour of the indigenous population was realized through a spontaneous generation of protective adaptive mechanisms under the continuously growing external influence. These mechanisms were manifested in the denial or, conversely, in the uncritical perception of alien values, in the partial assimilation of economic skills and the attributes of a new life, in the assimilation of literacy and language, in mixed marriages, in the

development of rental relations, in the transition to entrepreneurship, in the property differentiation. The described contradictory processes of socio-cultural change and acculturation (separation, marginalization, assimilation, integration) were spreading across the entire Yugra region: from the South-West to the North-East, from towns to taiga wilderness. They affected both sovereign men and dependent women, short-term contacts and permanent interethnic interaction. By the turn of the 19th–20th centuries, the dominant acculturation version of the Ob Ugrians had been their integration with Russian culture. However, the final assimilation has not been achieved so far, as well as a complete emancipation of the indigenous societies from Russian merchants, native entrepreneurs and other intermediaries with the outside world.

Key words: adaptation, acculturation, assimilation, changes, integration, marginalization, Ob Ugrians, entrepreneurship, market, separation.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-151-157

REFERENCES

- Ahlqvist A. (1999). *Among the Khanty and Mansi: Travel and ethnographic notes*, Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 179 p.
- Bogaturov A.D., Vinogradov A.V. (2002). Enclave-conglomerate type of development: Experience of trans-system theory. *Vostok-Zapad-Rossiya*, Moscow: Progress-Tradicija, 109–128.
- Dunin-Gorkavich A.A. (1995–1996). *The Tobolsk North: In 3 vol.*, Moscow: Libereja, vol. 1, 376 p.; vol. 2, 432 p.; vol. 3, 208 p.
- Dunin-Gorkavich A.A. (2010). *Collection of works. 1907–1911*, Ekaterinburg: Basko, 196 p.
- Ershov M.F. (2015). Trickster and the town in the traditional culture of the Ob Ugrians. *Korennyye malochislennyye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: Tradicii i innovacii: Materialy distanc. nauchno-prakt. konf. «XIII Jugorskie chteniya» (20 dekabrya 2014 g., Khanty-Mansiysk)*, Voronezh: MAKS-PRINT, 129–137.
- Ershov M.F. (2017). *Socio-cultural evolution of the domestic province of the late XVIII — early XX centuries: on materials of the towns of the Northern Urals*, Khanty-Mansiysk: Pechatnyj mir, 124 p.
- Fedorov E.S., Ivanov P.P. (1886). Data on the Northern Urals. *Izvestija Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva, XXII(III)*, 255–298.
- Freud S. (1997). *Jokes and Their Relation to the Unconscious*, St. Petersburg; Moscow: Universitet. kniga AST, 318 p.
- Golovnev A.V. (1995). *Talking cultures: Samoyed and Ugrian traditions*, Ekaterinburg: UrO RAN, 606 p.
- Golovnyov A.V. (2004). *The nomads of tundra: The Nenets and their folklore*, Ekaterinburg: UrO RAN, 344 p.
- Gorodkov B. (2007). The trip to Salym lands: Travel diary. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeja 1893–1918*, Ekaterinburg: Basko, 76–183.
- Grushevitskaya T.G., Popkov V.D., Sadokhin A.L. (2003). *Basics of intercultural communication: Textbook for universities*, Moscow: JuNITI-DANA, 352 p.
- Gubarev K. (1863). From Tobolsk to Beryozovo. *Sovremennik*, 94(I), 352–388.
- Infanteyev P.P. (1912). *The sacrifice of the Voguls; The story of life of the Voguls; Enchantments of the shamans: From the travel experiences over lands of the Voguls*, St. Petersburg: P.V. Lukovnikov, 46 p.
- Infanteyev P.P. (2005). *Travel to the lands of the Voguls*, Tyumen: Mandr i K, 216 p.
- Konev A.Yu. (2017). A gift, tribute and trade: The anthropology of the interaction of aborigines of Siberia and the Russians in the XVII–XIX centuries. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1), 43–56.
- Konev V. (1996). Yurts of Nyalino. *Jugra*, (2), 7–11.
- Konev Yu.E. (1994a). My Russian-Ugic village. *Jugra*, (2), 7–11.
- Konev Yu. (1994b). Why did the village Konevo disappear? *Jugra*, (8), 49–51.
- Korsunskiy M. (2005). Essay of excursion on the Konda River in the summer of 1908. *Podorozhnik: Kraevedcheskij al'manah*, (5), 232–318.
- Martynova E.P. (1998). *Essays on the history and culture of the Khanty*, Moscow: In-t antropologii i etnologii RAN, 235 p.
- Minenko N.A. (1975). *North-Western Siberia in the XVIII — the first half of XIX centuries: Historical and ethnographic essay*, Novosibirsk: Nauka, 308 p.
- Pavlovskiy V. (1907). *The Voguls*, Kazan: Tipo-litografija imp. un-ta, 227, II, VIII p.
- Perevalova E.V. (2004). *The Northern Khanty: Ethnic history*, Ekaterinburg: UrO RAN, 414 p.
- Pirozhnikov G. (2002). The Ob-Irtys North. Ethnographic essay. «*Takoj dalekij i takoj blizkij Ob'-Irtyskij sever*»: *Istoriko-kraevedcheskij sbornik*, Surgut: Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izd-vo, 89–191.
- Poberezhnikov I.V. (2013). Frontier modernization in the history of Russia. *Ekonomicheskaya istoriya*, (2 (21)), 18–23.
- Polyjakov I.S. (2002). *Letters and reports about the travel to the valley of the Ob River, executed on assignment of the Imperial Academy of Sciences*, Tyumen: Izd-vo Ju. Mandriki, 200 p.
- Poplavskiy R.O., Templing V.Ya., Cherepanov M.S., Shishelyakina A.L. (2017). Adaptation of socio-cultural communities in transition periods of modernization: Conceptual framework of the research of Russian region. *Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii*, (4 (39)), 144–151.
- Shults L. (2007). The brief report about the excursion on the Salym River of Surgut District. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeja 1893–1918*, Ekaterinburg: Basko, 208–226.

В.Н. Адаев

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: whitebird4@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ: СОВРЕМЕННЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ЖИЗНИ ТУНДРОВЫХ НЕНЦЕВ-ОЛЕНЕВОДОВ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА

Рассматриваются новые предметы, вошедшие в последние десятилетия в быт тундровых ненцев и их перспективное влияние на традиционный оленеводческий комплекс. Акцент сделан на тех новшествах или их аспектах, которые не нашли отражение в современных исследованиях. В частности, представлены такие сферы как оленеводческий инвентарь, жилище, транспорт, средства связи, игрушки и развлечения. Сделан вывод, что присутствие, распространение и функционирование указанных инноваций в быту тундровых ненцев нередко становится эффективным катализатором больших и стремительных изменений, последствия которых могут стать разрушительными для тундрового ненецкого оленеводства, как традиционного хозяйственного комплекса.

Ключевые слова: этнография Сибири, кочевые народы, технологические инновации, устойчивость культуры, традиционные знания.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-158-168

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг. Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

Введение

Одной из характерных черт ненецкой культуры является ее высокая устойчивость, способность к быстрой адаптации и восприятию нового в меняющихся условиях. Данная особенность неоднократно становилась предметом пристального внимания исследователей-этнографов. Непосредственно теме соотношения «традиционного» и «нетрадиционного» в ненецкой культуре была, в частности, посвящена монография Г.П. Харючи [2001], по этим вопросам неоднократно высказывался А.В. Головнёв [Golovnev, Osherenko, 1999; Головнёв, 2012; и др.], отдельные аспекты проблемы затрагивали и другие специалисты [Истомин, 2015; Liarskaya, 2009; Stammler, 2009; Tuuisku, 2002; и др.], некоторые из которых будут упомянуты далее.

Оставив в стороне очевидную связь новаций и традиций в любой этнической культуре, неизбежность их сосуществования и непрерывную трансформацию наиболее успешных новаций в традиции, хотелось бы подчеркнуть одну деталь: культуре ненецких кочевников свойственен особенный динамизм и активное движущее начало — они не просто легко воспринимают приходящие извне новшества, касающиеся повседневного быта, но и сами постоянно готовы к поиску и эксперименту для повышения качества своего жизнеобеспечения. В наше время этот процесс особенно ускорился и активизировался. Поднимаемая тема является частью более масштабной проблемы адаптации ненецких тундровиков к современным условиям активного промышленного освоения северных территорий.

В данной работе рассматриваются новые материалы, предметы и технологии, вошедшие в быт тундровых ненцев-олленеводов в последние десятилетия. Ее специфика и новизна состоят, во-первых, в том, что основной акцент сделан на освещении тех заимствованных ненцами элементов материальной культуры или их особенностях, которым не было уделено пристальное внимание в предыдущих исследованиях. Во-вторых, работа выстроена в практическом ракурсе, центральным для нее является ответ на вопрос, который имеет принципиальное значение для оценки дальнейших перспектив существования ненецкой культуры: не пересекается ли в инновациях современности некая грань, чреватая необратимыми разрушительными последствиями для оленеводства тундровых ненцев?

Апелляция именно к данной отрасли хозяйства кочевников вполне обоснована. Оленеводческий комплекс является, по сути, стержнем, базисом традиционной ненецкой культуры. Он

обеспечивает ненцам высокий уровень экономической самодостаточности и социальной автономии, выступает одной из ключевых характеристик их этнической идентичности. Не случайно история Западной Сибири помнит примеры, когда лишившиеся своих стад ненцы-рыболовы через какое-то время начинали числиться хантами и, наоборот, вышедшие в тундру семьи богатых хантыйских оленеводов ассимилировались и входили в качестве новых родов в состав ненецкой общности (см., напр.: [Васильев, 1988, с. 102; Квашнин, 2010]).

В методологическом отношении работа базируется на системном исследовательском подходе, и в частности схеме, предложенной для анализа арктических моделей жизнеобеспечения И.И. Крупником [1989, с. 24–25]. В ее рамках главными составляющими тундрово-ненецкого оленеводческого комплекса предстают пастбищные угодья, хозяйственный коллектив, домашние животные (оленье стадо, пастушеские лайки) и производственно-бытовой инвентарь. В качестве ключевых характеристик традиционного тундрового ненецкого оленеводства можно выделить следующие: крупностадность; высокий уровень специализации хозяйства; транспортное (нартенное) использование оленей; применение пастушеских оленегонных собак; сложившаяся система протяженных сезонных перекочевок вслед за оленями; проживание в переносных жилищах — чумах; семейный коллектив (с жестким гендерным разделением труда) как минимальная единица хозяйственного объединения. Отдельно отмечу обширный и разносторонний опыт, которым владеют ненецкие оленеводы и передают его следующим поколениям: глубокое знание биологии северного оленя и особенностей территории выпаса, навыки дрессировки оленей и собак, умение изготавливать и использовать весь оленеводческий и кочевой инвентарь, мастерство ориентирования на местности в сложнейших условиях и пр.

Исследование в значительной степени основано на полевых материалах, собранных в последние десять лет среди ненецких оленеводов Тазовского, Приуральского и Ямальского районов ЯНАО.

Замена предметов на близкие аналоги

Процесс включения в обиход оленеводов новых материалов, предметов и технологий непрерывен. В 1930–1970-х гг. в быт кочевых ненцев вошли печь-буржуйка, металлическая и пластиковая посуда, резиновые лодки, снегоходы «Буран», радиоприемники, рации и бинокли. Сегодня мало кого удивляет всеобщее использование тундровиками в качестве летней обуви резиновых сапог, то, что их традиционные очки с узкими прорезями для защиты глаз от солнца повсеместно сменились обычными солнцезащитными очками и что старые деревянные лодки у оленеводов теперь лежат невостребованными на местах стоянки летних нарт, а люди пользуются надувными резиновыми лодками.

В приведенных примерах атрибут традиционной культуры был полностью заменен его функциональным аналогом — более практичным предметом промышленного производства. Ненцы в этом случае руководствуются очевидными мотивами: заимствованный предмет лучше выполняет нужную функцию, он более надежен, долговечен и, что немаловажно, часто удобнее в хранении и транспортировке. В подобной ситуации замещение предметов подчас происходит стремительно и бесповоротно, как это случилось с летней ненецкой обувью *тангад*¹, на смену которой пришли резиновые сапоги: «*Раньше ненцы летом в кисах ходили из шкур сделанных. Я сам с малолетства тоже ходил. В 1956-м году, я помню, когда рыбачили и там линячих гусей ловили. А тогда первые сапоги появились, один хвастается: “У меня резиновые сапоги”. А у меня кисы. Я на лодке сижу и плачу. А мне-то на берег хочется, а как в кисах? Сиди, говорит, малой, у тебя сапог нету. В первый раз, тогда резиновые сапоги появились*» (2013 г., оленевод-частник Гыданской тундры, 1949 г.р.).

Интересным вариантом этого же ряда является частичная (сезонная) замена предмета. Например, ненцы продолжают использовать для ловли оленей плетенный из кожаных ремешков тынзян, но в летнее время предпочитают ему аркан из капронового шнура, так как последний более устойчив к воздействию влаги. Нужно заметить, что у ненцев имелся собственный «влагоустойчивый тынзян», изготавливавшийся из шкуры морского зайца (*нарти хоба*), он выгодно отличался тем, что не только не намокал, но и не перекручивался в процессе использо-

¹ *Тангад* — летняя замшевая обувь ненцев особого покроя, для повышения влагозащиты её сильно продымляли, однако полностью защитить ноги от промокания она не могла. «*Тангад — летние кисы, их раньше носили. В один слой были, шерстью внутрь. Сверху кожу собирали “гармошкой”, как русские лапти, они быстро сохли*» (2012 г., оленевод Тазовской тундры, 1958 г.р.).

вания. Однако, как и некогда использовавшиеся немокнувшие кисы ненецких рыбаков из нерпичьей шкуры (*няк" пива"*), этот предмет не оказался конкурентоспособным по отношению к промышленным аналогам, и сегодня его можно встретить в тундре крайне редко. Объясняется это, во-первых, тем, что предметы из продукции морского зверобойного промысла всегда имели ограниченное распространение из-за дефицита исходных материалов; во-вторых, они предполагали довольно трудоемкое изготовление и требовали более бережного обращения, нежели вещи из капрона и резины.

Довольно часто ненцы начинают использовать для изготовления вещей новые материалы, при этом не обязательно меняется технология производства и не всегда уходит в небытие традиционное сырье. Так, в качестве материалов для изготовления оленьей упряжи уже прочно вошли в обиход пластмасса (используются фрагменты промышленных труб, бытовых ведер и других предметов), полипропиленовый шпагат. Предметы, изготовленные из этих материалов, часто отличаются яркой расцветкой, прочны, устойчивы к воздействию сырости, оледенению, кроме того, являются несъедобными (в отличие от кости, рога и кожи) для домашних животных. Ненцы, в частности, отмечают, что домашние олени нередко повреждают изготовленные из рога предметы, так как грызут их от нехватки в организме минеральных веществ. Своя эстетика отличает и яркую разноцветную упряжь, изготовленную из пластика (рис. 1), и высокохудожественные детали, вырезанные из оленьего рога, мамонтовой кости, бивня моржа или костей кита. Эти предметы беспрепятственно сосуществуют вместе.

Рис. 1. Современные детали оленьей упряжи из рога и пластмассы. Фото автора.

Fig. 1. Modern elements of reindeer harness made of horn and plastic. Photo by the author.

Полозья нарт ненцы теперь часто подбивают пластиком или металлом, благодаря чему их можно делать не такими толстыми, они лучше скользят и служат дольше. В отдельных районах Приуральской тундры оленеводы с гордостью утверждают, что их полозья подбиты металлом от упавших конструкций космических аппаратов. Неожиданным минусом пластиковых или металлических набоев на полозья, как ни парадоксально, подчас оказывается их великолепное скольжение. При резком торможении упряжки, например, когда олени чувствуют, что впереди под снегом скрывается заметный овраг, подбитые нарти не могут остановиться сразу и иногда увлекают под кручу и оленей, и человека. Однако очевидно, что этот риск не стал препятствием для распространения новых материалов.

Новые предметы ненецкого быта

Не менее обыденной является практика включения в обиход абсолютно новых предметов — в основном это технические приспособления и устройства. Именно они в массовом количестве вошли в использование тундровыми ненцами в последние десятилетия: портативные бензиновые

электростанции, бензопилы, телевизоры, спутниковые телевизионные тарелки, DVD-проигрыватели, сотовые и спутниковые телефоны, навигаторы и др. Нужно подчеркнуть, что для пользования почти всей этой техникой необходимо топливо (бензин, газоконденсат) — либо для их непосредственной заправки, либо для обеспечения работы питающего их электродвигателя, зарядки аккумуляторов. Ограниченные возможности транспортировки больших запасов топлива (прежде всего в летнее время), а также сложности с его приобретением выступают некоторым сдерживающим фактором на пути более широкого использования ненцами данных технических средств. Нередко таким ограничителем выступает высокая стоимость приборов при их недостаточной острой востребованности, это касается, например, спутниковых телефонов. Не случайно спутниковые телефоны (так же как и рации) редко приобретаются самими оленеводами, как правило, их закупают для ненцев окружные власти или общественные организации. Кроме того, существуют некоторые ограничители и в отношении самих технических средств: для ненцев жестким критерием отбора при выборе моделей и вариантов техники является их сочетаемость с условиями кочевого образа жизни: отбор не проходят громоздкие и тяжелые предметы, неудобные в транспортировке. Показательно, например, что телевизоры со спутниковыми телевизионными антеннами («тарелками») из-за сложностей их перевозки используются во многих ненецких хозяйствах только в зимнее время.

Отдельного внимания на этом фоне заслуживает сотовый телефон — прибор связи, стремительно вошедший в жизнь ненецких оленеводов в последние 10–15 лет². Этнограф Ф. Штаммлер предрекает этому техническому средству поистине революционное воздействие на жизнь ненцев. Среди факторов, обеспечивающих его органичное вхождение в обиход оленеводов, немецкий исследователь указал относительную дешевизну, малый размер, легкость, энергоемкость и практически безграничные пространственные масштабы сообщения с внешним миром [Stammler, 2009, p. 52, 72].

Рис. 2. Регулярная зарядка мобильных телефонов на стойбище в Тазовской тундре. Фото автора.

Fig. 2. Regular charging of mobile phones at a nomad camp in the Tazovskaya tundra. Photo by the author.

Перспективы использования мобильного телефона тундровиками впечатляют. Как отмечают сами оленеводы, благодаря мобильным телефонам они получили возможность легко координировать действия друг друга на расстоянии (например, во время поиска убежавших оленей, перегона стада), намечать встречи, обговаривать условия сделок, информировать о своих перемещениях, состоянии пастбищ, вызывать экстренную помощь, быть в курсе последних новостей у знакомых и родных и т.д. Широкое распространение мобильных телефонов позволяет ненцам использовать новый способ мелких денежных расчетов между собой: требуемая сумма перечисляется на теле-

² Оленеводы Тазовской тундры рассказывали, что смогли начать пользоваться сотовыми телефонами в окрестностях п. Тазовский примерно с 2002 г.

фонный баланс другого человека, причем это можно сделать, даже находясь от него на большом расстоянии. Для молодежи и детей телефон стал популярным средством развлечения: они пользуются игровыми приложениями, слушают музыку, просматривают видеозаписи и фотографии. И именно наличие сотовых телефонов подчас становится основной причиной необходимости возить с собой летом портативный электродвигатель (рис. 2). *«Сейчас у нас на бригаду один движок-киловатка — пять лампочек и три телевизора тянет. Мы на лето один движок на всех берем. Кто-то другой бензин везет — так распределяем груз. Пока сотовые телефоны не появились, движок летом не нужен был»* (2012 г., оленевод Тазовской тундры, 1987 г.р.).

Возможности использования сотовых телефонов кочевыми ненцами напрямую связаны с расширением зоны покрытия сигнала телефонной связи. Сначала единственными местами, где действовала телефонная связь, были лишь крупные населенные пункты и их окрестности. Однако с установкой приемопередающих антенн на местах разработки нефтегазовых месторождений и проведения строительных работ возможности пользования мобильным телефоном появились даже в удаленных районах тундры. Применение практики СМС-сообщений позволяет тундровикам передавать и получать необходимую информацию, находясь и вне зоны устойчивой телефонной связи.

Наряду с очевидными преимуществами, которые предоставляет тундровым ненцам использование мобильного телефона и других технических средств, нельзя не указать на их масштабное воздействие на быт и культуру оленеводов. Ф. Штаммлер даже высказал опасение, что мобильная телефонная связь в перспективе может ускорить размеренный ритм тундровой жизни, что грозит ростом ошибок в принятии серьезных решений и постепенной потерей свободы, столь высоко ценимой тундровыми кочевниками [Stammlier, 2009, p. 70]. Сами оленеводы отмечают, что появление в их быту телевизоров, видеомагнитофонов и отчасти сотовых телефонов уже ощутили сказалося на формах проведения досуга (люди стали гораздо меньше общаться между собой, читать, играть в шахматы) и даже стало одной из причин угасания фольклорных традиций: *«Собираться, как раньше, в одном чуме, рассказывать сказки — такого сейчас нет. Каждый развлекается по-своему: дети мультики смотрят на проигрывателе, мы фильмы смотрим»* (2012 г., оленевод-частник Тазовской тундры, 1981 г.р.)³.

Символично также полушутливое высказывание одного из оленеводов, что теперь вместо сказаний и песен ненцы при встрече чаще обмениваются DVD-дисками. В определенной мере такая подмена фольклора продукцией кинематографии действительно происходит, причем подобные процессы отмечаются и у других народов Севера Западной Сибири. Так, З. Надь в качестве одного из объяснений особенной популярности боевиков у васюганских хантов предложил жанровое сходство угорского героического эпоса с телевизионными фильмами, демонстрирующими сражения и кровавые битвы [2013, с. 30–33].

Еще более масштабные и трудно предсказуемые последствия для образа жизни тундровиков можно ожидать от внедрения в оленеводство специальных электронных технологий. С 2008 г. в ЯНАО постепенно начала распространяться практика использования микрочипов для упрощения учета и идентификации оленей. Подобный опыт уже имеется у оленеводческих предприятий ОАО «Салехардагро», МОП «Ярсалинское». Не приходится сомневаться, что внедряемая «извне» технология будет по достоинству оценена самими ненцами и, если оленеводы почувствуют, что она приносит им практическую выгоду, они будут активно способствовать ее распространению и развитию. Неслучайно среди жителей Ямальской тундры ходят рассказы о том, что электронные устройства подобного рода, помогающие вести учет оленей, как будто бы применяются уже отдельными оленеводами-общинниками.

Именно оленеводы-общинники нередко становятся инициаторами планов реорганизации самой системы выпаса, выражают готовность кардинального изменения конструкции пастушеского жилища, размышляют о внедрении научно выверенной селекции, искусственной подкормки оленей. Характерным примером являются идеи, высказанные в интервью общинником Надымского района М. Яром (олeneводческая община «Хамба», Надымский район): *«Это в тундре чум — незаменимое жилище, а в Надымском районе почва совершенно другая. По осени чуть прошел дождь — жилище в воде. Его надо переставлять чуть ли не каждый день. Это хлопотно. Каслать не так удобно, как в тундре. Много кочек, оленью большую нагрузку не дашь. Поэтому для этой зоны удобнее домики. А для кочевков — выбрать вариант палатки или складного чу-*

³ ПМ Р.Х. Рахимова, Тазовский район, 2012 г.

ма. Я такой в Норвегии себе присмотрел. Собирается быстро, изготовлен из прочных и одновременно легких материалов. Кроме того, со сменой территории у оленя поменялась кормовая база, стало наблюдаться белковое голодание. Значит, необходима подкормка. Сейчас проведу исследования, чтобы точно знать как» [Мещерякова, интернет-ресурс].

Еще один электронный прибор — спутниковый навигатор в 2010-е гг. начал свое стремительное распространение среди ненцев. Эта тема нашла отражение в специальном исследовании К.В. Истомина [2015], поэтому здесь мы остановимся лишь на ее отдельных нюансах. Во-первых, навигатор, наряду с компактностью и простотой в использовании, обладает одним непревзойденным качеством: он дает информацию о местонахождении сразу в привязке к местности. Вероятно, по этой причине прибор, в отличие от компаса, легко получил широкое признание среди тундровиков. Во-вторых, нужно отметить специфику использования GPS-навигатора оленеводами: они, как правило, используют лишь одну функцию прибора — указание текущего местоположения на карте. Причем большую часть времени прибор остается выключенным для экономии заряда батарей, а обращаются к его помощи на остановках и только при появлении сомнений в правильности выбранного пути. Излишне полагаться на электронное устройство большинство ненцев считают опасным, и, скорее всего, оно так и останется достаточно эффективным, но все же резервным средством ориентирования.

Кратко остановлюсь также на современном использовании снегоходов. Снегоход «Буран» начал постепенно распространяться среди ненцев с 1970-х гг. Отличительная черта сегодняшнего дня: для оленеводов ЯНАО стало престижным иметь снегоход зарубежных моделей «Yamaha» или «Scandic», которые считаются наиболее надежными и мощными. Показательно, что снегоходы становятся предпочтительным видом транспорта для поездок в поселки и города с целью доставки продуктов и промышленных товаров, для выездов в гости.

Немного отвлекаясь, можно добавить, что у части тундровых ненцев сформировался даже своеобразный этикет для поездок в крупные населенные пункты, позволяющий, по их словам, более комфортно чувствовать себя, встречаясь с поселковыми людьми. Проявляется он в том, что тундровики стараются выглядеть более «цивилизованно»: выезжать предпочитают на снегоходе (а не на оленях), на себя надевают европейскую одежду либо особую малицу, внутренняя (ворсовая) часть которой подшита цигейкой или другим материалом. Дело в том, что шерсть с малицы в теплом помещении начинает осыпаться, кроме того, повседневная меховая одежда имеет специфический резкий запах, что нередко вызывает недовольство поселковых людей (включая даже родственников), провоцирует взаимные обиды и ссоры. Характерное высказывание по этому поводу: *«Еще зайдешь куда-нибудь в гости, или к своим дочерям, они: вот, ты шерсть натряс! Или: ты тут воняешь — чумом или чем»* (2012, оленевод Тазовской тундры, 1951 г.р.).

Снегоход в сравнении с оленьей упряжкой, безусловно, имеет как свои очевидные преимущества, так и недостатки, которые отчасти препятствуют окончательной замене живой тягловой силы на механическую (см.: [Stammler, 2009, p. 71–72; Tuuisku, 2002, p. 203]). Отдельно отмечу лишь такую характерную особенность, как ограниченную сезонную возможность использования снегохода, в то время как оленный транспорт может использоваться круглогодично. Признавая незаменимость оленей в летнее время и тяжесть выпадающей им в этот сезон работы, тундровики иногда шутят, что нелегкий летний труд животных — это компенсация за тот отдых, что олени получают зимой, ведь многие пастухи даже для объезда стада в зимнее время пользуются не упряжкой, а снегоходом. В итоге мы здесь наблюдаем сходную ситуацию ограниченной замены, что и с ненецким тынзяном. В целом очевидно, что, пока сохраняется традиционная форма выпаса оленей, снегоход, даже современных зарубежных моделей, на большинстве территорий не способен для ненцев полностью заменить оленью упряжку.

Завершая разговор о технических устройствах, приведем некоторые общие статистические показатели владения техникой у кочевых ненцев ЯНАО. Ю.В. Попков и Е.А. Тюгашев по материалам своих социологических исследований 2006–2007 гг. сообщают: около 70 % кочевых ненцев имеют снегоход, около 58 % — радиоприемник, около 27 % — портативную радиостанцию, около 17 % — портативную электростанцию, около 15 % — телевизор [Попков, Тюгашев, 2007, с. 86]. Не приходится сомневаться, что оснащенность техническими средствами и их разнообразие в быту тундровых кочевников будут только расти, причем рост этот, скорее всего, останется неравномерным в разных ненецких коллективах. Сегодня среди трех категорий ненецких оленеводов — частники, общинники, работники крупных предприятий именно последние, как правило, лучше других оснащены техникой, так как располагают для этого необходимыми денежными средствами. Кроме того,

оленоводство в крупных хозяйствах (наследниках оленеводческих совхозов) многие десятилетия ведется при существенной поддержке авиации и вездеходов, особенно в летнее время года. С помощью воздушного или наземного транспорта предприятия доставляют работникам своих бригад необходимые продукты питания и материальные ценности, осуществляют ветеринарное обслуживание стад. Очевидно, что тенденция зависимости ненецких оленеводов от внешних ресурсов и услуг с развитием технического оснащения будет только развиваться.

Отдельного рассмотрения заслуживают некоторые новшества в материалах и технологиях, которые коснулись такого важного атрибута кочевой жизни ненцев, как чум. Г.П. Харючи, называя в числе ненецких инноваций, связанных с чумом, использование брезента и дорнита для летнего покрытия жилища, обустройство окон и привходовых тамбуров, отмечает как выраженную тенденцию — создание все новых физических удобств человеку при одновременном снижении степени сакрализации жилого пространства и его атрибутов [2001, с. 201]. Действительно, многие оленеводы теперь не устанавливают в чуме специальный священный шест (*сымзы*), не имеют в жилище культовых предметов, не возят с собой священные нарты. Обычно такое положение дел ненцы объясняют нежеланием придерживаться строгих запретов и правил, связанных с сакральными атрибутами, за несоблюдение которых может последовать наказание высших сил. Однако, скорее всего, за этим кроется не только стремление избежать лишних «неудобств», но и возможная неуверенность в своих знаниях культовых правил и запретов.

Выше уже приводились идеи одного из ненецких оленеводов поменять традиционный чум на более удобную складную конструкцию, данная инициатива не является единичным случаем. Интересные наблюдения по этому поводу были сделаны одним из тундровых ненцев-рыбаков. Он рассказал о казавшихся ему забавными попытках молодых тундровиков внести свои улучшения в интерьер чума или в практику его обогрева. Текст рассказа, демонстрирующего торжество веками проверенных традиций, отличается живописностью изложения и нескрываемой иронией: *«Тут же современной молодежи-то много, вот этих причендалов напридумывали — то у них потом чум снегом заметет или еще что-то... Зимний чум-то, он же с двух шкур — одна шкура наружу шерсть, вторая вовнутрь. И там надо такую, непостоянную температуру — буржуйка топится, нагрелась, какое-то время тепло подержалось, потом она остыла. Между шкурами получается конденсат, его отхлопывать надо. А два молодых у нас два керосиновых обогревателя поставили, говорят: да у нас вообще тепло, мы эти включаем — нормально же. А чум же потом разбирают — короче, потом все их шкуры облезли. Это сколько работы потом — чум-то зашивать! А есть такие, которые солярой только топят,— там потом все в копоти, шесты, шкуры. Еще, раньше же делали на полу со стороны постели 3–4 доски, ну чтобы было куда наступать. А сейчас молодежь пошла — на эти доски начали делать линолеум. Вот сам даже зайдешь, когда ты на доски наступаешь, доски сделаны — скат сюда немножко с одной доски, следующая тоже так же. Тот же песок или вода — все, оно туда стечет вниз. А на этом линолеуме ты за день сколько раз подметешь? И еще сырость — под ним же влага, плесенью отдает, и доски гниют. Потом вот эти матрасы. Из веток раньше делали и до сих пор делают. Они же легкие и там толщина, и между ними получается, что дышит. А современные сейчас положили утеплители такие, поролоновые, с фольгой. Потом говорят: да это невозможно – через неделю, наверно, постель сушим, все мокнет — выкинули это все. Мне говорят: не вздумай эту ложить, лучше ветки положить, брезентом и все. Оказывается, надо, чтобы дышало. Я говорю: вот, оказывается, раньше люди придумывали для чего»* (2012 г., рыболов Тазовского р-на ЯНАО, 1972 г.р.).

Тем не менее реальная альтернатива чуму у ненецких тундровиков все-таки появляется. В последние десятилетия среди гыданских и тазовских оленеводов набирает все большую популярность новый вариант зимнего жилища — балок на полозьях, приспособленный для перевозки упряжкой из 6–8 оленей⁴ (рис. 3).

Для изготовления балка используются деревянные бруски, фанера, гвозди, стекло, металлические уголки. Крыша покрывается оленьими шкурами, часть ненцев начала применять для этой цели брезент с утеплителем, так как шкуры из-за сильного конденсата влаги на крыше до-

⁴ Практика использования балка в качестве кочевого жилища пришла в Тазовский район с Таймыра. Считается, что прообразом балка послужила кибитка на полозьях, которую в XIX в. использовали русские купцы для поездок в таймырскую тундру. Сначала в качестве жилища балок стали применять долганы, от которых его заимствовали нганасаны, а от них энцы и ненцы. Так, у таймырских ненцев, проживающих на реках Б. и М. Хета, Соленая, первые балки появились в конце 1950-х — начале 1960-х гг. [Васильев, 1994, с. 430; Квашнин, 2009, с. 103, 110].

Трансформация культуры: современные материалы и технологии в жизни тундровых ненцев...

вольно быстро теряют ворс. Данная постройка удобна прежде всего тем, что не требует, в отличие от чума, постоянной сборки и установки. Быстрое распространение балка среди оленеводов несколько сдерживается рядом его недостатков: сложностью транспортировки по пересеченной местности; чрезмерными физическими нагрузками для ездовых оленей; ограниченностью жилого пространства; появлением затхлых запахов; значительными перепадами температуры в течение суток и др. Один из пожилых оленеводов так прокомментировал свое нежелание жить в балке: «Балок таскать шесть-восемь оленей надо — не везде проедешь. В нарты-то больше четырех у нас не запрягают, потому что кусты и кочки кругом. Олени балок таскают — у них потом суставы болят. Потом в балке места мало — больше одного человека в гости не позовешь. То сильно жарко, то холодно, заболеть можно от этого. Я лучше в чуме жить буду» (2012, оленевод-частник Тазовской тундры, 1958 г.р.).

Рис. 3. Строящийся оленеводческий балок, Тазовская тундра, 2012 г. Фото автора.

Fig. 3. A reindeer herder's balok under construction in the Tazovskaya tundra, 2012. Photo by the author.

Хотелось бы обратить особое внимание на то, как ограниченное пространство балка диктует новые реалии жизни оленевода: хозяин не может принять у себя дома большое количество гостей. Таким образом, вновь становится очевидным, что отдельные новшества в материальной культуре ненцев (распространение телевизоров, сотовых телефонов, балков) могут неожиданным образом влиять на социальные стороны жизни людей.

Воздействие той же направленности можно увидеть и в нынешнем наборе игрушек, которыми играют дети на стойбищах (рис. 4). На смену традиционным моделям нарт, чумов, изображений оленей из различных природных материалов, рукотворным куклам, миниатюрным копиям одежды, сумок и люлек все чаще приходят конструкторы, машины и куклы промышленного производства, игровые приложения на сотовых телефонах и ноутбуках. Новые игрушки уже не связаны напрямую с занятиями и жизнью ненцев, они оторваны от этнических традиций и культуры, а подчас даже противоречат им (например, купленные в магазине куклы имеют изображение черт лица, что, согласно верованиям ненцев, возможно лишь для культовых изваяний). Соответственно теряется одна из важных функций детской игры в традиционном обществе — передача знаний и навыков, которые необходимы во взрослой жизни.

Наиболее серьезные последствия может иметь набирающая все большую популярность форма досуга взрослых и малолетних оленеводов — электронные игры, особенно учитывая такие их критические характеристики, как индивидуальный характер и полное поглощение внимания. Категоричное мнение по этому поводу высказал один оленеводческий бригадир, коми-зырянин по происхождению: если подросток играет в чуме в компьютерные игры — ему уже оленеводом не быть, так как он, в отличие от развлекающегося взрослого, не может сам разделить досуг и работу, не имеет для этого необходимого опыта и уже не успеет его приобрести (2009 г., оленевод Северного Урала, 1950 г.р.). Несмотря на то, что высказывание связано с представителем другой этнической группы, проживающей на более южной территории, оно раскрывает идентичные процессы, происходящие среди ненецких оленеводов.

Рис. 4. Современные игрушки ненецких детей в тундре. Фото автора.

Fig. 4. Modern toys of Nenets children in the tundra. Photo by the author.

Заключение

Реальная угроза для традиционной культуры ненецких оленеводов сегодня действительно очевидна. Новые материалы, предметы и технологии далеко не всегда сами являются источником данной угрозы, они во многом лишь отражают ранее произошедшие изменения в культуре, мировосприятии людей. Тем не менее их присутствие, распространение и функционирование в быту тундровых ненцев нередко становится эффективным катализатором еще больших и стремительных новаций, последствия которых могут уже стать разрушительными для тундрового ненецкого оленеводства как традиционного хозяйственного комплекса.

Наиболее тревожные симптомы, которые обусловлены описанными выше современными новациями, следующие:

- 1) быстрое сокращение сакрального поля культуры в вещном пространстве тундровых ненцев;
- 2) усиливающееся нарушение внутренних социальных связей, выражающееся в сокращении прямых личных контактов между людьми, снижении качества передачи традиционных знаний новым поколениям;
- 3) тенденции кардинального изменения системы традиционного выпаса, одним из вариантов развития которых может стать прекращение практики круглогодичного кочевания семейными коллективами;
- 4) возрастание экономической и психологической зависимости от внешних ресурсов и услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Васильев В.И.* Ненецко-угорские взаимосвязи на Севере Сибири: История и современность // Социально-экономические проблемы древней истории Западной Сибири. Тобольск, 1988. С. 101–106.
- Васильев В.И.* Ненцы, энцы, нганасаны: (Северосамодийские народы) // Народы Севера и Сибири в условиях экономических реформ и демократических преобразований. М., 1994. С. 412–440.
- Головнёв А.В.* О традициях и новациях: Признательность за дискуссию // ЭО. 2012. № 2. С. 84–86.
- Истомин К.В.* Попытка построения стадияльной модели межкультурного заимствования и внутрикультурного распространения технологических инноваций // ЭО. 2015. № 3. С. 41–59.
- Квашнин Ю.Н.* Ненецкое оленеводство в XX — начале XXI века. Салехард; Тюмень: Колесо, 2009. 168 с.
- Квашнин Ю.Н.* Хантыйские этнические компоненты в составе сибирских тундровых ненцев // Этнокультурное наследие народов Севера России: К юбилею проф. З.П. Соколовой. М.: Август Борг, 2010. С. 70–85.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология: Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.

Трансформация культуры: современные материалы и технологии в жизни тундровых ненцев...

Мещерякова А. Откуда берутся грузины в тундре? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://finugor.ru/node/11044>.

Надь З. Телевидение и проблемы интерпретации культурных явлений у васюганских хантов // ЭО. 2013. № 2. С. 24–36.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: (Этносоциальный аспект). Новосибирск; Салехард: Банк культурной информации, 2007. 182 с.

Харючи Г.П. Традиции и инновации в культуре ненецкого этноса (вторая половина XX в.). Томск: ИТУ, 2001. 228 с.

Golovnev A., Osherenko G. *Siberian survival: Nenets and their story*. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1999. 182 p.

Ljarskaya E. Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? // *Folklore: Electronic Journal of Folklore*. 2009. Vol. 41. P. 33–46.

Stammler F. Mobile phone revolution in the tundra? Technological change among Russian reindeer nomads // *Generation P in the Tundra*. Tallinn: Estonian Literary Museum, 2009. P. 47–78.

Tuuisku T. Transition period in the Nenets Autonomous Okrug: Changing and unchanging life of Nenets people // *People and the land: Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*. Berlin: Deitrich Reimer Verlag, 2002. P. 189–205.

V.N. Adaev

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malgyn st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: whitebird4@yandex.ru

CULTURAL TRANSFORMATION: MODERN MATERIALS AND TECHNOLOGIES IN THE LIFE OF THE TUNDRA NENETS REINDEER HERDERS (YAMALO-NENETS AUTONOMOUS OKRUG, RUSSIA)

The paper presents an overview of the new elements that have come into the life of the Tundra Nenets of Northwest Siberia in recent decades, and their prospective impact on the traditional reindeer husbandry. The emphasis is on those innovations or their aspects that have not yet been reflected in modern studies. These are, in particular, such points as reindeer herding, dwelling, transport, means of communication, toys and entertainment. The culture of the Nenets nomads is characterized by a special dynamism and an active driving approach — they not only easily adopt technological innovations coming from the outside world, but are also constantly ready to search and try things out to improve the quality of their living. In recent years, this process has become particularly fast and intensified. It is concluded that the presence, spreading and functioning of these innovations in the life of the Tundra Nenets often becomes an effective catalyst for large and accelerated changes, the consequences of which can become destructive for the Tundra Nenets reindeer husbandry as a traditional economic and cultural base. The topic under consideration is part of a larger issue of adapting the Tundra Nenets to the modern circumstances of active industrial development in the YNAO. There are several alarming symptoms that are caused by these modern innovations. The first symptom is a rapid reduction of the sacred sphere in the objective world of the Tundra Nenets. The second one is the increasing disruption of internal social ties, manifested in the cutback of direct personal contacts between people and in the deterioration in the quality of the traditional knowledge transfer to younger generations. The third is the trend of a cardinal change in the traditional mode of reindeer pasture management, where one plausible option for development now is the cessation of the practice of year-round nomadic movements led by family groups. And the fourth is the increasing economic and psychological dependence of the indigenous population on external resources and services.

Key words: Siberian ethnography, nomads, technological innovation, cultural sustainability, indigenous knowledge.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-158-168

REFERENCES

Golovnev A.V. (2012). About traditions and innovations: Appreciation for the discussion. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 84–86.

Golovnev A., Osherenko G. (1999). *Siberian survival: Nenets and their story*, Ithaca, New York: Cornell University Press, 182 p.

Istomin K.V. (2015). An attempt at constructing a stadial model of intercultural borrowing and intracultural dissemination of technological innovations. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 41–59.

Khariuchi G.P. (2001). *Traditions and innovations in the Nenets culture (the second half of the 20th century)*, Tomsk: ITU, 228 p.

Krupnik I.I. (1989). *Arctic ethnoecology: Models of traditional land-use systems of the sea-mammal hunters and reindeer-breeders of Northern Eurasia*, Moscow: Nauka, 270 p.

Kvashnin Iu.N. (2009). *The Nenets reindeer husbandry in 20th — early 21st century*, Salekhard; Tyumen: Koleso, 168 p.

Kvashnin Iu.N. (2010). Khanty ethnic components in the Siberian Tundra Nenets. *Etnokul'turnoe nasledie narodov Severa Rossii: K iubileiu prof. Z.P. Sokolovoi*, Moscow: Avgust Borg, 70–85.

Liarskaya E. (2009). Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? *Folklore: Electronic Journal of Folklore*, 41, 33–46.

Nagy Z. (2013). Television and problems of interpretation of cultural phenomena among Eastern Khanty. *Etnograficheskoe obozrenie*, (2), 24–36.

Popkov Iu.V., Tiugashev E. A. (2007). *The current state of the traditional culture of the Samoyed and Finno-Ugric populations of the Yamal-Nenets autonomous district: (Ethno-social aspect)*, Novosibirsk; Salekhard: Bank kul'turnoi informatsii, 182 p.

Stammler F. (2009). Mobile phone revolution in the tundra? Technological change among Russian reindeer nomads. *Generation P in the Tundra*, Tallinn: Estonian Literary Museum, 47–78.

Tuisku T. (2002). Transition period in the Nenets Autonomous Okrug: Changing and unchanging life of Nenets people. *People and the land: Pathways to reform in Post-Soviet Siberia*, Berlin: Deitrich Reimer Verlag, 189–205.

Vasil'ev V.I. (1988). Nenets-Ugric interrelations in the North of Siberia: History and the present time. *Sotsial'no-ekonomicheskie problemy drevnei istorii Zapadnoi Sibiri*, Tobolsk, 101–106.

Vasil'ev V.I. (1994). Nenets, Enets, Nganasans: (Northern Samoyedic peoples). *Narody Severa i Sibiri v usloviakh ekonomicheskikh reform i demokraticeskikh preobrazovanii*, Moscow, 412–440.

Е.А. Волжанина

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: nyabako@mail.ru

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ И СТРУКТУРА ЗАНЯТОСТИ НЕНЦЕВ ЯМАЛА В XX — НАЧАЛЕ XXI в.

Анализируются данные Всесоюзной переписи 1959 г. и всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. об образовании и занятости ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа с использованием методов статистического анализа: статистическое наблюдение, сводка и группировка материалов, расчет абсолютных и относительных величин. Уровень образования характеризуется в динамике, показаны различия между возрастными группами у мужчин и женщин. При распределении по занятиям и видам экономической деятельности обращается внимание на различия в уровне образования и занятости ненцев в городе и сельской местности. В целом полученные результаты свидетельствуют о значительных изменениях в образовательной структуре ненцев, произошедших во второй половине XX в., и существенном образовательном потенциале у них, позволяющем реализовывать себя в разных экономических секторах. Тем не менее цифры распределения по источникам средств существования показывают, что он остается нереализованным, а на рынке труда ненцы уступают в конкуренции русским. Выход из сложившейся ситуации найден самими ненцами путем использования ресурсов традиционного хозяйства, где они не имеют конкурентов.

Ключевые слова: *ненцы, Ямало-Ненецкий автономный округ, Всероссийская перепись населения, Всесоюзная перепись населения, уровень образования, распределение по полу, возрастным группам и уровню образования, виды экономической деятельности, занятость населения, источники средств существования.*

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-169-180

В научных исследованиях, посвященных проблемам коренных малочисленных народов Севера, образование и занятость рассматриваются как одни из ключевых категорий, характеризующих их благополучие и этнический потенциал. Соответствующие вопросы изначально были включены в переписные листы всеобщих переписей населения, а в сельской местности для них предусматривалась отдельная графа в похозяйственной книге. Характеристика образования и структуры занятости стала неотъемлемой частью этнографических обзоров, составляемых Северной экспедицией Института этнографии по результатам полевой работы в районах проживания коренных народов Севера во второй половине XX в. и посвященных социалистическим преобразованиям и этническим процессам в их среде [Батьянова, 2013]. Характеризуя социально-культурную и экономическую ситуацию в местах компактного проживания этнических групп, в соответствии требованиями национальной политики в СССР о выравнивании уровней развития различных национальных общностей [Преобразования..., 1970; Современные этнические процессы..., 1975], они также свидетельствовали о степени их включенности в доминирующее общество и об интернационализации [Попков, 2000, с. 125]. Полагая, что образовательный уровень и занятость в определенных сферах труда способствуют возникновению межнациональных семей, на них обращали пристальное внимание при анализе социального положения супругов в смешанных семьях коренных народов Севера [Мархинин, Удалова, 1997; Афанасьева, Симченко, 2006].

Ухудшение социально-экономической ситуации как в стране, так и в северных регионах в период преобразований общественно-экономических отношений конца XX в. способствовало актуализации изучения проблем занятости в последних и разработки концепций их дальнейшего развития [Соколова, 1995; Неотрадиционализм..., 1994]. Итоги социально-экономических и этнокультурных изменений, происходивших в этот период, подводятся в коллективной монографии «Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России» [2012]. Отмечая на современном этапе отход от традиционных видов деятельности, исследователи вместе с тем указывают на медленное «встраивание» аборигенов в систему производственных отношений индустриального общества» [Там же, с. 71].

Эстафету изучения социально-экономического положения в районах проживания коренных народов Севера в конце XX в. подхватили социологи, использующие собственные подходы и инструментарий. В частности, для наиболее наглядной демонстрации различий между поколениями в образовании и занятости народов Севера, высоких темпов произошедших изменений, разных стартовых позиций коренного и пришлого населения в социологических опросах данные сведения записываются со слов респондента для него самого и его родителей [Попков, Тюгашев, 2007; Хайруллина, 2005, 2016]. При констатации чаще всего негативной ситуации в области образования и труда все эти работы объединяет вывод о необходимости повышения образовательного уровня и трудовой занятости народов Севера для лучшей их адаптации к новым социально-экономическим условиям при переходе от традиционного кочевого образа жизни к городскому или поселковому с использованием кочевниками современных научно-технических достижений в быту и хозяйстве. Априори предполагается, что высокий уровень образованности является ключом к благополучию.

Таким образом, к настоящему времени накопился большой объем научной литературы, на страницах которой рассматриваются образовательный уровень и сферы приложения труда северных народов, проживающих как в отдельно взятом сельском поселении, так и районе, городе, округе или крае, с опорой на массовые статистические данные книг похозяйственного учета, всеобщих переписей населения и социологических опросов. Вместе с тем историографический анализ показывает, что для изучения динамики изменений этих показателей практически не использовались материалы всесоюзных и всероссийских переписей населения XX и XXI вв. В представленной статье сделана попытка восполнить этот пробел на примере ненцев, проживающих в Ямало-Ненецком автономном округе, а для выявления общих и особенных тенденций проводится сравнительный анализ с русским населением. При этом изучаются данные Всесоюзной переписи 1959 г. и всероссийских переписей 2002 и 2010 гг. с применением методов статистического анализа: статистическое наблюдение, сводка и группировка материалов, расчет абсолютных и относительных величин.

Изменение уровня образования ненцев на протяжении XX — начала XXI в. характеризуется общими тенденциями, характерными для коренных народов Севера. К ним относятся рост числа образованных людей, разрыв в образовании родителей и детей, преобладание женщин в группах с высшим и средним специальным образованием, ориентация на нетехнические специальности, низкий уровень образования людей, занятых в традиционных отраслях хозяйства, и отставание по уровню образования от русского населения [Хайруллина, 2005, с. 156–159]. Занимая третье место по численности населения в Ямало-Ненецком автономном округе, ненцы, имеющие профессиональное образование, насчитывали в 2010 г. только 1,4 %, тогда как русские составляли 64,5 % (рассчитано по: [Всероссийская перепись 2010 г.]). В первом десятилетии XXI в. ненцы все еще существенно отстают от русских по образовательному уровню, но ситуация значительно улучшилась в XXI в. по сравнению с серединой XX в.

Сравнивая по уровню образования русское и ненецкое население, можно отметить, что тенденция повышения уровня образования является общей для обеих этнических групп (рис. 1а, б). Если в 1959 г. имели среднее общее образование (полное) 0,1 % ненцев, то в 2002 г. — 18,1 %, а в конце первого десятилетия XXI в. — 18,5 %. За 2002–2010 гг. среди городских ненцев сократилась доля людей с начальным профессиональным образованием с 9,3 до 5,3 %, и одновременно выросла доля людей с высшим образованием — с 6,8 до 10,7 %. Данный процесс наблюдается и в сельской местности, где за восемь лет заметно вырос процент людей со средним специальным, высшим и послевузовским образованием.

Существенное изменение образовательной структуры произошло у русских и ненцев, проживающих как в городе, так и в сельской местности, на протяжении двух поколений. Если по данным переписи 1959 г. среди русских преобладали лица с начальным (4 класса обучения), неполным средним (до 7 классов обучения¹) образованием и не имеющие начального общего образования, то в XXI в. — со средним специальным, высшим и средним общим образованием². Более того, образовательная структура у них одинакова и в городе, и в сельской местности (рис. 2а, б). У ненцев, большинство которых в 1959 г. не имело начального образования, в XXI в. преобладают лица с неполным средним³, начальным и средним общим (полным) образованием. Такой характер имеет распределение по уровню образования среди большинства ненецких мужчин и женщин в сельской

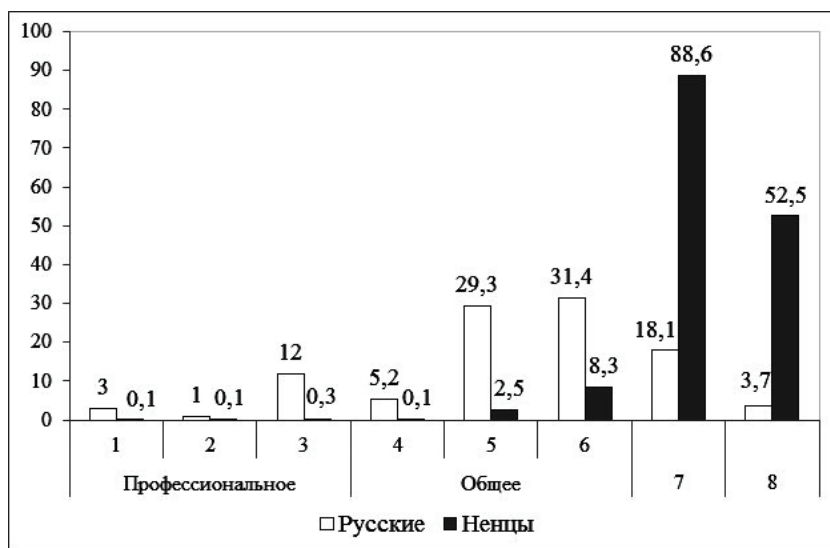
¹ На тот момент среднее основное образование равнялось 7 классам обучения.

² С 1989 г. 11 лет обучения.

³ 8 классов обучения для окончивших школу в 1958–1989 г. и 9 классов — с 1989 г. по настоящее время.

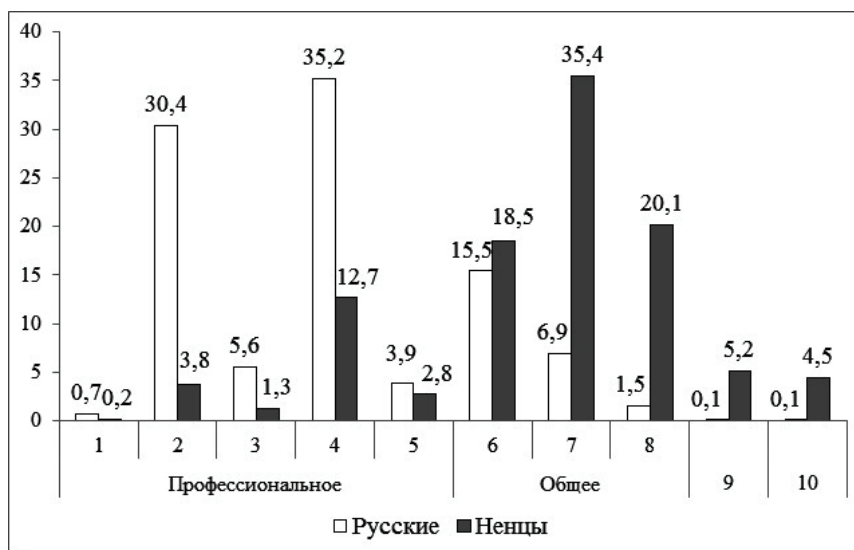
Уровень образования и структура занятости ненцев Ямала в XX — начале XXI в.

местности, влияя на средние окружные показатели. Данные, полученные для отдельных поселений, для кочевых и оседлых ненцев укладываются в общую тенденцию [ПМА].

Профессиональное: 1 — высшее; 2 — неполное высшее; 3 — среднее. Общее: 4 — среднее; 5 — основное; 6 — начальное; 7 — не имеющие начального общего образования; 8 — из них неграмотные.

а

Профессиональное: 1 — послевузовское; 2 — высшее; 3 — неполное высшее; 4 — среднее; 5 — начальное. Общее: 6 — среднее; 7 — основное; 8 — начальное; 9 — не имеющие начального общего образования; 10 — из них неграмотные.

б

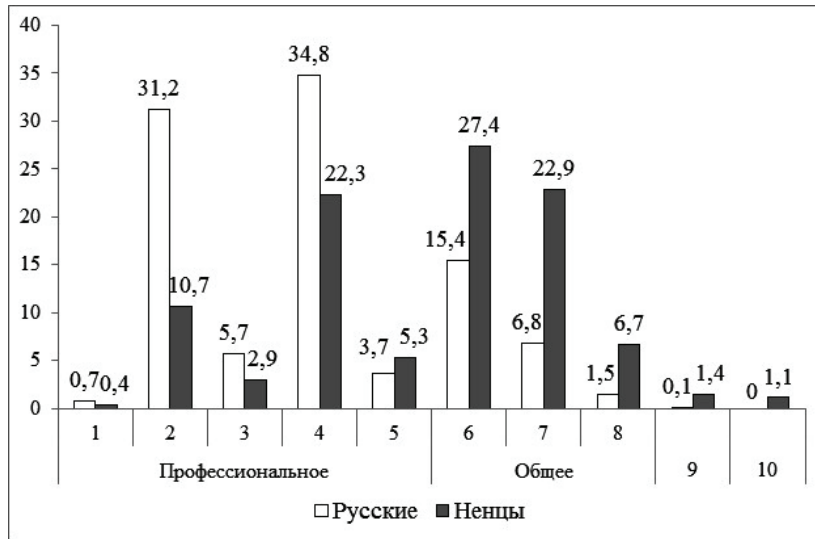
Рис. 1. Уровень образования русских и ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по данным переписей, % от общей численности каждой этнической группы:

а — Всесоюзная перепись 1959 г.; б — Всероссийская перепись 2010 г.

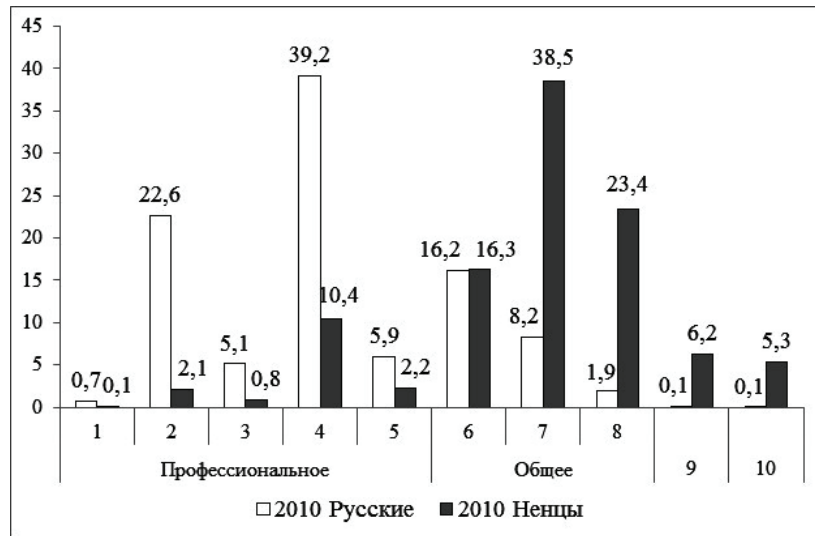
Источники для рис. 1, 2: 1959 г. — РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 3041, л. 155, 207; 2010 г. — Неопубликованные данные Всероссийской переписи 2010 г. Территориального органа Федеральной статистики по Тюменской области.

Fig. 1. Level of education of Russians and Nenetses of the Yamalo-Nenets Autonomous District according to census data, % of the total number of each ethnic group.

а — All-USSR Census 1959; б — All-Russian Census 2010.

а

б

Профессиональное: 1 — послевузовское; 2 — высшее; 3 — неполное высшее; 4 — среднее; 5 — начальное. Общее: 6 — среднее; 7 — основное; 8 — начальное; 9 — не имеющие начального общего образования; 10 — из них неграмотные.

Рис. 2. Уровень образования русских и ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа по данным переписи 2010 г. по территориям проживания, % от общей численности каждой этнической группы: а — город; б — сельская местность.

Fig. 2. The level of education of Russians and Nenetses of the Yamalo-Nenets Autonomous District according to the 2010 census on the territories of residence, % of the total number of each ethnic group. а — Urban settlements; б — Countryside.

Наблюдается следующая особенность для городских ненцев. В середине XX в. у них первые два места занимали лица с неполным средним и начальным образованием, а третье — без образования. В XXI в. в образовательной структуре городских ненцев первое место занимают люди со средним общим образованием, второе — с неполным средним и третье — со средним специальным. На ситуации в городе отражается диспропорция полов в пользу женщин. У ненко-горожанок представлено среднее, среднее специальное и неполное среднее образование, которые у мужчин выстраиваются в другом порядке — неполное среднее, среднее и среднее специальное. В городе в

группе ненцев с высшим образованием женщин практически в три раза больше, чем мужчин. На уровне поселений в среде оседлых ненцев образованность женщин также выше, чем мужчин. Пример МО п. Сёяха Ямальского района показывает, что в группе лиц со средним специальным образованием у поселковых ненцев женщин в 4 раза больше, чем мужчин [ПМА]. По характеристикам образовательная структура ненцев, проживающих постоянно в поселке, близка к городской.

От переписи к переписи снижается доля неграмотных людей, с одной стороны, в силу естественного ее сокращения, с другой — ввиду тенденции повышения образовательного уровня населения. Ненцы, не имеющие начального общего образования, проживают главным образом в сельской местности. Если в 1959 г. они насчитывали более половины состава (52,5 %), то в 2010 г. — 4,5 %. Неграмотными являются люди, родившиеся в 1940 г. и раньше, т.е. те, кому на момент переписи в 2010 г. исполнилось 70 и более лет. Сведения об уровне образования городских ненцев подтверждают положение, что получение образования является одним из стимулов миграции в город. Поэтому образованность ненцев в городе выше, чем в сельской местности. Тем не менее в 2010 г. в городской группе лиц с высшим образованием ненцы насчитывают только 0,4 %, намного уступая русским (69 %) (рассчитано по: [Всероссийская перепись 2010 г.]).

В середине XX в. основное различие в уровнях образования между городом и селом у ненцев касалось наличия или отсутствия образования. По данным переписи 1959 г., в сельской местности ненцы, не имевшие начального образования, составляли 90,9 %, из них 54 % были неграмотными. Вместе с тем 81,3 % от общей численности ненцев, проживавших в городе, были образованными и имели неполное среднее и начальное образование. Данные 2010 г. позволяют говорить о качественном различии в образовании горожан и сельских жителей. В 2010 г. 41,6 % городских ненцев⁴ имели профессиональное образование. В сельской местности, где преимущественно большинство населения имеет общее образование, данный показатель составил 15,6 %.

Распределение ненцев по полу, возрасту и уровню образования показывает заметные гендерные различия в образовательном уровне, выражающиеся в преобладании женщин среди лиц с послевузовским⁵, высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием, отмечаемые у коренных малочисленных народов Севера с середины XX в. и связанные с особенностью государственной образовательной политики в их отношении [Бурькин, 2002, с. 190]. Анализ уровня образования по возрастным группам на основании неопубликованных данных Всероссийской переписи 2010 г. позволил выявить особенности в изменении образовательной структуры ненцев и дальнейшее увеличение разрыва в уровне образования у мужчин и женщин.

Расчеты показали, что преобладание лиц с неполным средним, начальным и средним общим образованием среди ненцев началось с поколения, родившегося во второй половине 1950-х гг. и обучавшегося в 1960-х и начале 1970-х гг. Среди современных ненцев среднее и частично старшее поколение (30 лет и старше у мужчин и 40–69 лет у женщин в городе, 40–59 лет у женщин и мужчин в сельской местности) выглядят более образованными, чем молодое. В возрастной группе 40–49 лет у мужчин и женщин в городе преимущественно отмечается среднее, среднее специальное и высшее образование. Эти люди получили образование до распада СССР, когда школы проводили строгую политику охвата всеобщим обязательным образованием кочевого населения [Лярская, 2006, с. 243]. Как раз среди молодого поколения ненцев (15–34 лет) получило распространение неполное среднее и начальное образование, а затем уже — среднее общее образование. Это люди, чьи школьные годы пришлись на кризисные для России 1990-е гг. и начало XXI в. В настоящее время либеральная образовательная политика государства позволяет ненцам-тундровикам не отправлять детей в среднюю школу после окончания начальной или даже не окончивших начальную, если родители, оценивая способности своего ребенка и потенциальные возможности семьи, полагают, что для ведения традиционного кочевого хозяйства минимальный уровень образования является достаточным. В некоторых случаях возвращение детей из поселка в тундру к родителям становится вынужденной мерой со стороны педагогического коллектива школы-интерната, ради «спасения ребенка от цивилизации» [ПМА]. В этой связи отмечается высокий процент молодых людей с начальным образованием по сравнению со старшим поколением. Интересно отметить существование у тундровиков неписанных правил, касающихся родительской политики в отношении собственных детей, согласно которым с родителями в

⁴ Доля в общей численности городских ненцев.

⁵ Послевузовское образование — это наивысший уровень основного профессионального образования, полученного с окончанием аспирантуры или докторантуры высших учебных заведений и др. на основании квалификационной работы.

чуме остается старший или младший сын в семье, а средние дети могут продолжить образование, если у них есть к этому склонность и способности, и остаться жить в поселке [Liarskaya, 2008, с. 37–38]. Единственный сын в семье должен остаться с оленями [ПМА, Ямальский район, 2013].

Результаты социологических исследований показывают существенный разрыв в образовании родителей и детей у ненцев-респондентов [Хайруллина, 2012, с. 323]. Анализ массовых статистических данных, наоборот, позволяет уточнить данный вывод и показывает отсутствие такого большого разрыва в уровне образования между поколениями у ненцев, проживающих в городе, а для ненцев мужчин — в сельской местности. Первое обусловлено оседанием в городе ненцев, получивших образование, и миграцией в города преимущественно наиболее образованной их части, второе — занятостью в традиционных отраслях хозяйства. Среди женщин, проживающих в сельской местности, и в первом десятилетии XXI в. доля неграмотных выше, чем в мужской части населения преимущественно за счет возрастных групп 50 лет и старше в силу низкой продолжительности жизни мужчин-ненцев. Неграмотные женщины, как правило, постоянно проживают в тундре и не владеют русским языком [ПМА].

Таблица 1

Распределение ненцев по полу и преобладающим занятиям по данным Всесоюзной переписи 1959 г., в % от общей численности

Table 1

Distribution of Nenetses by sex and prevailing occupations according to the data of the All-Union Census of 1959, in % of the total number

Занятия		Мужчины	Женщины
Указали занятия, чел.		3686/100	1342/100
1.	Рыболовство	41,4	38,7
2.	Сельскохозяйственные занятия, охрана и выращивание леса	25,9	20,9
3.	Охота	22,6	3,4
4.	Рабочие коммунального и хозяйственного обслуживания	0,5	21,8
5.	Строительство	2,3	—
6.	Прочие занятия на транспорте	1,3	0,5
7.	Занятия рабочих внеотраслевых групп	1	1
8.	Работники планирования и учета	0,6	1,5
9.	Текстильщики	0,2	2
10.	Руководители органов государственного управления и их структурных подразделений	0,4	0,6
11.	Работники коммунальных предприятий бытового обслуживания	0,4	0,3
12.	Научные работники, педагоги и воспитатели	0,2	1,3
13.	Занятия швейников	—	1,5
14.	Занятия на лесозаготовках и подсочке леса	0,4	0,7
15.	Занятия деревообработчиков	0,5	—
16.	Руководители предприятий (промышленных, строительных, сельскохозяйственных, лесного хозяйства, транспортных, связи) и их структурных подразделений	0,4	—
17.	Культурно-просветительные работники	0,2	0,4
18.	Занятия пищевиков	0,1	0,7
19.	Санитары, сиделки, няни	—	0,9
20.	Работники связи, почтальоны и письmonoсцы	0,13	0,4
21.	Инженерно-технические работники	0,2	0,1
22.	Занятия на силовых установках	0,3	—
23.	Занятия кожевников	—	0,9
24.	Занятия водников	0,3	—
25.	Занятия в общественном питании	0,03	0,7
26.	Руководители партийных, комсомольских, профсоюзных, кооперативных и других общественных организаций и их структурных подразделений	0,1	0,2
27.	Работники торговли, общественного питания, заготовок, снабжения и сбыта	0,1	0,3
28.	Работники литературы и печати	0,1	0,1
29.	Медицинские работники	—	0,2
30.	Делопроизводственный персонал	—	0,4
31.	Прочие занятия*	0,4	0,5

Источник: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 2930, л. 197–224.

* В числе «прочих» занятия полиграфистов; агрономы, зоотехники, ветеринарные работники и лесничие; работники охраны социалистической собственности и общественного порядка; мойщики, занятия на подъемно-транспортных механизмах, формовщики; занятия в электрорадиопроизводстве.

Уровень образования и структура занятости ненцев Ямала в XX — начале XXI в.

Изменение образования повлекло за собой трансформацию структуры занятости коренных народов Севера, в которой с конца XX в. наряду с традиционными сельскохозяйственными занятиями (оленьеводство, охота и рыболовство) представлены различные виды современной деятельности. Ненцы не представляют исключения. Несмотря на фиксируемую социологами привлекательность традиционного труда в среде современного поколения ненцев [Хайруллина, 2005, с. 202; 2012, с. 341–342], доля занятого в нем населения неуклонно сокращается. В 1959 г. 82,8 % трудоспособного населения (в возрасте 15–64 года) было занято рыболовством, оленеводством (пастухи, бригадиры) и охотой (табл. 1). Различия в профессиональной структуре мужчин и женщин обусловлены спецификой некоторых занятий, являющихся сугубо женскими или сугубо мужскими, гендерными различиями в образовании. Разный уровень образования мужчин и женщин привел к диспропорции полов в сферах занятости. Среди мужчин доля людей, занятых в традиционном секторе, оказалась выше, чем среди женщин: соответственно 89,9 и 63 % в общей их численности. В середине XX в. женщины не работали в строительстве, деревообработке, руководителями предприятий и структурных подразделений и в речном флоте, мужчин не было среди медицинских работников, санитаров, кожевников, делопроизводителей и швейников. В число наиболее распространенных «нетрадиционных» женских сфер деятельности входили занятия, связанные с коммунальным и хозяйственным обслуживанием (21,8 %), текстильным и швейным производством (работа в мехопошивочных мастерских), планированием и учетом (1,5 %), наукой и образованием (1,3 %), неквалифицированным трудом. В общей численности мужчин, указавших занятия, все новые виды труда, кроме работы в строительстве и транспорте, насчитывали менее 1 %.

В 2002 г. доля лиц, занятых в отраслях традиционного природопользования, сократилась до 57,2 % (табл. 2). Помимо традиционного сектора экономики ненцы заняты на административной и социальной работе, в торговле, образовании и медицине. Данные социологических опросов и похозяйственного учета показывают, что при общей тенденции сокращения занятости в традиционном секторе по-прежнему мужчин, занятых традиционным трудом, больше, чем женщин, в силу более высокого уровня образования, его специализации и широких возможностей найти подходящую «женскую» работу в поселке [Хайруллина, 2012, с. 322, 340]. Характеристики занятости ненцев отдельных национальных сельских поселений уверенно свидетельствуют, что специалистов и служащих среди женщин больше, чем среди мужчин [Квашнин, 2000; Пивнева, 2005, с. 196].

Таблица 2

Распределение ненцев по видам экономической деятельности (в возрасте 15–64 года) по данным Всероссийской переписи 2002 г.

Table 2

Distribution of Nenetses by economic activities (aged 15–64 years) according to the All-Russian Census of 2002

Виды экономической деятельности	Все население	Город	Село
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	37,7	8,5	42,3
Рыболовство, рыбоводство	19,5	9,7	21,0
Добыча полезных ископаемых	0,3	1,9	0,0
Обрабатывающие производства	1,8	2,1	1,8
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	0,5	0,4	0,5
Строительство	1,1	3,6	0,8
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	3,0	4,2	2,8
Гостиницы и рестораны	0,6	1,8	0,4
Транспорт и связь	1,4	3,5	1,1
Финансовая деятельность	0,1	0,6	0,1
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	1,7	3,5	1,4
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	4,1	10,1	3,1
Образование	16,6	26,3	15,1
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,3	14,5	5,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	4,8	8,0	4,3
Предоставление услуг по ведению домашнего хозяйства	—	—	—
Не распределенные по видам деятельности и неточно указавшие вид деятельности	0,5	1,4	0,4

Источник: Итоги..., 2006, с. 117, 119, 121.

Если мы будем рассматривать кочевые и оседлые группы ненцев отдельно, то отмечаемые гендерные различия окажутся не такими уж резкими. Е.В. Лярская замечательно продемонстрировала отсутствие «асимметрии» в выборе образа жизни, образовании и в брачном поведении среди мужчин и женщин ямальских ненцев [2010]. Хотя анализ современных данных подвергает сомнению, что данное положение вещей остается без изменений до сих пор. На мой взгляд, гендерные различия возникают в поселковой среде из-за численного преобладания женщин в поселке над мужчинами. Последнее стало результатом оттока «лишнего» женского населения из тундры с ростом численности ненцев в XX в. В то же время характерной чертой ненецкого традиционного общества является преобладание мужчин [Крупник, 1989, с. 92–93; Волжанина, 2010, с. 168–169]. Поэтому именно в женской среде получили распространение «поселковые» профессии, обуславливающие переход к оседлой жизни. До сих пор большинство из них занимает низшее звено в профессиональной структуре поселкового населения (няни, санитарки, уборщицы, разнорабочие) при небольшой доле медицинских работников, кассиров, бухгалтеров, воспитателей, поваров, швей и др., уступая русским. На сегодняшний день в северных поселках Ямала сложилась парадоксальная ситуация, когда выпускники высших и средних специальных учебных заведений из числа народов Севера не могут найти работу по специальности, так как все рабочие места уже заняты приезжими. Если раньше приглашение специалистов с «земли» было вынужденной мерой из-за отсутствия их среди местных жителей, то сейчас вакансии уже заняты. В некоторых учреждениях сложились местнические традиции, когда регулярно приглашаются специалисты из одного и того же региона [ПМА].

Таблица 3

**Распределение ненцев по занятиям (в возрасте 15–64 года)
по данным Всероссийской переписи 2002 г.**

Table 3

Distribution of Nenetses by occupation (aged 15–64) according to the All-Russian Census 2002

Занятия	Все население	Город	Село
Руководители (представители) органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий	3,0	5,5	2,7
Специалисты высшего уровня квалификации	4,9	16,0	3,1
Специалисты среднего уровня квалификации	10,3	15,6	9,5
Работники, занятые подготовкой информации, оформлением документации, учетом и обслуживанием	1,3	2,1	1,1
Работники сферы обслуживания, жилищно-коммунального хозяйства, торговли и родственных видов деятельности	7,1	12,4	6,3
Квалифицированные работники сельского, лесного, охотничьего хозяйства, рыболовства и рыболовства	38,6	6,9	43,5
Квалифицированные рабочие крупных и мелких промышленных предприятий, художественных промыслов, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр	7,5	8,8	7,3
Операторы, аппаратчики, машинисты установок и машин	2,9	4,9	2,6
Неквалифицированные рабочие	22,5	24,9	22,1
Занятые на военной службе	—	0,1	—
Лица, неточно указавшие или не указавшие занятия	1,9	2,8	1,8

Источник: Итоги..., 2006. с. 136, 138, 140.

В настоящее время доля специалистов среднего и высшего уровня квалификации значительно выросла как среди мужчин, так и среди женщин (табл. 3). Обращает на себя внимание, что в начале XXI в. доля неквалифицированных рабочих (22,5 %) оказалась ниже, чем квалифицированных работников сельского, охотничьего хозяйства и рыболовства (38,6 %). При этом в сельской местности их соотношение выглядит как 22,1 и 43,5 %. Неквалифицированные рабочие занимают первое место в структуре занятости городских ненцев (24,9 %), что соотносится с уровнем их образования (у 22,9 % городских ненцев неполное среднее образование). Одно из последних мест в профессиональной структуре принадлежит руководителям органов власти и управления всех уровней, включая руководителей учреждений, организаций и предприятий (3 %), хотя доля их выросла по сравнению с 1959 г. (0,8 %). Подобная ситуация позволила говорить о повсеместном «вымывании» представителей коренного населения из властных структур, обусловленном не столько недостаточным их профессионализмом, сколько микроэтнокра-

тей, формирующейся на предприятиях и блокирующей им доступ к занятости, управлению и власти, «особенностью традиционного сознания, неготовностью организовывать жизнь региона в условиях современного, динамично развивающегося мира» [Попков, Тюгашев, 2007, с. 69–70]. Среди ненцев мало директоров школ-интернатов, крупных старейших сельскохозяйственных предприятий и рыбзаводов, глав сельских поселений. Только на севере Ямала в течение многих лет председателем Сёяхинского сельского совета был Николай Лачевич Окотэтто, в 2006 г. его сменил сын Игорь Окотэтто. В 2018 г. в Ямальском районе главы двух сельских поселений из шести являются ненцами [Ямальский район...], в Тазовском районе — только один из пяти [Ямало-Ненецкий автономный округ...].

В XX и XXI вв. мы можем говорить о разделении труда между городом и селом. Новые профессии представлены главным образом в городах и поселках городского типа. Люди, занятые в традиционном секторе экономики, проживают в сельской местности. Ведущими отраслями в среде городских ненцев являются образование, здравоохранение, предоставление социальных услуг, государственное управление и социальное обеспечение. В сельской местности на первом месте находятся сельское хозяйство и охота, затем — рыболовство и образование. В последние годы помимо традиционных хозяйственных занятий и приравненных к ним (оленоводство, рыболовство, охота, звероводство, пошив меховых изделий) появились новые, связанные с переработкой сельскохозяйственной продукции, этнотуризмом, изготовлением сувениров.

Существенные различия между русскими и ненцами наблюдаются в отношении источников средств существования. Доход от трудовой деятельности для вторых никогда не был ведущим, в отличие от русского населения, у которых он главный (рассчитано по: [Всероссийская перепись 2010 г.; Всероссийская перепись 2002 г.]). Однако доля людей с такими доходами среди ненцев заметно выросла в межпереписной период — с 18,8 % в 2002 г. до 25,5 % в 2010 г. В сельской местности данный показатель всегда был меньше, чем в городе. В селе в 2002 г. он составлял 17,9 %, а в 2010 г. — 23,1 %, в городе — 24,9 и 37,1 % соответственно.

Для русского населения как в городе, так и в сельской местности среди первых трех основных источников средств существования находятся доход от трудовой деятельности, проживание на иждивении отдельных лиц (как правило, дети) и пенсии. У ненцев распределение доходов выглядит по-другому, чем у русских. И в городе, и в сельской местности доля людей, живущих на иждивении, превышает 40 % в общей численности населения, затем идут разные виды государственного обеспечения (41,4 % в городе и 67 % в селе). В городе среди них на первом месте стоит стипендия (11,6 %), затем пособия (кроме пособия по безработице) и пенсии. В сельской местности стипендии отсутствуют, а доля пособий составляет 36,5 %. Это пособия на период отпуска по уходу за ребенком до полутора лет, а также детям из малообеспеченных семей, субсидии на оплату жилого помещения и коммунальных услуг и другие, что указывает на значительную долю социально неблагополучного населения в составе ненцев. В пользу последнего свидетельствует и то, что «другой вид государственного обеспечения», отмечаемый воспитанниками детских домов, учащимися школ-интернатов и лицами, живущими в домах-интернатах для престарелых и инвалидов, т.е. находящимися на государственном обеспечении, также является относительно высоким по сравнению с русским населением, и его доля также выросла за восемь лет с 5,6 до 8,1 % (в сельской местности 8,7 %).

Среди полученных показателей примечательным является рост доли людей (с 6,4 до 21,4 %), рассчитывающих прежде всего на доходы от личного подсобного хозяйства. Данная тенденция характерна для сельского населения, где этот источник выше по значимости (25,7 %), чем доходы от трудовой деятельности, и указывает на факт распространения в составе ненцев группы экономически независимых хозяйств, обеспечивающих себя и реализующих на рынке продукцию оленеводства, рыболовного промысла, кустарных промыслов. Этому способствуют организация сети факторий, деятельность коммерческих организаций по закупке пантов и костяных рогов. Учитывая большую зависимость современных кочевников от покупных продуктов и промышленных товаров, следует отметить, что последний факт свидетельствует о повышении товарности кочевого хозяйства.

Как можем видеть, работа с данными всеосозных и всероссийских переписей населения, характеризующими уровень образования и занятость ненцев Ямало-Ненецкого автономного округа во второй половине XX — первом десятилетии XXI в. позволила не только подтвердить и конкретизировать некоторые выводы, полученные в результате социологических опросов, но и получить совершенно новые результаты. В частности, анализ массовых данных показал тенденцию повышения образования в рассматриваемый период как у ненцев, так и у русских, а также изменение образова-

тельной структуры обеих групп. У русских данный процесс привел к выравниванию образования и нивелированию различий между городом и селом, в то время как у ненцев подобные различия сохраняются до сих пор. Благодаря мероприятиям государства ненцы сумели практически полностью ликвидировать неграмотность в своей среде за 50 лет. Результатом такого форсированного пути является разрыв в уровне образования между городской и сельской группами, обусловивший своеобразное разделение труда между ними. Полученное образование позволяет горожанам найти работу в сфере образования, здравоохранения, государственного управления и других, тогда как в сельской местности единственным источником работы по-прежнему остаются оленеводство, рыболовство, охота. Кроме того, по данным массовой статистики, отсутствует существенное различие в уровне образования родителей и детей среди городских ненцев. Настораживают следующие факты: среднее и старшее поколение у ненцев выглядит более образованным, чем молодежь, и наблюдается тенденция увеличения разницы в образовании мужчин и женщин. К числу предсказуемых последствий развития этой тенденции можно отнести рост межнациональных браков и семей, переезд прежде всего ненцев в города и поселки и дефицит невест в тундре.

В целом полученные результаты говорят о значительных изменениях в образовательной структуре ненцев, произошедших во второй половине XX в., и о существенном образовательном потенциале у них, позволяющем реализовывать себя в разных экономических секторах. Однако цифры распределения по источникам средств существования свидетельствуют, что он остается нереализованным. На рынке труда ненцы уступают в конкуренции русским. Выход из сложившейся ситуации найден ими самими путем использования ресурсов традиционного хозяйства, где они не имеют конкурентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 2930, 3041.
Материалы Всероссийской переписи 2002 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2002.ru>.
Материалы Всероссийской переписи 2010 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.perepis2010.ru>.
Итоги Всероссийской переписи населения-2002: Статистический сборник в XI частях. Тюмень: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Тюменской области, 2006. Ч. IX: Коренные малочисленные народы в Тюменской области. 145 с.

Литература

- Афанасьева Г.М., Симченко Ю.Б.* Эмленские чукчи // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 69–104.
Батянова Е.П. Северная экспедиция Института этнографии (1956–1991 гг.) // ЭО. 2013. № 4. С. 17–34.
Бурыкин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // Расы и народы. М.: Наука, 2002. Вып. 28. С. 188–213.
Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
Квашнин Ю.Н. Сравнительные социально-демографические характеристики народов Западной Сибири: (Ненцы, ханты, сибирские татары) // Этнодемографический сборник: Народы Севера России. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 5–75.
Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
Лярская Е.В. «У них же все не как у людей...»: Некоторые стереотипные представления педагогов Ямало-Ненецкого автономного округа о тундровиках // Антропологический форум. 2006. № 5. С. 242–258.
Лярская Е.В. Женщины и тундра: Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 3–38.
Мархинин В.В., Удалова И.В. Межэтнические браки: Состояние, динамика, проблемные ситуации. Новосибирск: Наука, 1997. 236 с.
Неотрадиционализм на российском Севере: (Этническое возрождение малочисленных народов и государственная региональная политика). М.: Наука, 1994. 225 с.
Пивнева Е.А. Современный социальный портрет поселка Кутопьюган (по результатам экспедиции 2001 г. в Надымский район Ямало-Ненецкого автономного округа) // Полевые исследования ИЭА. М.: Наука, 2005. С. 187–197.
Полков Ю.В. Интернационализация в традиционном и современном обществах. Новосибирск: Изд-во ИДМИ, 2000. 200 с.

Уровень образования и структура занятости ненцев Ямала в XX — начале XXI в.

Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: (Этносоциальный аспект). Новосибирск; Салехард: Банк культурной информации, 2007. 184 с.

Преобразования в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера. М.: Наука, 1970. 278 с.

Север и северяне: Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. М.: ИЭА РАН, 2012. 288 с.

Современные этнические процессы в СССР. М.: Наука, 1975. 546 с.

Соколова З.П. Концептуальные подходы к развитию малочисленных народов Севера // Социально-экономическое и культурное развитие народов Сибири и Севера: Традиции и современность. М.: Наука, 1995. С. 5–42.

Хайруллина Н.Г. Социологическая диагностика этнокультурной ситуации в Ямало-Ненецком автономном округе // Ненцы Ямала: Кочевники и хранители традиций. Тюмень; Салехард: Феликс, 2005. С. 153–210.

Хайруллина Н.Г. Коренные народы Тюменской области: Взгляд социолога. Тюмень: ТюмГНГУ, 2012. 476 с.

Хайруллина Н.Г. Оценка социальных аспектов жизнедеятельности коренного населения полуострова Ямал в условиях нефтегазового освоения // Человеческий потенциал освоения нефтегазовых ресурсов Арктики и Субарктики. Тюмень: ТИУ, 2016. С. 137–147.

Ямало-Ненецкий автономный округ [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://xn--80aealotwbjpid2k.xn--80aze9d.xn--p1ai/power/governor/>.

Ямальский район [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://www.mo-yamal.ru/portal/ms/sela>.

Lyarskaia E.V. Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they? [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf> 2008.

E.A. Volzhanina

Tyumen Scientific Center of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: nyabako@mail.ru

EDUCATION AND EMPLOYMENT STRUCTURE OF THE YAMAL NENETS IN THE 20th — EARLY 21st CENTURY

This article analyses data collected by the 1959 All-Union Census and the 2002 and 2010 All-Russian Censuses on the education and employment levels of the Nenets having lived and living in the Yamalo-Nenets Autonomous District, the Northern part of Western Siberia. We use statistical analysis methods, such as statistical observation, the summary and grouping of materials, the calculation of absolute and relative values in order to characterize the level of respondents' education, as well as differences between the age groups of men and women. The gender approach is also used to analyse the structure of employment. We draw attention to differences in education and employment levels among the Nenets residing in urban and rural areas. An analysis of the census data has allowed us not only to confirm and clarify some of the sociological survey conclusions, but also to obtain new results. Due to the efforts of the state, illiteracy among the Nenets was almost completely eliminated in 50 years. Such a coercive approach has led to a gap in the educational levels between urban and rural groups, thus resulting in a peculiar division of labour between them. It is shown that city dwellers can find jobs in the spheres of education, public health, public administration, etc.; however, the rural economic branches, such as reindeer husbandry, fishing and hunting, are still the only sources of work for rural dwellers. According to the mass statistics data on urban Nenets, there is no significant difference between the educational levels of parents and children. It is highly alarming that middle-aged people and older generations among the Nenets seem to be more educated than the youth. Another worrying trend is the growing gender gap in the education between men and women. It might be predicted that such trends would result in an increase in the number of interethnic marriages, migration of Nenets women to urban areas and a subsequent decrease in the number of female Nenets in the tundra areas. In general, our results indicate a significant change in educational levels among the Nenets, which occurred in the second half of the 20th century. This population is shown to possess a substantial educational potential, which could potentially be realized in various economic sectors. Nonetheless, the data on the distribution of the main sources of subsistence for the Nenets shows that this potential remains largely unfulfilled. The Nenets cannot compete successfully with Russians in the labour market. A possible solution to this problem is reliance on the resources of their traditional households, where the Nenets have no competitors.

Key words: the Nenets, Yamalo-Nenets Autonomous District, All-Russia censuses, All-USSR censuses, educational level, population distribution by sex, age and educational level, economic activity, population employment, sources of livelihood.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-169-180

REFERENCES

- Afanas'eva G.M., Simchenko Iu.B. (2006). Enmelen Chukchi. *Etnologicheskaja ekspertiza: Narody Severa Rossii. 1981–1984 gody*, Moscow: IEA RAN, 69–104.
- Bat'ianova E.P. (2013). A North expedition of the Institute of Ethnography. *Etnographicheskoe obozrenie*, (4), 17–34.
- Bromlei Iu.V. (ed.) (1975). *Modern ethnic processes in the USSR*, Moscow: Nauka, 546 p.
- Burykin A.A. (2002). Some problems of socio-cultural development of small peoples of the Russian North in the light of the gender approach. *Rasy i narody*, (28), Moscow: Nauka, 188–213.
- Gurvich I.S., Dolgikh B.O. (eds.) (1970). *Transformations in economy and culture and ethnic processes among the peoples of the North*, Moscow: Nauka, 278 p.
- Khairullina N.G. (2005). Sociological diagnosis of the ethno-cultural situation in Yamalo-Nenets Autonomous District. *Nentsy lamala: Kochevniki i khraniteli traditsii*, Tiumen'; Salekhard: Feliks, 153–210.
- Khairullina N.G. (2012). *Indigenous Peoples of Tyumen Region: A Sociologist's View*, Tiumen': TiumGNGU, 476 p.
- Khairullina N.G. (2016). Assessment of social aspects of the indigenous population's life sustaining activity on the Yamal Peninsula in conditions of oil and gas development. *Chelovecheskii potentsial osvoeniia neftegazovykh resursov Arktiki i Subarktiki*, Tiumen': TIU, 137–147.
- Krupnik I.I. (1989). *Arctic ethnoecology*, Moscow: Nauka, 272 p.
- Kvashnin Iu.N. (2000). Comparative socio-demographic characteristics of the peoples of Western Siberia: (Nenets, Khanty, Siberian Tatars). *Etnodemograficheskii sbornik: Narody Severa Rossii*, Moscow: IAE RAN, 5–75.
- Liarskaia E.V. (2006). «Nothing is the way it is supposed to be among them...»: Some stereotypical views of the teachers of Yamalo-Nenets Autonomous District on the tundra people. *Antropologicheskii forum*, (5), 242–258.
- Lyarskaia E.V. (2008). *Settlement Nenets on the Yamal Peninsula: Who are they?* available at: <http://www.folklore.ee/folklore/vol41/liarskaya.pdf> 2008.
- Liarskaia E.V. (2010). Women and the tundra. Is there a gender shift in Yamal? *Antropologicheskii forum*, (13), 3–38.
- Markhinin V.V., Udalova I.V. (1997). *Interethnic marriages: State, dynamics, problem situations*, Novosibirsk: Nauka, 236 p.
- Novikova N.I., Funk D.A. (eds.) (2012). *North and northerners. The current situation of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia*, Moscow: IEA RAN, 288 p.
- Pika A.I., Prokhorov B.B. (eds.) (1994). *Neo-traditionalism in the Russian North: (Ethnic revival of small peoples and state regional policy)*, Moscow, Nauka, 225 p.
- Pivneva E.A. (2005). A modern social portrait of the village of Kutopiugan (based on the results of a 2001 expedition to Nadym District of Yamalo-Nenets Autonomous Area). *Polevye issledovaniia Instituta etnologii i antropologii*, Moscow: Nauka, 187–197.
- Popkov Iu.V. (2000). *Internationalization in traditional and modern societies*, Novosibirsk: Izdatel'stvo IDMI, 200 p.
- Popkov Iu.V., Tiugashev E.A. (2007). *The current state of the traditional culture of the Samoyed and Finno-Ugric population of Yamalo-Nenets Autonomous District: (An ethno-social aspect)*, Novosibirsk; Salekhard: Bank kul'turnoi informatsii, 184 p.
- Sokolova Z.P. (1995). Conceptual approaches to the development of indigenous peoples of the North. *Sotsial'no-ekonomicheskoe i kul'turnoe razvitie narodov Sibiri i Severa: Traditsii i sovremennost'*, Moscow: Nauka, 5–42.
- Volzhanina E.A. (2010). *Ethno-demographic processes among the Yamal Nenets in the 20th — at the beginning of the 21st century*, Novosibirsk: Nauka, 312 p.

М.Г. Агапов

ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: magapov74@gmail.com

«ЯПТИК-СИТИ»: В ПОИСКАХ ИДЕНТИЧНОСТИ СЕВЕРНОГО СЕЛА

На материале авторских полевых исследований в Ямальском районе Ямало-Ненецкого автономного округа в июле — августе 2017 и в апреле 2018 г. анализируются коллективные культурные репрезентации (идентичности) локальных сообществ, способы фреймирования и нарративного кодирования социального мира северного села. В качестве базового подхода используется этнографическая версия теории локального текста. Предлагается модель знаково-текстовой среды северного села, фиксируются проявления официальной и низовой политики идентичности. Во второй части (case study) анализируется конкретный случай производства локального текста в типичном «подшефном» северном селе Новый Порт. Делается вывод, что идентичность северного села является «договорной» конструкцией, а в более широкой временной перспективе — лишь одним из возможных способов фреймирования и нарративного кодирования связанных с данным местом индивидуумами своего социального опыта и социального мира.

Ключевые слова: локальный текст, идентичность, Ямал, северное село, стенография, стрит-арт, граффити.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191

Работа выполнена по госзаданию согласно Плану НИР ТюмНЦ СО РАН на 2018–2020 гг. Программа XII.186.4; проект № 0371-2018-0033.

«Что там изучать? Там только пьют и дерутся»

Узнав, что я направляюсь в береговые села Обской губы изучать их социальную жизнь, водитель салехардского такси искренне удивился: «Что там изучать? Там только пьют и дерутся». Представление о северных поселках как о «диком поле» имеет довольно широкое хождение в российском обществе. Признаюсь, мне самому, начинающему полевику, перспектива одиночного турне по отдаленным заполярным поселкам представлялась одновременно и заманчивой, и рискованной. Я не могу не выразить глубокую благодарность моим опытным коллегам-полевику, известным ученым Владимиру Адаеву, Илье Штейнбергу и Светлане Цембалюк, за их чрезвычайно полезные советы и рекомендации, а также — искреннюю признательность моему проводнику в мир поселковой жизни Явлоде Худи (с. Новый Порт) за ее консультации, помощь и терпение.

Полевые исследования, по материалам которых подготовлена эта статья, проводилось в июле — августе 2017 г. и в апреле 2018 г. в пяти селах Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа: Салемале, Панаевске, Новом Порту, Сеяхе и Яр-Сале. Мой интерес фокусировался на различных аспектах повседневной жизни сел, в частности на том, как локальные сообщества осмысливают свой социальный опыт и интерпретируют свой социальный мир. Коротко говоря, меня, жителя «лучшего города Земли»¹, интересовало, как отдаленные от крупных городских центров, труднодоступные и не менее трудно покидаемые северные поселковые сообщества понимают самих себя. В процессе поиска ответа на этот вопрос мне открылся целый мир — гетерогенный, противоречивый, исполненный тревог и надежд и, совершенно точно, — не сводимый к формуле водителя салехардского такси. Правильнее будет сказать, что мир повседневной жизни северных сел лишь приоткрылся мне. Нахождение в каждом из них было не столь продолжительным, как хотелось бы. С другой стороны, посещение сразу всех (за исключением Мыса Каменного) сельских поселений Ямальского района позволило увидеть общую картину коллективных культурных репрезентаций, анализ которых служит одним из ключей к вопросу о самопонимании локальных сообществ.

¹ «Тюмень — лучший город Земли» — официальный лозунг г. Тюмени.

Теория локального текста

Сообщества располагают достаточно широким арсеналом средств, чтобы заявить о том, «кто, по их мнению, они такие» [Warner, 1959, p. 118; Alexander, 2003, p. 93]. Если мы посмотрим на северный поселок как на знаково-текстовую среду, то увидим, что она насыщена заявлениями такого рода. С этой точки зрения пространство северного поселка, как, впрочем, и любого другого населенного места, представляет собой пространство самоидентификации, которое далее в соответствии с поставленной целью будет проанализировано как «локальный текст» северного села.

Термин «локальный текст» употребляется в трех основных значениях. Первое, наиболее распространенное, проистекает из работ В.Н. Топорова о «петербургском тексте», где под локальным текстом понимается сумма мотивов, идей, образов, значений, с которыми связывают тот или иной город (местность) в национальной культуре, прежде всего в литературе [Алексеевский и др., 2008b, с. 179]. Второе значение берет начало в кругу теорий, нацеленных на изучение символических и знаковых систем. Например, подходя к «локальному тексту» с позиций теории символизма Л. Уорнера, мы могли бы определить его как ценности и представления статусных групп, выраженные в используемых ими символах [Warner, 1959, p. 43]. Наконец, свое понимание «локального текста» предложили исследователи городского фольклора. «Локальный текст» определяется ими как «система ментальных, речевых и визуальных стереотипов, устойчивых сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо жилым местом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим местом» [Алексеевский и др., 2010, с. 19]. Далее термин «локальный текст» будет применяться в последнем, этнографическом, значении. Как видно, оно включает в себя второе значение как отдельный (символический) аспект «локального текста».

О.Н. Бурдакова и Е.Ю. Нымм выделяют следующие важные характеристики «локального текста»: 1) подвижность во времени (передается от поколения к поколению не в полном объеме, дополняется новой информацией); 2) многослойность, неоднородность (содержит ядро и периферию, на которой находятся «подтексты» или «субтексты», имеющие хождение среди представителей разных социальных, профессиональных сообществ и возрастных групп); 3) дискретность (не существует как связный текст, а бытует как набор хранящихся в памяти горожанина речевых формул, стереотипов, сюжетов, образов и т.д.) [Бурдакова, 2017, с. 118]. Кроме того, следует добавить такую характеристику «локального текста», как его полилогичность — это, в буквальном смысле, «речь многих», в которой есть свои адресанты и адресаты, каналы коммуникации, контексты и коды. В этой речи нас интересуют прежде всего дискурсы идентичности.

Поскольку любой локальный текст в силу присущих ему особенностей неисчерпаем (не случайно основной формой представления локальных текстов стали постоянно пополняющиеся словари [Алексеевский и др., 2008a, 2008b; Груздов, 2000; Милюгина, 2012; и др.]), мы не сможем проработать все аспекты локального текста (фольклорные, визуальные, ритуальные и т.д.) северного села в рамках одной статьи. Ограничимся анализом знаково-текстовой среды, сосредоточившись на ее интерпретации как своего рода проекционного экрана самовыражения и самоидентификации локального сообщества.

Модель знаково-текстовой среды северного села

В знаково-текстовой среде обследованных сел можно выделить несколько уровней (табл.).

Модель знаково-текстовой среды северного села

The model of sign-textual environment of the Northern community

Адресант	Форма высказывания	Адресат
Органы власти	Официальный плакат	Локальное сообщество
Компания	Стенография, стрит-арт	
Локальное сообщество	Граффити	Локальное сообщество/органы власти

Первый уровень: высказывания, адресантом которых являются органы федеральной/окружной/муниципальной власти, а адресатом — жители села. Сюда относятся, например, плакаты МЧС, призывающие соблюдать меры пожарной безопасности. В целом первый уровень знаково-текстовой среды является официальным, «строгим». Основные формы его бытования — плакаты, билборды и выложенные из кирпича надписи на фасадах капитальных домов (рис. 1).

Второй уровень представлен характерными для северных городов и поселков стенографией и стрит-артом. За полярным кругом яркие, живописные картины наносятся на фасады и стены домов, различные технические сооружения прежде всего для того, чтобы компенсиро-

«Яптик-сити»: в поисках идентичности северного села

вать дефицит цветового восприятия в зимнее время (примечательно, что северный стрит-арт все чаще выполняется флюоресцирующими красками) и внести разнообразие в привычный поселковый ландшафт. Сюжетную основу зафиксированных в ямальских селах стенографии и стрит-арта составляют преимущественно локальные истории и образы. Практически во всех случаях авторами художественных композиций являются профессиональные художники с «большой земли», работающие по заказу «шефствующей» над данным поселком крупной добывающей компании (далее — Компании), являющейся в данном случае основным адресантом. При этом Компания действует в тесном контакте с местными властями и инициативными группами, которые, таким образом, являются одновременно и со-адресантами, и адресатами высказывания. Художественная форма последнего исключает официальную строгость и вызывает у населения большой эмоциональный отклик. Наиболее удачные стенографические и стрит-артовые композиции являются элементом локального брендинга.

А

В

Рис. 1. Примеры официальной знаково-текстовой среды в пос. Панаевск (А) и Салемал (В), август 2017 г. (фото автора).

Fig. 1. The examples of official sign-textual environment in Panaevsk (A) and Salemal (B) August, 2017 (author's photo).

Третий уровень составляют многочисленные граффити — надписи и рисунки анонимных авторов — местных жителей. Важно подчеркнуть, что граффити — это высказывание «снизу», в котором наиболее четко выражаются самопредставления анонимного автора о самом себе и о своем сообществе [Маисеева, 2013]. На этом уровне власть и население меняются местами: теперь последнее является адресантом, а первая — получателем сообщения. Кроме того, как будет показано далее, граффити могут выражать альтернативные официальному варианты брендинга данного места.

Представленные в публичном пространстве сел Ямальского района высказывания окружных властей транслируют социальный оптимизм, подкрепляемый патерналистскими интенциями. Типичные высказывания этого ряда: «Ямал — территория знаний», «Ямал — территория перспективы» и т.п. Данные слоганы сопровождаются соответствующими визуальными образами (школьники за партами, дети — будущие летчики, врачи, механики). В целом Ямал позиционируется как благоприятное с точки зрения социальных условий место для жизни и работы. Прагматический подтекст этих высказываний становится еще более очевидным при соотнесении их с сохранившимися высказываниями позднесоветского периода. Так, на фасаде заброшенного производственного помещения Салемальского рыбозавода можно прочесть строки из стихотворения Александра Ойслендера «Вечер на базе» (1938 г.):

Кто сказал, что здесь задворки мира?
Это край, где любят до конца,
Как в произведениях Шекспира
Сильные и нежные сердца!

Для современного слоя знаково-текстовой среды ямальских сел романтические коннотации не характерны. Они обнаруживаются только в связи с упоминанием об истории населенных пунктов. Например: «Сеяха... Я помню, как все начиналось, не зря мы трудились, не зря!». Впрочем, этот единственный пример. Все другие высказывания ориентированы на настоящее и будущее, они подчеркивают исключаящую героическую нормативность жизни и работы на Ямале. В отношении конкретных сел официальные слоганы манифестируют локальный патриотизм. Типичные высказывания: «Я выбираю Салемал», «Панаевск — наш дом», «Новый Порт — мой дом родной», «Сеяха. Дом мой — Ямал мой! Мой мир, моя пристань!».

Рис. 2. Формула идентичности с. Новый Порт: «Ямальский Титаник» (А — фото автора; В — https://vk.com/new_port) и Мерзлотник (С — фото автора). Новый Порт, август 2017.

Fig. 2. Novy Port's Identity Formula: «Yamal Titanic» (A — author's photo, B — image: by https://vk.com/new_port) and Ice Cellar (C — author's photo). Novy Port, August, 2017.

На втором уровне знаково-текстовой среды формулы идентичности проявляются преимущественно в ярких образах стенографии и стрит-арта. Отчетливо выделяется морская (рыболовецкая) тематика. Следует сказать, что все обследованные села являются береговыми, все они в разной степени связаны в своем прошлом и настоящем с рыбным промыслом, везде имеются заброшенные и действующие причалы. Последние играют роль ворот села: летом здесь швартуются пассажирские теплоходы, а зимой здесь же останавливаются идущие по зимнику машины. Кроме того, в большинстве сел заметен явный поворот к своему waterfront [Worden, 1996] как своего рода фасаду села. В частности, это выражается в мероприятиях по благоустройству береговой зоны и даже созданию там пляжей. Наконец, как и везде на Севере, в ямальских поселках имеется значительное количество металлического лома, в том числе старые корабли. Настоящее корабельное кладбище есть в Салемале, старые катера ржавеют у причала в Панаевске. Одной из достопримечательностей с. Новый Порт является «ямальский Титаник» — полузатонувшая баржа. Здесь же местный предприниматель построил из старых,

«Яптик-сити»: в поисках идентичности северного села

перетащенных с берега в село барж целый торгово-жилой комплекс. Особое место в новопортовской формуле идентичности занимает Мерзлотник — памятник регионального значения, крупнейшее за полярным кругом рыбохранилище, выдолбленное вручную в вечной мерзлоте в 1950-е гг. Посещение Мерзлотника является обязательным пунктом культурной программы всех гостей Нового Порта. Из традиции приклеивать к стене внутри Мерзлотника монетки «на память» возникла идея самообозначения: из монеток стали выкладывать знаки, цифры и слова. Сначала появилась дата «1950–1960» и пятиконечная звезда, затем — надпись: «Мерзлотник», позже было выложено слово «Ямал» и изображение якоря, наконец — надпись «Новый Порт» (рис. 2).

Интересно, что оленеводческая тема в знаково-текстовой среде поселков представлена заметно слабее. Пожалуй, единственной явной отсылкой к ней является обнаруженный в с. Сеяха старый плакат с изображением оленя и надписью «Как олень гордо несет голову свою, так же высоко держи имя свое» (рис. 3). Такой тематический дисбаланс объясняется, на наш взгляд, определенной обособленностью поселковой жизни от тундровой. Примечательно в этой связи высказывание жителя одного из сел, молодого ненца: «Приезжайте к нам на День рыбака. День оленевода — это в основном праздник тундровиков, а День рыбака — наш, чисто поселковый». Это вовсе не значит, что все постоянные жители поселков связаны в настоящее время с рыбодобычей. Однако во многих поселках сохранилась память о своих рыбзаводах и рыболовных флотилиях, период расцвета которых отождествляется с «золотым веком» села. Таким образом, морская (рыболовецкая) символика выступает маркером поселковой идентичности, ее отличительным знаком.

Рис. 3. Образ оленя в знаково-текстовой среде с. Сеяха (А) и с. Новый Порт (В), август 2017. Фото автора.

Fig. 3. The image of Reindeer in sign-textual environment in Sejakha (A) and Novy Port (B), August, 2017. Author's photo.

Обратимся теперь к третьему уровню знаково-текстовой среды поселков — граффити как высказываниям «снизу». На этом уровне разворачиваются диалоги между властью и населением. Так, во многих поселковых магазинах товары продаются в долг, однако власти пытаются бороться с этой практикой. Поэтому в магазинах появляются объявления о запрете торговли в долг, а на стенах магазинов одновременно с этим — выразительные надписи «Дайте в долг». Особый интерес представляют граффити с. Панаевск. Многие из них направлены на брутализацию образа села, утверждение идеи его первенства и выражение преданности месту, стилистически созвучное выражению преданности «пацана» своему району. На въезде в село на стилизованной под чум стеле с надписью «Панаевск» выведено слово «рулит». Интересно, что множество брутальных граффити сконцентрированы вокруг капитального дома, на стене которого выложена кирпичная надпись «Панаевск — наш дом». Во дворе дома крупными буквами написано: «Господи, спаси и сохрани всех воров». Надпись закрашена, но текст прочитывается. На самом доме, со стороны подъездов нарисован оскаленный череп с воткнутым в него ножом, над подвалом в нескольких местах написано «Ментам запрещено». При этом видно, что слово «ментам» замазывалось и надписывалось снова. Во многих селах подвалы капитальных домов

служат местами сбора подростков. В одном из сел рядом с лазом в такой подвал написано «Добро пожаловать в рай».

Case study: «Новый Порт — это морская тема»

Исследователи городского фольклора, предложившие наиболее популярную среди российских социальных ученых модель изучения локальных текстов, отмечают, что в потоке работ, посвященных последним, совершенно нет таких, «в которых прослеживались бы пути формирования и функционирования локальных текстов и их составляющих», тогда как для развития теории локального текста «необходимы исследования, которые на материале отдельных фрагментов каких-либо локальных текстов детально прослеживали бы механику и логику их трансмиссии, трансформации и варьирования» [Алексеевский и др., 2010, с. 21]. Попытаемся хотя бы отчасти ликвидировать этот пробел, обратившись к исследованию кейса с. Новый Порт.

Когда мы говорим, что знаково-текстовая среда северного села есть форма заявления локального сообщества о самом себе, очевидно, что сообщество как таковое никаких заявлений не делает. Такие заявления делаются коллективными действующими лицами, которыми движут и идеальные, и материальные интересы, которые обладают особым дискурсивным талантом формулировать свои заявления — можно сказать, талантом «создавать смысл» в общественной сфере [Alexander, 2003, p. 94].

Новый Порт — несомненный лидер Ямальского района в области стенографии и стрит-арта. На мой вопрос, почему художественное уличное искусство получило такое развитие только в с. Новый Порт и с. Мыс Каменный, был дан исчерпывающий ответ: «Потому что только у нас есть Компания». Действительно, Компания «курирует» оба села, одно из которых (Новый Порт) является пунктом, через который осуществляется снабжение расположенного поблизости принадлежащего Компании месторождения, а другое (Мыс Каменный) — пунктом отгрузки добываемых на месторождении продуктов. Таким образом, Компания заинтересована как в социальном благополучии обоих сел, так и в их позитивном позиционировании в информационно-рекламном пространстве. Созданное специально для этой цели Управление Компании (далее — Управление) реализует множество программ, направленных на комплексное развитие своих «подшефных» территорий [Замятина, 2018, с. 43], в том числе проект Фестиваль уличного искусства «Стенография».

Стенография — для нас это настоящий инструмент, который стимулирует изменение пространства вокруг, да, появление ярких каких-то пятен и изменение отношения к самому поселку [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Руководитель Управления].

Наиболее полно идея проекта раскрывается в высказывании об обстоятельствах его возникновения и об ожидаемой реакции со стороны локального сообщества, которая, следует заметить, была именно такой, на какую авторы проекта и рассчитывали.

Я читал, где-то в каком-то западном зоопарке произошел случай: кто-то из животных на кого-то напал, на кого-то из посетителей, и люди перестали ходить в зоопарк. И они провели классную такую кампанию... на остановочках, где-то еще там они рисовали зверей — добрых зверюшек, то есть поменяли сознание... Эти вещи [стрит-арт] людей привлекают. Пойдем фотографуемся, пошлем подруге, в инстаграм выложим, то есть покажем, что Новый Порт — это не депрессивная территория [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Руководитель Управления].

Важно подчеркнуть, что проект «Стенография» является лишь одним из направлений широкой программы социальных инвестиций Компании, нацеленных на «создание среды, благоприятной для развития регионов деятельности компании». В комплексе этих мероприятий художественная стенография и стрит-арт призваны не просто украсить поселок, но придать смысл стремительному преобразованию еще недавно депрессивного северного села в поселок городского типа (пока больше по духу, чем по факту) и дать импульс для трансформации самосознания локального сообщества в сторону большей ответственности и социальной активности, «более позитивного отношения к собственному поселку», проще говоря, приблизиться к такому положению, когда социальное благополучие поселка будет делом самого поселка. Не случайно представители Управления отмечают как значимое достижение тот факт, что их стенография и стрит-арт не подвергается порче: «Радует, что никто поверх этого не старается что-то там нарисовать, дорисовать, какие-то там загогулины — для нас это важный такой показатель».

Это же не просто так мы решили — давайте поселок разрисуем. Вон там резервуары стоят — можно было бы просто банку гуашки нарисовать, как вот наши коллеги в Са-

бетте сделали. Ну, прикольно, поржали... Нет, хочется развить эту территорию [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Руководитель Управления].

Развитие «территории» невозможно без опоры на локальное сообщество, поэтому специальная команда Компании как создатель «смыслов» работает в тесном контакте с местным населением, поддерживает низовые инициативы, вовлекает жителей поселка в собственные проекты. Следует заметить, что Компания «входит» в ландшафт поселка очень аккуратно. Как и другие крупные добытчики, Компания маркирует «свою территорию»: в информационно-рекламном пространстве «подведомственный» населенный пункт всегда является лицом самого «ведомства», однако делается это ненавязчиво: «Мы стараемся не забивать рекламой, мы делаем очень аккуратно, мы просто используем стилистику, стилистику цветовую». Не в последнюю очередь такой мягкий подход обусловлен тем, что, хотя никто среди местного населения не сомневается, что скачок в развитии поселка связан с приходом Компании, в целом присутствие последней оценивается жителями Нового Порта неоднозначно. Наконец, в Компании постоянно подчеркивают, что Новый Порт — «поселок национальный», представляя его порою более экзотичным, чем он есть. Тем не менее развитие и укрепление с «национальным населением» «добрососедских» отношений, несомненно, является приоритетной задачей управления Компании по взаимодействию с локальными сообществами.

В небольшом поселке стенография гораздо заметнее, чем в городе... Если в больших городах много людей — много мнений, населения гораздо больше и его мнение, возможно, может быть, можно и опустить, здесь так нельзя. Потому что если рисунок не понравился, нам потом об этом говорят на каждом углу. То есть если рисунок не понравится, то, поверьте, народ здесь он очень любит свою землю, и они прямо об этом нам скажут [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Неудивительно поэтому, что к выбору эскиза рисунка и места его размещения Управление относится со всей серьезностью.

Объявляется конкурс эскизов, отбираются самые сильные работы... Нам присылали эскизы, которые мы сразу понимали — люди их не поймут, они были такие, как сказать, очень современные, может быть, они были передовые, но мы понимали, что это что-то не очень уютное для людей, которые живут здесь, и они воспримут это даже, наверное, как оскорбление... Например, там была гора и на нее в бинокль смотрел молодой человек, когда ты приглядывался, то понимал, что гора — это девушка, и она немножечко без одежды [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Затем отобранные эскизы обсуждаются с администрацией поселка и сотрудниками тех учреждений, на объекты которых планируется нанести стенографическое изображение.

Есть зоны, которые требуют какого-то развития, и есть выгодные зоны, на которых это размещение будет более воспринято, для создания атмосферы. Мы, безусловно, хотим украсить в первую очередь какие-то социально значимые объекты — школа начальная. Мы хотим сделать ярче новые дома. Понятно, почему эти объекты выбираются. Вот интернат, там детки круглый год живут, они должны видеть во дворе что-то яркое, красивое, хорошее, приятное. Очень важно, чтобы люди действительно видели эти объекты [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Наиболее тесное и наименее формализованное взаимодействие с местным населением по поводу стенографических образов возникает в процессе работы над последними уже непосредственно на объекте:

В процессе рисования есть обратная связь: люди постоянно подходят, что-то говорят, могут попросить что-то, могут сказать: «Темновато». Могут такое сказать. Художники слышат все, и мы тоже подходим, говорим им: «Темновато». Пока рисунок не завершен, там может вот этот процесс идти. Понятно, что рисунок остается в рамках эскиза, но что-то и меняется [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Сперва художница предлагала такую девочку сделать славянскую больше, потом в процессе она трансформировалась ближе там к каким-то ненецким мотивам, ну то есть она сохранила какие-то вещи, но, допустим, добавились у нее там элементы — заячьи ушки сверху там рисуются — одежда, она уже одяние ненецкое приобрела, то есть это стало более понятнее тем людям, которые здесь живут [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления].

Вместо солнца желтого должен был быть символ ненецкий, он похож на снежинку, но означает солярный знак. В общем солнце. Просто ненецкий напоминал снежинку. И нам, раз это школа, то вот и с учителями директор посоветовался, она сказала: «Слушайте, у нас и так снежинок много, мы не хотим снежинку, нам надо что-то солнечное». И мы поговорили с художником, художник, конечно, пошел навстречу [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Менеджер Управления] (рис. 4).

Рис. 4. «Детские мечты», Новый Порт.

Источник: https://neftegaz.ru/images/upload/2016/NP_Stenografia.jpg.

Fig. 4. «Child Dreams», Novy Port. Image by: https://neftegaz.ru/images/upload/2016/NP_Stenografia.jpg.

Другим вариантом вовлечения местных жителей в проект «Стенография» является работа со школьниками. Управление проводит конкурс детского рисунка. Наиболее интересные работы могут быть взяты за основу стенографического эскиза (именно так в с. Мыс Каменный появилась знаменитая жар-птица) или использованы в форме «малого стрит-арта». Последний представляет собой наиболее свободную форму самовыражения как для приезжих художников, так и для юных жителей села, пробующих себя в этом виде искусства в рамках специальных мастер-классов (рис. 5).

Рис. 5. Новый Порт, август 2017. Фото автора.

Fig. 5. Novy Port, August, 2017. Author's photo.

Таким образом, новопортовская стенография и «малый стрит-арт» являются продуктами взаимодействия Компании, художников и местных жителей. Такое взаимодействие дает воз-

возможность жителям поселка стать, по существу, соавторами рисунков, художникам привнести в свои работы «больше местного колорита», а представителям Компании «лучше почувствовать населенный пункт, где мы работаем».

Как уже было отмечено выше, новопортовская формула идентичности тесно связана с морской (рыболовецкой) тематикой. Далеко не случайно она же является ведущей и в новопортовской стенографии, и в «малом стрит-арте». Исходя из потребностей своих логистических схем Компания развивает портовую инфраструктуру села, реактивируя тем самым «морской» субтекст новопортовского локального текста. Этот «поворот к морю» фиксируется и в сюжетах спонсируемой Компанией стенографии. Наконец, нельзя не заметить мощный брендинговый потенциал самого названия села. Если вспомнить, что и основной продукт Компании именуется *Novy Port*, станет очевидно, что, вкладываясь в «морской» брендинг с. Новый Порт, Компания укрепляет собственные позиции в глобальном рекламном-информационном пространстве.

Новый Порт — это морская тема, потому что это Порт. Название — Порт, Новый Порт. И он был порт настоящий. И обилие старых судов говорит. Морская тема — это интересно, это морской путь, выход к Северному морскому пути. Опять же здесь рыбаки, здесь традиции рыболовецкие, здесь история — потомственные рыбаки и сетевязальщицы... Мы себя тоже, наш проект как морской воспринимаем. Почему? Наша логистика — это вода. Это первое. Второе — это транспортировка нефти Северным морским путем. Мы отличаемся от всех других компаний, которые здесь работают, тем, что у нас морская логистика. Это не просто сдача нефти в трубу, а здесь вызовы, ледовые все эти сложности, романтика! [ПМ Агапова, Новый Порт, 2018, Руководитель Управления]

Морской, точнее, рыболовецкий субтекст новопортовского локального текста обнаруживается и на уровне «низовых» высказываний в форме граффити. Так, на одном из воздухоотводов Мерзлотника имеется крупная надпись: «Новый Порт — Яптик-Сити». Яптик — название одного из родов ямальских ненцев [Квашнин, 2011, с. 52]. Однако, как объяснили местные жители, надпись отсылает не к роду, но к месту — расположенному в 220 км от с. Новый Порт поселку Яптик-Сале. Район Яптик-Сале — основное место обитания и добычи ряпушки, на сегодняшний день главного продукта Новопортовского рыбозавода [Матковский, 2009, с. 49, 56; Ощепков, 2015]. Таким образом, надпись указывает на зависимость Нового Порта от его промысловой базы. Впрочем, зависимость эфемерную, так как Новопортовский рыбозавод давно уже не является «градообразующим предприятием» села.

Заключение

Знаково-текстовая среда северного поселка формируется в процессе постоянно разворачивающегося диалога между «производителями смыслов», преследующими различные интересы и занимающими различные по своей силе позиции, каждой из которых соответствуют определенная форма выражения (официальный билборд, художественный стрит-арт, граффити) и нарративная стратегия. Своего рода скриншот знаково-текстового ландшафта северного села позволяет зафиксировать проявления официальной и низовой политик идентичности (первая часть статьи). Анализ конкретного случая производства локального текста (*case study*) показывает высокую степень условности такого различия. Здесь процесс производства локального текста, точнее, одного из его субтекстов раскрывается как сложное взаимодействие целого ряда акторов (Компании, Администрации, художника, местных жителей). В итоге коллективная культурная репрезентация места, его идентичность [Brubaker, 2004, p. 79], оказывается результатом ситуативного компромисса между ними. Иначе говоря, идентичность северного села является не какой-то данностью, требующей своего выражения, но зафиксированной нами здесь и сейчас «договорной» конструкцией, а в более широкой временной перспективе — лишь одним из возможных способов фреймирования и нарративного кодирования связанных с данным местом индивидуумами своего социального опыта и социального мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

ПМ Агапова М.Г., Ямальский район ЯНАО, 2017–2018.

Рис. 2В. «Ямальский Титаник». Источник: https://vk.com/new_port (17.06.2018).

Рис. 4. «Детские мечты». Источник: https://neftegaz.ru/images/upload/2016/NP_Stenografia.jpg (17.06.2018).

Литература

- Алексеевский М., Ахметова М., Лурье М. Исследования города // Антропологический форум. № 12. 2010. С. 16–25.
- Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Материалы к словарю локального текста Могилева Подольского / М. Алексеевский, // Антропологический форум. 2008а. № 8. С. 419–442.
- Алексеевский М., Жердева А., Лурье М., Сенькина А. Словарь локального текста как метод описания городской культурной традиции // Штетл, XXI век: Полевые исследования. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2008b. С. 179–209.
- Бурдакова О.Н., Нымм Е.Ю. Из опыта составления словарей локального текста городов постсоветского культурного пространства // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2017. № 2. С. 116–138.
- Груздов Е., Свешников А. «Хождение в народ»-2: Из опыта работы над «Словарем мифологии Омска» // Новое литературное обозрение. 2005. № 74. С. 431–445.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Российская Арктика: К новому пониманию процессов освоения. М.: ЛЕНАНД, 2018. 400 с.
- Квашнин Ю.Н. Названия родов в ненецкой топонимии // Антропологический форум. 2011. № 14-online. С. 23–66.
- Маисеева Е.В. Граффити провинциального города: (Коммуникативный подход) // Известия Саратов. ун-та. Сер.: Социология. Политология. 2013. №1. С. 41–46.
- Матковский А.К., Степанов С.И., Янкова Н.В., Вылежинский А.В. Состояние запасов рыб и перспективы промысла в водоемах Ямальского района Ямало-Ненецкого автономного округа // Науч. вестник ЯНАО. 2009. № 1 (63). С. 47–61.
- Милюгина Е.Г., Строганов М.В. Текст пространства: Фрагменты словаря «Русская провинция» // Лабиринт: Журнал социально-гуманитарных исследований. 2012. № 2. С. 42–60.
- Щецков К.А. «Новопортовский рыбозавод» // Ямальский район: Энциклопедия. Тюмень; Яр-Сале: Центр региональных справочных изданий ТюмГУ, 2015. С. 241–243.
- Alexander J. C. The meanings of social life: a cultural sociology. Oxford: Oxford university press, 2003. 296 p.
- Brubaker R. Ethnicity without Groups. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. 296 p.
- Warner J.W. The living and the dead: a study of the symbolic life of Americans. New Haven: Yale University Press, 1959. 528 p.
- Worden N. Contested heritage at the Cape Town waterfront // Intern. Journal of Heritage Studies. 1996. Vol. 2 (1–2). P. 59–75.

М.Г. Агапов

Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malugin st., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation
E-mail: magapov74@gmail.com

«YAPTIK-CITY»: A NORTHERN COMMUNITY IN SEARCH OF IDENTITY

The paper analyses the collective cultural representations (identities) of local communities, as well as the methods of framing and narrative coding of the social world in Northern rural communities. The research is based on the author's fieldwork conducted in the Yamalsky District of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug in July — August, 2017 and April, 2018. The basic theoretical approach employed is an ethnographic version of the Theory of Local Texts. A model of the sign-textual environment of the Northern rural community (sender — form of speech — addressee) is proposed, which specifies communication levels and respective identity formulas. This model has allowed the manifestations of official and lower identity politics to be determined. With regard to the dynamic aspect, the sign-textual environment of a Northern rural community presents itself as a constantly unfolding polylogue between «producers» of meanings who have different, varying in power, interests and positions. Each position correlates with a certain form of expression (official billboard, artistic street art, graffiti) and narrative strategy. Visualization of local identity formulas, the professional brand of a community and the formation and development of a presentation «clip» (graphic promotional merchandise) characteristic of Northern communities enriches their cultural landscapes and opens new channels for self-identification and self-expression to its members. In the second part of the research, the paper presents a case study, which is aimed at analysing an actual case of producing a local text in a typical Northern community «under the patronage», the Novy Port settlement. The paper reveals interaction mechanisms between the main subjects of local text production: «Chief» companies, Administrations, painters and local citizens. At the end of the paper, it is concluded that the collective cultural representation of a place results from a situational compromise between «producers of meanings». In other words, the identity of a Northern community is not merely something given that demands expression, but rather a «negotiated» construction recorded here and now. In a wider time perspective, it is only one of possible methods for the framing and narrative coding of social experience and social world by individuals connected to this place.

Key words: local text, identity, Yamal, northern community, street art, graffiti.

DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191

REFERENCES

- Alekseevskij M., Ahmetova M., Lur'e M. (2010). Urban Studies. *Antropologicheskij forum*, (12), 16–25.
- Alekseevskij M., Zherdeva A., Lur'e M., Sen'kina A. (2008a). Materials for Dictionary of the Local Text of Mogilev-Podolsky. *Antropologicheskij forum*, (8), 419–442.
- Alekseevskij M., Zherdeva A., Lur'e M., Sen'kina A. (2008b). A Dictionary of Local Text as a Method of Descriptive Analysis of Urban Cultural Traditions. *Shtetl, XXI vek: Polevye issledovania*, St. Petersburg: Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 179–209.
- Alexander J.C. (2003). *The meanings of social life: A cultural sociology*, Oxford: Oxford university press, 296 p.
- Brubaker R. (2004). *Ethnicity without Groups*, Cambridge, MA: Harvard University Press, 296 p.
- Burdakova O.N., Nymm E.U. (2017). Composing Local Text Dictionaries of the Cities of the Post-Soviet Cultural Space. *Al'manah severoevropskikh i baltijskikh issledovanij*, (2), 116–138.
- Gruzdov E., Svешnikov A. (2005). «Going among the people»-2: From the experience of Dictionary of the Omsk mythology. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (74), 431–445.
- Kvashnin U.N. (2011). Tribal Names in Nenets Toponymy. *Antropologicheskij forum*, (14-online), 23–66.
- Maiseeva E.V. (2013). Graffiti of Provincial Town (Approach of Communication). *Izvestia Saratovskogo universiteta. Ser. Sociologija. Politologija*, (1), 41–46.
- Matkovskij A.K., Stepanov S.I., Jankova N.V., Vylezhinskij A.V. (2009). Condition of the Fish Stocks and Perspectives of Extraction in watercourses of Yamalsky District of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. *Nauchnyj vestnik Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga*, (1 (63)), 47–61.
- Milugina E.G., Stroganov M.V. (2012). Text of Space: Experience of the dictionary «Russian province». *Labirint: Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*, (2), 42–60.
- Oshepkov K.A. (2015). Novy Port Fish-factory. *Yamal'skij rajon: Enciklopedia*. Tumen; Yar-Sale: Centr regional'nyh spravocnyh izdanij TumGU, 241–243.
- Warner J.W. (1959). *The living and the dead: A study of the symbolic life of Americans*, New Haven: Yale University Press, 528 p.
- Worden N. (1996). Contested heritage at the Cape Town waterfront. *Intern. Journal of Heritage Studies*, 2(1–2), 59–75.
- Zamjatina N.U., Piljasov A.N. (2018). *The Russian Arctic: Towards new concept of development*, Moscow: LENAND, 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Основные разделы «Археология», «Антропология», «Этнология», «Палеоэкология» включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника».

1. Рукопись статьи высылается в адрес редакции по e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru в виде одного файла Word, озаглавленного по фамилии автора, а также дополнительных файлов с иллюстрациями.

Рукопись должна включать:

а) сведения об авторе (авторах) статей: ФИО (полностью); место работы — название головной организации (подразделения не указываются); адрес учреждения: улица, № дома, город, почтовый индекс; e-mail; телефон;

б) название статьи;

в) аннотацию, в которой необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы, на русском языке;

г) ключевые слова;

д) основной текст работы (рекомендуется выделять цель работы; методику или методологию проведения исследований, если присутствует определенная новизна или оригинальность; результаты работы; основные выводы);

е) библиографический список;

ж) иллюстрации и подрисовочные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями). Иллюстрации высылаются в графических файлах, желательно в векторном формате, в одном слое, с разрешением более 300 dpi;

з) список сокращений.

В конце рукописи авторы представляют на английском языке:

— фамилии, имена авторов;

— место работы авторов (данные об аффилировании авторов author affiliation);

— адрес организации (улица, № дома, город, почтовый индекс);

— e-mail авторов;

— заглавие статьи;

— резюме (**2000–2500 знаков с пробелами**);

— ключевые слова.

Кроме того, в конце рукописи должен быть представлен список литературы («References») в романском алфавите (латинице) в хорошем качестве, с тем чтобы эти ссылки могли быть учтены при цитировании публикаций авторов и журналов. Для этого нужно воспользоваться автоматическим транслитератором на сайте «Convert Cyrillic»: www.convertcyrillic.com/Convert.aspx. Пошаговая инструкция по оформлению списка литературы на латинице находится на странице журнала: <http://www.ipdn.ru/rics/va>. Список «References» должен быть полным, включать и публикации из библиографического списка на европейских языках, не требующие транслитерации.

При предоставлении некорректных текстов на английском (название статьи, резюме, ключевые слова, переводы для списка «References») редакция отклоняет статью.

2. После ознакомления с содержанием статьи, оценки ее соответствия научным направлениям журнала, требованиям к оформлению статьи автору направляется ответ, в котором сообщается о возможности и сроках публикации, либо мотивированный отказ. После проведения внешнего и внутреннего рецензирования в течение 2–3 недель при наличии замечаний редакция направляет рецензию. После доработки статьи авторы направляют печатный вариант статьи по адресу: 625003, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС), редколлегия журнала. Между автором (соавторами) и главным редактором журнала «Вестник археологии, антропологии и этнографии» заключается лицензионный договор на право использования научного произведения в журнале.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список, транслитерацию) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 4–5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л.

4. **Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л., а также с нарушениями технических требований к оформлению статей, неадекватным переводом на английский язык не рассматриваются.**

5. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

6. Не допускается:

— производить табуляцию;
— выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
— форматировать заголовки, фамилии авторов (должны быть набраны обычным текстом), сам текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

7. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), фотографии, а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т. д.).

В подрисуночных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисуночных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

8. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

9. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

10. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих **латинских литер: a, b, c, d** и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.** Кроме того, следует указать DOI (при наличии соответствующих данных).

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984b, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Азатов М.Г. «Яптик-сити»: В поисках идентичности северного села // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 181–191. DOI 10.20874/2071-0437-2018-42-3-181-191.

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. С. 4–11. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Квашнин Ю.Н. К вопросу о личных именах и связанных с ними обычаях // Словцовские чтения — 2000: Тез. докл. и сообщ. науч.-практ. конф. Тюмень, 2000. С. 235–238.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Шилов С.Н., Рябинина Е.А. Комплекс памятников «Дачный» в системе взаимодействий культур раннего железного века на правобережье р. Миасс // Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы III регион. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. Челябинск, 2006. С. 102–105.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: New evidence from Europe // Journal of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

11. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан (с указанием — перед подписью — фамилии, имени и отчества полностью) каждым из авторов.

Плата за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ТюмНЦ СО РАН (ИПОС)

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68.

Адрес сайта: <http://www.ipdn.ru>

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭ РАН — Институт антропологии и этнографии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
ИЭ — Институт этнографии
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ПМ — Полевые материалы
ПМА — полевые материалы автора
РА — Российская археология
РАН — Российская академия наук
РГАЭ — Российский государственный архив экономики
СА — Советская археология
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры) АН СССР
СО РАН — Сибирское отделение РАН
УИВ — Уральский исторический вестник
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ФИЦ — Федеральный исследовательский центр
ХМАО — Югра — Ханты-Мансийский автономный округ — Югра
ЭО — Этнографическое обозрение

Учредитель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр
Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук

Сетевое издание

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 3 (42)

2018

Главный редактор
доктор исторических наук А.Н. Багашев

Редактор
Верстка
Художник
Перевод на английский
и редактирование

Е.М. Зах
М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
С.А. Иларионова
Н.Г. Попова

*Точка зрения авторов публикуемых материалов не всегда отражает точку зрения редакции.
При перепечатке материалов ссылка на статьи журнала
«Вестник археологии, антропологии и этнографии» обязательна*

Подписано в печать 28.09.2018. Уч.-изд. л. 22,1. Объем 19 Mb.
Минимальные системные требования: Pentium 330 МГц, ОС Windows 98 и выше,
ОЗУ 512 МБ, Internet Explorer, Adobe Reader 5.0 и выше

Адрес редакции: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86, тел. (3452) 406-360

E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Размещение журнала: <http://www.ipdn.ru>

ISSN 977-2071-0437-05

9 772071 043705

Тобольск. Базарный раскоп. находка из слоев торжища
середины XVIII — XIX в. Перстень (медь)

Тобольск. Базарный раскоп.
Находки из слоев, связанных с жилой застройкой
конца XVII — начала XVIII в. Монеты петровского периода (медь)